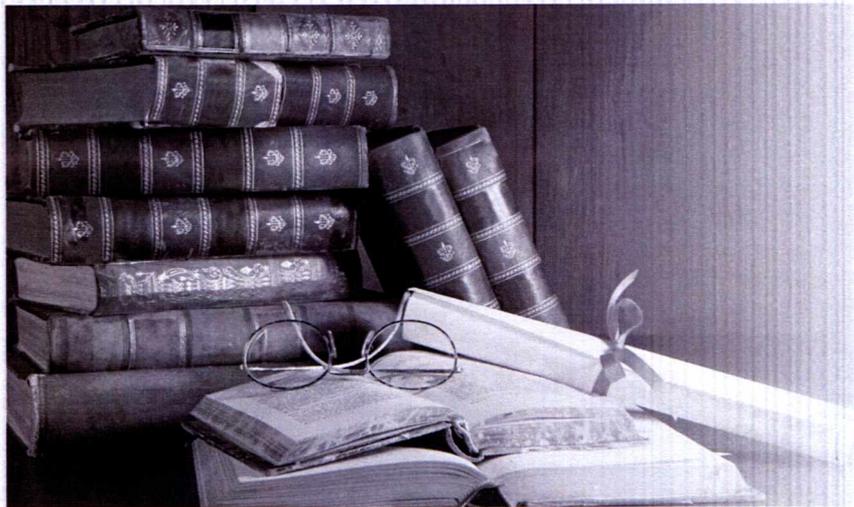

ISSN 2075-1613

Том 42

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2025

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2025 • Том 42

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.09.2025.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королёва (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 **Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»** : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машеро-
ва, 2025. — Т. 42. — 160 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Крадожён-Мазурова Е.М., Устюжанин В.Н. Лингвистические и педагогические идеи Н.В. Черемисиной на службе современной филологии	8
Мякшева О.В. Истоки лингвостилистического своеобразия устных текстов детей младшего школьного возраста	12
Ravlenko A.E. Multiple Modals as a Cross-Level Phenomenon of Syntax and Discourse (Focus on Northern Ireland)	18
Кураш С.Б. Образы языка как лингвокультурные идентификаторы и их репрезентации в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов	24
Звёздова Г.В., Володина И.В. Русские народные песни о реке: стилистические и ментальные черты	29
Воронцов В.А., Маслова В.А. Слово и дело	34
Зайцева И.П. Михаил Матусовский как переводчик	38
Муратова Е.Ю. Библейские мотивы в русской живописи и литературе	43
Николаенко С.В. Природа художественного: Витебск, его прецедентная база и культура нации	50
Зіманскі В.Э. Беларуская літаратурная афарыстыка: нацыянальна-гендарны аспект	55
Буров А.А., Бурова Г.П. Эвристика «Остановленного мгновения» духовного бытия в поэтическом тексте М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве» ...	61
Повалко П.Ю., Смолий Е.С. Потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи для сопоставления лирических произведений	68
Никитенко Т.В. Реализация семантического потенциала глаголов <i>висеть</i> , <i>виснуть</i> и их английских соответствий	75
Коваль В.И. Сказка о Красной Шапочке как генерирующий текст произведений постфольклора	81
Дружина Н.Л., Шаколо А.В. Метафоризация языковых единиц семантического поля «семья» в русском и белорусском языках	85
Алимпиева Е.В. Лингвопрагматические особенности газетного заголовка (на материале белорусских региональных печатных СМИ)	90
Сенькевич Т.В. Технологии трансляции бытового обрядового фольклора в устных женских рассказах брестского региона	96

СОДЕРЖАНИЕ

Теркулов В.И., Емельянова К.Ю. Проект «Русский язык в городах России и зарубежья»	101
Толкачёва К.Ю. Ремарочный пласт как компонент современной пьесы (на материале русской и британской драматургии XXI века)	106
Гладкова А.А., Слесарева Т.П. Репрезентация гастрономического кода в творчестве Владимира Короткевича	110
Зайцева И.П., Аршанская Е.Е. Своеобразие синтаксического оформления несобственно-прямой речи в романе “Persuasion” («Доводы рассудка») Jane Austen (Джейн Остен): сопоставление оригинального и переводного текстов	116
Прищепа М.М. Гендерный компонент в системе названий улиц городов Юго-Западной Англии	121
Солодовникова Т.В. Рекламная коммуникация в аспекте формирования ценностно-ориентированных структур национального самосознания	126
Степанов Д.А. Модель мира в современных русскоязычных средствах массовой коммуникации Республики Беларусь	131
Турковская Е.В. Стилистическое использование языковых средств в юридических документах (на материале немецкого языка)	136
Шеверинова О.В. Национально-культурные особенности названий произведений изобразительного искусства представителей Витебской школы живописи	141
Азарченко Г.Ю. Сравнительный анализ изменения сублимированных оценочных значений лексем русского и английского языков	148

CONTENTS

Philology

Kradozhen-Mazurova E.M., Ustiuzhanin V.N. Linguistic and Pedagogical Ideas of N.V. Chermisina Supporting Modern Philology	8
Myaksheva O.V. The Sources of Linguostylistic Distinctiveness in Primary Schoolchildren Oral Texts	12
Pavlenko A.E. Multiple Modals as a Cross-Level Phenomenon of Syntax and Discourse (Focus on Northern Ireland)	18
Kurash S.B. Images of Language as Linguocultural Identifiers and their Representations in the Metaphorical Continuum of Russian and Belarusian Poetic Texts	24
Zvezdova G.V., Volodina I.V. Russian Folk Songs about the River: Stylistic and Mental Features	29
Vorontsov V.A., Maslova V.A. Word and Deed	34
Zaitseva I.P. Mikhail Matusovsky as a Translator	38
Muratova E.Yu. Biblical Motifs in Russian Painting and Literature	43
Nikolayenko S.V. The Nature of Artistry: Vitebsk, Its Precedent Realities and the Culture of the Nation	50
Zimansky V.E. Belarusian Literary Aphorisms: the National-Gender Aspect	55
Burov A.A., Burova G.P. Heuristics of the "Stopped Moment" of Spiritual Being in the Poetic Text of M.L. Matusovsky's "Seventh Symphony in Moscow"	61
Povalko P.Yu., Smoliy E.S. The Potential of the Text Analysis Methodology in Terms of Speech Stylistics for the Comparative Study of Lyric Poetry	68
Nikitsenka T.V. Realization of the Semantic Potential of the Verbs <i>viset'</i> and <i>visnut'</i> and Their English Correspondences	75
Koval V.I. The Tale of Little Red Riding Hood as a Generating Text for Post-Folklore	81
Druzhina N.L., Shakolo A.V. Metaphorization of Linguistic Units of the Semantic Field of Family in Russian and Belarusian	85
Alimpiyeva E.V. Linguopragmatic Features of the Newspaper Headline (Based on the Materials of Belarusian Regional Print Media)	90
Senkevich T.V. Technologies for Transmitting Everyday Rite Folklore in Oral Women's Storytelling in Brest Region	96

CONTENTS

Terkulov V.I., Yemelyanova K.Yu. The Project “The Russian Language in the Cities of Russia and Abroad”	101
Tolkacheva K.Yu. The System of Stage Directions as a Component of the Modern Play (Based on Russian and British 21st-Century Drama)	106
Gladkova A.A., Slesareva T.P. Representation of the Gastronomic Code in the Creativity of Vladimir Korotkevich	110
Zaitseva I.P., Arshanskaya E.E. The Syntactic Distinction of Indirect Speech in Jane Austen’s Novel “Persuasion”: a Comparison of the Original and the Translated Texts .	116
Pryshchepa M.M. The Gender Component in the System of City Street Names in South-West England	121
Solodovnikova T.V. Advertising Communication in the Aspect of Shaping Value-Oriented Structures of National Self-Awareness	126
Stepanov D.A. Peace Model in Contemporary Russian-Language Mass Media of the Republic of Belarus	131
Turkovskaya E.V. Stylistic Use of Language Tool in Legal Documents (Based on German Language Material)	136
Sheverinova O.V. National and Cultural Features of the Titles of Works of Pictorial Art by Representatives of Vitebsk School of Painting	141
Azarchenko G.Yu. A Comparative Analysis of Changes in the Sublimated Evaluative Meanings of Russian and English Lexemes	148

К АВТОРАМ, ЧЬИ СТАТЬИ СОСТАВИЛИ ЭТОТ ВЫПУСК

Глубокоуважаемые коллеги, дорогие друзья!

Во-первых, приношу всем Вам сердечную благодарность за то, что Вы согласились принять моё предложение и, несмотря на чрезвычайную занятость каждого из Вас, подготовили необыкновенно интересные публикации.

Однако особо я хочу поблагодарить Вас за содержащуюся в подготовленных Вами статьях россыпь идей, которые просто фантастически расширили горизонты моих научных интересов. Мне было очень приятно не только обнаружить в Ваших статьях переключку с наблюдениями в моих работах, но и ознакомиться с Вашими «подсказками» о том, на что ещё стоит обратить внимание при осмыслении рассмотренной проблемы («подсказками» интересными, глубокими и вместе с тем облечёнными в весьма деликатную форму).

В публикациях профессоров Г.П. и А.А. Буровых (Ессентуки и Пятигорск), С.В. Николаенко и Е.Ю. Муратовой (Витебск), доцентов П.Ю. Повалко и Е.С. Смолий (Москва) это наблюдения, которые существенно расширяют возможности интерпретации поэтического текста и дискурса, процессы «рождения» каких изучены ещё явно недостаточно.

В статьях профессоров С.Б. Кураша (Мозырь), О.В. Мякшевой (Саратов), профессора А.Е. Павленко (Таганрог), доцента Т.В. Сенькевич (Брест), а также профессора Г.В. Звёздовой (Липецк) с её соавтором, И.В. Володиной, учителем русского языка и литературы одной из школ Липецкой области, развёрнуто проанализирован ряд параметров феномена «родной язык», образное осмысление которого представляется мне в сложившейся социокультурной ситуации одной из актуальных проблем, имеющей существенное значение и для образовательной деятельности, где мы все так или иначе принимаем участие.

В работах профессора В.И. Коваля (Гомель), доцента Т.В. Солодовниковой (Минск), профессора В.А. Масловой и доцента В.А. Воронцова (Витебск и Казань), профессора В.И. Теркулова и К.Ю. Емельяновой (Донецк), доцента О.В. Шевериновой (Витебск) детально, часто в необычном ракурсе, представлены

аспекты лингвистической науки, отличающиеся явным контактированием с иными гуманитарными дисциплинами. Помещённые в этих статьях наблюдения свидетельствуют об очевидной исследовательской ценности таких опытов, благодаря которым в современную эпоху интегративности наук создаются возможности и для более глубокого осмысления собственно лингвистических явлений и процессов, для выстраивания более детального перечня характеристик, определяемых при их рассмотрении.

Отдельная моя благодарность профессору В.Н. Устюжанину и доценту Е.М. Крадожён-Мазуровой (Санкт-Петербург) — моей «молочной сестре» (прошу простить меня за это выражение из аспирантского жаргона, обозначающее учеников одного научного руководителя, однако его коннотации в данном случае видятся мне весьма уместными). В их статье моя скромная научная деятельность связана с концепцией нашего с Е.М. Крадожён-Мазуровой Учителя — доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета **Нинели Васильевны Черемисиной**, бывшим моим научным руководителем при подготовке кандидатской диссертации, и (до своей кончины в 2001 году) научным консультантом при написании диссертации докторской. В ноябре этого года Нинели Васильевне исполнилось бы 100 лет.

Нижайший мой поклон Вам, дорогие коллеги, за ту присутствующую панорамность исследовательской мысли, отражённую в Ваших работах, за те перспективы изучения Его Величества Языка, которые в них содержатся!

Это, безусловно, «глоток воздуха» не только для меня, но и для моих учеников, статьи которых тоже вошли в настоящий выпуск «Учёных записок», и я надеюсь, что эти авторы оценят, как им в данном случае повезло: на заре своей исследовательской деятельности опубликовать свою работу в таком интеллектуально-пиршественном окружении — стоит очень многого!

Здоровья Вам, дорогие коллеги, новых успехов на Вашем благородном поприще!

*Заведующий кафедрой мировых языков
ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук, профессор
Ирина Павловна Зайцева*

ФИЛОЛОГИЯ

Лингвистические и педагогические идеи Н.В. Черемисиной на службе современной филологии

Крадожён-Мазурова Е.М., Устюжанин В.Н.

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации», Санкт-Петербург

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов методики преподавания русского языка как иностранного, отражённых в научных трудах доктора филологических наук, профессора Н.В. Черемисиной. Лингвистические и педагогические идеи исследователя, представленные в её работах 1970–1990-х годов, актуальны и сегодня. Обучение русскому языку как иностранному — востребованный сегмент современного высшего образования с учётом геополитической обстановки. Авторы публикации анализируют приёмы и методы, которые профессор Н.В. Черемисина предлагала при обучении русскому языку как иностранному на продвинутом этапе обучения, и оценивают их целесообразность и уместность в современных условиях.

Цель настоящего исследования — выявить, насколько актуальны лингвистические, дидактические и педагогические идеи Н.В. Черемисиной, представленные в её работах второй половины XX века, в современной практике преподавания русского языка как иностранного.

Материал и методы. В качестве материала анализа привлечены научные публикации последней трети XX века, объединённые проблемой преподавания русского языка как иностранного. При проведении исследования был использован ряд общенаучных методов, интерпретационный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. В результате анализа материалов, предложенных в работах Н.В. Черемисиной для обучения иностранных студентов (слушателей) русскому языку на продвинутом этапе подготовки, авторы статьи установили, что в современных условиях продуктивно использование понятия «сильные позиции текста» — при изучении композиции художественного произведения, подаче дидактического материала в лекционном курсе и курсе практических занятий. Следовательно, обращение к лингвистическому и педагогическому наследию Н.В. Черемисиной оправдано и целесообразно.

Заключение. Применение приёмов анализа текста, построение текстов разных типов с использованием подходов к композиции с опорой на сильные позиции текста весьма актуально и результативно на продвинутом курсе русского языка как иностранного и курсе повышенной сложности при обучении иностранных специалистов в аспирантуре (адъюнктуре). Методика компонентного анализа текста продуктивна при построении текстов, различных по стилю, жанру, то есть её можно оценивать как универсальную и рекомендовать к широкому использованию.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, приёмы и методы обучения, лингвистические идеи, сильные позиции текста, композиция.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 8–11)

Linguistic and Pedagogical Ideas of N.V. Cheremisina Supporting Modern Philology

Kradozhen-Mazurova E.M., Ustiuzhanin V.N.

Federal State Higher Education Establishment "Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia", St. Petersburg

The article is concerned with the consideration of some aspects of the methodology of teaching Russian as a foreign language, reflected in the scientific works of Doctor of Philological Sciences, Professor N.V. Cheremisina. Linguistic and pedagogical ideas of N.V. Cheremisina, presented in her works in the 1970–1990s, are still relevant today. Teaching Russian as a foreign language is a popular segment of modern higher education, considering current geopolitical situation. The authors of the article analyze techniques and methods that Professor N.V. Cheremisina proposed for teaching Russian as a foreign language at the advanced stage of education and assess their feasibility and relevance in modern conditions.

Адрес для корреспонденции: e-mail: krelena@mail.ru — Е.М. Крадожён-Мазурова

The research purpose is to identify how relevant the linguistic, didactic and pedagogical ideas of N.V. Cheremisina are. These ideas are presented in her works in the second half of the twentieth century, in a modern practice of teaching Russian as a foreign language.

Material and methods. Scientific publications of the last third of the twentieth century, united by the problem of teaching Russian as a foreign language were used as the analysis material. Several general scientific methods, interpretive and comparative methods were used in the study.

Findings and their discussion. As a result of the analysis of the materials proposed in the works of N.V. Cheremisina for teaching foreign students the Russian language at an advanced stage of training, the authors of the article established that in modern conditions it is productive to use the concept of "strong positions of the text" when studying the composition of a work of art, presenting didactic material in a lecture course and a course of practical classes. Therefore, turning to the linguistic and pedagogical heritage of N.V. Cheremisina is justified and appropriate.

Conclusion. The use of text analysis techniques and the construction of various types of texts through composition approaches that rely on a text's strengths are highly relevant and effective in advanced Russian as a foreign language courses, as well as in postgraduate (adjunct) studies for foreign specialists. This method of component text analysis is productive for constructing texts across different styles and genres, making it universal and suitable for wide application.

Key words: Russian as a foreign language, teaching methods and techniques, linguistic ideas, strong positions of the text, composition.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 8–11)

Столетний юбилей доктора филологических наук, профессора Нинель Васильевны Черемисиной в ноябре 2025 года — это не только повод воздать должное её педагогическому таланту, но и возможность оценить актуальность предложенных ею лингвистических методов и приёмов с позиции требований и подходов к современному преподаванию русского языка как иностранного.

Нинель Васильевна Черемисина (Ениколопова) своей жизнью подтвердила тезис о том, что талантливый человек талантлив во всём. У неё было природное меццо-сопрано, несомненный артистический дар: она одновременно поступила на филологический факультет и в театральную школу и начала учиться по обоим программам, но позже выбрала своей судьбой филологию, однако и здесь её всегда интересовала гармония звучащей русской речи. Это отразилось в ряде работ учёного: «Ещё раз о пределах действия звуковых закономерностей в русском языке» [1], «Ритмико-интонационная структура предложения в русской художественной речи» [2], «Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь» [3].

Цель настоящего исследования — выявить, насколько актуальны лингвистические, дидактические и педагогические идеи Н.В. Черемисиной, представленные в её работах второй половины XX века, в современной практике преподавания русского языка как иностранного.

Материал и методы. В качестве материала анализа привлечены научные публикации Н.В. Черемисиной, которые были написаны в 1970–1990-х годах. Авторы статьи обращаются к этим работам, так как они объединены проблемой преподавания русского языка как иностранного и восприятия его иностранными обучающимися. При проведении исследования был использован ряд общенаучных методов, интерпретационный и сопоставительный методы, обращение к методике компонентного анализа текста.

Результаты и их обсуждение. Нинель Васильевна Черемисина в своём научном творчестве всегда

тяготела к прикладной лингвистике, исследуя проблемы лингвистического пограничья на стыке науки и искусства. Сегодня очевидно, что данные работы во многом предвосхищали своё время: теория «золотого сечения» в композиции, воплощённая в шедеврах Леонардо да Винчи, была успешно применена Нинель Васильевной в анализе композиции пушкинских «Маленьких трагедий» и классических поэтических текстов рубежа XIX–XX веков.

Увлекаясь разработкой новых научных идей, Н.В. Черемисина щедро делилась ими со своими учениками, выстраивала траекторию их исследовательского роста. В её научной школе выросли доктора и кандидаты филологических наук. В Московском педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина подготовила и защитила свои вначале кандидатскую, а затем докторскую диссертации профессор Ирина Павловна Зайцева (Украина–Россия–Белоруссия), общественный деятель, в настоящее время заведующий кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, с благодарностью вспоминая своего научного руководителя. Научную школу Н.В. Черемисиной в Уфе прошла заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почётный работник высшего профессионального образования РФ, доктор филологических наук, профессор Райса Ханифовна Хайруллина. В Российской Федерации, научных центрах СНГ и дальнего зарубежья работают специалисты, подготовленные Н.В. Черемисиной. Один из авторов статьи тоже делал первые научные шаги в Москве и имел честь быть в числе аспирантов профессора Н.В. Черемисиной.

В рамках настоящей статьи авторы не ставят перед собой задач коснуться всех сторон научного наследия Н.В. Черемисиной. Мы предполагаем рассмотреть отдельные методы преподавания русского языка как иностранного, получившие разработку в трудах профессора Н.В. Черемисиной. Достижение данной цели обусловило задачи профессиональной подготовки специалистов-лингвистов, исследование

актуальности выдвинутых автором идей преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения.

Нинель Васильевна Черемисина не случайно стала одной из заметных фигур в разработке направлений преподавания русского языка как иностранного в последней трети XX века: жизнь диктовала ей выбор. Учёба в аспирантуре и защита кандидатской диссертации на Украине, в Харькове, а затем работа в 1954–1974 годах в Башкирском государственном университете, находящемся в столице Башкортостана Уфе, позволили приобрести большой опыт преподавания русского языка в национальной среде. В основе всех работ Н.В. Черемисиной по обучению русскому языку как иностранному был антропоцентрический подход. В её методике присутствует триада: *человек–язык–творчество* (художественный текст).

Постановка речи будущих преподавателей русского языка в национальной республике позволила Нинель Васильевне Черемисиной, обладавшей абсолютным музыкальным слухом, разработать весьма действенные методы корректировки фонетических недочётов в речи иностранных студентов и слушателей при освоении русского языка. Подходы к решению этой проблемы отражены в её работах, указанных выше. От отработки у обучающихся орфоэпических навыков учёный-педагог переходила к грамматическим, а затем ставила сверхзадачи перед теми, кто осваивал продвинутый курс русского языка как иностранного и курс повышенной сложности при обучении в аспирантуре (адъюнктуре).

Мы коснёмся в нашей статье ряда продуктивных приёмов преподавания курса лексикологии и стилистики при изучении русского языка как иностранного, предложенных Н.В. Черемисиной.

Речь в данном случае пойдёт о *сильных* позициях текста и отдельных *аспектах композиции* художественного текста — при безусловном постоянном учёте целостности художественного текста — словесно-художественной структуры, отличающейся в каждом конкретном случае несомненным своеобразием: «Целостность ныне выдвигается в качестве важнейшего принципа лингвистического анализа», — утверждает Н.В. Черемисина [4, с. 141].

Понимание композиции, структуры текста — важный момент в освоении неродного языка. В практике преподавания русского языка как иностранного большое внимание уделяется различным видам работы с текстом: *предтекстовой* (знакомство с вокабуляром, освоение ключевых слов), *притекстовой*, *затекстовой*, *послетекстовой*. Очевидно, что преподаватель много времени посвящает анализу текста. На этой базе, используя разнообразные методические инструменты, он учит построению связной речи, элементам пересказа и иным видам работы с текстом. Роль педагога-лингвиста состоит не только в анализе произведения, но и в тщательном отборе текстов для занятий. Тексты произведений, представленных в курсе

русского языка как иностранного, должны расширять кругозор обучаемых, знакомить с русской культурой и традициями, особенностями поведения носителей изучаемого языка, оказывать воспитательный эффект. Н.В. Черемисина в своих работах неизменно обращалась к классическим, то есть образцовым текстам А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, В.В. Маяковского, современных ей Б.Л. Пастернака, Р.И. Рождественского, поэтов-песенников С.Г. Острового, М.А. Дудина и др.

Профессор Н.В. Черемисина предложила расширить инструментарий преподавателя и обучающегося, применяя при анализе художественного текста понятие *композиционных приёмов* построения текста и сильных позиций произведения.

Исследуя в начале 80-х годов прошлого века свойство эмерджентности текста, то есть приобретение целостным текстом свойств, значений, которые отсутствуют у исходных слов и выражений, составляющих этот текст по отдельности, Н.В. Черемисина ставила задачу неформального филологического анализа текста. Так, катализатором процесса приращения смыслов художественного текста становятся сильные позиции текста, которые ярче всего проявляются при анализе поэтических произведений.

Идеи Н.Д. Арутюновой и И.В. Арнольд обрели в концепции Н.В. Черемисиной новое наполнение: ею был доказательно расширен список сильных позиций текста и описано их дидактическое значение в практике преподавания русского языка как иностранного [4]. Профессор Санкт-Петербургского государственного педагогического университета Ирина Владимировна Арнольд в своих работах, посвящённых стилистике декодирования текста, успешно развивала идеи значения сильной позиции для интерпретации художественного текста. К ним она причисляла заглавие, эпиграф, конец абзаца, главы, произведения [5].

В свою очередь, Н.В. Черемисина дополнила перечень сильных позиций текста, отнеся к ним, помимо указанных выше, имена собственные, нарицательные номинации главного героя, крылатые слова, рифмующие слова, речевые метафоры, теонимы, мифонимы, библеизмы, стиховые переносы, литературные реминисценции, лексические повторы, гармонические центры композиционных единиц, синтагматические ударения. При этом в поле зрения учёного всегда оставался человек, который должен понять текст и ради которого автор создал этот текст. Сильные позиции текста, по мнению Н.В. Черемисиной, создают связность текста (когезию), усиливают композицию. Идеи когезии весьма популярны и в зарубежной литературе 1970–1980-х годов; они исследованы, например, в англоязычной работе Майкла Александра Кирквуда Холлидея, посвящённой этому феномену [6].

Рекомендации по улучшению восприятия и усвоения текста иностранными обучающимися отражены во многих публикациях Н.В. Черемисиной, в частности, в уже цитированной книге «Лексикология

и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономия». «Особая запоминаемость сильных позиций существенно значима и дидактически: совершенно очевидно, что в “сильных позициях” на лекции и на практическом занятии целесообразно размещать наиболее информативные фрагменты учебной программы» [4].

Авторы статьи и их коллеги преподают русский язык как иностранный слушателям ближнего (СНГ) и дальнего зарубежья (страны Африки, Монголия, Вьетнам) и на протяжении ряда лет с успехом используют метод выявления и анализа сильных позиций текста. Особенно продуктивно его применение в ходе компонентного анализа текста, при заучивании наизусть и чтении русских поэтических текстов, песен. Глубоко проникая в содержание произведения при исследовании сильных позиций текста, студенты (слушатели) лучше интерпретируют стихотворение, песню, что отражается во время исполнения произведения. На протяжении ряда лет иностранные слушатели Санкт-Петербургского университета МВД России занимают призовые места на межвузовских конкурсах чтецов. Жюри отмечает технику исполнения, верную постановку синтагматического ударения, чёткое проговаривание рифмующих слов. Воспринимая тонкости оттенков русской речи при компонентном анализе текста, иностранные обучающиеся проникают в суть русской культуры. Воспитательный и педагогический эффект такой лингвистической работы очевиден.

Заключение. Анализ материалов, включённых в работы Н.В. Черемисиной по обучению иностранных студентов (слушателей) русскому языку на продвинутом этапе подготовки, позволил авторам статьи сделать вывод о том, что в современных условиях использование понятия «сильные позиции текста» оказывается весьма продуктивным при изучении композиции художественного произведения, выстраивании дидактического материала в лекционном курсе и курсе практических занятий. Сильные позиции текста — это компоненты композиции, они создают когезию (связность) текста, усиливают его запоминаемость, что особенно важно при обучении русскому языку иностранцев.

Следовательно, обращение к лингвистическому и педагогическому наследию Н.В. Черемисиной оправдано и целесообразно. Это подтверждается и опорой на работы профессора Н.В. Черемисиной

современных исследователей — например, О.В. Гайдуковой, которая в 2020 году защитила диссертацию «Методические приёмы оптимизации обучения лексике русского языка учащихся подготовительного факультета в языковой среде» [9].

Применение приёмов анализа текста, построение текстов разных типов с использованием подходов к композиции, для которых приоритетна опора на сильные позиции текста и присущая им стилистическая маркированность, весьма актуально и результативно на продвинутом этапе изучения русского языка как иностранного на современном этапе развития образования — прежде всего для курса повышенной сложности, преподаваемого при обучении иностранных специалистов в аспирантуре (адъюнктуре). Методика компонентного анализа текста продуктивна при построении текстов, различных по стилю, жанру, что позволяет оценить её как универсальную и рекомендовать к широкому применению в учебно-воспитательном процессе.

Литература

1. Черемисина, Н.В. Ещё раз о пределах действия звуковых закономерностей в русском языке / Н.В. Черемисина // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. — Пермь: Перм. ун-т [ПермГУ], 1964. — 243 с.
2. Черемисина, Н.В. Ритмико-интонационная структура предложения в русской художественной речи / Н.В. Черемисина // Учёные записки. Синтаксис и интонация: сб. ст. — Уфа: Башкир. гос. ун-т имени 40-летия Октября, 1969. — Вып. 1. — С. 233–248.
3. Черемисина, Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. / Н.В. Черемисина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1989. — 241 с.: нот., ил.
4. Протченко, И.Ф. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономия / И.Ф. Протченко, Н.В. Черемисина. — М.: Рус. яз., 1986. — 184 с.
5. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 444 с.
6. Halliday, M.A.K. Cohesion on English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. — London: Longman, 1976. — 394 p.
7. Гайдукова, О.В. Методические приемы оптимизации обучения лексике русского языка учащихся подготовительного факультета в языковой среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Ольга Владимировна Гайдукова. — М., 2020. — 200 л.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Истоки лингвостилистического своеобразия устных текстов детей младшего школьного возраста

Мякшева О.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов

Актуальность исследования связана с тем, что оно проводится на стыке нескольких научных парадигм в лингвистике: традиционной системно-структурной и сравнительно-сопоставительной парадигм, а также современной когнитивно-дискурсивной, онтолингвистической и психолингвистической парадигм. Объектом исследования является речь детей, которые только начинают полноценно общаться, в то время как цель — попытка описать структурную организацию создаваемых ими текстов и выявить источники формирования текстовой компетенции и дискурсивного мышления индивида.

Материал и методы. Исследовательский материал состоит из устных текстов девятилетнего мальчика, девятилетней девочки и семилетнего мальчика. Основными методами являются: системно-структурный, сравнительно-сопоставительный, лингвостилистический и контекстуальный анализ, дискурсивный анализ и метод лонгитюдного наблюдения.

Результаты и их обсуждение. В процессе наблюдения за речью детей в обозначенных аспектах было установлено, что развитие способности к созданию собственных текстов, помимо неоспоримой генетической предрасположенности, зависит от экстралингвистических факторов: возраста и пола ребёнка, его ближайшего социального окружения и источников контактов с миром (книги, театр, телевидение, музеи, школа, страна, дом, клубы, внеклассные занятия и т.д.).

Заключение. Проведённое исследование показало, что даже на этом раннем этапе процесс развития коммуникативной и текстовой компетенции индивида отражает особенности его языковой личности.

Ключевые слова: текст и его лингвостилистические особенности, дети младшего школьного возраста, системно-структурный метод, текстовая компетентность и дискурсивное мышление, развитие языковой личности.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 12–17)

The Sources of Linguostylistic Distinctiveness in Primary Schoolchildren Oral Texts

Myaksheva O.V.

Federal State Higher Education Establishment "N.G. Chernyshevsky National Research State University of Saratov", Saratov

The relevance of the study is tied to the fact that it is conducted at the intersection of several scientific paradigms in linguistics: the traditional systemic-structural and comparative-contrastive paradigms, and the modern cognitive-discursive, ontolinguistic, and psycholinguistic paradigms. The object of the study is the speech of children who are just beginning to communicate fully, while the goal is an attempt to describe the structural organization of the texts they produce and to identify the sources of the formation of an individual's textual competence and discursive thinking.

Material and methods. The research material consists of a nine-year-old boy's, a nine-year-old girl's, and a seven-year-old boy's oral texts. The primary methods are: systemic-structural, comparative-contrastive, linguostylistic and contextual analysis, discourse analysis, and the longitudinal observation method.

Findings and their discussion. In the process of observing the speech of children in the indicated aspects, it was found that the development of the ability to create their own texts, in addition to an undeniable genetic predisposition, depends on extralinguistic factors: the age and gender of the child, his closest social environment and sources of contact with the world (books, theater, television, museums, school, country, home, clubs, extracurricular activities, etc.).

Адрес для корреспонденции: e-mail: myaksheva.ov@gmail.com — О.В. Мякшева

Conclusion. *The study showed that even at this early stage, the process of development of the individual's communicative and textual competence reflects the characteristics of his linguistic personality.*

Key words: *text and its linguostylistic features, primary school-age children, systemic-structural method, textual competence and discursive thinking, developing linguistic personality.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 12–17)

Перенос центра тяжести современных лингвистических исследований с изучения системно-структурной устроенности языка («...Язык <...> есть замкнутое целое и даёт базу для классификации. Отводя ему первое место среди всех и всяких явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в такую область, которая иначе разграничена быть не может» [1, с. 23]), далее — системно-структурных особенностей его функциональных разновидностей (в работах лингвистов второй половины XX века: А.Н. Васильевой, М.Н. Кожиной, О.Б. Сиротининой, Д.Н. Шмелева и др.) в самый широкий контекст существования языка позволили, в частности, обратить внимание на специфику формирования языковой способности и дискурсивного мышления у детей.

Психолингвисты утверждают: «...нормальное овладение языком гарантировано детям до шестилетнего возраста, и с этого момента оно всё больше и больше ставится под угрозу <...> Вероятные причины этого — возрастные изменения в мозге, такие как уменьшение уровня метаболизма и количества нейронов на протяжении младшего школьного возраста» [2, с. 279]. Формирование знаний о языковой устроенности завершается, по их мнению, следующим: «Как только от окружающих взрослых были усвоены детали местного языка, дальнейшая способность к обучению (помимо усвоения лексики) будет избыточной» [2, с. 281].

За периодом освоения фонетики, лексики, грамматической устроенности языковой системы («стадия самонаучения языку как системе» [3, с. 307]) следует формирование способности к общению текстами, ребёнок вступает в фазу создания собственных текстов.

Актуальность исследования связана с тем, что оно выполнено в аспекте нескольких научных парадигм в лингвистике: традиционных системно-структурной и сравнительно-сопоставительной, современных, антропоцентрических по своей сущности, дискурсивно-когнитивной, онто- и психолингвистической. Объектом исследования являются устные спонтанные тексты детей, только вступающих полноценно в речевую коммуникацию, а целью — попытка описания речевой устроенности создаваемых ими текстов и на этой основе выяснения природы формирования у ребёнка текстовой компетенции и дискурсивного мышления.

Материал и методы. Материалом исследования послужили устные спонтанные тексты девятилетних мальчика и девочки и семилетнего мальчика,

созданные детьми после прогулки к берегу реки Волги на основе визуального материала, названного нами «Приключения сомика». Выбор визуального материала в качестве источника создания текста обоснован таким мнением относительно особенностей формирования целостных речевых произведений детьми младшего школьного возраста: «Без опоры на наглядно созерцаемые или воображаемые факты или явления ребёнок ещё не в состоянии строить речевые произведения, содержащие текстовые смыслы» [3, с. 307]. Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются: давно и надёжно зарекомендовавшие себя системно-структурный и сравнительно-сопоставительный, современные — лингвостилистического и контекстуального анализа, дискурс-анализ, методика лонгитюдных наблюдений.

Результаты и их обсуждение. Назовём авторов созданных рассказов: девятилетние Андрей и Варя, семилетний Толик. Варя и Толик — родные брат и сестра, Андрей — их двоюродный брат.

Начнём с текста Толика, поскольку именно в нём фактическая информация, раскрывающая тему, составляет основу повествования: *Мы с бабушкой / Андреем и Варей шли по... / набережной и увидели / как змея тащит сомика на берег // и мы... / бабушка решила что / надо спасти сомика и сказала чтоб мы кидали камни // мы кидали а... // и потом змея уползла а бабушка толкнула сомика в воду и он поплыл дальше.*

Проведём лингвостилистический анализ текста, расширяя его «почему»-составляющей (то есть используя так понимаемый нами дискурс-анализ). Текст состоит из 4 высказываний. В первом из них в форме сложноподчинённого предложения с придаточным изъяснительным *мы с бабушкой Андреем и Варей шли по... / набережной и увидели / как змея тащит сомика на берег* даётся исходная информация, порядок слов объективный, нейтральный, изобразительный элемент в описании, безусловно, не сознательно с точки зрения стратегии текстообразования, но интуитивно обоснованно, выражен употреблением глагола (*тащит*) в форме настоящего, а не прошедшего времени, так называемого «настоящего живого описания». Далее наблюдаем самоперебив (*и мы*), и, вместо продолжения описания ситуации, мальчик вводит аргументирующую к дальнейшему поведению детей фразу (*бабушка решила что / надо спасти сомика и сказала чтоб мы кидали камни*). В последней части этого высказывания не замещена позиция дополнения-обстоятельства *в змею*, для ребёнка это кажется очевидным, читатель же воспринимает

не вербализованный в тексте смысл из первого придаточного (*надо спасти сомика*).

В следующем высказывании в форме двусоставного предложения с субъектом — *мы* (то есть дети) констатируется длительное действие в форме глагола несовершенного вида прошедшего времени *кидали* (замечу, что бабушкой был употреблен другой глагол — *бросайте*, ребёнок выбрал более употребительный в детской среде). Текст заканчивается высказыванием из цепочки предикативных частей, связанных последовательной связью с временной и причинно обусловленной зависимостью, представляющих собой двусоставные структуры с субъектами и их действиями, последовательно: *змея уползла; бабушка толкнула сомика в воду; он поплыл дальше*.

К.Ф. Седов, проведя психолингвистические эксперименты с тремя группами детей школьного возраста: 6–7, 10–11, 15–16 лет, пришёл к выводу, что в группе 6–7 лет подавляющее количество детей (97%) при составлении рассказа по картинке создали речевое образование «из набора не связанных между собой, но связанных с изображаемой в тексте ситуацией предложений» [3, с. 267]. Нам представляется, что семилетний Толик, используя рассмотренные выше структуры для логичного развёртывания мысли, допуская эллипсис объекта — обстоятельства («в змею»), соблюдая видо-временную соотнесённость глагольных форм (за исключением глагола настоящего времени «живого описания»), строго проводя местоименную замену: *мы с бабушкой, Андреем и Варей — мы; сомика — он*, создал композиционно завершённый текст. Межфразовый коннектор — местоименное наречие *потом* — в последнем высказывании, подчёркивающий временную последовательность событий, является косвенной приметой завершения текста.

Однако стоит указать на неточности отображения ситуации, связанные с не всегда верным выбором лексем, которые демонстрируют ещё недостаточный опыт в использовании имеющегося в ментальной матрице ребёнка лексикона (здесь уместно напомнить мнение С. Пинкера о том, что постижение лексики продолжается у ребёнка и после шестилетнего возраста, в отличие от освоения других языковых уровней [2, с. 281]). Дети шли не *по набережной* Волги, а по её берегу. Возможно, выбор словоупотребления *по набережной* связан с тем, что эти дети часто гуляют по набережной Волги в любое время года, поэтому лексема *набережная* находится у них в актуальной части лексической матрицы. На берег Волги за городом дети выбрались впервые за шесть предшествующих месяцев, только в мае. Не совсем точным можно считать употребление глагола *уползла* (*змея уползла*), в действительности она уплыла, но ребёнку, страстно увлекающемуся изучением фауны (например, по внешнему виду и особенностям поведения он легко отличит бизона от овцебыка), сочетание номинации пресмыкающегося с глаголом *ползти* в спонтанном высказывании оказалось более уместным.

Второй устный спонтанный текст принадлежит девятилетней девочке Варе: *Ну вот так / мы шли / на Волгу чтобы побросать камешки / но увидели мы змею и маленького сомика // змея хо... тащила сомика на берег // сначала мы просто смотрели / что будет // а потом нам стало сомика жалко и мы начали в змею бросать камни // в итоге змея уплыла а сомик лежал // бабушка его чуть-чуть палкой отодвинула и он поплыл ну к себе домой в Волгу / и живой остался / вот как мы спасли сомика // конец!*

В тексте Вари 9 высказываний, причём первое и последнее являются обрамляющими основную информацию, то есть выполняющими метатекстовую роль: *Ну вот так; конец*. К.Ф. Седов считает, что употребление таких текстовых единиц — показатель формирования дискурсивного мышления [3, с. 267].

Перейдём к лингвостилистическому анализу текста. Первое из отражающих фактическое содержание текста высказывание — полипредикативное, союзное с подчинительной (придаточное цели (*чтобы побросать камешки*) и сочинительной (с отношениями противительно-уступительными: *мы шли / на Волгу, чтобы побросать камни но увидели мы змею и маленького сомика*). Субъектами высказываний являются бабушка и дети (*мы*), объектами — *сомик и змея*. Второе — монопредикативное, с субъектом *змея*, её действием *тащила* с указанием на конечный пункт движения — действия *на берег*. Третье полипредикативное снова возвращает к субъекту восприятия *мы* (*мы смотрели*) с указанием в придаточном на гипотетическое развитие ситуации (*что будет*). Далее в тексте употреблён коннектор связи *а потом* (указание на временную последовательность событий) и безличное предложение, характеризующее душевное состояние наблюдателей (*нам стало сомика жалко*) и мотивирующее дальнейшие действия: *мы начали в змею бросать камни*. Пятое высказывание с коннектором *в итоге*, содержащим семантику логического разрешения ситуации, имеет в качестве входящих предикативных единиц сначала двусоставное с субъектом *змея* и действием — движением *уплыла*, затем — двусоставное с субъектом *сомик* и сказуемым со значением местоположения в пространстве *лежал*. Шестое полипредикативное высказывание с сочинительным соединительным союзом *и* между частями содержит в монопредикативных частях две информации: действия бабушки, которая *его чуть-чуть палкой отодвинула*, и сомика: *он поплыл ну к себе домой в Волгу*. Думается, распространители *к себе домой в Волгу* выражают не только фактическую информацию, но передают субъективно-модальное значение — счастливого для сомика разрешения ситуации, что подтверждается употреблённой Варей присоединительной структурой: *и живой остался*. Седьмое высказывание является оценочным, характеризующим действия детей как их нравственный поступок: *вот как мы спасли сомика*. Кстати, интересно, что смысл ‘спасение сомика’ у Толика был выражен, что соответствовало действительности,

как желательный в устах бабушки (*бабушка решила что / надо спасти сомика*), а у Вари фраза *вот как мы спасли сомика* является уже результатом «скрытых (латентных) механизмов внутренней речи, управляющих порождением и пониманием устных дискурсов» [3, с. 265]. Порядок слов в основном нейтральный, но встречается характерный для разговорной речи более свободный вариант: *а потом нам стало сомика жалко* (вместо *нам стало жалко сомика*; *и мы начали в змею бросать* камни (вместо *бросать в змею*)).

Если говорить о характеристике текста в отношении передачи фактической точности в изображении ситуации, её полноты и «сопутствующих» мыслей, то здесь наблюдаем как общее с Толиком: *мы шли / на Волгу; увидели мы змею и <...> сомика; змея хо... тащила сомика на берег; мы начали в змею бросать камни; змея уплыла; бабушка его <...> отодвинула; он поплыл*, — так и некоторые отличия. Они касаются того, что девочка расширила информацию: указала на цель похода (*чтобы побросать камешки*), уточнила поведение наблюдателей: *сначала мы просто смотрели / что будет*, обозначила отношение к герою рассказа — сомику: *нам стало сомика жалко* и роль детей в дальнейшей судьбе рыбки: *и живой осталась / вот как мы спасли сомика*. Необходимо указать и на то, что в рассказе Вари, в отличие от рассказа Толика, имеются слова — уточняющие характеристики героев повествования (*маленький сомик*) и их действий (*чуть-чуть отодвинула*). Эти распространители не только конкретизируют информацию, но и выражают отношение девочки к отображаемому: в семантике выбранного прилагательного *маленький* содержится элемент сочувствия к нему, то же сочувствие угадывается в наречии *чуть-чуть* в сочетании с глаголом *отодвинула* — отображение бережного отношения к пострадавшей рыбке.

Интересным представляется и выбор Варей интонационного рисунка фраз устного текста: сказительный, с ярким волнообразным интонированием концов синтагм (*мы шли / на Волгу(!) чтобы побросать камешки!* / *но увидели мы змею(!) и маленького сомика(!) // змея хо... тащила сомика на берег(!)* и т.д. Сказительность поддерживается повтором (*мы – мы*), заключительное *конец!* произнесено с ударением на каждом слоге, на высокой, немного игривой ноте. Этот дискурсив композиционно завершает текст и меняет его субъективно-модальную тональность с сочувствующей на беспечно-веселую ('выполнена работа, можно отдыхать').

Примеров неточного употребления слов в тексте Вари не обнаружено, мы связываем это с тем, что Варя вступила в фазу активного речевого общения с окружающими к году, Толик — в два с половиной года [4, с. 7–16; 23–52]. Думается, что более длительная у Вари речевая практика могла повлиять на её качественную «внешнюю» речь.

Перейдём к анализу устного текста Андрея, сначала приведём его целиком: *26-е мая // побережье*

Волги // мы / я / Варя / Толик и моя бабушка / сидели на берегу Волги // солнечные часы / если бы они были / показывали где-то 3 часа дня // потому что я точное время не мог вспомнить // Варя с Толиком делали башенку из песка и камешков / я кидал блинчики // ещё немного и превращусь в котлету по-киевски без гарнира // и тут я заметил странное существо приближающееся к берегу // баба Варя Толик идите сюда / закричал я // ну мы разобрались что это Уж / который схватил сомика и тащит его на берег / и хочет позавтракать // мы с Варей и Толиком / когда уж подплыл к берегу / мы с Варей и Толиком начали в него кидать камушки // он испугался и убежал // мы подошли к сомику и начали его осматривать // он был... бабушка предложила отправить... / взять его и сделать из него уху / но мы не согласились / а Толик сказал / что он и так много всего пережил / и мы его отпустили.

В тексте Андрея 11 высказываний. Ребёнок, как представляется, уже с первых фраз — номинативных предложений, близких к именительным темы (*26-е мая // побережье Волги*), — пытается создать оригинальный текст и выйти за пределы простого словесного изложения увиденного.

В основном в тексте употреблены высказывания, содержащие фактическую информацию, однако в более расширенном варианте, чем в двух предыдущих рассказах, например: *Варя с Толиком делали башенку из песка и камешков / я кидал блинчики; мы подошли к сомику и начали его осматривать; тут я заметил странное существо приближающееся к берегу*. Иногда эта информация сопровождается додумыванием будущих событий: *который схватил сомика и тащит его на берег / и хочет позавтракать*.

Эти высказывания структурно представляют собой сложноподчинённые с придаточными: изъяснительными *ну мы разобрались что это уж; Толик сказал / что он и так много всего пережил / пережил; определительным это уж / который схватил сомика и тащит его на берег / и хочет позавтракать; обстоятельственным времени мы с Варей и Толиком / когда уж подплыл к берегу / мы с Варей и Толиком начали в него кидать камушки; сложносочинённые, с противительным: бабушка предложила отправить / взять его и сделать из него уху / но мы не согласились; соединительно-результативным: а Толик сказал <...> / и мы его отпустили: бессоюзные: // Варя с Толиком делали башенку из песка и камешков / я кидал блинчики; мы с Варей и Толиком начали в него кидать камушки / он испугался и убежал; мы подошли к сомику и начали его осматривать и т.д.; монопредикативные, например: мы / я / Варя / Толик и моя бабушка / сидели на берегу Волги. Строго соблюдена в них видо-временная соотносённость глагольных форм (кроме оживляющих повествование форм глаголов «живого описания»: *это уж / который схватил сомика и тащит его на берег / и хочет позавтракать*), местоименная замена (напр.:*

что это *Уж / который схватил сомика и тащит его на берег /*), порядок слов нейтральный.

Особенностью текста Андрея является употреблённые в нём структуры, разнообразящие синтаксис повествовательного текста. Во-первых, это высказывание с прямой речью (*баба Варя Толик идите сюда / закричал я*), во-вторых, элементы, привносящие в текст субъективно-модальные смыслы. Первая вставка *солнечные часы / если бы они были / показывали где-то 3 часа дня* демонстрирует достаточно широкий для этого возраста кругозор ребёнка, следующая *потому что я точное время не мог вспомнить* отражает скрытые механизмы внутренней речи при обработке визуальной информации в словесную и её обдумывании. Эта фраза, вероятно, «вынута» из внутренней речи, ещё линейно не обработана и, предполагаем, содержит объяснения того, почему не указано, наряду с датой, точное время прогулки. Вставка *ещё немного и превращусь в котлету по-киевски без гарнира* содержит по-детски наивное, но уже стремление быть интересным. Эта вставка, в основе которой лежит образное сравнение, грамматически и интонационно выбивается из ткани повествования: первая часть (*ещё немного и*) представляет собой динамичную «приставку» разговорной окраски, глагол *превращусь* употреблён в форме будущего времени, наблюдаем эллипсис подлежащего.

Только в тексте Андрея встречается причастие, не характерное для устной спонтанной речи: *существо приближающееся к берегу*. Андрей в процессе строительства своего языка более всех детей тяготел к употреблению «книжных» оборотов (подробнее об этом: [4, с. 76–90]). Последний фрагмент текста, плотный по смысловой нагрузке и отражающий затруднения в подборе слов: *бабушка предложила отпавить... / взять его и сделать из него уху / но мы не согласились / а Толик сказал / что он и так много всего пережил / не пережил // и мы его отпустили* — вероятно, демонстрирует стремление уже уставшего от интеллектуальной работы ребёнка закончить рассказ. Актуализация информации о предложении бабушки, скорее всего, связана с тем, что оставила травмирующий след в его памяти.

Заметим повтор с разным ударением глагола при цитировании фразы Толика: *пережил / не пережил*, доказывающий требовательность Андрея к ясности собственной речи. По всей видимости, ребёнок почувствовал, что при первом варианте ударения слушающими может быть воспринят иной смысл: «пережить» — 1. ‘Прожить дольше кого-, чего-л.’ (а не тот, который он стремился передать: 5. ‘Найти в себе силы перенести что-л., выдержать, вытерпеть’¹).

Стремление создать выразительное речевое произведение отразилось в том, что нередко перед новым высказыванием Андрей делал длинные паузы,

а также не всегда сразу и точно подбирал слова (*побережье Волги* вместо «берег Волги»; об уже — он испугался и убежал вместо «уплыл»; *сделать из него уху*). Выбор глагола в фразе *сделать из него уху* (вместо *приготовить*) отражает небольшой опыт ребёнка в речевой среде, связанной с кулинарией.

Обратим внимание на то, что Андрей единственный последовательно называл змею ужом. Объяснения тому мы можем дать следующие: во-первых, Андрей всегда в период освоения языка как системы стремился к точности выражений (см. об этом: [4, с. 85]), во-вторых, даже само употребление слова *змея* при рассказе об увиденном ему кажется опасным, устрашающим: он проводит много времени на даче, где иногда появляются змеи, и давно выяснил, что это безобидные ужи, и этим всегда себя успокаивал.

Некоторые речевые черты рассказа Андрея могут быть поняты, если принять во внимание то, что Андрей — единственный ребёнок в семье: в его тексте активно используется местоимение *я* (*я* — 5 раз, *мы* — 7 раз), у Вари и Толика — только *мы*, в их семье трое детей. Подобным аргументом можно объяснить и выбор притяжательного местоимения *моя* (вместо *наша*) в следующем фрагменте: *мы / я / Варя / Толик и моя бабушка / сидели на берегу Волги*.

Заключение. Проведённое исследование продемонстрировало, что формирование способности к созданию собственных текстов находится, помимо не подвергаемой сомнению сфере генетической обусловленности, под влиянием экстралингвистических факторов: возраста и пола, ближайшего окружения (инпута), источников контакта с миром (школа, книга, театр, телевидение, музеи, кружки и секции и т.д.).

Системно-структурный метод, который являлся базовым в данном исследовании, на наш взгляд, демонстрирует то, как эффективны для текстового анализа его результаты. Следование детальной языковой интерпретации речевого материала при расширении аргументационной составляющей анализа позволяет результативно двигаться в направлении постижения языковых механизмов, работающих при создании текста и помогающих проникнуть в тайны мыслительной деятельности человека.

Именно этот метод дал возможность объяснить, например, усложнение с возрастом синтаксиса повествования, ср. у Толика и Андрея (о роли возрастного фактора см.: [5]), введение девочкой в линейный ряд структур с семантикой изложения фактической информации личностно-модальных смыслов сочувствия, жалости (*нам стало сомика жалко; живой остался; вот как мы спасли сомика, маленький сомик, чуть-чуть отодвинула*).

Если обратить внимание на лексикон текстов, то, например, предметная «картинка» текстов Толика и Андрея вполне убедительно показывают формирование с возрастом дискурсивного мышления. В тексте Толика предметный ряд номинаций в объектно-субъектных синтаксических позициях (кроме

¹Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецова. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — С. 508.

имён собственных) таков: *бабушка, набережная, змея, сомик, камни, вода*; у Андрея уже несколько иной: *побережье, бабушка, солнечные часы, башенка, песок, камешки, котлета по-киевски, существо, сомик, уж, уха*.

Нельзя не указать на то, что всякий текст является отражением языковой личности индивида. Размышляя об аутентичном художественном тексте как источнике сведений об этнической и культурной идентичности личности, И.П. Зайцева и И.А. Соловьёва пишут: «При коммуникативно-речевом взаимодействии с другими членами социума <...> любая личность практически всегда в той или иной мере демонстрирует собственную культурную и / или этническую идентичность, что, как правило, находит отражение в идентичности языковой, которую, как представляется, точнее обозначить как лингвокультурная идентичность. Такого рода идентичность воплощается в речевом “оформлении” коммуникативно-речевого процесса, причём не только в выборе собственно языка коммуникации, но и в характере использования образных средств <...>» [6, с. 55–56].

К.Ф. Седов, рассматривая пути развития дискурсивного мышления человека, акцентирует внимание на том, что это процесс, «сопровождающий социально-интеллектуальное становление личности, в котором в ходе интериоризации внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается всё большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов» [7, с. 237].

Лингвостилистический анализ текстов детей показал, что уже в младшем школьном возрасте форми-

руется языковая личность ребёнка, а существование внешнеречевых и внутриречевых форм доказывается всякого рода отступлениями от нормы при формировании ребёнком собственного текста.

Литература

1. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — URL: <https://urait.ru/bcode/564393> (дата обращения: 04.09.2025).
2. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 456 с.
3. Седов, К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф. Седов. — М.: Изд. дом «ЯСК», 2016. — 440 с.
4. Мякшева, О.В. «Мне не до смеха — мне до страха» (речевое развитие ребёнка от первого слова до семи лет) / О.В. Мякшева. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2022. — 112 с.
5. Байкулова, А.Н. Текст и уровень развития языковой личности / А.Н. Байкулова // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. — Вып. 27. Человек и текст. — С. 196–200.
6. Зайцева, И.П. Аутентичный художественный текст как источник сведений об этнической и культурной идентичности личности / И.П. Зайцева, И.А. Соловьёва // Специфика преподавания родного и неродного языков в различных коммуникативно-речевых средах: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.П. Зайцева (гл. ред) [и др.]. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 62–71. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/45166> (дата обращения: 04.09.2025).
7. Седов, К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека: учеб. пособие / К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2008. — 320 с.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Multiple Modals as a Cross-Level Phenomenon of Syntax and Discourse (Focus on Northern Ireland)

Pavlenko A.E.

A.P. Chekhov Institute of Taganrog (Branch)
of Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog

The study of the grammatical features of the surviving dialects represents one of the pressing problems of linguistics, since it allows a more complete and in-depth characterization of the processes characteristic of modern literary languages.

The aim of the study is to estimate the extent to which multiple modal auxiliaries (MMs) are present in the written (and, indirectly, spoken) form of the Ulster-Scots dialect and whether these phenomena can be characterised as discursive signals (DS).

Material and methods. *The material for the study was the data of the CoBISE corpus, which contains transcripts of YouTube videos of local councils' sessions, grammar references and other descriptions of the Scots language. A corpus of prose, poetry and interviews with native speakers was collected by the authors and used the main resource. The methods of observation, description, comparison, of quantitative and qualitative content analysis as well as elements of discourse analysis were used.*

Findings and their discussion. *Multiple modals (will can do, can will do, may can do, etc.) are present in everyday speech of the inhabitants of Northern Ireland, but are extremely scarce in the language of Ulster-Scots literature. The construction with the modal word maybe (can maybe do), which is close to the MM in terms of function and semantics, demonstrates a higher frequency in both the written and spoken forms of the dialect.*

Conclusion. *The MMs, as well as the construction with the modal word maybe, can be characterized as discursive signals (DS), as cross-level phenomena that go beyond syntax and extend to discourse.*

Key words: *the Scots language, Ulster-Scots dialect, multiple modals, discourse, discursive signal.*

((Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 18–23))

Конструкции с множественными модальными глаголами как межуровневое явление синтаксиса и дискурса (на североирландском материале)

Павленко А.Е.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог

Исследование грамматических особенностей сохранившихся диалектов представляет одну из актуальных проблем лингвистики, поскольку позволяет более полно и глубоко охарактеризовать процессы, характерные для современных литературных языков.

Цель исследования — оценить, в какой мере конструкции с множественными модальными глаголами (КММГ) присутствуют в письменной (и, опосредованно, в устной) форме ольстерско-шотландского диалекта и могут ли данные феномены рассматриваться в качестве дискурсивных сигналов (ДС).

Материал и методы. *Материалом изучения послужили данные корпуса CoBISE, содержащего расшифровки видеозаписей сервиса YouTube, грамматики и описания шотландского языка, при этом, в качестве основного ресурса использовался собранный авторами корпус текстов прозы, поэзии и интервью с носителями диалекта. Использовались методы наблюдения, описания, сравнения, а также элементы количественного и качественного контент-анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Результаты исследования: конструкции с множественными модальными глаголами (will can do, can will do, may can do и др.) присутствуют в обиходной речи, но крайне слабо представлены в языке ольстерско-шотландской литературы. Близкая к КММГ в функционально-семантическом плане конструкция с модальным словом maybe (can maybe do) демонстрирует более высокую частотность и в устной, и в письменной формах диалекта.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: alex_pavlenko@inbox.ru — А.Е. Павленко

Заключение. КММГ, а также конструкцию с модальным словом *taube* можно охарактеризовать как дискурсивные сигналы, как явления, выходящие за пределы грамматики предложения и распространяющиеся на грамматику текста.

Ключевые слова: шотландский язык, ольстерско-шотландский диалект, конструкции с множественными модальными глаголами, дискурс, дискурсивный сигнал.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 18–23)

Multiple modal auxiliaries (*MMs*) — *will can, may can, might could, etc.* — are a noticeable feature of some varieties of Scots and non-standard English. In publications devoted to this phenomenon in the speech of a number of regions of the UK and the USA, it is noted that besides the south of Scotland, the north of England and the south-east of the USA, this grammatical feature is characteristic of some dialects of Northern Ireland and the Irish Republic [1, p. 349]. In the territory of the British Isles, *MMs* have been studied less amply than in American English, and there are numerous gaps in the description of their genesis, area of distribution, grammatical features, semantics, pragmasylistic strategies of use and the very list of such constructions.

The main problem in the study of *MMs* is the fact that the communicative situations in which one can expect the use of *MMs* are quite rare. In the available literature, there are no publications devoted exclusively to Northern Ireland, which cannot but attract attention, since some researchers consider this region as a kind of “a bridge” through which this feature could have been brought to the American continent along with migration flows [2, p. 227–278]. There are only few mentions in this regard of the Northern Irish linguistic situation, where *MMs* should presumably be found in local varieties of English, as well as in the Ulster variety of the Scots language.

The *aim* of the study is to estimate the extent to which multiple modal auxiliaries (*MMs*) are present in the written (and, indirectly, spoken) form of the Ulster-Scots dialect and whether these phenomena can be characterised as discursive signals (*DS*).

Material and methods. From the point of view of linguistic pragmatics, the use of *MMs* (at least a significant part of them) is intended to make a favourable impression on the addressee, to attract him/her to the speaker’s side, to provide a careful and non-categorical expression of the speaker’s desires or assessments.

Researchers have been trying to interpret the nature of this feature as a phenomenon of a lexico-grammatical nature, with some highlighting its lexical component, and others — the grammatical one. It seems, however, that *MMs* have a more complex, cross-level nature and should be considered not only as syntactic constructions, but also as phenomena of the discourse level. *MMs* seem to belong simultaneously to both grammar and discourse, due to the pragmatic determinacy and motivation of their use. Within the framework of a single communicative act, the principles inherent in all directly involved levels of language closely interact, and do not function “in turn” when making of the utterance is moving from one level to another [cf. 3].

We attempt to characterize the phenomenon of *MM* and to approach its interpretation in terms of discourse based on the evidence of the Ulster-Scots dialect as described in the available reference grammars of this idiom, as well as on the evidence of the corpus of authentic texts that we have selected.

It is obvious that *MMs* are a phenomenon that is more difficult to observe and account for than many other features of language and speech. Actually, the absence or extreme paucity of Ulster examples of *MMs* in the mentioned resources may indicate that their frequency in both oral and written speech is low, and that this phenomenon in Ulster-Scots is perhaps close to disappearing and, in fact, is no longer a characteristic regional feature. Meanwhile, recognizing the fact of complete lack of *MMs* in the Ulster dialects would mean a gap in the chain of transmission of this phenomenon, and would also run counter to some authoritative evidence to the contrary [cf. 1, p. 255–257; 4; etc.]. In recent years, new types of primary sources have appeared that make it possible to study various aspects of the natural oral speech of the regions of the British Isles, which are part of the United Kingdom and the Republic of Ireland. Such sources include the Corpus of British Isles Spoken English (*CoBISE*), which is a collection of geolocated transcripts of recorded local councils’ meetings [5; 6, p. 693–718]. Unfortunately, this resource is currently unreachable from Russia, but significant data obtained from it are available from some recent publications.

S. Coats points out that only 9 instances of such constructions were found in the transcripts of local councils’ meetings in Northern Ireland. Unfortunately, the illustrative examples [i.e., 2, p. 227–278] are unavailable, since between 2019 and 2021, the corresponding video recordings, according to the author, were declared an object of property [6, p. 704]. The instances of *MMs* from Ulster are represented almost exclusively by constructions whose first element is *will/’ll — would/’d*, i.e. *will/’ll can, will/’ll could, will/’ll would, would may*. Each of the mentioned constructions occurs in the Northern Irish subcorpus of the *CoBISE* only twice [6, p. 705]. Besides, the *can will* construction occurs just once. It is noted that in the Northern Irish subcorpus, *MMs* are least frequent than in the other *CoBISE* subcorpora. Further expansion of this subcorpus is supposed to provide researchers with new data.

The author does not provide any instances demonstrating the functioning of *MMs* at both the sentence and discourse levels. He also points out that, according to the data available to him from the *CoBISE* corpus, the overall frequency of the *MMs* in

the Northern Irish subcorpus per 1 million words is only 1.38 [6, p. 706]. This is the lowest value compared to the subcorpora of the other British regions, of which Scotland predictably demonstrates the highest value — 2.40 — although Wales, quite unexpectedly, comes in second place by a small margin [ibid.].

It should be noted that the CoBISE examines colloquial English in all its regional diversity as might be used in the formal setting of British and Irish local council meetings. Taking into account the dialect continuum that exists across Northern Ireland (as well as a number of other regions), it will be difficult to accurately characterise the examples of *MMs* obtained from the corpus (when they become available) and the available quantitative data as relating either to Ulster-Scots or to any of the varieties of Ulster English. However, it is certain that this corpus would, and, in fact, does, shed much light on the general picture of how *MMs* function in colloquial speech.

The main conclusion that follows from the data in Table 1 is that *MMs* are still present in the speech of the population of Northern Ireland, that these constructions are really rare, and the set of their types at the present stage is, in all likelihood, small.

Taking into account the shortage of confirmed evidence of *MMs* in Ulster, we consider it necessary to characterize this phenomenon as described in the available reference grammars of Ulster-Scots. The grammars of this type are supposed to reflect the differential features of the idiom in question most accurately to ensure the distance in relation to standard English, on the one hand, and to local regional varieties of English, on the other.

One such a reference is Ian Parsley’s “Ulster Scots: a short reference grammar” (2012), in which the author notes, that the modal auxiliaries *dowe* and *may* were supplanted by *can* and *coud* in Ulster-Scots. Meanwhile, *nicht* is preserved, but at the present stage in the oral and written forms of the dialect, it has been rethought as an adverb. According to him, the modal auxiliary *ocht tae* has disappeared in all varieties of colloquial Scots and has been replaced by *sud* [7, p. 100].

Section 5.14 of this grammar is devoted to constructions with double modals and it states the fact that the joint use of two modals in Scots (obviously, its Ulster variety is meant. — *A.P.*) is really possible. In most cases, the first element of such combinations may be constituted by the verbs *sud*, *wad* or *will*, and the second one — by *can*, *daur*, *maun* or *need*, e.g.: *He sud can be thaer* [7, p. 101]. The author also quotes other examples of *MMs*:

Gif she canna mynd it, she wad maun wryt it out (Engl. ‘If she cannot remember it, she would have to write it down’).

He wad daur cum ower, an her heir (Engl. ‘He would dare to come over, if she were here’).

He will can dae it neist week (Engl. ‘He will be able to do it next week’).

He will need tak it suin (Engl. ‘He will be wanting to take it soon’/ ‘He will be better taking it soon’) [ibid.].

I.J. Parsley believes that in Ulster the use of *double modals* is in decline, but it is a notable and useful local feature (lit. useful(!) — *A.P.*) of Scots grammar and can be used in all genres of written speech [ibid.]. He adds that, being agrammatical in most dialects of English, double modals, nevertheless, are a characteristic feature of the dialects of northern England and the Appalachian region of the USA. Translating them into English (its standard variety, of course. — *A.P.*) usually requires replacing the second modal with a non-modal verb [ibid.]. Curious and symptomatic is the characterization of *MMs* in Ulster-Scots as a “notable and useful” feature given by I.J. Parsley. Along with the recognition of their decline in colloquial usage, this characterization accounts for the low frequency of *MMs* in Ulster-Scots and demonstrates the interested attitude of a language activist towards this feature. Such a positive attitude towards *MMs* is in itself a sociolinguistic fact worthy of mentioning.

Having obtained a certain understanding of how *MMs* function in Ulster-Scots based on the data of the above-mentioned grammars and the few other descriptions of the phenomenon [8; etc.], we decided to find out to what extent this feature is present in the language of Ulster literary tradition. For this purpose, we collected a corpus of texts written in Ulster-Scots, the volume of which is approximately 401,000 words. This corpus consists of the following sources, reflecting the Ulster-Scots literary tradition over the four centuries of its existence:

1. Ulster-Scots Writing: an Antology. Edited by Frank Ferguson. Dublin: Four Courts Press, 2008. XV, 527 p. 39 pieces of poetry and excerpts of prose representing the whole Ulster-Scots literary tradition (17th–21st) (308 160 words)

2. Betsy Gray or Hearts of Down. By W.G. Lyttle (a popular historical novel in the style of Kailyard school). Mourne Observer Ltd. Printers and Publishers, Newcastle Co. Down, N. Ireland: 1896. (56 541 words)

3. A Selection of Ulster-Scots writing. Selection and commentary by Wesley Hutchinson // *Études Irlandaises*, 38-2/2013. 11 short samples of poetry, prose and drama

Table

Northern Ireland — double modal types [from Coats, 2023, p. 705]

Type	No. of tokens
will/'ll can, will/'ll could, will/'ll would, would may	2 times each
can will	1

written in Ulster-Scots by the authors of 19th and 20th centuries (5 153 words)

4. Fenton, James. *Thonner an thon: an Ulster-Scots collection*. Belfast: The Ullans Press. 65 p. 39 verses and 3 prosaic pieces by the poet and language activist James Fenton (5 971 words)

5. Transcripts of the audio samples of old-age Ulster-Scots speakers provided by Ulster-Scots Academy. 21 transcripts of reminisces, story-telling and poetry (25 280 words). www.ulsterscotsacademy.com/audio/index.php.

The corpus texts — prose and poetry, as well as the transcripts of spoken language — underwent a continuous sampling in order to identify any *MMs* as they are described in the literature. It is symptomatic that in this way we were able to identify only one token that could be accurately characterized as an *MM* — namely “*could* (never) *will*”. It was singled out in the text of the poem by the early 19th century Ulster poetess Sarah Leech “On Killing a Mouse in Harvest”, in which the author enters into a dialogue with R. Burns based on his widely known poem “To a Mouse”:

Poor feckless thing, why did I kill thee? The muse sic death could never will thee — When some few grains o’ oats wad fill thee...

The lib’ral lan’ Has often left an ear o’ t till thee ...

Results and discussion. In this example, *could* is an epistemic modal characterized by the seme of “*possibility*”. “*Will*” in the same example is a deontic modal featuring the semes of “*intention*”, “*desire*” or “*willingness*”. This *MM* is used with the negative adverb *never* and its standard English equivalent in this case is (*never*) *could wish (to you)*. It is curious that the example we found is consistent with the *MM can will*, noted by S. Coats in the Northern Irish subcorpus of CoBISE, which probably confirms the viability of this construction [cf. 6, p. 693–718]. It can be underlined that in this case the *MM could...will* is used by the author as an expressive means, as evidenced by the choice of an archaic full-fledged lexical-semantic variant of the verb *will*, characterized by the semes of ‘*intention*’, ‘*desire*’ or ‘*readiness*’, which matches well the equally archaic form of the indirect pronoun of the second person singular *thee*. The *MM could...will* acts as a means of ensuring cohesion and coherence of this poetic text, helping the author in its deliberate archaization.

We did not encounter any other *MMs* in the collected corpus, either in the texts of fiction, replete with excerpts of direct speech of characters, or in the studied transcripts of audio recordings of local old-timers’ speech. This fact, at least indirectly, testifies to the extremely low frequency of *MMs* and the rarity of situations and contexts in which they could be expected. This also suggests that Northern Irish authors either do not consider *MM* to be a characteristic phenomenon of Ulster-Scots or perceive it as a stigmatized and unprestigious feature of colloquial speech and in every possible way avoid using it.

The material we have collected also confirms the information provided in the aforementioned reference grammars that in Ulster-Scots combinations of modal auxiliaries (*will, would, may, might*) with the modal word *maybe*, which has several spelling variants in written sources, are relatively widespread.

Cf.:

1) *For then I could baith write and spell, An’ speak, and leuk, grammatical, Av’ would sic rhyming blethers tell *T ween truth and lies, As Maister Dick, or e’en yoursel’, Might may-be please [9, p. 129].*

2) *’You would may be seek anither [9, p. 159].*

3) *Wow, but says I, Tam’s writin an’ my inditin’, may maybe mak bad waur [9, p. 259].*

4) *I hadna thocht my puir letter wad be sae speedily effectwal; but sin’ it has been sae, ye’ll maybe prent it [9, p. 267].*

We note this in connection with the fact that the adverb or rather a modal word *maybe* performs the same functions as the initial modal *may/micht* in *MM* and it can be assumed that the combinations “*modal auxiliary + modal auxiliary + infinitive*” and “*modal auxiliary + modal word ‘maybe’ + infinitive*” are interchangeable and competing usages, which, however, requires special consideration and verification.

Getting back to the nature of the phenomenon of *MM* and its role in discourse organisation, it seems appropriate to use in relation to such combinations as “*modal auxiliary + modal auxiliary + infinitive*” (as well as “*modal auxiliary + modal word ‘maybe’ + infinitive*”) the generalized concept of “*discursive signal*” (*DS*) proposed by Carla Bazzanella. According to her definition, “*discursive signals are those elements that, partly losing their original meaning, take on meanings necessary to emphasize the structured nature of discourse, to connect phrasal, intraphrasal, interphrasal and supraphrasal elements and to explicate the position of the utterance in the interpersonal space, revealing the interactivity of the text structure*” [10]. Apparently, all *MMs*, to one degree or another, are not neutral in terms of discourse and act as *DSs*.

It seems, however, that *MMs* are not equivalent in terms of their involvement in the organization of discourse, i.e. their role as discursive signals may vary. Probably, most constructions with the first element *will* can also be attributed to *DS*, for example, *will can*, where *will* acts as a desemantized auxiliary verb of the future tense (cf. the facts regarding the real presence of constructions with *will/would* in colloquial speech in the territory of Northern Ireland quoted in [6, p. 693–718] (see above. — *A.P.*).

The motivation for choosing the form *will can do* instead of the standard *will be able to do* can be twofold. Firstly, it can be based on the so-called “*economy of linguistic means*”, namely the choice in favor of one word (*can*) instead of three — (*be able to*), and, secondly, the pragmatylistic characteristics of the *MM*, conditioned by its status in oral speech in a given area

(i. e. it is acceptable or unacceptable to speak this way in a certain set of situations. — *A.P.*). The use of the *MM* signals the speaker's desire to sound "simpler", more familiar and more trustworthy, which should evoke a favorable response from the addressee. In general, the construction "will + modal auxiliary + semantic verb" can be characterized as a regional variant of the future tense form, acting as a *DS*. It is obvious that the perception by the listener of *will can do*, on the one hand, and *will be able to do*, on the other, is not the same. Other, more complex, pragmastylistic and discursive tasks are probably solved with the help of other, "specialized" *MMs*.

Having considered the collected data, we can make the following observations. The phenomena of vernacular speech and other non-literary varieties of the English language, as well as idioms that make up the Anglo-Scots continuum, have so far received relatively little attention from the experts in the field of discourse. Meanwhile, these non-standard varieties contain certain peculiarities of interest in the context of discourse studies. *MMs*, on the one hand, and combinations of the type "modal auxiliary + maybe + infinitive", on the other, are similar and interchangeable phenomena as regards their functions and semantics. Perhaps, by their nature, these usages are closer to each other than is commonly thought. For example, the combinations "may+can+do" and "can+maybe+do" are totally interchangeable as regards their functions and semantics. Perhaps, the modal auxiliary *may* in the first of the combinations might have been reinterpreted as a modal word, if not a particle, or might be in the process of such reinterpretation.

According to established views, typical and generally recognized *DS* are functionally, semantically and prosodically isolated elements in the sentence, while the *MM* is, in fact (at least, formally), a compound verbal predicate complicated by an extra modal auxiliary (rarely, two auxiliaries). This fact may even demand a certain revision of common definitions. The existence of combinations with the modal word *maybe* synonymous to certain *MMs* emphasizes the discursive nature of *MMs* and suggests that the "additional" modal auxiliary in their composition could have been reinterpreted, as has already been mentioned above. The peculiarities of the *MMs* in the Scots language, including its Ulster variety, confirm the fact that the *MM* is too complex and diverse a phenomenon, and the linguistic units, that make it up, differ too considerably in terms of function and semantics, for us to give them a single and unambiguous characteristic on the lines of discourse, pragmatics and sociolinguistics. Let us restate that in this regard, the concept of the "discursive signal" comes to our aid, successfully describing all varieties of the *MMs* as a phenomenon that by its nature goes beyond the grammar of a sentence and extends to discourse.

According to K. Fedriani and A. Sansó, *DSs* are "a heterogeneous class of elements expressing different

procedural meanings in the interpersonal, textual and subjective planes" [11, p. 5]. Therefore, we can conclude that the basic characteristics of *DSs* correspond to the nature and functions of *MMs*. The heterogeneity of *DSs* as a category presupposes their further subcategorization. Indeed, according to the previous authors, *DSs* can be subcategorized into *pragmatic marker* (e.g. *please, if I may interrupt, etc.*), *discourse markers* (*but, anyway, still, etc.*) and *modal particles* (*the German ja, eben, doch*) [11, p. 2].

The key point of this classification of *DSs* is that the above-mentioned subcategories combined within the framework of this concept do not act as mutually exclusive groups, but as a gradation allowing zones of overlapping of one category on another [cf. 12]. At the same time, a number of properties turn out to be common to all the three varieties of *DS*. Such features as the lack of a truth value, procedural functions, dependence on the sphere of action, polyfunctionality, variability of position, specific intonation contours are equally characteristic of *DM*, *PM* and *MP* [ibid.]. It seems that it is possible to add *MMs* (with some limitations) to the list of units of language and speech, classified as *DS*. In fact, *MMs* have never been considered before from the point of view of discourse.

The peculiarity of *MMs* opposing them to all the "classic" *DSs*, consists in the fact that the latter are semantically, functionally and prosodically distinctly isolated units within an utterance, while the former constitute a compound verbal predicate complicated by an extra modal (rarely — two). It is curious, that the availability of combinations with *maybe*, synonymous to certain *MMs*, emphasizes the discursive nature of the latter and forces us to interpret them as *DSs*. The assignment of various *MMs* subtypes to specific subcategories of *DSs* may become a topic for further research.

Conclusion. It can be stated that *discursive signals* (*DSs*) have been studied so far mainly on the basis of the standard varieties of English and other languages, while the data of vernacular speech, regional dialects, regional and minority languages has been employed very little. Meanwhile, the systems of these idioms contain some features that can expand our understanding of the inventory of *DSs*. One of these features is multiple modals — a phenomenon of regional and social variability, which have had relatively fewer chances to come to the attention of experts in the field of discourse analysis than the features of standard varieties. It seems that in the future, *MMs*, considered as an independent subtype of *DS*, can be studied in terms of their individual description and determination of their status within this group of functionally similar units. It is not impossible that some "extra" modals, reinterpreted as part of *MMs*, can be characterized, for example, as modal words or particles. Besides, this phenomenon must be studied more deeply in a typological and comparative-historical vein, in order to gain better understanding of its nature and role in the organization of discourse.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049>.

References

1. Nagle, S. Double Modals in the Southern United States: Syntactic Structure or Syntactic Structures? / S. Nagle // *Modality in Contemporary English. Topics in English Linguistics* / ed. by Roberta Facchinetti, Manfred G. Krug, F.R. Palmer. — Berlin–New York: De Gruyter Mouton, 2003. — Vol. 44. — 370 p.
2. Montgomery, M. Exploring the Roots of Appalachian English / M. Montgomery // *English World Wide*. — 1989. — Vol. 10. — 360 p.
3. Haselow, A. Grammar, discourse, and the grammar-discourse interface / A. Haselow, S. Hancil // *Studies at the Grammar-Discourse Interface. Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena. Studies in Language Companion Series (SLCS)*; edited by Alexander Haselow and Sylvie Hancil. — Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. — Vol. 219. — P. 1.
4. Nagle, S. What is Double About Double Modals? / S. Nagle // *Language History and Linguistic Modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak* / ed. by Raymond Hickey and Stanislaw Puppel. — Berlin: De Gruyter Mouton, 1997. — P. 1513–1526.
5. Coats, S. The Corpus of British Isles Spoken English (CoBISE). A New Resource of Contemporary British and Irish Speech / S. Coats // 2022 Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Publications. Uppsala, Sweden, March 15–18. — 2022. — p. 187–194.
6. Coats, S. Double modals in contemporary British and Irish speech / S. Coats // *English Language and Linguistics*. — 2023. — № 27(4). — 890 p.
7. Parsley, I.J. *Ulster Scots: a short reference grammar* / I.J. Parsley. — Bangor: Ultonia Publishing, 2012. — 196 p.
8. Smyth, A. The academic study of Ulster-Scots: Essays for and by Robert J. Gregg ('Gregg Volume') / A. Smyth, M. Montgomery, Ph. Robinson (eds.). — Cultra, Northern Ireland: Ulster Folk and Transport Museum, 2006. — XXV. — 294 p.
9. Ferguson, F. *Ulster-Scots writing: an anthology* / F. Ferguson (ed.). — Dublin: Four Courts Press, 2008. — 527 p.
10. Bazzanella, C. *I segnali discorsivi* / C. Bazzanella // *Grande grammatica italiana di consultazione*. 3 voll., vol. 3 (Tipi di frase, deissi, formazione delle parole) / (a cura di) Lorenzo Renzi, Giampaolo Salvi, Anna Cardinaletti. — Bologna: il Mulino, 1988–1995. — P. 225.
11. Fedriani, C. Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. New perspectives / C. Fedriani, A. Sansò (eds.). — Amsterdam: John Benjamins, 2017. — 492 p.
12. Бонола, А. Дискурс и прагматические маркеры в итальянской лингвистике: подходы и методы / А. Бонола, Н. Стоянова // *Вопросы языкознания*. — 2020. — № 1. — С. 139.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Образы языка как лингвокультурные идентификаторы и их репрезентации в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов

Кураш С.Б.

Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», Мозырь

В статье рассматриваются метафорически структурированные образы языка как культурного феномена в текстах русской и белорусской поэзии, их концептуализация в контексте филологичности поэтического дискурса.

Цель настоящего исследования — выявление характера концептуализации метафорически структурированных образов языка в контексте филологичности поэтического дискурса.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили поэтические тексты XX–XXI вв. на русском и белорусском языках, так или иначе осмысляющие денотативное пространство «язык» (в том числе отдельные языковые феномены и факты). Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются концептуальный, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ.

Результаты и их обсуждение. Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что язык в целом и отдельные языковые феномены в частности, входя в круг аксиологически значимых лингвокультурных идентификаторов, активно структурируются посредством метафорической репрезентации в русском и белорусском поэтических дискурсах.

Заключение. В метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов концептуализируются такие качества названных языков, как богатство, самобытность, яркость, мелодичность, благозвучие, а также их статус как символов национального самосознания, при этом некоторые поэты акцентируют внимание на национально специфичных проблемах, связанных с судьбами данных языков.

Ключевые слова: язык (русский, белорусский), языковые феномены, поэтический текст, метафора, метафорический континуум.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 24–28)

Images of Language as Linguocultural Identifiers and their Representations in the Metaphorical Continuum of Russian and Belarusian Poetic Texts

Kurash S.B.

Education Establishment "I.P. Shamyakin State Pedagogical University of Mozyr", Mozyr

The article examines metaphorically structured images of language as a cultural phenomenon in the texts of Russian and Belarusian poetry, their conceptualization in the context of the philological nature of poetic discourse.

The research purpose is finding out conceptualization character of metaphorically structured images of language in the context of the philological nature of poetic discourse.

Material and methods. The material for the observations was poetic texts of the XX–XXI centuries in Russian and Belarusian, which in one way or another conceptualize the denotative space "language" (including individual linguistic phenomena and facts). The main methods used in the research are conceptual, contextual, comparative, and interpretive analysis.

Findings and their discussion. The observations confirmed the hypothesis that language in general and individual linguistic phenomena in particular, being part of the circle of axiologically significant linguistic and cultural identifiers, are actively structured through metaphorical representation in Russian and Belarusian poetic discourses.

Conclusion. In the metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetic texts, such qualities of these languages as richness, originality, brightness, melody, euphony, as well as their status as symbols of national identity are conceptualized, while some poets focus on nationally specific problems related to the fate of these languages.

Key words: language (Russian, Belarusian), linguistic phenomena, poetic text, metaphor, metaphorical continuum.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 24–28)

Для поэта язык — не только инструмент творческой деятельности. Идиостили поэтов нередко содержат лингвокультурную рефлексию, разговор о языке как самоценном культурном феномене, входящем в круг важнейших идентификаторов любой лингвокультуры. «Языковая идентичность, т.е. осознание своей принадлежности к носителям определённого языка, входит в культурную идентичность в качестве одного из компонентов, и является особо значимым фактором для процесса речевой коммуникации» [1]. Отмеченное в особой степени актуально для поэтической концептуализации родного языка, в отношении которого, с одной стороны, накоплен «значительный корпус ... произведений, составляющих поистине бесценный материал для разноплановых гуманитарных исследований» [2], а с другой стороны, несмотря на активное использование этого понятия во многих научных областях, остающегося недостаточно изученным [3].

Дискуссионным до сих пор продолжает быть определение понятия «филологичность» художественного текста. В своё время Е.А. Некрасова понимала под ним «ряд художественных приёмов, связанных с пристальным вниманием поэта к семантической ёмкости слова» [4]. Однако имеются основания и к более широкому представлению филологичности, когда под ней понимается кодирование в художественном тексте любой лингвистической информации, включая сведения о языке, его составляющих и функциях [5].

Цель настоящего исследования — выявление характера концептуализации метафорически структурированных образов языка в контексте филологичности поэтического дискурса.

Эксплицитная филологичность характерна для идиостилей русских поэтов XX века (В. Маяковский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и др.). Из белорусских мастеров поэтического слова здесь следует отметить, прежде всего, Р. Бородулина, Н. Гилевича, В. Веремейчика, А. Каско, П. Макаля, А. Вергинского, Г. Буравкина и др.

Предельной экспликацией филологичности можно считать современные поэтические тексты и сборники с лингвистическими заглавиями и содержанием, приближающиеся к научной поэзии как, например, стихотворения «Вводные слова» А. Кушнера, «К вопросу о коммуникативной функции слова» Д. Сухарева, «Общее языкознание», «Основы фонологии», «Тело языка» С. Бирюкова (и целый ряд его других текстов), сборник «Часть речи» И. Бродского и др.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили поэтические тексты XX–XXI вв. на русском и белорусском языках, так или иначе осмысляющие денотативное пространство «язык» (в том числе отдельные языковые феномены и факты). Основные методы, используемые в ходе исследования: концептуальный, контекстуальный, сопоставительный и интерпретативный анализ.

Результаты и их обсуждение. Обратимся к некоторым конкретным примерам.

В стихотворении С. Кирсанова «Рост лингвиста» язык представлен как живой организм, который филолог изучает подобно тому, как естествоиспытатель исследует природу. Стихотворение А. Вознесенского «Мелодия Кирилла и Мефодия» наглядно демонстрирует, какие ассоциации может вызвать у человека, тонко чувствующего язык, даже, казалось бы, «сухой» алфавит. В произведении Р. Бородулина «Па схіле алфавіта» реализована оригинальная имплицитная текстообразующая базовая метафора «жизнь — это словарь». Каждое слово в нём становится для автора значимым символом или концептом, своего рода «свернутым текстом», связанным с определённым этапом жизни.

Максимально показателен в рассматриваемом отношении идиостиль Иосифа Бродского. «Для реконструкции взглядов Бродского на язык наиболее интересными оказываются не столько прямые отсылки к тем или иным исследователям и направлениям, сколько своеобразная, имплицитно содержащаяся в корпусе его критических и поэтических текстов языковая теория. (...) Приведённые в них примеры позволяют заметить, что для Бродского при анализе литературного произведения или художественной системы того или иного автора, равно как и при создании собственного текста, оказывается наиболее существенным, во-первых, показать, что язык определяет творчество писателя, то есть является не инструментом, а творцом» [6]. Примечательно, что в его творчестве 67% лексики, относящейся к теме «язык», используется в составе тропов. 419 образов входят в тематическую группу «язык, речь», — такие подсчёты приводят В. Полухина и Ю. Пярли по результатам исследования тропеичности сборника Бродского «Часть речи» [7].

Красноречиво и название одного из последних исследований, посвященных «филологичности» русского поэтического языка, — монографии Н.А. Фатеевой «Поэзия как филологический дискурс». Основная идея этой книги заключается в том, что в стихотворных текстах поэтическая функция языка тесно взаимодействует с функцией метаязыковой, что подтверждается, в том числе, богатым иллюстративным материалом [8].

Известно, что, с одной стороны, тропы возникают в языке, когда привычные связи между словами нарушаются, создавая новые, неожиданные сочетания. Это происходит из-за отклонений от стандартных правил построения фраз и сочетаемости слов. С другой стороны, сам язык можно рассматривать как инструмент, изначально основанный на метафорах.

Анализ поэтических текстов показывает, что язык как объект филологического изучения нередко становится частью «метафорического оборота» во всех своих основных функциях (коммуникативной, когнитивной, аккумулятивной, эстетической и других), а также в своей структуре и организации. Примеры этого — в отношении поэтических текстов на русском и белорусском языках — можно увидеть в таблицах 1 и 2.

Денотативная сфера «Язык» как объект метафоризации в текстах русской поэзии

Основные понятийные области метафорического структурирования концепта «язык» / метафорические и структурированные языковые феномены	Некоторые примеры
Язык как система (языковые уровни и их единицы, категории языка)	... причастий шелестящих пресмыканье (Б. Ахмадулина); И ищешь / мелочишку суффиксов и флексий / в пустующей кассе / склонений / и спряжений (В. Маяковский)
Язык как средство общения (речь, её функциональные разновидности, письмо, кодификация и пр.)	<i>К зелёным ветвям, / закипая внизу, / ползут / небывало зелёные лозы — / китайское ЧЬЕН, / и татарское ЗУ, / и мхи диалектов / эхоголосых (С. Кирсанов); Мы в ревущих колоннах / как в газетных колонках. / Однозначные / буквы / от Амура / до Буга. / По-крестьянски корявы / по-боярски нарядны — / станем рядом, / и сразу / образуются / фраза!</i> (Р. Рождественский)
Язык как культурная ценность (родной / иностранный язык, отношение к языку)	<i>Чуждое чудо, грузинская речь, / Теремом буйствуй в теснине гортани (Б. Ахмадулина); И нежный вкус родимой речи / Так чисто губы холодит (Б. Ахмадулина)</i>
Языковое творчество (литературные жанры, образные средства, стиховедческие термины и пр.)	<i>Не твой ли ямб, любовь моей души, / шалит, в морозы окуная розы? (Б. Ахмадулина); Земли гипербол лежит под ними, / как небо метафор плывёт над нами! (И. Бродский); И поправит, / и поставит / ногу на порог, / и подняться / в жизнь / заставит / лестничками / строк (С. Кирсанов)</i>

Денотативная сфера «Язык» как объект метафоризации в текстах белорусской поэзии

Основные понятийные области метафорического структурирования концепта «язык» / метафорически структурированные языковые феномены	Некоторые примеры
Язык как система (языковые уровни и их единицы, категории языка)	<i>Цяжка выбіцца прыметніку / Ё эпітэт адпаведны (Р. Барадулін); Не даруе абразы слова. / Слоўнікі — / Як-ніяк / Чыноўнікі. / Называюць сябе назоўнікі. / Дзейсная ў дзеяслова / Выснова (Р. Барадулін); Чытаю тапаніміку — / Свой край чытаю родны (А. Письмянкоў)</i>
Язык как средство общения (речь, её функциональные разновидности, письмо, кодификация и пр.)	<i>Твая ніжэгародская гаворка / Нагадвае таксама мне / То буркаванне трактарных матораў / У раннім стэпе на вясне, / То каласоў цяжкіх / прыбой былінны, / Што перакочваецца ўдаль, / То ціхі крык журботны жураўліны / То бурны плёскае / волжскіх хваль (М. Аўрамчык); Зразумеў: захаплення клічнік / ставіць рана — не зарабіў (І. Лагвіновіч); Народнае падсоленае слоўца / Смакуецца на вострых языках (К. Цыбульскі)</i>
Язык как культурная ценность (белорусский язык, иностранные языки, отношение к языку и пр.)	<i>І калі нават мова мая замаўчыць, / То не зробіцца мёртвай латыню. / Слова, дзе кожны гук / Азяблаі сінічкай цінькае, / Не стануць тэрмінамі медыцынскімі (Р. Барадулін); Узышла і ўзрасла на вякі наша родная мова — / І ніякай інакшай яе немагчыма ўявіць. / Кожным гукам і словам — на каліўцу — тут прарастала / Разам з кожнай травінкай і зёлкай — найменнямі іх (Н. Гілевіч)</i>
Языковое творчество (литературные жанры, образные средства, стиховедческие термины и пр.)	<i>Планету слухае паэт, / Яе гарачае дыханне. / Над ім плыве галактык спеў, / Як доктар, слухае ён вечнасць, / Каб перакласці мову дрэў / На голас чалавечы (А. Письмянкоў); на радках, нібы на жылах, кроў гарачая хадзіла (М. Сяднёў)</i>

Как видно, современная белорусская и русская поэзия активно используют филологическую терминологию в метафорическом континууме поэтических текстов. Причём метафоризации подвергаются понятия из родного языка и других языков. В целом язык и его отдельные атрибуты регулярно становятся источником разнообразных метафорических образов в поэзии на этих двух языках. При этом можно выделить ряд серийных образов, которые используются для концептуализации языка в поэтических метафорах:

«язык — живой организм»: *За словом подледным на прорубь идем, / погоню за **соболем**-словом ведем!* (С. Кирсанов); ***Поэзия! Ты — служба крови!** / Так перелей себя в других / Во имя жизни и здоровья / Твоих сограждан дорогих* (И. Сельвинский); ***Узышла і ўзрасла** на вякі наша родная мова — / І ніякай інакшай яе немагчыма ўявіць. / Кожным гукам і словам — на каліўцу — тут **прарастала** / Разам з кожнай травінкай і зёлкай — найменнямі іх* (Н. Гілевіч); *З мінулага часу, / з буслінага краю, / дзе рэха лясное / і поле льяное, / з'явілася слова, / забытае мною, / змарнелым **дзіцяткам** — / у сэрцы люляю* (І. Лагвіновіч). Подобного рода метафорика (органического роста) особенно широко представлена в белорусском национальном поэтическом стиле;

«язык — природное явление, гармония природы»: *Летят **снежинки-строфы**, / Где **ямбы** и **хореи**, / Как **блѣстки катастрофы** / Разгрома в эмпирее* (В. Шаламов); *О, колькі яшчэ не адкрыта / Адценняў у ёй і блакіту, / Патрэбных народу, паэтам, / **Каштоўнай руды, самацветаў!*** (М. Танк);

«язык — оружие»: *Согласен, / что **поэзия** должна / **Оружеством** быть (и всякое такое). / Согласен, / что **поэзия** — **война**, / А не обитель вечного покоя...* (А. Межиров); *Там звяняць неўміручыя песні на поўныя грудзі, / Там спрадвеку гучыць мая мова, **булатны клінок*** (У. Караткевіч); *Якія словы нараджаеш! / Павер, аб тым я не прашу. / Ты імі **зброю зараджаеш**, / Каб **расстраляць** маю душу* (Н. Галавач).

Как показывают наблюдения, метафорические конструкции, используемые для репрезентации филологических понятий, чаще всего принимают форму развёрнутых метафор. Эти когнитивные метафоры отражают авторское видение того, как можно соотнести различные филологические понятия друг с другом (или филологическое понятие с понятием из другой области). Например: *Младенец говорит отдельные **слова**, / И прыгают они подобьем круглых бусин. / Их нужно б нанизать на **смысла** нить сперва, / А он не хочет ждать, он слишком безыскусен* (К. Ваншенкин); ***Стихи** ж — бумажные закладки / меж **жизнью**, что произошла* (А. Вознесенский); *...бросаться с утѣса **метафор** на дно / за жемчугом **слов** водолазом* (С. Кирсанов); ***Стихи** — это кристаллы, / Кристаллы нашей **речи*** (В. Шаламов).

Использование веерной метафоры характерно для реализации авторского намерения создать объёмный, в том числе амбивалентный образ языка и / или

его отдельных феноменов, ср.: *Много слов на земле. Есть дневные слова — / В них весеннего неба сквозит синева. / Есть ночные слова, о которых мы днём / Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом. / Есть слова — словно раны, слова — словно суд, — / С ними в плен не сдаются и в плен не берут. / Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести. / Словом можно продать, и предать, и купить, / Слово можно в разящий свинец перелить* (В. Шефнер); *Словам можна выказаць усё, / Словам можна не сказаць нічога, / Абпаліцца, быццам аб касцёр, / Збіцца з непратоптанай дарогі. / Слова мае розную вагу, / То алмаз, то жэмчуг перацягне, / Ходзіць, бродзіць недзе на рагу / Ці грукоча вулканічнай магмай* (А. Астрэйка).

Русская поэтическая традиция демонстрирует это посредством обширного корпуса классических текстов, начиная от стихотворения в прозе И. Тургенева «Русский язык» и заканчивая произведением А. Ахматовой «Мужество», а также через многочисленные другие примеры. Резюмируя исследование концепта «русский язык» в русской литературе, Л.А. Тавдгирдзе приходит к следующим выводам: «Мастера слова преимущественно концептуализируют язык в виде когнитивной метафоры и сравнения, связывая его в своём сознании с явлениями действительности и природы. Трудности истинно художественного выражения мыслей, чувств, настроений у поэтов и писателей передаётся когнитивным классификатором “Противоречивость воздействия”, классификатор “Эстетическая оценка” отражает художнический подход к языку как средству создания прекрасного. (...) Только в профессиональной (писательской) концептосфере выявлен классификатор “Преимущества русского языка перед европейскими”. (...) Восприятие русского языка мастерами слова предельно образно и далеко от прагматической оценки» [9].

Представленные метафорические конструкции демонстрируют, прежде всего, как язык осмысливается с точки зрения его национальной значимости. Поэты, в большинстве случаев, подчёркивают важность таких его характеристик, как богатство, красота, ценность, народное происхождение и благозвучие. Эти метафорические образы отличаются выраженной национально-стилевой спецификой. Показательным примером является знаменитое стихотворение Максима Танка «Родная мова». Центральным элементом текстообразующей метафоры выступает причастие «выткана», примененное к понятию языка. Это косвенное уподобление языка тканому изделию (при том, что ткачество является одним из ключевых народных промыслов белорусов и важной частью их этнической символики) имеет очевидную национально-культурную привязку. Данный лингвокультурный контекст усиливается и ближайшим окружением фразы, начинающейся со слов «из чего...» «**выткана**» мова? — *З легендаў і казак былых пакаленняў, / З калосся цяжкаго жытоў і пшаніц, / З сюзор'яў і сонечных цёплых прамяняў, /*

З грывучага зьяння бурлівых крыніц, / З птушынага шчэбету, шуму дубровы, / Із гора, і з радасці, і з усяго / Таго, што лягло назаўсёды ў аснову / Святыні народа, бясмерця яго...

В другом стихотворении этого же поэта — «Я гэта люблю падарожжа...» — языку метафорически приписываются деятельностные черты, создающие синестетическое (зрительно-обонятельно-акустическое) восприятие данного явления: *Усімі вясёлкамі ззяе, / Смалістымі пахне лясамі, / Жывымі звініць галасамі.*

В ряде случаев акцентируется внимание на специфическом звучании белорусского языка, ср.: *Якія знаёмыя назвы і словы, / Якая цудоўная родная мова! / І ўсё мілагучна для сляху майго: / І звонкае «дзе», і густое «чаго»* (П. Панчанка); *Не прыкмеціў бярозкі, сасны. / За якою ў людскім шматгалосці / Наша «дзе», быццам водгук струны, / З мовай рускай, маскоўскай злілося* (А. Пысін).

Не обойдены стороной и создатели русского и белорусского литературных языков, ср.: *На стале маім пісьмовым — / Поплеч Пушкін і Купала, / Чарадзеі роднай мовы* (Я. Пушча).

Обращают на себя внимание и метафорически структурированные рефлексии по поводу современного состояния белорусского языка, его непростых исторических судьб: *...браты мае моўнае поле / ў суседзяў сваіх арандуюць!..* (І. Лагвіновіч). Одним из наиболее показательных примеров подобного рода является метафорико-фантастическое стихотворение Я. Коласа «Беларуская мова».

У белорусских авторов в фокус поэтической метафоризации попадает прежде всего родное, живое слово. Отсюда характерная направленность метафорических образных ассоциаций: *Падарункамі снежнай пары / Дзень рассыпаўся ў словах-крышталах* (А. Куляшоў); *Мы слова прыгубілі, як крыніцу, / Што камень маўчання прабіла са званам, / Пілі, як паветра пасля навальніцы, / Прапахлае сонейкам і азнам...* (П. Макаль); *Растуць нашы словы, як дрэвы / Вазьмі хоць бы слова* (М. Танк).

В качестве примеров текстов-метафор, основанных на образных парадигмах, реализующих модель «язык» → «внеязыковой объект», можно привести стихотворения Б. Слуцкого «Журчит рассказ...», С. Кирсанова «Маяковскому», «Рост лингвиста», А. Вознесенского «Мелодия Кирилла и Мефодия», В. Шаламова «Кристаллы», Л. Мартынова «Я поднял стихотворную волну», И. Бродского «Глаголь», М. Танка «Родная мова», Н. Аврамчика «Балада пра словы», «Успаміны былога палымянца», Р. Бородулина «Мая мова», Г. Буравкина «Як песня нараджаецца», Н. Метлицкого «Вершы», Е. Лось «Я да цябе, паэзія, дабралася» и многие другие. Значительная часть поэтических произведений обозначенной направленности посвящена метафорическому осмыслению сущности и техники поэтического творчества [10].

Заключение. Таким образом, представленный материал убедительно свидетельствует о многогранном

и чрезвычайно важным значении, которое придают белорусские и русские поэты осмыслению родного языка (а иногда и неродных) как важнейшего идентификатора национальной лингвокультуры. В метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов концептуализируются такие качества названных языков, как богатство, самобытность, яркость, мелодичность, благозвучие, а также их статус как символов национального самосознания. При этом некоторые поэты акцентируют внимание на национально специфичных проблемах в отношении нынешнего состояния и, главное, перспектив развития родного языка, что находит отражение в их образных, метафорически структурированных построениях.

Литература

1. Зайцева, И.П. Аутентичный художественный текст как источник сведений об этнической и культурной идентичности личности / И.П. Зайцева, И.А. Соловьева // Специфика преподавания родного и неродного языков в различных коммуникативно-речевых средах: сб. науч. ст. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 55.
2. Зайцева, И.П. Концептуально-эстетическое осмысление феномена родного языка в лирике Риммы Казаковой / И.П. Зайцева // Язык и актуальные проблемы образования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 янв. 2020 г. — М.: Диона, 2020. — С. 107.
3. Зайцева, И.П. Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова) / И.П. Зайцева // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова: сб. науч. тр. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. — Т. 30. — С. 31.
4. Некрасова, Е.А. Метафора и её окружение в художественной речи / Е.А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии; отв. ред. В.П. Григорьев. — М.: Наука, 1975. — С. 88.
5. Кураш, С.Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С.Б. Кураш. — Мозырь: УО «МГПУ им. И.П. Шамякина», 2020. — С. 113.
6. Ахапкин, Д.Н. «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Денис Николаевич Ахапкин; СПбГУ. — СПб., 2002. — 21 с.
7. Полухина, В. Словарь тропов Бродского: (на материале сборника «Часть речи») / В. Полухина, Ю. Пярли. — Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1995. — 342 с.
8. Фатеева, Н.А. Поэзия как филологический дискурс / Н.А. Фатеева. — М.: Изд. дом ЯСК, 2017. — 360 с.
9. Тавдгиридзе, Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Любовь Альбертовна Тавдгиридзе; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2005. — С. 17.
10. Ревуцкий, О.И. Метафоричные тексты с зоной отправления «слово», «поэзия», «стих» / О.И. Ревуцкий // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. — 2010. — № 2(24). — С. 114–118.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Русские народные песни о реке: стилистические и ментальные черты

Звёздova Г.В.*, Володина И.В.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк

**Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов с. Тербуны Тербунского муниципального района Липецкой области

Русское народное творчество, в особенности песня, выражает русскую ментальность во всех ее противоречиях и сложностях, а потому и является важнейшим источником изучения последней.

Цель статьи — рассмотрение проблемы ментальной обусловленности художественной стилистики русской народной песни.

Материал и методы. *Материал исследования: лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям нашей земли. Нами описываются существенные черты русской ментальности. Использовались методы наблюдения, систематизации, обобщения; интерпретационный метод и метод контекстологического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Основным образом нашей ментальности являются просторы и пространства (природы). Русский простор как бы суммирует, сливает все эти черты воедино. Концепт «простор», нередко употребляющийся с эпитетом великий, величавый, вписывает обращение к Волге и Дону как к символам России, а образ, судьба реки при этом неотделимы от образа, судьбы России. Тропы же и стилистические фигуры (олицетворение, метафора, метонимия, повтор, риторические восклицания, инверсия, анафора и др.) служат раскрытию и утверждению этой идеи.*

Заключение. *Таким образом, к существенным чертам можно отнести, прежде всего, сопряженность (и антропоморфизм восприятия природы); целостность видения мира и представление о жизни как о целостном процессе; соборность (зерно русской ментальности).*

Стилистика оказывается той сферой русского языка, которая особенно мощно позволяет нам почувствовать наши корни, заглянуть в наше прошлое.

Ключевые слова: *русская народная песня, река (Волга, Дон), русская ментальность, соборность, сопряженность (антропоморфизм), целостность мировосприятия, образ ментальности, стилистические тропы и фигуры.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 29–33)

Russian Folk Songs about the River: Stylistic and Mental Features

Zvezdova G.V.*, Volodina I.V.**

*Federal State Higher Education Establishment "P.P. Semenov-Tyan-Shansky State Pedagogical University of Lipetsk", Lipetsk

**Municipal Secondary General Education Establishment "Secondary School with Advanced Learning in the village of Terbuny, Lipetsk Region"

Russian folk art, especially the song, expresses the Russian mentality in all its contradictions and difficulties, and therefore is the most important source of study of the latter.

The purpose of the article is to consider the problem of mental conditioning of the artistic style of the Russian folk song.

Material and methods. *The research material was composed of lyrical and historical songs dedicated to the Volga and the Don — the main arteries of our land, and describes the essential features of the Russian mentality.*

Findings and their discussion. *The main way of our mentality is open spaces and spaces (of nature). Russian space, as it were, summarizes, merges all these features together. The concept of "space", often used with the epithet great, dignified, inscribes an appeal to the Volga and Don as symbols of Russia, and the image, the fate of the river is inseparable from the image, the fate of Russia. Tropes*

and stylistic figures (personification, metaphor, metonymy, repetitions, rhetorical exclamations, inversion, anaphora, etc.) serve to reveal and affirm this idea.

Conclusion. Thus, the essential features include, first of all, nature (and anthropomorphism of the perception of nature); the integrity of the world's vision and the notion of life as a holistic process; collegiality (grain of Russian mentality).

Stylistics turns out to be the sphere of the Russian language, which especially powerfully allows us to feel our roots, to look into our past.

Key words: Russian folk song, the river (the Volga, the Don), Russian mentality, conciliarity, co-naturalness (anthropomorphism), integrity of the worldview, the image of mentality, stylistic tropes and figures.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 29–33)

Вода — феноменальное явление природы, одно из самых загадочных веществ (по древним представлениям «существ») на Земле, до сих пор до конца не изучена современной наукой. Она различна не только по своим физико-химическим показателям. Люди в древности не просто понимали это, но обладали во многом научными знаниями о воде. Народная мудрость в устном народном творчестве, отражённая в пословицах, загадках, сказках, посвящённых водной стихии, изумляют современников: ведь воде под силу было даже дарить жизненную энергию всему растительному и животному миру, а также и человеку. Но она может и отбирать её. Отсюда наиболее распространённым в устном народном творчестве является сюжет о «мёртвой» и «живой» воде. Особый интерес представляет тема «водная стихия и песня». У древних славян высшим существом божественного мира была птица Матерь Сва, которую нельзя представить без песни. Эта песнь вдохновляла наших предков на жизнь и подвиги, ратные дела, помогая одолеть врагов, о чём мы узнаем из «Велесовой книги» [1].

Художественное осмысление богатейшего взаимодействия птицы и человека, особенно женщины, занимает значимое место в славяно-русской народной культуре, начиная со страны Лебедии (древнего степного края между Доном и Волгой) и заканчивая русскими вышивками. В этом возвышенном символе закодирован образ нашей древнейшей родоплеменной цивилизации — Гипербореи. Песенное сказание же сохранило живое воспоминание о славянских традициях, жертвенных приношениях (конечно же, они не были кровавыми) морю и рекам. «Как Садко чествовал хлебом-солью Волгу, так и Илья Муромец свою родную Оку. Отправляясь с родины на богатырские подвиги, опустил он на прощание корочку хлеба в Оку, за то, что пошла и кормила его <...> До сих пор рыбаки после счастливого плавания благодарят реку как-ким-нибудь приношением» [2. с. 206–207].

Русская народная песня — наиболее близкий народу жанр. В ней выражены мечты о сказочно-прекрасной жизни, она несёт идеалы любви и добра. Река в этом отношении — самый близкий и родной объект для человека, и не столько объект, сколько его друг и помощник. Особенно, конечно, народ вдохновляли крупные реки. Весьма многочисленными являются лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям русской земли. В этом отношении «Собрание народных песен П.В. Киреевского» в двух томах даёт совсем небольшой материал [3].

Мы использовали и другие источники [4–6]. Цель настоящей статьи — рассмотрение проблемы ментальной обусловленности художественной стилистики русской народной песни.

Понятно, что лирические песни будут отличаться богатой палитрой стилистических красок. Исторические же песни, содержание которых связано с историей родины, народа, в целом страны или отдельного его сословия, например, казаков, содержат многие ментальные черты и приметы. К последним относятся песни, посвящённые, прежде всего, Дону. Песни о Доне пронизаны языческими представлениями. Река выступает как одушевлённый, живой субъект, для которого люди — дети. Она помогает им в самую трудную минуту, переживает за их жизнь-бытьё, сочувствует им в горе. От горького известия о казни Степана Разина Дон «помутился с вершины до Чёрного моря».

Материал и методы. Материал исследования: лирические и исторические песни, посвящённые Волге и Дону — главным артериям нашей земли. Нами описываются и существенные черты русской ментальности. При проведении исследования использовались методы наблюдения, систематизации, обобщения; интерпретационный метод и метод контекстологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Как ни различны многочисленные определения ментальности и основной её единицы — концепта, ясно вполне, что ментальность — тот корневой план мировосприятия, который так или иначе выражается в слове. К этой ведущей мысли наука, и не только европейская, шла из глубокой древности (Пьер Абеляр), особенно активно работала лингвофилософская мысль в XIX веке. И очевидно, что ранние славянофилы только по-своему выражали мысль: язык является носителем народного духа. Это сближает их с крупнейшим мыслителем европейской науки В. фон Гумбольдтом. И.А. Бодуэн-де-Куртене же прямо подтверждает мысль о том, что каждый язык есть своеобразное мировидение [7].

Самый авторитетный ментолог нашего времени, профессор В.В. Колесов, подчёркивает, что мы должны говорить о русской ментальности как о *глубинном корне народной жизни* [8]. Нельзя не согласиться с этим, поскольку взаимодействие языка и народа амбивалентно: народ творит язык, но язык формирует его дух. Изначально язык задаёт ментальность и культуру того или иного народа. Охарактеризовать нашу ментальность помогает рефлексивная интуиция

русских философов, основанная на ключевых концептах славянского слова.

Русское народное творчество, в особенности песня, выражает русскую ментальность во всех её противоречиях и сложностях, а потому и является важнейшим источником её изучения. В древности корневой план мировосприятия, который так или иначе находит своё отражение в слове, спрятан в глубине мифологических представлений. Наиболее ярко он, очевидно, проявляется в сакральных обрядах-праздниках: Ярила Вешний (23 апреля), Живин день (1 мая), Водосвет (19 января), Водопой, он же Переплут (3 апреля. Именины водяного), Духов день (1 июня) и т.д. В такие дни с водной живностью выстраивались почтительно-родственные отношения, переходящие в поклонение. Водяного именуют дедушкой, ласковыми именами называют богиню жизни Живу [1].

Как не противоречива и сложна русская ментальность, в ней определённо можно выделить основные черты, которые собственно позволяют нам идентифицировать себя как русских. К таким чертам можно отнести, прежде всего, соприродность всякого русского (и антропоморфизм восприятия природы); целостность видения мира и представление о жизни как о целостном процессе; соборность (зерно русской ментальности).

Западный мир исходит из «я», русский — из «мы». Такова русская «мы-философия». Отсюда неприятие самой идеи демократии. Соборность — таинственная жизнь духа. «Мы» в соборности не есть коллектив; коллективизм не знает ближних, он есть соединение дальних и носит механистический, рациональный характер [9]. Именно соборность помогла нам выстоять против «коричневой чумы», ибо в экстремальных ситуациях она мощным образом пробуждается в русском народе.

Основным образом нашей ментальности являются просторы и пространства (природы). Русский простор как бы суммирует, сливает все эти черты воедино. Г. Гачев, болгарин, подчеркивает: «У русского пространство — это круг, мир окрест тебя» [10]. Такой схемой можно передать идею цельности целого, то есть всего, всего Божьего мира. Как пишет Колесов, «мир — страна — деревня — дом — я — и в обратном порядке, вкладываясь друг в друга, с расширением до космоса (уселеная: Вселенная) ... Мир в представлении русского — целое, и потом живое, организм, а не механизм. Вся русская философия пронизана отражением к мёртвой технике, к “машине”» [8, с. 132].

Древний грек выстраивал космос в плане красоты и порядка. Русский космос одухотворён, русский дом — в душе, и строй его — в приволье. Греческую стройность русский народ видит в нравственном единстве вселенной, разумея под этим что-то наподобие человеческого общества — как мир, общество. Русский космизм несёт все эти идеи с его реальным прорывом в космос (работы В.И. Вернадского, Н. Левашова и другие).

Принятие христианства в нашем варианте как глубокий синтез язычества и христианства не могло существенно сказаться на русской ментальности. Н.С. Трубецкой, будучи истинно русским учёным, писал о том, что органически воспринятым, вполне привившимся оказалось христианство лишь там, где оно переработало национальную культуру, не упразднив её своеобразия [11]. Тем более, церковная служба на Руси, в отличие от европейских славянских стран (Польши, Чехии), не велась на латинском языке, а проводилась на языке родном.

Антропоморфизм, всеприродность, лежащие в основе языческих представлений, делают приём олицетворения в стиле народной песни *ведушим*. В каждой песне мы встречаем обращение к реке как к живой. В одной из самых старых казачьих песен река Смородина «провестила» человеческим голосом красавицы-девицы [2, с. 206–207].

Река выступает не просто как одушевлённый, живой субъект, но и является главной жизненной ценностью. Ермак отказывается от золота, серебра, за свои заслуги он просит в награду Дон-батюшку. К реке обращаются как к ближайшему родственнику, как к родителям: *Дон-Батюшка, Волга-Матушка*, — которые переживают за весь свой народ как за собственных детей. Материнское (Родина) и отцовское (Отечество) в их совместности (та же семья) [8, с. 78].

Во всех их социальных чувствах они позволяют различать отцовское и материнское сознание, находящие себя как сознания, как любовь к Отечеству и любовь к Родине. Родина, материнство связаны с языком, с песней, сказкой, с народностью и непреодолимой жизнью бессознательного. Отечество (отцовство) — с долгом и защитой, социально-государственной сознательной жизнью. Их разъединение обедняет народ [12].

Все эти стилистические средства русской народной песни создают картину русской соборности, то есть чётко выражают идею ценности человека как вида, а не одиночки, не отдельной личности, индивида, ибо истоки соборности в народной традиции соборного делания и переживания. Стоит только посмотреть на сопереживание Дона казакам, получившим горькую весть о смерти Стеньки Разина. Эпитет *мутный* и его однокоренные слова (*возмущенный, помутился*) усиливает эффект единого всеобщего безраздельного горя.

Необычность стиля народной песни для современного носителя русского языка, очевидно, состоит в том, что стилистика её отвечает, как считает В.В. Колесов, главному принципу её строения: имеет место метонимическое расширение пространства типа «матрешечного». Очевидны чёткие двоичные противопоставления эквиолентного типа, которые сегодня описываются посредством дихотомических привативных. Беспредельность пространств становится исходной точкой развития как метафоры, так и самых разных чувств, ощущений и переживаний [8, с. 132]. С этим

связано и наличие двойных концептов, что отсутствует в других языках и составляет уникальное свойство русской ментальности: *Радость* и *Веселие*, *Честь* и *Совесть*, *Свобода* и *Воля*, *Грусть* и *Тоска*.

Вероятно, явление антропоморфизма и синкретность слова обуславливали это, как и ощущение беспредельности мира. По существу, все основные тропы художественного стиля возникают на базе переноса, т.е. сопоставления, сравнения, взаимосвязи: *сравнение*, *метафора* (скрытое сравнение), *олицетворение* (частный вид метафоры), *метонимия* (взаимосвязь в широком плане) и так далее. Заметим, большой знаток древности и устного народного творчества, Ю.Г. Круглов, также считает метафору главным тропом.

С утратой антропоморфизма и видения мира как живого организма все эти отношения разобщились и перестроились, как бы упростились. Практика подобного анализа у нас, к сожалению, пока полностью отсутствует и требует серьёзных наработок.

Концептуально значимым является эпитет *вольный*: *вольная река*, *вольные берега*, *вольные казаки* и т.д. Концепт «Воля» в русской ментальности развивается сложным путём, весьма специфичным, взаимодействуя с концептом «Свобода» и его производными. Последний вообще не встречается в изучаемых текстах. Для русского человека воля, исходящая от чувства, порождает страстность характера, порой вызывая нежелательные действия экстремального типа, что для иностранцев остаётся загадкой. В западной ментальности воля соединяется действиями рассудка, а в русской — чувства. Как свобода ограничена пределами собственности и является внешней, так и воля ограничена совестью в русской ментальности и является внутренним проявлением: *совестная воля* и *бессердечная свобода* свойственны русской ментальности. Как и все ключевые концепты в русской культуре, *свобода* и *воля* этичны и выступают в разных ракурсах: воли, вольности и свободы. Наблюдения за народной песней подтверждают это. В своём анализе мы показали лишь некоторые двоичные противопоставления, наиболее близко связанные с основными чертами русской ментальности. Эта огромная тема требует самостоятельной разработки.

Восстановленная В. Родиныным народная песня о Волге «Волга, Волга — мать родная» [6] выстроена на обыгрывании концепта «Простор» с его родственными словами: *простор речной волны; как далеко простирает свои вольные берега; как широко разливают воды. Как ты глубока!* Всё это формирует образ безбрежного общего пространства. Структуру текста скрепляет анафора *Волга, Волга — мать родная*, которая отчасти переходит в рефрен, где анафора чередуется с фразами *Волга — вольная река* и *Волга — русская река*.

Повторы не просто концентрируют внимание на основной идее прославления, величания любимой реки, они же единят пространство как уникальное

свойство русскости (Волга — Россия — мир), атрибутом чего являются челны, *выплывающие лебедями* (лебедь ещё и символ Гиперборей). Перед нами одновременно метафора и метонимия (*лебеди — челны*), что усиливает не только мысль о древности Волги, но и о Волге как символе России. Кроме того, именные представления в тексте сливаются с обращением и риторическим восклицанием. Тем самым мы имеем слияние нескольких стилистических средств, которые усиливают своим взаимодействием впечатление выражаемых чувств и мыслей.

В другой русской народной весне «Ой, Волга, ты, Волга, красавица наша» образ Волги также выступает символом России, необъятной, могучей и вечной (*Плывут над тобою седые века*). Приём градации усиливает это впечатление: *Ты гордость народа, ты русская слава, плывут над тобою седые века... Ой, Волга, ты, Волга, простор величавый, Великая наша река!* [6]. Концепт «простор», нередко употребляющийся с эпитетом *великий*, *величавый*, как раз вписывает в текст обращение к Волге как к символу России, а образ, судьба Волги неотделимы от образа судьбы России. Стилистические же тропы и фигуры (олицетворение, риторические восклицания, инверсия, анафора) служат раскрытию и утверждению этой идеи.

Не менее богатая палитра стилистических красок и в песнях о Доне, которые по большей части носят исторический характер. Старинная казачья песня, которая стала эпиграфом к роману-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» о драматической судьбе донского казачества в начале XX века, выстроена на метафоре и иносказании: *Не сохами-то славная землюшка наша распахана... распахана наша землюшка лошадиными копытами, А засеяна славная землюшка / казацкими головами <...> Наполнена вода в Тихом Дону / Отцовскими да материнскими слезами.* Здесь и гипербола, которая усиливает метафору. В тексте о Доне также часто встречаются краткие формы прилагательных: *бела рыбица; студены ключи; круты бережка; Как мне, Тихому Дону, не мутну течи* (здесь к тому же риторическое восклицание). Наличествует множество уменьшительно-ласкательных слов: *мутнёхонек, быстрёхонек, чистёхонек*, — что свойственно как раз народной песне.

Исследование песен о Доне свидетельствует о том, что связаны не только судьба реки и судьба России, но и судьба личная, судьба каждого казака и всего казачества также связаны с Доном. Показательна в этом отношении песня «По Дону гуляет казак молодой». Все эти многочисленные повторы скрепляют пространство Дона и пространство мира, о чём говорит то, что дева шлёт привет, прежде всего, белому свету, и, соответственно, анафора каждой строки придаёт особый народный напев этой песне. Метонимия также придаёт ей художественную выразительность, усиливая чувство пространственности.

Некоторые песни имеют несколько вариантов, как, например, «Ой, ты батюшка наш, славный Тихий

Дон!», где фактически рисуется сопереживание Дона всенародному горю: война 1812 года, сбор казачьего ополчения на помощь русской армии, вынужденной оставить Москву Наполеону. Фактически Дон весь встряхнулся, он перестал быть на себя похожим. Настолько он переживает ситуацию, которая сложилась в России и среди казачества. Надо отметить, что частые повторы не просто концентрируют внимание на основных смыслах песни, но и единят это пространство Дона — России — мира.

Метафора *донские казаки, ясные соколы* подытоживает главную идею: без своих ясных соколов, донских казаков, Дон погибает, он очень остро реагирует на всенародное горе. Эпитет «мутен» вписан в градуальные отношения: *мутен течёшь; помутился ты, Дон, сверху донизу; уж как мне всё мутну не быть*, — и это один из самых распространённых приёмов в песнях о Доне.

Характерно, что более древний былинный вариант этой песни «Уж ты, Дон, ой, да ты, наш Дон, Дон, Дон Иванович» поражает фонетическими изобразительно-выразительными средствами, где те же стилистические приёмы обрамляются звукописью, которая свойственна многим былинным произведениям и восхищает современников, русских и иностранцев: *Уж ты-е-е, Дон, ой, да ты, наш Дон, ой-е, Дон, Дон Иванович <...> Э... возмущённый стал... Помутился, ой, да ты, наш Дон, свер... сверху донизу. Эх, сверху донизу, ой-е, сверху донизу, снизу, снизу доверху* — и т.д. [13].

Звукопись усиливает ведущий приём олицетворения, ибо голос Дона как бы сливается с голосом ясных соколов, донских казаков, т.е. здесь момент пространства уходит как бы внутрь пространства самой песни, переживает некую трансформацию, усиливающую единение Дона, донских казаков и России. За счёт звукописи возникает виртуальное ощущение безбрежной пространственности. Музыкантам будет чрезвычайно интересно сравнить мелодию такой песни с заунывной песней ямщика: *...что-то слышится родное / в долгих песнях ямщика: / то разгулье удалое, / то сердечная тоска.*

Заключение. В русской народной песне выражается представление о человеке как роде, она раскрывает нашу миссию в истории человечества, чётко сформулированную Ф.М. Достоевским: дать жизнь омертвевшему человечеству. Отсюда уникальная жертвенность России, о которой писали все наши русские философы.

Стилистика — та сфера русского языка, особенно мощно позволяющая нам почувствовать наши корни, заглянуть в наше прошлое. Ведь все многочисленные литературные произведения наших мастеров слова о Волге и Доне (например, М. Цветаевой, В. Высоцкого, М. Шолохова и многих других) построены на традиции народной песни. Напомним, что каждый

выпускник реального училища в XIX веке держал в руках книгу А.С. Шишкова, русского гения, знавшего более 20 языков и по благословению царя Николая I издавшего «Славянорусский корнеслов, язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных» [14], тогда как современные филологи, в том числе и профессора, не могут этим похвалиться.

Стилистика может помочь вернуться нашему родному языку в своё русло (его состояние печально, иногда кажется трагичным), а он поможет выстоять России в тяжелейших испытаниях. Не чиновники и схоласты, а живые люди, которые всё отдают для защиты родного языка и страны, могут спасти ситуацию в России.

Литература

1. Максименко, Г.З. Велесова книга: веды об укладе жизни и истоке веры славян / Г.З. Максименко. — Изд. 5-е. — М.: Концептуал, 2017. — 680 с.
2. Афанасьев, А.Н. Древо жизни: избр. ст. / А.Н. Афанасьев. — М.: Современник, 1982. — 464 с.
3. Собрание народных песен П.В. Киреевского. — М.: Наука, 1983, 1986. — Т. 1. — 341 с.; Т. 2. — 326 с.
4. Русские народные песни / сост. В.П. Аникин. — М.: Дет. лит., 1972. — 128 с.
5. Русское устное народное творчество: хрестоматия: учеб. пособие / сост., вст. ст. коммент. В.П. Аникина. — М.: Высш. шк., 2006. — 1127 с.
6. Виктор Родин. Волга, Волга — мать родная (восстановленная народная песня) и др. — URL: <https://stih.ru/2014/12/28/844> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Звёздova, Г.В. Слово — путь и инструмент познания мира. Русская словесность — основа возрождения российского образования как важнейшей составляющей нашей культуры / Г.В. Звёздova // Terra культура. — 2019. — № 10. — URL: <http://terra.lgaki.info/socium/slovo-put-i-instrument-poznaniya-mira-russkaya-slovesnost-osnova-vozhrozhdeniya-rossiyskogo-obrazovaniya-kak-vazhneyshey-sostavlyayushhey-nashey-kulturyi.html> (дата обращения: 08.09.2025).
8. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. — СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. — 624 с.
9. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 107–109.
10. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 162.
11. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — С. 80–82.
12. Федотов, Г.П. Россия, Европа и мы / Г.П. Федотов. — Париж, 1982. — С. 149.
13. Собрание народных песен П.В. Киреевского. — М.: Наука, 1986. — Т. 2. — 326 с.
14. Шишков, А.С. Славянорусский корнеслов. Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных / А.С. Шишков. — СПб.: Духовное преображение, 2011. — 416 с.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Слово и дело

Воронцов В.А.*, Маслова В.А.**

*Автономная некоммерческая организация научно-исследовательский институт «Казанский институт евразийских и международных исследований», Казань

**Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается связь слова и дела — как в истории человечества, так и в современном языке. Названная проблема актуальна, ибо до сих пор нет устоявшейся точки зрения о генезисе языка.

Цель публикации — показать, что не следует противопоставлять слово и дело, как это происходит в традиционной науке, ибо способность слова творить зафиксирована в бесчисленном количестве мифов и сказок, в Библии Слово выступает в качестве Творца.

Материал и методы. *Материалом для наблюдений послужили мифы, сказки, текст Библии. Методами, с помощью которых проводилось исследование, — это наблюдение, описание, этимологический и семантический анализы.*

Результаты и их обсуждение. *Думается, что первичен был язык жестов, посредством которого человек не только приобщается к звуковому языку, но и осваивает множество навыков, профессий. Велика знаковая роль практики, её способность передавать колоссальное количество информации в ходе трансляции различного рода культурных навыков, изобретений. Визуальный канал бесконечно информативней, чем звуковой, поэтому лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. В настоящее время доказано, что язык жестов сыграл и играет фундаментальную роль в генезисе и воспроизводстве звукового языка. Жесты, выступая в качестве метаязыка, наполняют содержанием невидимые звуковые оболочки. Вместе тем сам жест зачастую приобретает содержание, имитируя жизненно важные практики. В данной статье природные или культурные процессы, явления, которые имитирует язык жестов, рассматриваются в качестве его метаязыка. Этот метаязык является метаметаязыком звукового языка и способен пролить свет на наиболее глубокие тайны его генезиса.*

Заключение. *В статье показано, что развитие вторичных знаковых систем не делает информативную роль практики менее актуальной. Усиливается сказанное тем, что в современном звуковом языке тоже есть свидетельства его способности совершать дело. Для того, чтобы производить действия, достаточно силы, или энергии языка. Прежде всего, Божественной энергии, ибо Бог сотворил мир словом.*

Ключевые слова: *генезис языка, роль жестов, слово, действие языка.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 34–37)

Word and Deed

Vorontsov V.A.*, Maslova V.A.**

*Autonomous Research Institute “Kazan Institute of Eurasian and International Studies”, Kazan

**Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

This article examines the connection between words and deeds — both in human history and in modern language. This issue is relevant because there is still no established view on the language genesis.

The purpose of the article is to show that one should not contrast word and deed, as is accepted in traditional science, because the ability of the word to create is recorded in countless myths and fairy tales; in the Bible, the Word acts as the Creator.

Material and methods. *Myths, fairy tales, and the Bible served as the material for the observations. The research methods used were observation, description, etymological and semantic analysis.*

Findings and their discussion. *It is believed that sign language was the primary means by which people not only acquire spoken language but also master numerous skills and professions. Sign language plays a significant role, as does its ability to convey a colossal amount of information through various cultural skills and inventions transmission. The visual channel is infinitely more informative than the auditory one, so it's better to see once than hear a hundred times. It's now been proven that the sign language has played and continues to play a fundamental role in the genesis and reproduction of spoken language. Gestures, acting as a metalanguage, imbue invisible sound covering with content. At the same time, the gesture itself often acquires meaning, imitating vital practices. In this article, the natural or cultural processes and phenomena imitated by sign language are considered as the metalanguage. This metalanguage is a metametalinguage of the spoken language and can shed light on the deepest mysteries of its genesis.*

Conclusion. The article demonstrates that the development of secondary sign systems does not diminish the informative role of practice. This is reinforced by the fact that modern spoken language also shows evidence of its ability to perform actions. To produce action, the language power or energy is sufficient. First of all, it is Divine energy, as God created the world by the word.

Key words: language genesis, role of gestures, word, language action.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 34–37)

Представленная публикация посвящена рассмотрению связи между *словом* и *делом* — как в истории человечества, так и в современном языке. В работе приводятся две точки зрения — важность и первичность жестового слова, которое было дано изначально, и слова живого звукового языка, показана их роль в «деле» (деятельности, действии). Названная проблема актуальна, ибо до сих пор нет единой позиции по генезису языка. Цель статьи — показать, что не следует противопоставлять слово и дело, как это происходит в традиционной науке, ибо способность слова *творить* зафиксирована в бесчисленном количестве мифов и сказок, в Библии Слово выступает в качестве Творца.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили мифы, сказки, текст Библии. Методами, с помощью которых проводилось исследование — это наблюдение, описание, а также методы этимологического и семантического анализа.

Думается, что первичным был язык жестов, посредством которого человек не только общается к звуковому языку, но и осваивает множество навыков, профессий. Знаковая роль практики, её способность передавать колоссальное количество информации в ходе трансляции различного рода культурных навыков, изобретений, безусловно, очень велика. Визуальный канал бесконечно информативней, чем звуковой, поэтому лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. В настоящее время доказано, что язык жестов сыграл и играет фундаментальную роль в генезисе и воспроизводстве звукового языка. Жесты, выступая в качестве метаязыка, наполняют содержанием невидимые звуковые оболочки. Вместе тем сам жест зачастую приобретает содержание, имитируя жизненно важные практики. В данной статье природные или культурные процессы, явления, которые имитирует язык жестов, рассматриваются в качестве его метаязыка. Этот метаязык является метаметаязыком звукового языка и способен пролить свет на наиболее глубокие тайны его генезиса.

Результаты и их обсуждение. Противопоставления языка и дела порождает массу проблем, связанных с генезисом языка. Возникает вопрос о характере естественных процессов, породивших язык. Принято считать, что в природе отсутствуют языки, способные отразить умственную, творческую деятельность, включая деятельность, связанную с формированием языков. Между тем, природе не чуждо творческое начало, что побуждает говорить о чудесах природы, причём не только живой. Природа способна задавать вопросы, а также отвечать на них посредством языка, причём весьма и весьма совершенного. Г. Галилей

не только говорил, но и доказывал в своих трудах, что «книга природы написана на языке математики, а её буквы — это круги, треугольники и другие геометрические формы».

Не только окружающая, но и человеческая природа способна говорить на языке геометрии, математики. «Конституция приматов позволяет производить измерения и строить геометрические и математические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, перенося таз с водой, охапку дров, пучок редиски или без всякой цели шагая из конца в конец коридора, мы производим измерение соответствующих габаритов и демонстрируем их независимо от нашего сознания. Даже стоя по стойке смирно, мы демонстрируем ширину своих бёдер» [1, с. 50].

Именно природа снабдила нас книгой, построенной на математической символической шкале Хми, цифрах и т.д. В мифах, сказках эта книга фигурирует в качестве чудесной, волшебной, божественной. Обнаружить подобную книгу предельно просто. Дело в том, что сложенные ладони до сих пор означают 'почитание', 'причитание'. Природные книги не хранятся на пыльных полках библиотек, они всегда с нами. «Уже малые дети регулярно используют эти книги, чтобы хныкать, прижимая их к лицу, а разумные мамы используют их для приобщения к счёту» [1, с. 53]. Следует заметить, что во многих языках слова *считать* и *мыслить* являются синонимами. Так, например, в татарском языке *исәпләу* 'считать, полагать, думать, намереваться' [2]. Все люди, включая выдающихся математиков, логиков, учились складывать, делить, считать, мыслить посредством природной книги. Вполне естественно, что именно эта книга способна пролить свет на традиционные системы счислений: 5-ричную, 10-ричную, троичную, 12-ричную.

Рукотворная книга считалась божественной по следующей причине. Дело в том, что руки изначально выступают в качестве подателей всех благ, спасителей, божеств, творцов: протоинд. *Bhaghu* — 'часть руки', *bhag* — 'наделяющий богатством, бог'; двн. *buog* — 'сустав'. Аристотель с полным основанием считал, что «рука есть орудие орудий» [3]. Рука древнее, сложнее и полифункциональнее искусственных орудий. Её потенции невозможно перечислить. Эти потенции мы начинаем осмысливать сразу после рождения, пребывая на руках у матери. Именно с осмыслением этого органа, его потенций Л. Гейгер связывал истоки языка. Он писал: «Человек обладал языком ранее орудий и ранее искусственной деятельности»; это положение, уже само по себе убедительное и вероятное, может

быть вполне доказано лингвистически. Рассмотрим какое-нибудь слово, обозначающее деятельность, производимую орудием: мы всегда найдём, что это не первоначальное его значение, и последнее передаётся только в естественных органах человека. Сравним, например, исконные слова: *нем.* Mahlen, Muhle; *рус.* Молотить, Мельница; *лат.* Molo; *греч.* Myle. Хорошо известный в древности способ растирать зерна злаков между камнями, без сомнения, достаточно прост, и его можно, в той или иной форме, предположить известным для первобытной эпохи. Однако, слово, которое мы употребляем теперь для деятельности с помощью орудий, исходило из ещё более простого образа. Весьма распространённый в индоевропейской семье языков корень Mal или Mar означает «растирать пальцами» или же «раздроблять зубами» ... В немецком языке два различных слова из родственных корней близко встретились в звуковом произношении; Mahlen (размалывание) зерна и Malen (рисование) картины. Основное значение в обоих случаях одно: растирать пальцами или мазать.

Деятельность с помощью орудий получает название от более простой, древнейшей, животной. Это общее явление, и его можно объяснить иначе, как тем, что название древнее, чем обозначаемая им теперь деятельность орудия; жестовое слово было дано уже прежде, чем люди стали пользоваться иными органами, кроме прирождённых, естественных» [цит. по: 4]. Действительно, человек осваивает язык в возрасте, когда ему категорически запрещено производить и пользоваться колющими, режущими, рубящими орудиями. Это не мешает ему знакомиться с бесконечно более содержательной орудийной системой: материнскими руками, их жестами, их деятельностью.

При отсутствии языков именно деятельность рук изначально выступала для трансляции и развития культурных навыков. В.Я. Пропп был глубоко прав, утверждая, что все сказания изначально демонстрировались. В своей книге «Исторические корни волшебной сказки» он писал: «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, что не делали, представляли себе» [5].

В ходе приобщения к рукам, материнские руки (руки божества) многократно демонстрируют младенцу процесс творения рукотворного мира, колыбели человечества, райской обители, в которой изначально обитает человек. Золотой век, когда человеку не надо трудиться, когда всем его обеспечивают божества, детально освещён в мифах. Отлучение от рук (изгнание из рая) также отражено в мифах.

Руки приспособлены не только к осуществлению различных функций, но и для имитации этих функций. Эта имитация породила язык жестов, который с полным основанием можно называть языком от Бога, или божественным языком. Сущность этого языка заключается в показе. М. Хайдеггер, ориентируясь на лингвистические факты, с полным основанием писал: «Помня о древнейшем употреблении этого слова, мы

будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово *каз*» [6]. Попытки постигнуть сущность древних сказов, игнорируя сущностные свойства исходного языка, лишены малейших оснований. Э.Б. де Кондильяк с полным основанием настаивал, что учёт языка жестов абсолютно необходим при изучении древних мифологических и религиозных систем. Он утверждал, что Священное писание даёт нам «бесчисленные примеры» бесед на жестовом языке [7].

Язык, подаренный нам Богом, способен имитировать самые разные процессы, однако его информационная значимость гораздо ниже божественной практики. По этой причине можно без посредствующего языка показать, как наматывается портянка на ногу, как разбирается и собирается автомат, как заправляется постель, чинится обувь, чем объяснять это жестами. Ещё менее вразумителен звуковой язык, не способный в принципе продемонстрировать широкий круг навыков, которым обладает человечество. По этой причине практикантам зачастую советуют забыть всё то, что им говорили на лекциях, и молча (молчание — золото) наблюдать за золотыми руками мастера. Эти руки могут молча научить вырезать аппендикс, вправлять вывих, изготавливать скрипки, ювелирные изделия, прекрасную мебель, рисовать картины и т.д. Тургеневский Герасим знал всё о сельскохозяйственной деятельности и был человек, поскольку ему довелось наблюдать за этой деятельностью, ухаживать за братьями меньшими. По этой причине не следует преувеличивать роль звукового языка в антропосоциокультурогенезе и приуменьшать знаковую роль практики как информационного канала, как мета- и метаметаязыка.

Допустим, что в антропосоциокультурогенезе всё так и происходит, но и в современном звуковом языке тоже есть свидетельства его способности совершать дело. Для того, чтобы производить действия, достаточно силы, или энергии языка.

«Слово даже обыденного языка имеет свою энергию, которая часто действует помимо нашего сознания», — утверждает П.П. Гаряев. Именно поэтому народ утверждает в своей поговорке, что *доброе слово лечит, а злое калечит*. Энергетическими следами слов, произнесёнными разными людьми (живущими сейчас и давно ушедшими), пронизано всё вокруг нас. Через именование словом осуществляется связь с Творцом. Такое слово несёт отблеск Творца.

Слово — метод концентрации энергии духа, как считал П.А. Флоренский, в нём заложена необыкновенная суггестивная мощь [цит. по: 8]. Поэты это увидели раньше учёных:

*Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города* (Н.С. Гумилев).

Если для лингвиста сила слова определяется его смыслом и контекстом, в который оно помещено, то в богословии Слово обладает особой силой: посредством его, согласно Библии, происходит все творение (Евр. 1:3). Слово Божье сотворило небеса (Пс. 32:6; 148: 8), оно является началом создания мира и вселенной (Ин. 1:1). Словом Бог заставляет море расступиться (Мк. 4:39), Иисус Христос исцеляет больных (Мф. 17:18), изгоняет бесов (Мф. 8:16). Божественное Слово — это вместилище энергии, которая имеет власть над миром, возвещает вечное и дарует приближение к сокровенному. Как считает В.И. Постовалова, здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики» [9]. Вероятно, всякое слово изначально имело духовное начало, которое мы утратили с развитием цивилизации.

Слово сформировалось, с одной стороны, как дар Божий, а с другой — в результате культурно-исторического развития народа. Слово имеет своё значение, а, будучи помещенным в текст, и смысл, отражает факт мира (реального или воображаемого), обладает силой и живёт в некотором смысле своей жизнью, независимой от человека. Не случайно В.А. Звегинцев писал: «Даже тогда, когда язык как будто удаётся подчинить жёстким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далёкие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [10].

Отсюда следует, что язык силён своей глубиной, глубинными механизмами, которые почти не исследованы на сегодняшний день, хотя примеров, подтверждающих наличие таких механизмов, множество: *брать горлом* (добиваться чего-либо криком), *брать грудью* (побеждать сильным напором), *брать за душу* (волновать). Выделенные фразеологизмы (напомним, что фразеологизмы — душа любого языка) на уровне поверхностного смысла должны быть сходны, так как общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы, которые формируются при участии культуры, создают возможность для репрезентации разных сфер деятельности человека — физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т.д. Становится понятным, что современная лингвистика, чтобы ответить на свой главный вопрос «почему» (так как на вопросы «что» и «как» уже получены исчерпывающие ответы), должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов,

но без использования данных других областей знаний, ей это не под силу. Сила слова вытекает из его энергичности, и это — это бесконечная лестница различных состояний материи, где фундаментом является физическая материя (жесты), а сверху — высшее состояние Духа, духовная материя.

Заключение. В статье показано, что развитие вторичных знаковых систем не делает информативную роль практики менее актуальной. Сказанное усиливается тем, что в современном звуковом языке тоже есть свидетельства способности слова совершать дело. Для того, чтобы производить действия, достаточно силы, или энергии языка. Прежде всего, Божественной энергии, ибо Бог сотворил мир словом.

Проведённое исследование позволило конкретизировать роль практики в становлении вторичных знаковых систем: языка жестов, звукового языка. Исследование дало основание трактовать практику как метаязык языка жестов, а также метаязык звукового языка и выявило проблемы, возникающие при моделировании практики посредством языка жестов и посредством звукового языка. Решение обнаруженных проблем и есть перспективы данного исследования.

Литература

1. Воронцов, В.А. Фундаментальная система языка и её использование в семантических исследованиях / В.А. Воронцов. — Казань: Логос-Пресс, 2024. — 200 с.
2. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — С. 179.
3. Аристотель. Этика. — Книга III. — 8 / Аристотель. — М.: Изд-во АН СССР, 1978. — С. 432.
4. Роль орудия в развитии человека [Текст]: сб. ст. / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас; ред. и предисл. И.С. Плотникова. — Ленинград: Прибой, 1925. — С. 32.
5. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1946. — С. 253.
6. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1983. — С. 265.
7. Кондильяк де Э.Б. Опыт происхождения человеческих знаний / Э.Б. де Кондильяк // Сочинения: в 2 т. / Кондильяк де Э.Б. — М.: Мысль, 1980. — Т. 1. — С. 186–187.
8. Черепанова, И. Суггестивная лингвистика / И. Черепанова. — М., 1996. — 145 с.
9. Постовалова, В.И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты / В.И. Постовалова. — М.: Изд-во Братства святителя Алексия, 2022. — С. 137.
10. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — С. 301.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Михаил Матусовский как переводчик

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Михаил Львович Матусовский широко известен прежде всего как автор слов к популярным песням, в то же время практически не изученными остаются иные аспекты его творчества — в частности, стихотворные переводы с нескольких языков; их малоизученностью определяется актуальность заявленной темы.

Цель данного исследования — сопоставление одного из стихотворных переводов М.Л. Матусовского с оригиналом в аспекте выявления средств и способов адекватной передачи композиционно-образного содержания художественного текста.

Материал и методы. *Материалом послужили выполненные М. Матусовским переводы поэтических произведений одного из его современников — украинского поэта Александра Гаврилюка. К основным методам исследования относятся композиционный и лингвостилистический методы, контекстуального анализа и сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что при переводе поэтического произведения приоритетным для переводчика является передача заключённого в тексте образно-ценностного смысла, а также особенностей индивидуально-авторской манеры. Способность переводчика воспроизвести отмеченные свойства средствами иного языка, которая в полной степени продемонстрирована М. Матусовским, свидетельствует о его переводческом таланте.*

Заключение. *Сопоставительный анализ оригинального и переводного вариантов стихотворения А. Гаврилюка «Непредбачений епілог» позволяет сделать вывод о безусловном переводческом таланте М.Л. Матусовского, стремящегося максимально сохранить не только композиционные и образные особенности переводимого произведения, но и присущие тексту индивидуально-авторские черты.*

Ключевые слова: *М.Л. Матусовский, А. Гаврилюк, лирическое произведение, поэтический перевод, композиция, образная система, индивидуально-авторская манера.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 38–42)

Mikhail Matusovsky as a Translator

Zaitseva I.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Mikhail Lvovich Matusovsky is widely known primarily as the author of lyrics to popular songs, while other aspects of his work remain virtually unexplored, in particular, poetic translations from several languages; their poor study determines the relevance of the stated topic.

The purpose of the study is to compare one of M.L. Matusovsky's poetic translations with the original in terms of identifying the means and methods of adequately conveying the compositional and figurative content of an artistic text.

Material and methods. *The material was the translations of poetry by one of his contemporaries, Ukrainian poet Alexander Gavrilyuk, made by M. Matusovsky. The main research methods include compositional and linguostylistic methods, contextual analysis and the comparative method.*

Findings and their discussion. *The observations confirmed the hypothesis that when translating a poetic work, the priority for the translator is to convey the figurative and value meaning contained in the text, as well as the features of the individual author's manner. The translator's ability to reproduce the noted properties by means of another language, which was fully demonstrated by M. Matusovsky, testifies to his talent as a translator.*

Conclusion. *A comparative analysis of the original and translated versions of A. Gavrilyuk's poem "The Unpredictable Epilogue" allows us to conclude that M.L. Matusovsky has an unconditional talent for translation, striving to maximally preserve not only the compositional and figurative features of the translated work, but also the individual-authorial features inherent in the text.*

Key words: *M.L. Matusovsky, A. Gavrilyuk, lyrical work, poetic translation, composition, figurative system, individual-authorial manner.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 38–42)

*Переводчик в прозе есть раб,
переводчик в стихах соперник.*
В.А. Жуковский

В июле нынешнего — 2025 — года было отмечено 110-летие со дня рождения Михаила Львовича Матусовского, который в настоящее время известен прежде всего как автор слов к песням, имевшим значительную популярность во второй половине XX столетия и отчасти сохранившим её и в современный период. Эти песни: «На безымянной высоте», «Берёзовый сок», «С чего начинается Родина?», «Летите, голуби, летите», «Белой акации гроздь душистые...» и другие — нередко звучат в дни разных торжественных событий (на выпускных школьных вечерах; при отмечании памятных дат, связанных с событиями Великой Отечественной войны и иных важных для государства событий). Современному читателю известно и поэтическое творчество М.Л. Матусовского, в литературном наследии которого не только лирические стихотворения, но и поэмы и баллады (хотя, безусловно, известность такого характера никак не может «соперничать» с известностью этого автора как поэта-песенника).

Однако М.Л. Матусовский, будучи весьма многогранной творческой личностью, оставил нам обширное наследие, многие ипостаси которого ещё предстоит исследовать. Это его деятельность как военного корреспондента, мемуариста-прозаика, сценариста документальных фильмов и — то, что в данном случае составит объект нашего исследования — **переводчика**. Именно малоизученностью стихотворных переводов М. Матусовского, корпус которых достаточно объёмен, определяется *актуальность* заявленной темы.

Цель в данном случае заключается в сопоставлении выполненного М.Л. Матусовским перевода стихотворного произведения с оригиналом в аспекте выявления степени сохранения переводчиком, с одной стороны, композиционно-образной структуры переводимого лирического текста, с другой — особенностей индивидуально-стилистической манеры автора-поэта.

Как уже отмечалось, переводческой деятельности М.Л. Матусовского исследователями до настоящего времени уделялось явно недостаточное внимание, о чём косвенно свидетельствуют и биографические справки об этом авторе в справочных изданиях, где о Матусовском-переводчике либо вообще не упоминается, либо упоминается крайне лаконично. Так, в одной из наиболее обширных справочных статей о творчестве М.Л. Матусовского, помещённой в библиографическом словаре «Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги» под редакцией Н.Н. Скатова, содержится следующая информация (примечательно, что именно эта информация, при всей её лаконичности, является наиболее полной характеристикой деятельности Матусовского-переводчика, которая имеется в существующих справочных изданиях): «МАТУСОВСКИЙ Михаил Львович [10(23).6.1915, Луганск — 16.7.1990, Москва] — поэт. ...

Он является автором *большого числа переводов* — антологии *украинской, казахской, туркменской, марийской поэзии*, особенно интересны переводы *Т. Шевченко, М. Бажана, С. Капутикян и С. Рустам-ма* (выделено нами. — И.З.) [1].

Приведённый фрагмент, несмотря на чрезвычайную его краткость, всё же позволяет создать представление о безусловной широте переводческих интересов М.Л. Матусовского, который оставил нам стихотворные переводы как с близкородственного русскому языку — *украинского*; так и с языков, неродственных родному для него русскому языку, диапазон которых впечатляет: это языки, относящиеся к разным ветвям тюркской группы — *казахский и туркменский*; выделяемый в индоевропейской семье в отдельную ветвь *армянский* язык; один из финно-угорских языков — *марийский*.

Материал и методы. Материалом для наблюдений в данном случае послужили оригинальный текст стихотворения украинского поэта Александра Гаврилюка (1911–1941) «Непередбачений епілог» и выполненный М.Л. Матусовским перевод этого произведения на русский язык под названием «Непредвиденный эпилог». К основным методам, используемым в ходе проведения исследования, принадлежат: композиционный и лингвостилистический методы, а также метод контекстуального анализа, с помощью которых выявлялись как композиционно-стилистические, так и образно-эстетические особенности и оригинального, и переводного вариантов анализируемого поэтического произведения; сопоставительный метод, который позволил установить сходства и отличия между рассматриваемыми лирическими произведениями, включая черты индивидуально-стилистической манеры как автора, так и переводчика.

Результаты и их обсуждение. Луганский край, где М.Л. Матусовский родился и в значительной степени сформировался как личность, о чём он сам не раз, как правило, в образной форме упоминал в своих произведениях, представляет собой очевидно *поликультурный* и, соответственно, *многоязычный* регион. Однако преобладающими в общении жителей этого края на протяжении всего времени его существования были *два* взаимодействующих *восточнославянских* языка, две лингвокультуры: ведущее место в данном объединении принадлежит лингвокультуре *русской*, но при этом весьма ощутимым, хотя и в разной степени в различные периоды, было и влияние лингвокультуры *украинской*.

М.Л. Матусовский, родным языком которого является русский, всегда был открыт для влияния украинской лингвокультуры как дополняющей, образно конкретизирующей и т.п. родную для него русскую лингвокультуру, свидетельства чего можно найти во многих его произведениях. Убедительно говорит об этом и внимание Матусовского-переводчика к поэзии классиков украинской литературы как XIX века (*Тарас Шевченко*), так и минувшего столетия (*Микола Бажан и Владимир Сосюра*).

Но Матусовский обращался и к переводу произведений тех украинских поэтов, имена которых —

по разным причинам — иногда практически не были замечены критиками и широко известны читателям, однако, с точки зрения как переводчика, были, безусловно, достойны особого и читательского, и исследовательского внимания.

Именно к таким художникам слова принадлежит украинский поэт **Александр Гаврилюк**, недолгая жизнь которого трагически оборвалась в первый день Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года. При этом тридцатилетняя жизнь А. Гаврилюка была наполнена серьёзными испытаниями: он пережил не только пятимесячное тюремное заключение, но и пребывание дважды в концентрационном лагере «Берёза Картузская». В 1939 году поэт был освобождён из этого лагеря пришедшей в Западную Украину Красной Армией.

Творческое наследие Александра Гаврилюка включает литературно-художественные произведения (прозаические и стихотворные) и довольно обширную публицистику, в том числе и с явными элементами художественности, что, с нашей точки зрения, обуславливается бесспорным преобладанием в его мировосприятии *образного* компонента осмысления действительности.

Стихотворение, на которое Михаил Матусовский обратил внимание как переводчик — «Непредбачений епілог» (рус. «Непредвиденный эпилог»), датировано автором 1940 годом; в этом же году оно переведено М. Матусовским на русский язык.

Стихотворение явно автобиографично: в нём образно зафиксированы события, имевшие место в жизни автора. В соответствии с законами лирического жанра сюжетные перипетии приобретают в произведении обобщённый характер (см. об этом, свойственном лирическому произведению, качестве в работе Т.И. Сильман «Заметки о лирике» [2]), что позволяет читателю определённым образом сориентироваться и в особенностях социально-политического контекста, который сформировался на территории современной Западной Украины перед Великой Отечественной войной.

Перевод как таковой представляет собой процесс передачи устного или письменного текста, выражения или слова языковыми средствами одного языка на другой. Одним из непеременимых условий адекватности и, соответственно, качества перевода является установление *семантического* соответствия между единицами двух языков с целью максимально точной передачи содержащейся в письменных или устных высказываниях информации (сказанное относится прежде всего к высказываниям, принадлежащим к речевым регистрам, где преобладает информативная функция).

При этом в настоящее время уже абсолютно справедливым считается утверждение о том, что при переводе произведений художественной литературы, т.е. при осуществлении *художественного* перевода — «самым трудным и важным в переводе является *не лингвистический, а художественно-образный момент*, т.е. способность переводчика воссоздать образный мир произведения» (выделено нами. — И.З.) [3]. При переводе же *поэтических* произведений переводчик, помимо обозна-

ченной, сталкивается с дополнительными, «совершенно специфическими проблемами, ибо *форма выражения (ритм, размер, рифма и пр.) являются существенным фактором при передаче аудитории духа сообщения*» (выделено нами. — И.З.) [4]. Таким образом, при переложении художественного текста средствами другого языка необходимо обеспечить передачу не только содержащейся в переводимом тексте информации, но и максимально полное соответствие создаваемого текста оригинальному по форме, художественному замыслу и стилю автора, а также передачу на другой язык понятий и реалий, отсутствующих в жизни другого народа.

Представляется, что, выполняя перевод рассматриваемого стихотворения Александра Гаврилюка, М.Л. Матусовский стремился не только крайне бережно и деликатно отнестись к переложению стихотворного текста на близкородственный восточнославянский язык, проявляя при этом безусловный поэтический талант, но и *максимально учесть структурные и функциональные* особенности *обоих* языков.

Остановимся на более подробном рассмотрении перевода ключевых композиционных фрагментов лирического произведения, что, как представляется, проиллюстрирует высказанные положения.

Название любого текста — а тем более текста художественного поэтического — всегда является сильной для восприятия позицией, в значительной степени предопределяющей понимание смысла произведения в принципе (включая *эмоциональную* и *ценностную* составляющие). Название стихотворения А. Гаврилюка «*Непредбачений епілог*» (здесь и далее текст указанного произведения цитируется по изданию [5]) переводчиком Михаилом Матусовским сохранено абсолютно: звучащее по-русски заглавие «*Непредвиденный эпилог*» (здесь и далее текст переведённого М. Матусовским стихотворения А. Гаврилюка цитируется по изданию [6]) тождественно названию оригинального текста и в структурном, и в семантико-стилистическом отношении, что очевидно, если сравнить приводимые далее сведения из языка-источника и языка, на который переведено стихотворение:

I Оригинальный текст:

непредбачений — ‘якого не передбачали, не чекали, не сподівалися; несподіваний’ (с. 353); **епілог** — «1. Заключна частина літературного твору, в як й розповідається про подальшу долю героїв. 2. *перен., книжн.* Кінець, розв’язка чого-небудь» (с. 772) [7].

II Переводной текст:

«**Непредвиденный** ... Такой, который не предвидели, не предугадали; неожиданный» [8];

«**Эпилог** ... 1. В древнегреческой драме — заключительное обращение к зрителям, объяснявшее намерение автора или характер постановки. 2. Заключительная часть литературного произведения, содержащая обычно краткие сведения о дальнейшей участи его героев. 3. *Перен.* Конец, завершение чего-либо» [9].

В отношении композиционного оформления оригинального и переводного вариантов рассматриваемого

произведения необходимо отметить следующее. Стихотворный текст, не имеющий строфического деления в оригинале, переводчик делит на *четырёхстрочные* строфы — один из самых популярных вариантов строфического оформления лирического текста в русской поэзии. Возможно, это объясняется стремлением переводчика придать тексту «композиционную целостность, внутреннюю тематическую законченность и метрическое единство» [10], которая достигается при этом. Кроме того, представляется, что деление на строфы в данном случае существенно подчёркивает экспрессивность переводимого произведения, точнее — **эксплицирует** её, поскольку «являясь архитектурной художественной формой поэтического произведения, строфа играет исключительную роль в выразительности стиха и помогает в раскрытии внутреннего содержания стихотворения» [10] — ср., к примеру:

I Оригинальный текст:

Аж війна нахлинула бурхливо,
і пани заплутались в війну,
і тоді я слів своїх плетиво
під вербою в землю загорнув.
Хай пани помстяться, поки згинуть,
помста їх для мене не нова, —
заповів для жінки я й для сина
зберегти закопані слова.
Ви не сипте, любі, сліз наміста, —
крізь руїну пісню збережіть!
Хай уб'ють мене, та мого змісту
не уб'ють, — в слові буде жить!

II Переводной текст:

А когда война зловещей тенью
К нам пришла и принесла беду,
Я украдкой слов своих плетенье
Закопал под вербою в саду.

Пусть шумят паны, пока не сгинут,
Для меня их злоба не нова.
И тогда своей жене и сыну
Завещал сберечь я те слова.

«Вы не лейте слёз, — сказал я глухо, —
Я прошу вас песню сохранить.
Пусть меня убьют они, но духа,
Что остался в песне, не убить!»

Собственно текст произведения структурно-композиционно оформлен как **монолог** лирического героя, однако, как это обычно свойственно талантливым авторам, — монолог, отличающийся явным своеобразием. Формально стихотворение представляет монолог *обращённого* характера — его адресатом обозначено понятие **спів** (рус. ‘пение, запев’), придающее всему разворачивающемуся тексту выраженную антропоморфность: *Ти, затятий спів могого гніву, / отже, дожили ми, я і ти, / небувало у щасті дива, / тобі дзвінко по світу їти. / Ти твердий і волею крилатий, / поліцаями зацькований, мов звір*. Однако при этом

очевидно, что ответной реакции в данном случае быть не может: **спів** — абстрактное понятие, ценностно-образно осмысливаемое лирическим героем. Подобный характер введения в лирическую структуру этого понятия сразу же обеспечивает реализацию целой системы изобразительно-выразительных приёмов. Отмеченный принцип антропоморфизма воплощается в обширной системе тропов, во многих из которых **спів** представлен как *соратник, друг, собеседник* и т.п. лирического героя. Это **метафоры**: *дожили ми, я і ти, (небувало у щасті дива)*; <нам> *дзвінко по світу їти* и т.п.; **эпитеты**: *затятий спів могого гніву; ти <спів> твердий і волею крилатий* и т.п. — и **сравнения**: <спів> *поліцаями зацькований, мов звір* и т.п. Часть этих тропов взаимодействует друг с другом настолько тесно, что на их основе образуются тропы явно *синкретичного* характера — как, например, **сравнение, осложнённое эпитетом** (*сравнение / эпитет*), характеризующее ключевой образ оригинального произведения (**спів**): *ти ... поліцаями зацькований, мов звір*.

Примечательно, что Михаил Матусовский, всегда очень бережно относящийся к воплощённой в переводимом произведении образной системе, тем не менее считает возможным в переводном варианте в ряде случаев сосредоточить образные характеристики преимущественно на феномене *лирического субъекта* (в отличие от автора, который таким способом акцентирует образ *співу*); ср., к примеру:

I Оригинальный текст:

*Ти <спів>твердий і волею крилатий,
поліцаями зацькований, мов звір,
тільки, криючись, я міг писати,
і писав усім наперекір.*

II Переводной текст:

*Не терял я твёрдости и воли,
Загнанный, как зверь, в одну из нор,
Мог писать я только лишь в подполье,
Но писал — врагам наперекор* (везде выделено нами. — И.З.).

При этом оригинальность ценностно-образной системы оригинального произведения переводчик стремится сохранить максимально — достаточно проанализировать вербальные элементы конкретизации в тексте тех или иных образов; ср., например: (*спів*), *зацькований, мов звір* — (я), *загнанный, как зверь, в одну из нор* и т.п.

Заключительный фрагмент лирического произведения, как представляется, особенно отчётливо побуждает адресата *ретроспективно* осмыслить и всё изложенное ранее, и название стихотворения: для лирического героя завершение одного из его жизненных этапов оказалось неожиданно — **непредвиденно** — счастливым:

I Оригинальный текст:

Зустрічали нас щасливі люди,
хоч ми йшли, подібні до мари:
луснула Береза, — знали всюди,
— луснула, мов страхітний налив.

І з червоним другом-командиром
вийняв я з землі свої пісні
в день моєї здійсненої віри,
в осінь, що миліша від весни!
Ти бурлив хвилюючо юрбою,
морем стягів гордо майорів,
коли я зустрівся з тобою,
мій любий, вже свободний Львів.
Розмахніться ж ви, пісні, угору,
юні ви, в землі не зогнили,
але світу панського потвору
час могилою важкою привалив.
Ті пісні у панське серце злобне
я заб'ю, мов осиновий кіл,
щоб не важивсь упірем загробним
панський дух вилазити з могил.

II Переводной текст:

Люди улыбались нам сквозь слёзы.
Мы в толпе, как призраки, брели.
И когда настал конец Берёзы,
Я достал тетрадку из земли:

С командиром Армии Червонной
Песни мной на свет извлечены
В день моей надежды воплощённой,
В осень, что милей любой весны,

Ты бурлил взволнованной толпою,
Морем стягов и людских голов,
В час, когда я встретился с тобою,
Милый мой, освобождённый Львов.

Поднимайся, песня, на свободе!
Ты жива, ты долго будешь жить,
Чтоб прикончить панское отродье
И могильным камнем привалить.

Я во вражье сердце это слово
Будто кол осиновый всадил,
Чтоб не смел видением бывшего
Панский дух являться из могил.

Эмоциональное состояние счастья, испытываемое лирическим героем, который переживает эти минуты в единении с любимым городом, передано переводчиком максимально близко к оригинальному тексту, с сохранением всех привлечённых автором образных средств — ср.: *Ти бурлив хвилюючо юрбою, / морем стягів гордо майорів, / коли я зустрівся з тобою, / мій любий, вже свободний Львів* — рус. *Ты бурлил взволнованной толпою, / Морем стягов и людских голов, / В час, когда я встретился с тобою, / Милый мой, освобождённый Львов*.

С такой же степенью адекватности переведены заключительные — по определению являющиеся в тексте сильной позицией — строки стихотворения, где содержится призыв к песне (= слову), ставшей для лирического героя самым действенным оружием;

ср.: *Розмахніться ж ви, пісні, угору, / юні ви, в землі не зогнили, / але світу панського потвору / час могилою важкою привалив* — рус. *Поднимайся, песня, на свободе! / Ты жива, ты долго будешь жить, / Чтоб прикончить панское отродье / И могильным камнем привалить*.

Заключение. Таким образом, реализованные М. Матусовским в процессе перевода стихотворного произведения принципы позволили, помимо адекватной передачи смыслового наполнения текста, сохранить не только все его принципиально значимые образные характеристики, но и значительную часть тех особенностей поэтического текста, которые принадлежат к явно *индивидуально-авторским*, отражающим своеобразие мировидения и мироощущения художника слова.

Некоторые «отклонения» от авторского подхода в формировании образного каркаса лирической структуры, допускаемые переводчиком — в частности, выбор для образной конкретизации заложенного в стихотворении смысла иного характера, нежели у автора, реальный — с нашей точки зрения, осуществлены переводчиком в русле практически полного соответствия ценностно-образному содержанию оригинала. При этом крайне важным видится тот факт, что переводчиком почти абсолютно сохранены присущие оригинальному стихотворению индивидуально-стилистические черты.

Литература

1. Бикбулатова, К.Ф. Матусовский Михаил Львович / К.Ф. Бикбулатова // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); науч. ред. и сост. В.Н. Запелов [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Скатова. — М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. — Т. 2: 3–О. — С. 542–544.
2. Сильман, Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. — Л.: Сов. писатель. Ленинград. отд-ние, 1977. — 223 с.
3. Раренко, М.Б. Перевод / М.Б. Раренко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — Стб. 735.
4. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 143.
5. Гаврилюк, О. Вибране / О. Гаврилюк. — Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1955. — 280 с.
6. Матусовский, М.Л. Непредвиденный эпилог / М.Л. Матусовский // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. — М.–Л.: Сов. писатель, 1965. — С. 122–124.
7. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. — К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. — 1728 с.
8. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. — Т. 12. Недруг–Няня. — М.–СПб.: Наука, 2009. — С. 172.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.–Л.: Наука, 1965. — Т. XVII. Х–Я. — Стб. 1896–1897.
10. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. — М.: Сов. энцикл., 1966. — С. 289.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Библейские мотивы в русской живописи и литературе

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются библейские мотивы, нашедшие отражение в русской литературе и живописи.

Цель работы — проанализировать библейские сюжеты с точки зрения их культурологического влияния на русскую художественную культуру.

Материал и методы. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская художественная проза, посвящённые библейским образам. В работе использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации.

Результаты и их обсуждение. В статье подробно проанализирован рассказ А.П. Чехова «Студент». Рассмотрено стихотворение А. Городницкого «Рембрандт», в котором автор обращается к притче о блудном сыне и картине Рембрандта «Возвращение блудного сына». Описана и проанализирована картина великого русского художника А. Иванова «Явление Христа народу», а также картина И. Левитана «Над вечным покоем».

Заключение. Ключевым текстом христианской религии является Библия. На библейские сюжеты создано великое множество картин, икон, скульптур, художественных произведений и поэтических текстов. Это нашло отражение в проанализированных художественных текстах А.П. Чехова, картинах А. Иванова и И. Левитана.

Ключевые слова: Библия, притча, живопись, литература, Иисус Христос, образ, интерпретация, русская культура, русский язык.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 43–49)

Biblical Motifs in Russian Painting and Literature

Muratova E.Yu.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines the Biblical motifs reflected in Russian literature and painting.

The purpose of the work is to examine Biblical subjects from the point of view of their cultural influence on Russian artistic culture.

Material and methods. Russian artists' paintings and Russian fiction devoted to Biblical images served as the research material. The basic general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation were used in the analysis of the material.

Findings and their discussion. The article analyzes in detail A.P. Chekhov's story “The Student”. The article considers A. Gorodnitsky's poem “Rembrandt”, in which the author analyzes both the parable of the prodigal son and Rembrandt's painting “The Return of the Prodigal Son”. The painting by the great Russian artist A. Ivanov “The Appearance of Christ to the People”, as well as the painting by I. Levitan “Over Eternal Rest”, is described and analyzed.

Conclusion. The Bible is the key text of Christian religion. A great many paintings, icons, sculptures, works of art and poetic texts have been created based on Biblical subjects. This is reflected in the analyzed artistic texts by A.P. Chekhov, paintings by A. Ivanov and I. Levitan.

Key words: the Bible, parable, painting, literature, Jesus Christ, image, interpretation, Russian culture, the Russian language.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 43–49)

Актуальность изучения Библии и её отражения в искусстве определяется неизменностью человеческой природы. Мир меняется, а человеческие страдания и радости остаются неизменными. На вечные вопросы Библии: в чём смысл жизни, что есть добро и зло, вера и неверие, грех и прощение

и подобные — разные художники, писатели, философы в разные времена отвечают по-разному. Каждая культура по-своему отражает и преломляет библейские сюжеты в зависимости от времени создания, культурных особенностей эпохи, личности и таланта творца — наблюдается постоянная эволюция

художественного прочтения и отражения библейских сюжетов в искусстве. Кроме того, язык Библии представляет собой сакральный компонент духовного кода культуры, требующий постоянного своего «раскодирования». Поэтому исследование того, как библейские притчи, мотивы, образы, учение Христа отражаются в искусстве, в частности, в русской живописи и литературе, является весьма актуальным.

Цель данной работы — рассмотреть библейские сюжеты с точки зрения их культурологического влияния на русскую художественную культуру.

Материал и методы. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская художественная проза, посвящённые библейским образам. При анализе материала использовались основные общенаучные методы: наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в работе имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых текстов культуры единой интерпретационной основой. Кроме того, применялись интертекстуальный и дискурсивный анализы текстов культуры, отражающих библейские мотивы.

Результаты и их обсуждение. Ключевым текстом христианской религии является Библия, которая фактически представляет собой целое собрание книг, включающих историю, философию, поэзию, драму, биографические сведения и пророчества. Вся мировая культура пронизана религиозными мотивами, библейскими образами, сюжетами, заповедями, выражениями.

Русская религиозная мысль и русская литература XIX века имеет свою специфику, о чём писал Н. Бердяев: «Русская религиозная мысль XIX века замечательна не по совершенству своих творений, а по своей религиозной взволнованности и скрытой в ней проблематике».

Религиозная тема стала основной у нас, религиозное беспокойство овладело всей русской литературой. Мы творили не от радостного избытка, а от печали и муки о судьбе человека, народа, всего человечества. Христианская человечность глубоко вошла в душу русских мыслителей, русских писателей, и душа эта была ранена человечностью и сострадательностью. ...В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Вся наша литература XIX века ранена христианской темой...» [1].

Русская литература, особенно в XIX — начале XX века была именно «ранена христианской темой». Назовем некоторые и них: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Господин из Сан-Франциско» И. Бунина, «Станционный смотритель» А. Пушкина, «Суламифь», «Гранатовый браслет» А. Куприна, «Пророк» А. Пушкина, «Молитва», «Смерть поэта» М. Лермонтова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Двенадцать» А. Блока, «Мастер

и Маргарита» М. Булгакова и др. Особенно трепетно и тонко библейские мотивы проявляются в поэзии:

*О Боже, Ты даёшь для Родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба.
Но, хлебом золотя простор полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!* (А. Майков)

Это могут быть поэтические пересказы конкретных библейских сюжетов (Евангелие от Иоанна, глава 8): «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и поставивши её среди, Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; А Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Так что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его... Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень... Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим...» [2].

И говорят Ему: «Она / Была в грехе уличена / На самом месте преступленья. / А по закону мы её / Должны казнить без сожаленья; / Скажи нам мнение Своё!» / И на лукавое воззванье, / Храня глубокое молчанье, / Он нечто — грустен и уныл — / Перстом божественным чертил! / И наконец сказал народу: / «Даю вам полную свободу / Исполнить древний ваш закон, / Но где тот праведник, где он, / Который первый на блудницу / Поднимет тяжкую десницу?» (А. Полежаев).

В Евангелии от Иоанна в главе 11 описывается «Смерть и воскрешение Лазаря»: «Иисус же, опять скорбя внутренне, приходит к гробу. То была пещера и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень... Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший... Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами...» [2].

*О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал,
И сокрушён был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал* (А. Полежаев).

Многие стихи, отражающие учение Христа, выражают душевные страдания, поиски света и очищения, обращения за помощью к Богу:

*Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

Или:
*Пусть страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть*

*Растление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа... (Ф. Тютчев).*

Современная поэзия также во многом обращена к Богу, к его духовной силе и помощи: *Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь, сейчас, в начале дня! / О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня. / Ты мудрый, / Ты не скажешь строго: / — «Терпи, ещё не кончен срок». / Ты сам мне подал — слишком много! / Я жажду сразу — всех дорог! (М. Цветаева).*

Стихотворение Б. Окуджавы «Молитва»: *Пока Земля ещё вертится, / пока ещё ярок свет, / Господи, дай же ты каждому, / чего у него нет: / мудрому дай голову, / трусливому дай коня, / дай счастливому денег... / И не забудь про меня. / Пока Земля ещё вертится — / Господи, твоя власть! — / дай рвущемуся к власти / навластвовать властью, / дай передышку щедрому, / хоть до исхода дня. / Каину дай раскаяние... / И не забудь про меня. / Я знаю: ты все умеешь, / я верую в мудрость твою, / как верит солдат убитый, / что он не погибнет в бою, / как верит каждое ухо / тихим речам твоим, / как веруем и мы сами, / не ведая, что творим!...*

Рассмотрим рассказ А. Чехова «Студент» [3], в котором основной темой является мотив христианского прозрения главного героя. Рассказ очень короткое, но имеет глубокий религиозно-философский смысл. Повествование на всём его протяжении сопровождается не только прямой пересказ Библии (об отречении Петра от Иисуса Христа), но и многочисленные библейские аллюзии и реминисценции, произведение будто бы глубинно «пропитано» библейскими мотивами.

Во-первых, очень важная деталь: студент духовной академии в Страстную пятницу, за два дня до Пасхи, возвращается с охоты, хотя ему надлежало бы благочестиво провести день в храме с благоговейной молитвой. Об охоте Чехов упоминает вскользь, но эта деталь говорит о том, что студент не очень верующий человек. На душе у него тяжело, и природа как будто специально усиливает его мрачное состояние: *«Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всём порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потёмки сгустились быстрей, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно».*

Символическое значение приобретает в чеховском тексте слово пустыня (*кругом было пустынно, такая же пустыня кругом, пустынная деревня*). Описание болота, где что-то жалобно гудит, описание холода, пустыни мы встречаем в Библии: *«И тогда Всевышний наслал на Египет Десять казней. / Лягушки заполнили дома египтян. / Град побил их поля и скот. / Затем на Египет опустилась трёхдневная тьма».* Слово *пустыня* имеет в русском языке значение ‘засушливая, безводная местность со скудной растительностью’, а также — ‘безлюдная местность’.

Именно во втором значении употребляется слово пустыня в чеховском рассказе. Впрочем, образ пустыни в данном произведении нельзя назвать безотрадным, поскольку пустыня не только место скорби, но и место таинственной встречи человека с Богом, что рождает надежду.

Студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и кругом была такая же нищета, тоска, невежество и через тысячу лет потом всё будет точно так же: *«...все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой»* [3]. Последняя фраза имплицитно отсылает нас к притче о блудном сыне (...младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону), но она же рождает и надежду: автор как будто готовит читателя к будущей духовной перемене студента: *«Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропал и нашёлся».* Но в целом в начале рассказа мы наблюдаем не просто разочарование в самом себе, а абсолютный пессимизм студента, его неверие в лучшее, мысли о бесконечных нищете и горе во все времена, т.е. вечно. Ощущение вечного горя — это страшно, это бездонная глубина отчаяния.

В таком состоянии он подошёл к костру, где сидели две вдовы, простые женщины Василиса и Лукерья, которые напоминают читателю о евангельских вдовах, о женах-мироносицах, о Марфе и Марии — сёстрах праведного Лазаря, которые находились рядом с Иисусом Христом, сострадая Его мучениям на кресте. Костёр вдруг напомнил ему евангельскую легенду о предательстве Иуды, аресте Иисуса Христа, об апостоле Петре, который трижды отрёкся от Иисуса до того, как пропел петух. Он стал рассказывать эту библейскую историю женщинам: *«Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечера... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал»* [3].

Если Господь простил своего ученика, проявившего душевную слабость, не перестал его любить, то, вне всякого сомнения, Он простит и всякого человека, покаявшегося в своем согрешении. *«Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слёз, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль»* [3]. Это студента потрясло.

Далее А. Чехов пишет: *«Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нём»* [3]. В тексте Евангелия: *«Работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись»* [2]. Возникает такое ощущение, что автор намеренно воссоздает «здесь и сейчас» ту обстановку, природную и человеческую атмосферу, которая была 19 столетий

назад, когда Пётр стоял у костра и грелся и когда он трижды отрёкся от Иисуса Христа. Ещё одна деталь. Студент говорит: «С ними около костра стоял Пётр и тоже грелся, как вот я теперь». Иван сравнивает себя с апостолом Петром. Почему? Иван так же, как Пётр, проявил слабость или недомыслие и неверие, когда сегодня, в Страстную пятницу вместо того, чтобы молиться в храме, пошёл на охоту и тем самым отступил от учения Христа.

«Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошёл дальше... Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а её дочь смутилась, то, очевидно, то, о чём он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Пётр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух» [3].

События, о которых рассказывал Иван, происходили 19 веков назад, а сердце у этих женщин разрывается сегодня. Значит связь времён не через горе, нищету и невежество, а через нечто духовное, человеческое и божественное. Иван Великопольский открыл для себя духовную связь времён. Через переживания Василисы и Лукерьи о Петре, жившем сотни лет назад, через его ошибки и слёзы Иван открыл для себя путь милосердия и сострадания, путь любви и служения ближним.

Библейские темы, мотивы, образы нашли широкое отражение в русской живописи. Достаточно прочесть названия картин, чтобы увидеть сюжеты Ветхого и Нового заветов Библии.

Рассмотрим подробнее картину А. Иванова «Явление Христа народу», сюжет которой основан на 1-й главе Евангелия от Иоанна. В Библии Иисус Христос имеет 500 различных имен: Сын Божий, Сын Человеческий, Господь Иисус Христос, Спаситель мира, Искупитель, Агнец Божий, Свет миру, Отец вечности и др. Иоанн называет Иисуса Христа Словом, Светом, единокордным Сыном, Агнцем Божиим, Иисусом Христом. Евангелие от Иоанна открывает Христа, пришедшего в среду человечества, чтобы искупить людей от греха. А в 1-й главе описывается крещение Иоанном людей в реке Иордан и крещение самого Иисуса Христа. Вот как описывается в Евангелии от Иоанна явление Христа народу: «...И они спросили его: что же ты крестишь, если ты не Христос, ни Илия, ни пророк? Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стою среди вас Некто, Которого вы не знаете: Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня; я не достоин развязать ремень у обуви Его... На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира» [2].

Этот библейский сюжет представлен на картине А. Иванова следующим образом. В центре картины находится Иоанн Креститель, на ближнем плане — обнажённые и полуобнажённые крестящиеся люди, на дальнем плане группа одетых людей, т.е. тех, кто креститься не решается, так называемые «неверные», а далее — Иисус Христос. Он почти не виден за толпой людей, но всё же среди толпы людей он невидимо призывает к Себе всех страждущих и обременённых. Важно, куда идёт Христос. По первоначальным этюдам А. Иванова Христос шёл прямо к Иоанну, а в картине он идёт к неверным. Предполагается, что слова из Евангелия «Я пришёл не праведников, но грешников призвать к покаянию» изменили замысел художника, «направив» Спасителя на картине именно к группе «грешников».

Содержание картины раскрывается, в первую очередь, через реакцию людей на появление Иисуса Христа. Александр Иванов искал образы к своей картине много лет по всей Италии: на улицах, в бедных кварталах Рима, но в первую очередь — в синагогах и церквях, так как считал, что настоящая глубина чувств, истинность натуры человека проступала на лицах именно в храмах. И лица на картине, действительно, неповторимые.

Картина А. Иванова «Явление Христа народу» стала смыслом всей жизни художника, он писал её 20 лет (1837–1857). А. Иванов гениально осуществил свою цель — воплотить в картине историческое значение христианства. Картина была гигантской по размерам: сорок с половиной квадратных метров. Перевозка полотна из Рима в Санкт-Петербург была очень сложной и долгой. Из Рима в Санкт-Петербург картину отправили морем — прямо на палубе корабля: полотно подобного размера не вместили ни один трюм, так что в пути картина перенесла и дождь, и ветер, и шторм. 20 мая (1 июня) 1858 года Иванов после 28-летнего отсутствия прибыл в Санкт-Петербург, и 28 мая картина «Явление Христа народу» была выставлена в Белом зале Зимнего дворца, где её осмотрел император Александр II. В ожидании решения о дальнейшей судьбе картины Иванов заболел холерой и скончался. Через несколько часов после его смерти поступило известие о том, что император покупает «Явление Мессии» за 15 тысяч рублей серебром, а также жалует художнику орден Святого Владимира.

Важным является изучение связи живописи и художественной литературы, т.е. осмысление феномена культуры как явления, пронизывающего все сферы социального бытия. Ю.М. Лотман ввёл понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов, в котором текст как результат семиотической деятельности, произведение языка, искусства, культуры, элемент смыслового диалога. Таким образом, любое произведение искусства — это текст культуры [4]. «Всякое расширение границ художественной формы

того или иного искусства, “вторжение” его в область других искусств даёт хорошие плоды тогда, когда является внутренним, органическим процессом роста самого этого искусства, развёртывания его потенциальных возможностей» [5].

Это может быть не только «вторжение», но абсолютное совпадение темы у художника и писателя, о чём писал Г.Э. Лессинг: «Но так как поэт и художник, имея общие предметы для подражания, нередко должны рассматриваться с одинаковой точки зрения, то легко может случиться, что в их произведениях найдётся много сходных черт, хотя бы они несколько не подражали один другому. Это сходство черт, наблюдаемое у поэтов и художников одной эпохи, может быть даже очень полезно, взаимно облегчая толкование их произведений» [6]. Например, в русском искусстве: И.Н. Крамской «Русалки» — Н.В. Гоголь «Майская ночь»; В.Г. Перов «Суд Пугачёва» — А.С. Пушкин «Капитанская дочка»; В.Г. Перов «Старика-родители на могиле сына» — И.С. Тургенев «Отцы и дети»; И.Е. Репин «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» — Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» и т.п.

Высказывание Г.Э. Лессинга подтверждает анализ и интерпретация библейской притчи о блудном сыне. Это одна из известнейших притч Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки: «Ещё сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: “отче! дай мне следующую мне часть имения”. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошёл, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней, и он рад был наполнить чрево своё рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: “сколько наёмников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наёмников твоих”. Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: “отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим”. А отец сказал рабам своим: “принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного телёнка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся”. И начали веселиться» [2].

Притча метафорически раскрывает Божье милосердие ко всем грешникам. Она находится в центре того понимания гуманности, которую проповедовал Иисус Христос: о спасительной любви к ближнему, о грехе

и покаянии. Эта притча нашла отражение во многих произведениях искусства (например, картины Яна Стена, Мурильо). Но самой известной картиной является «Возвращение блудного сына» голландского художника Рембрандта ван Рея. Русский поэт Александр Городницкий в свою очередь отразил и саму притчу, и восприятие картины Рембрандта в стихотворении «Рембрандт»:

*В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
Возвращение Блудного Сына
Пишет Рембрандт. Кончается срок.*

*Сын стоит на коленях, калека,
Изможденных не чувствуя ног,
Голова — как у бритого зека, —
Ты откуда вернулся, сынок?*

*Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади — бараки?
Непролазные дебри тайги?
Кто глаза твои сделал пустыми,
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Все лицо твоё сжжёт дочерна?*

*Не слышны приглушённые звуки.
На холсте и в округе темно, —
Лишь отца освещённые руки
Да лица световое пятно.
Не вернуться. Живём по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома —
Как сожжение корабля.
Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чайный крик,
И предсмертную пишет картину
Одинокий и скорбный старик.*

С точки зрения М.М. Бахтина, большие и существенные хронотопы могут включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов [7]. «В стихотворении выявляется несколько разных хронотопов. С одной стороны — пространство замкнутое, своё — дом Рембрандта, в котором он пишет картину “Возвращение блудного сына”; с другой — пространство открытое, чужое — пространство блудного сына. В пространстве художника — конкретное время (XVII век), в пространстве сына — регистр разных времён: библейские времена (зной Галилейской пустыни), XX век (бараки, непролазные дебри тайги), любое время (развратители, война). Незримо присутствует в стихотворении и идиллический хронотоп — детство и юность блудного сына: раз он вернулся в отчий дом, значит то время было для него счастливым» [8].

А. Городецкий по-своему интерпретирует и библейскую притчу, и картину художника. На картине Рембрандта сын стоит на коленях спиной к зрителю, а автор стихотворения нам показывает его лицо: *сын-калека с пустыми глазами и с обожжённым дочерна лицом*. Поэт расширяет и углубляет образ блудного сына, он как будто «включает» его в XX век: блудный сын оставил за собой не только *зной Галилейской пустыни, но и войны, бараки, непролазные дебри тайги*. О каких бараках, о каких непролазных дебрях идёт речь?

Невольно возникают ассоциации с бедами и несчастьями XX века: Первая и Вторая мировые войны, тюремные застенки, бараки сталинских и фашистских концлагерей, Хиросима и Нагасаки, уничтожение миллионов людей. М.М. Бахтин писал: «Даже прошлые, то есть рождённые в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде» [9].

Блудный сын вернулся в отчий дом, а о нас, сегодняшних, А. Городецкий пишет: *Не вернуться. Живём по-другому*. Это очень пессимистические строки, мы продолжаем «пасти свиней»: военные конфликты, гибель тысяч мирных людей, закрытые границы между странами, опасные политические игры. Нам ещё далеко до осознания блудного сына: «*Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою... Встал и пошёл к отцу своему*». Весь мир живёт в напряжении, а ведь мир — это наш общий отчий дом. И А. Городецкий предупреждает: *Разрушение отчего дома — Как сожжение корабля*. Так библейская притча может быть абсолютно актуальной, она заставляет задуматься современного человека о своей жизни, духовных ценностях, ответственности за себя, своих детей, свою страну — за наш общий отчий дом.

Библейские мотивы могут проявляться в живописи и поэзии не через притчи, мифы, проповеди, но и очень завуалированно, ассоциативно, имплицитно. Яркий пример этому — картина Исаака Левитана «Над вечным покоем». На картине на фоне тяжёлого тёмного неба стоит маленькая покосившаяся церквушка, в окошке которой светится слабый огонёк, вокруг — кладбище с неухоженными могилами. И вокруг — тишина, непреодолимая и мёртвая. Здесь не представить пение птиц, шум берёз, мычание коровы — звучащую жизнь. Здесь тишина пахнет смертью. Сама картина и её название рождает два важных вопроса: какой покой имеет в виду художник и отражает в своей картине и НАД каким покоем можно быть?

Покой в узальном употреблении — это отсутствие движения и шума; недвижность; отдых, мир и тишина и под. Вечный покой — это смерть [10].

Как трактует церковь понятие покоя? Приведём некоторые высказывания отцов церкви, известных богословов и святых:

«*Не ищи покоя и утешения в людях, там нет его, ищи только в Боге... и обретёшь всё*» (Инок Никодим);

«*Покой же истинных христиан есть искупление от греховных страстей, а также полное и явное вселение Святого Духа в чистое сердце*» (Святой Макарий Великий);

«*И нигде, никогда, и ни в чём ином на земле не найдёт человек покоя для души своей, пока не вселится в его сердце обещанный Спасителем всем верным чадам Своим Посланник свыше — небесный Дух Утешитель*» (Преподобный авва Дорофей);

«*Покой (в Боге) есть искупление от греховных страстей*» (Святой Макарий Великий);

«*Кто хочет достигнуть покоя, тот здесь пусть терпит скорби...*» (Иоанн Златоуст);

«*Если человек не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой*» (Преподобный авва Дорофей) [11].

Исаак Сирин наиболее глубоко определил, что означает Покой в понимании церкви: войти на небо, общение с Богом, упокоение в небесном блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертную. Покой является наградой за все земные страдания человека, покой олицетворяет вечность, вечный дом.

Что может быть выше вечного покоя? Представляется, что Исаак Левитан изобразил в своей картине два разных покоя: один покой — земной, реальный, где тишина, мрачность, ни одной живой души, понимание неизбежности смерти, а над земным покоем — покой библейский, покой вечности.

Заключение. Религия проявляет себя в материальных предметах, социальных институтах, в общественных движениях и типах поведения, в многообразных произведениях литературы и искусства. Ключевым текстом христианской религии является Библия.

На библейские сюжеты создано великое множество картин, икон, скульптур, художественных произведений и поэтических текстов. При этом каждая культура по-своему отражает и преломляет библейские сюжеты в зависимости от времени создания, культурных особенностей эпохи, личности и таланта творца.

Русская литература, особенно в XIX — начале XX века была «ранена христианской темой». Это произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, поэтов и художников Серебряного века, современная литература и живопись.

Библейские темы, мотивы, образы нашли широкое отражение в русской живописи. Одной из самых ярких и значимых картин на библейский сюжет является картина Александра Иванова «Явление Христа народу», в которой показано, как Иоанн Креститель крестит в реке Иордан людей, а затем и самого Иисуса Христа. Картина воспринимается как символ умираю-

щего язычества и зарождающегося Христианства, более того — как противопоставление жизни и смерти.

Таким образом, вся мировая культура, в том числе и русская, пронизана мотивами Библии. Без знаний библейских заповедей, сюжетов, библейских выражений невозможно в полной мере приобщиться к культуре, созданной русским человеком.

Литература

1. Бердяев, Н.А. О характере русской религиозной мысли XIX века / Н.А. Бердяев // *Современные записки*. — 1936. — № LXII. — С. 339.
2. Библия. В русском переводе с параллельными местами. — Минск: Иерусалимский центр изучения и исследования Библии, 1998. — 290 с.
3. Чехов, А.П. Студент / А.П. Чехов // *Путешествие к Чехову. Повести. Рассказы. Пьесы. Размышления о писателе* / А.П. Чехов. — М.: Школа-Пресс, 1996. — С. 31–36.
4. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М.: Гнозис, 1992. — 272 с.
5. Дмитриева, Н. Изображение и слово / Н. Дмитриева. — М.: Искусство, 1962. — С. 30–31.
6. Лессинг, Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.Э. Лессинг // *Лессинг, Г.Э. Избранные произведения*. — М.: Худ. лит., 1953. — С. 418.
7. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1975. — 506 с.
8. Муратова, Е.Ю. Художественный код картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» в поэтических текстах / Е.Ю. Муратова // *Вестник Владимирского университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки*. — 2022. — № 1(33). — С. 62.
9. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин // *Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1975. — С. 209.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1981–1984. — Т. 3. П–Р. — С. 247.
11. Добротолюбие: в 5 т. — Репринт. изд. — Т. 1. — М., 1992. — 638 с.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Природа художественного: Витебск, его прецедентная база и культура нации

Николаенко С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Художественная словесность несколько столетий являлась показателем не только мастеров художественного слова, но и учёных, учителей, просто влюблённых в слово рядовых читателей. Сложность и многогранность текста, используемого в различных жанрах речи, постоянно анализируется, интерпретируется и научно обрабатывается лингвистами, литературоведами, среди которых И.П. Зайцева, Е.Ю. Муратова, У.М. Бахтикереева, З.К. Тимергазина, Е.В. Крикливец, Т.В. Солодовникова, А.Ю. Багиян, А.В. Курзова и др. Взгляд на природу художественного в статье отражает его философские, психологические, литературоведческие и культуроведческие аспекты, а непосредственно базой для филологического осмысления данной проблемы является город Витебск, его прецедентные реалии и отражённая в них белорусская культура — материальная, духовно-нравственная, социальная и художественная. Подтверждается, что сам город Витебск, представленный в жанрах путевых записок, поэтических и прозаических текстах, заметках, авторами которых являются Д. Симанович, К. Паустовский, С. Маршак, М. Шагал, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, непосредственно побывавшие в Витебске или по своему рождению связанные с этим старинным белорусским городом, и есть тем самым информационно насыщенным явлением с художественной многоплановостью.

Цель статьи — выявление основных черт в природе художественности города Витебска, который представлен в текстах разных речевых жанров.

Материал и методы. *В качестве материала исследования были отобраны тексты известных белорусских и российских писателей, поэтов, художников, в которых содержатся воспоминания от посещения города. Использование методик филологического, философского и психологического осмысления и интерпретаций позволило обосновать природу художественного города и предложить анализ-комментирование текстов для применения в теории и практике филологического образования.*

Результаты и их обсуждение. *Прецедентность и культура, представленная в текстах о белорусском городе Витебске, прежде всего, рассматривается с позиции художественности. Данная категория относится к основным научным дисциплинам, дающим гуманитарное знание. В философском представлении о природе художественного окружающие нас вещи не статичны, они вербальны в своих рассказах и очерковости о старинных витебских улицах, их прошлой и современной мебелировке, памятниках старины и истории, природных явлениях и звуках, слышимых в садах со зреющими по-особенному яблоками, во взглядах его жителей. Здесь время будто постоянно меняется, и лиминальность выражается в экспансии культуры (то она древняя и самобытная, то вдруг яркие фонари врываются в пространство улиц, а красный кирпич домов вдруг раскрашивается квадратами, кругами и треугольниками). Культурно-филологическая диалогизация художественного в этом городе есть деятельность, где задействованы социальные, психологические и культурные факторы.*

Заключение. *Город-личность — это город художников и авангарда, это бахтинское литературоведение, это философия витебской жизни, это место и дух восприятия, это некий феномен Духа, это ощущение ценности, ощущение авторитета места. Эти составляющие природы художественного являются ключевыми словесности и требуют погружения в тексты, которые для витебского лингвокультурного сообщества прецедентные и культурно значимые.*

Ключевые слова: *природа художественного, архитектоника, прецедентная база, диалогичность творческого мышления, Витебск.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 50–54)

The Nature of Artistry: Vitebsk, Its Precedent Realities and the Culture of the Nation

Nikolayenko S.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Over the centuries, fiction has been a characteristic not only of writers' excellence, but also of researchers, teachers, and ordinary readers who are in love with the word. The complexity and versatility of a text in various genres of speech is constantly analyzed and interpreted by linguists, literary critics, including I.P. Zaitseva, E.Yu. Muratova, U.M. Bakhtikereyeva, Z.K. Timergazina, E.V. Kriklivets,

T.V. Solodovnikova, A.Yu. Bagiyan, A.V. Kurzova and others. The article reflects the view on the nature of artistry in philosophical, psychological, literary and cultural aspects. Vitebsk, its precedent realities, and Belarusian culture in its multiple forms (material, spiritual, moral, social and artistic), that is manifested in them, provide the direct basis for philological understanding of this problem. It is found out that Vitebsk, which is reflected in the genres of travelogues, poetic and prose texts, writer's notes by D. Simanovich, K. Paustovsky, S. Marshak, M. Chagall, E. Yevtushenko, A. Voznesensky, R. Rozhdestvensky, who visited Vitebsk or are associated with this well-established Belarusian city, represents an information-intensive phenomenon characterized by artistic versatility.

The article aims at identifying the main features of artistry peculiar to Vitebsk, which is represented in texts of various genres of speech.

Material and methods. *The texts created by famous Belarusian and Russian writers, poets, and artists, which contain memories from visiting the city, have been selected as materials for the research. The use of methods of philological, philosophical and psychological comprehension and interpretation made it possible to reveal the nature of the artistic city and propose analysis and commentary of the texts in order to apply them in the theory and practice of philological education.*

Findings and their discussion. *Precedent realities and culture presented in the texts about the Belarusian City of Vitebsk are primarily viewed from an artistic perspective. Artistry refers to the main research areas that provide humanitarian knowledge. In the philosophical view on artistry, objects and things around us are not static, they are verbal in their short stories and essays about the old Vitebsk streets, their old and modern furnishings, historic monuments and other landmarks, natural phenomena, and sounds heard in gardens with apples that ripen in a special way, in the views of its residents. Here, time seems to be everchanging, and liminality manifests itself in the expansion of culture (sometimes it is old and authentic, then suddenly bright lanterns burst into the space of the streets, and the red brick of houses is suddenly painted with squares, circles and triangles). Cultural and philological dialogization of artistry in this city is an activity with social, psychological and cultural factors to be involved.*

Conclusion. *The city with its own personality is a city of artists and of the Avant-Garde. It is Bakhtin's literary criticism, it is the philosophy of Vitebsk life. It creates the place and gives the spirit of perception. It is a kind of the Spirit. It gives a sense of value and a sense of how powerful the place is. These constituent parts of the nature of artistry are the key elements of writers' excellence and require immersion in the text that is unprecedented and culturally significant for the Vitebsk linguistic and cultural community.*

Key words: *the nature of artistry, architectonics, precedent, dialogization of creative thinking, Vitebsk.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 50–54)

Этот город в художественном дискурсе (к их числу отнесём и мемуарную литературу) имеет огромное количество акцентов на различные области человеческого сознания: от бытовых представлений (например, описаний городского пространства), изобразительно-выразительных средств до своеобразного «интерпретационного конструкта, характеризующегося гипотетичностью и вариативностью» [1], обеспечивающего глубинный смысл, который позволит прояснить и философски осмыслить архитектуру «человека поступка, а не уполномоченного участника» (в концепции М.М. Бахтина). Природа художественного этого белорусского города очень тесно переплелась с прецедентной базой языка и культуры нации, лингвокультурного сообщества страны или отдельного региона. Здесь надо отметить, что прецедентные имена, которые встретятся в тексте статьи и являются ключевыми в данном дискурсе, связаны с городом и субферой «педагогика».

Цель статьи — выявление основных черт в природе художественности города Витебска, который представлен в текстах разных речевых жанров.

Материал и методы. В качестве материала исследования были отобраны тексты известных белорусских и российских писателей, поэтов, художников, в которых содержатся воспоминания от посещения города. Использование методик филологического, философского и психологического осмысления и интерпретаций позволило обосновать природу художественного города и предложить анализ-комментирование текстов для применения в теории и практике филологического образования.

«...Город показался мне древним и нерусским» (И.А. Бунин); «...всё здесь какое-то другое, особенное: больше старых домов, много узких, кривых, горбатых улиц и совсем тесных переулков. Кое-где высятся старинные башни и церкви. В каждом закоулке уютятся жалкие лавчонки и убогие, полутемные мастерские жестяников, лудильщиков, портных, сапожников, шорников» (С.Я. Маршак); «...холмистый город показался очень живописным. В памяти остались овраги среди города, каменные мосты над ними, старинные здания бывших католических или униатских семинарий, колоннады новых домов и ослепительные огни» (К.Г. Паустовский); «Странный провинциальный город. Как многие города Западного края — из красного кирпича. Закоптелого и унылого. Но этот город особенно странный. Здесь главные улицы покрыты белой краской по красным кирпичам. А по белому фону разбежались зелёные круги. Оранжевые квадраты. Синие прямоугольники» (С.М. Эйзенштейн); «пропылённый и жаркий — / приколот к земле каланчою пожарной. / Там свадьбы и смерти, моления и ярмарки. / Там зреют особенно крупные яблоки, / и сонный извозчик по площади катит...» (Р. Рождественский); «И припомнил он о былом, / И увидел дворик с берёзкою, / Где грустит покинутый дом — / 29, Большая Покровская. / Там окраина. Чад. Глядят / Окна в мир еврейскими лицами, / Козы прыгают у оград, / Скрипачи на крышах пиликают / Так, что ходит земля ходуном, / Вся, с деревьями и дорогами...» (Д. Симанович).

Эти отрывки из произведений известных литераторов, художников, культурных деятелей, которые в разное время (с конца XIX и XX веков) побывали

в Витебске, старинном белорусском городе (отсчёт времени ведётся с 974 года), имевшим название **Дбеск, Видбескь, Видебск, Витепеск, Витьбеск**. Этот город знал князя Ольгерда и Льва Сапегу, А. Пушкина и Наполеона, Н. Гоголя и С. Маршака, И. Репина и Ю. Пэна, И. Бунина и В. Маяковского, С. Эйзенштейна и В. Мейерхольда, К. Паустовского и А. Вознесенского, А. Твардовского и Е. Евтушенко, В. Быкова и других ярких представителей различных сфер (см. подробнее в словаре-справочнике В.А. Маслова и С.В. Николаенко [2]).

Однако в проиллюстрированных выше отрывках из художественных текстов приводится описание городского пространства одного из периодов витебской жизни, являющегося одним из самых ярких как по насыщенности «глобальных» событий, так и по тем именам, которые в мировое искусство вписаны (нельзя здесь обойтись без стилистического штампа) *золотыми буквами*. Это о Витебске 20-х годов XX века, где «Казимир Малевич, который в это время заведовал витебской школой живописи, перекрасил город... Город был полон жёлтыми квадратами, фиолетовыми овалами. Одновременно с ним в Витебске работал Марк Шагал. Шагал на картинах своих писал не только свечи, пламя которых было направлено в разные стороны, не только людей на крышах, но и летящих людей (молодых и старых), летящих коней. Красный запущенный город хотелось преобразить сейчас. Его нельзя было перестроить, его можно было только, торопясь, переосмыслить живописно» [3]. Но галерея славных имён города будет неполной ещё без М.М. Бахтина и И.И. Соллертинского.

Результаты и их обсуждение. Обратимся к природе художественного текста с позиций основных научных дисциплин, которые так или иначе говорят и интерпретируют произведения искусства (в нашем варианте статьи и тексты). Философская мысль, прежде всего М. Хайдеггера, заключается в укоренении того экзистенциального смысла, где воплощена эстетическая ценность, где репрезентуется человеческое нахождение в реальности сущего (содержании) и формы (текста), в котором окружающие нас реальные вещи, артефакты становятся отражением мира человека [4]. Доктор философских наук И.И. Статкевич, говоря о сущности окружающих нас вещей, безмолвных, статичных, как в приведённых нами ниже текстах о белорусском городе, подчёркивает их вербальность: «становятся говорящими..., они рассказывают нам истории..., они могут многое сказать нам... Поэтому произведение искусства нельзя рассматривать как только объективную реальность, оно включает в себя смысл своей сотворённости и необъективируемости. Мирность мира раскрывается в художественном произведении, наделяющее нас эстетической перспективой реальности» [5].

Личностно-смысловые образования, присущие творческой деятельности/активности личности, в психологии лежат в поле понятия личности за счёт

системы отношений, традиций общества и др. Смысловая функция конструкта, например, чрезвычайно сильно связана с социальной средой через его значение как для личности, так и для самой среды. В этом кроется основание для раскрытия диалогичности творческого мышления. Иногда в текстах такая художественность проявляется в расколе сознания индивида (будь то сам город или лирический герой да и авторская позиция в такой творческой деятельности раздваивается). Поэтому, как утверждает молодой исследователь А.В. Курзова, «отчуждённый от подлинной жизни, погруженный в поток симулякров, человек все чаще ощущает себя существом, который утратил связь с собственным бытием» [6]. Смысл деятельности, его истинная роль и значение, часто не может принадлежать только одной личности, а как бы распределен между людьми, находящимися в своеобразном творческом диалоге» [7, с. 21]. Именно представленные нами в статье тексты и предназначены для такой культурно-филологической диалогизации, позволяющей «удерживать, сохранять все позитивное своей истории, аккумулировать результаты развития, ... актуализировать потенциальное содержание своего сознания, включать его в актуальные связи, обладать сензитивностью к “непреднамеренным” случайным, стихийно возможным результатам прошлой деятельности..., создавать нечто новое и в мире, и в себе, расширяя при этом сферу потенциального» [7, с. 20].

Составляющие компоненты моделей мира, представленные в текстах о городе Витебске, учитывают три группы факторов, взятые нами у И.В. Волоскова:

«1) социальные факторы: эпоха, в которую творит художник, социальная принадлежность творца, степень участия в общественно-политической борьбе эпохи;

2) психологический фактор: темперамент художника, система ценностей, а также особенности жизненного опыта;

3) культурный фактор как система культурных влияний и заимствований. Каждый творец ориентируется на традиции своей эпохи, опыт предшественников, достижения мировой культуры» [8]. Такой литературоведческий подход обеспечивает взгляд учёных-литературоведов на феномен природы художественного не только с позиций философско-психологического объяснения данной природы текста, но и вмонтирование таких произведений в культуру нации, её достижений, развития.

Говоря о природе художественного, следует также обратиться и к такой междисциплинарной позиции, как лиминальность. Л.И. Фусу в своей статье «Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе» через вписывание этого явления в антропологический, феноменологический и структурно-семиотический подходы, даёт следующее описание данного явления: «Лиминальность

воспринимается как современная попытка осуществить переход между качественными состояниями в развитии социальной среды. Каждый из участников общественных отношений определяет возможность перехода, затрагивающие иные общественные отношения, проявляющиеся на основании взвешенного подхода и выявления уровня общественной формации, определяющиеся не только социально-экономическими критериями, но также и отдельными формами, которые представляют собой междисциплинарные параметры» [9, с. 143]. Природа художественного в текстах о Витебске проявляется в различных жанрах: здесь и путевые заметки, лирические и прозаические отрывки, эссе и др. Каждый раз в них мы вслед за «транзитным пассажиром»-героем или неким участником событий в определенных пространственно-временных свойствах от короткого, беглого взгляда из окна поезда до долговременного нахождения в городе, его конкретных местах, природных пространствах (овраги и возвышенности, например). Иными словами, в природе художественного в текстах о Витебске «лиминальность, собственно, осуществляет экспансию культуры, она посвящена изучению новых пространств и сфер, и представляется некоторой технологией саморазвития. В культуре заложена технология саморазвития и самоизменения, т.е. эта технология и есть технология лиминальности. Таким образом, лиминальность можно рассматривать как ситуацию поиска “Я”, поиска самоидентичности, реализации актов творчества и свободы» [9, с. 147].

Прецедентная база в обзоре от ИИ — «это корпус общеизвестных текстов (книг, цитат, высказываний), которые стали частью культурной памяти определенного сообщества и используются носителями языка в качестве “культурных знаков” или символов для передачи сложных идей, вызывая нужные ассоциации. Такая база включает в себя как универсальные тексты (например, из Библии или античной литературы), так и более узкокультурные, отражающие знания и ценности конкретной группы людей». Мы специально обратились к использованию данных, сгенерированных ИИ, чтобы не повторять уже известные определения прецедентности и её характеристики (какие феномены являются прецедентными, как их классифицировать и относить к таковым, см. в работах В. Красных, Д. Гудкова, Ю. Караулова, Г. Слышкина и др.). Тексты, о которых мы говорим в статье, нами включены в региональную прецедентную базу (хотя многие имена, встречаемые в них, относятся к общемировым феноменам). Именно наличие в текстах прецедентных имён, культурно-исторических событий и делает его содержание, по мнению Ю.М. Лотмана, «конденсатором культурной памяти, обладающим способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах, вступать и в определённые отношения с культурной памятью говорящих» [10].

Особую роль в природе художественного играет та культурная локация, в которую автор помещает образность, себя, лирического героя. И здесь важнейшими являются, по нашему мнению:

1) знания о специфической человеческой деятельности, направленной на создание материальных и духовных ценностей;

2) система идеалов, ценностей и норм, которыми руководствуются индивиды и их группы в своём поведении;

3) историческая память человека и человечества, воплощённая в традициях, обрядах, стандартах поведения;

4) духовное развитие человека и человечества, проявляющееся по-разному на различных этапах исторического развития общества.

Поэтому представленные в текстах о Витебске культурные феномены, связанные с витебской жизнью, ориентируют читателя на использование фундаментальных знаний о культуре в целях трансляции культурного опыта, традиций и механизмов достижения соответствующих культурных поведенческих норм, которые регулируют взаимодействие личности и социума.

Представим далее, как в текстах о городе Витебске известных деятелей искусства в целом репрезентуется природа художественного в её философско-психолого-литературоведческих аспектах. Более того, проведённый нами анализ имеет и чисто прагматическую цель — помочь преподавателю в подготовке учебных занятий, внеклассных мероприятий, посвящённых малой родине, городу как личности, воспитанию осознания того, «с чего же всё же начинается Родина?».

Витебск! У него своя, особая история возвращения в семью советских городов. Скаты и гребни холмов на подступах к нему в течение долгих месяцев несли на себе тяжёлый груз того, что называется линией фронта. Воронка в воронку издолблена и исковеркана эта земля, вдоль и поперёк изрыта, изрезана траншеями, захлавлена ржавым, горелым и ломанным железом. Надписи и даты, выведенные на скромных могильных дощечках у дорог к Витебску, — напоминание о жестоких зимних боях за город. Немцы действительно обороняли его, не щадя ничего... (А.Т. Твардовский. Из очерка «В Витебске», был в городе в день его освобождения 26 июня 1944).

Комментарий-анализ. Здесь нация предстает как тело, принесённое в жертву и прошедшее через максимальное насилие ради сохранения самого права на существование. Линия фронта — шрам на теле нации. Пространство можно рассмотреть как активного участника истории, несущего на себе следы политического насилия.

Её скрепляет общая траурная работа — работа памяти, воплощённая в «скромных могильных дощечках». Эти дощечки являются знаками отсутствия, где индивидуальная жизнь была принесена в жертву для спасения целого.

Мой родной город Витебск — старый город, — писал композитор. — Я могу говорить о нём бесконечно, потому что город юности всегда любишь особой, не проходящей любовью. Я могу говорить и о моих самых близких друзьях, которые жили по обе стороны моего дома, и о прекрасной живописной речушке, возле которой мы жили.

Она называется Витьба — это приток Западной Двины. А сама Двина делила наш город на две части. Когда мы должны были пойти на вокзал, мы говорили: «Мы идём на ту сторону»... Витебск был очень живописный город. Много садов, много фруктов. И только в Витебске рос сорт яблок, называвшихся карабковкой. Маленькие, но удивительно вкусные яблочки... Витебск вдохновил меня на создание двух песен. Одна — «Вернулся я на родину» — была создана сразу после войны, а другая — к тысячелетнему юбилею города... Нежность к моему родному Витебску глубока и неизбывна (Марк Фрадкин).

Комментарий-анализ. Витебск здесь подобно городу Комбре из воспоминаний Марселя Пруста, отражённых в книге «В сторону Сванна», где главный герой (сам Пруст) постоянно погружается в воспоминания о городе, его пространстве и субстанции. Витебск и Комбре выступают интимными ландшафтами памяти, сплётёнными из сенсорных деталей и личных ощущений.

Память о «городе юности», увиденном глазами ребёнка, и последующее творческое осмысление («вдохновил на создание двух песен») — это процесс мифологизации. Реальный Витебск становится мифом, вечным Витебском души. В этом смысле, композитор творит свою нацию дважды: сначала проживая её телесно в детстве, а затем воссоздавая и увековечивая в искусстве.

Заключение. Природа художественного в текстах о Витебске, прежде всего, передана через феномен наличия у города своего духа, способного выходить на связь с человеческой душой. Поэты и прозаики, великие художники, музыковеды и литературоведы оставили в своих воспоминаниях самое сокровенное

и личное о городе. Ведь именно о Витебске каждый говорил: «Да, это именно Витебск. И другого такого нет!». Маленький Париж с белорусским лоском.

Литература

1. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. — Ростов н/Д.: Феникс, 2010. — С. 74.
2. Маслова, В.А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В.А. Маслова, С.В. Николаенко. — Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. — 164 с.
3. Шкловский, В.Б. Эйзенштейн / В.Б. Шкловский. — М.: Искусство, 1976. — 361 с.
4. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. — М.: Акад. проект, 2008. — 528 с.
5. Статкевич, И.И. Произведение искусства и природа художественного образа М. Хайдеггера / И.И. Статкевич // Вестник Чувашского университета. — 2012. — № 4. — С. 127–128.
6. Курзова, А.В. Образ отчуждённого сознания современного человека в произведении «Тошнота» Ж.-П. Сартра / А.В. Курзова. — Электрон. версия ст. из: На пороге открытий: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. высокомотивированных и одарённых студентов и учащихся, Витебск, 27 февр. 2025 г. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. — С. 53 // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/46587> (дата обращения: 15.09.2025).
7. Ларкина, Н.В. Психологическая природа художественного творчества / Н.В. Ларкина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 5. — 282 с.
8. Волосков, И.В. Природа художественного слова в литературном произведении / И.В. Волосков // Научный журнал «IN SITU». — 2024. — № 9. — С. 55.
9. Фусу, Л.И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе / Л.И. Фусу // КАНТ. Философские науки. — 2018. — № 3(28). — С. 143–147.
10. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-смиофера-история / Ю.М. Лотман. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — С. 21.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Беларуская літаратурная афарыстыка: нацыянальна-гендарны аспект

Зіманскі В.Э.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Вывучэнне чалавека ва ўсіх праяўленнях яго характару, сацыяльных стасункаў, паводзін у грамадстве, адносін да родных, да людзей супацьлеглых поглядаў, полу, узроўню адукацыі ў мовазнаўчых даследаваннях апошніх гадоў набывае ўсё большую актуальнасць. Адным з накірункаў такіх даследаванняў з'яўляецца аналіз адносін паміж асобамі супрацьлеглага полу, выяўленне прычын агульнасці і адрозненняў паводзінах, менталітэце, асаблівасцях маўлення і прынятых на сябе сацыяльных роляў.

Асаблівую цікавасць сярод розных напрамкаў гендарных даследаванняў выклікае этнакультурны аналіз афарыстычных выслоўяў — не толькі закладзеным у іх змесце вопытам пакаленняў, мудрасцю і сілай духу чалавека, яго матэрыяльнымі і эстэтычнымі ідэаламі, а і дакладнай і своеасаблівай характарыстыкай людзей, іх схільнасцей, вызначэннем і ацэнкай разнастайных узаемаадносін у грамадстве, з'яў рэчаіснасці.

Мэта даследавання — вызначыць змест і спецыфіку гендарна маркіраваных аўтарскіх афарыстычных выслоўяў беларускіх літаратараў у этнакультурным аспекце.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі выслоўі з твораў класікаў беларускай літаратуры (Якуба Коласа, Аляксея Пысіна, Рыгора Барадуліна, Івана Шамякіна і інш.), а таксама манаграфічныя выданні Н.В. Гаўрош, Н.М. Няжковіч; А.Я. Леванюк, Ф.М. Янкоўскага. Метадамі даследавання сталі апісальны, кантэкстуальны, параўнальна-супастаўляльны, статыстычны метады, метады стылістычнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Афарызмы, у тым ліку і аўтарскія, здаўна з'яўляюцца аб'ектам вывучэння як замежных, так і айчынных філолагаў, якія сканцэнтраваліся ў выніку ў межах асобнай навуковай дысцыпліны — афарыстыкі. Афарызмы не характарызуюць аднаго чалавека — яны маюць дачыненне да многіх і многага. Аднак, нягледзячы на сваю ўніверсальнасць, даволі часта афарыстычны выраз можа паказаць, якому народу ён належыць. Нацыянальныя афарызмы даюць магчымасць вывучаць менталітэт, культуру, педагогіку пэўнага народа. У гэтым даследаванні асабліва ўвага звернута на асаблівасці характарыстыкі беларускіх мужчын і жанчын праз гендарна маркіраваныя афарызмы.

Сярод сабраных гендарна маркіраваных афарыстычных матэрыялаў большасць складаюць адзінкі, што характарызуюць жанчыну. Гэта звязана з тым, што ўнутраны свет жанчыны заўсёды хваляваў мастакоў слова, яны імкнуліся пазнаць яго, зведаць таямніцу жаночай душы. Афарызмы, што характарызуюць мужчын, у апрацаваным матэрыяле колькасна саступаюць афарызмам — характарыстыкам жанчын. Асабліва месца ў беларускіх афарызмах займае адлюстраванне адназначнага стаўлення да шлюбу і да стварэння сям'і, да вяртання ў адносінах. Асобныя афарызмы адлюстроўваюць ролю жанчыны ў сям'і. Адною з галоўных з'яўляецца роля маці, якая моцна любіць сваіх дзяцей, зробіць усё магчымае і немагчымае для іх іччаслівага дзяцінства.

Заклучэнне. Афарыстычныя выслоўі беларускіх літаратараў, як сучасных, так і недалёкага мінулага, адлюстроўваюць пазіцыю іх аўтараў, заснаваную на глыбокім веданні ўсіх тонкасцяў менталітэту беларусаў, на тонкім разуменні асаблівасцей светаўспрымання і жыццёвых пазіцый прадстаўнікоў абодвух палоў. Веданне афарыстычнага літаратурнага матэрыялу асабліва карысна ў плане транслявання нацыянальных асаблівасцей беларускага народа пры непасрэдных кантактах з прадстаўнікамі іншых краін, пры знаёмстве з беларускай культурай, менталітэтам, духоўнымі і сацыяльнымі каштоўнасцямі, што не толькі спрыяе наладжванню кантактаў паміж людзьмі розных нацыянальнасцей, але і не дае забыць уласную гісторыю, уласныя карані, выхоўвае павагу да сваёй краіны, свайго народа, фарміруючы сапраўднага патрыёта і грамадзяніна.

Ключавыя словы: гендар, афарызм, нацыянальна-культурны аспект, этнакультурная спадчына, стэрэатып, сацыяльная роля.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 55–60)

Belarusian Literary Aphorisms: the National-Gender Aspect

Zimansky V.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The study of the man in all manifestations of his character, social relations, behavior in society, relations to relatives, to people of opposite views, gender, and level of education has become increasingly relevant in linguistic research in recent years. One of the areas of such research is the analysis of relations between persons of the opposite sex, identifying the causes of commonalities and differences in behavior, mentality, speech patterns and assumed social roles.

Of particular interest among various areas of gender research is the entocultural analysis of aphoristic sayings — not only the generational experience inherent in their content, the wisdom and strength of the human spirit, his material and aesthetic ideals, but also the accurate and peculiar characterization of people, their inclinations, the definition and evaluation of diverse relationships in society, and the phenomena of reality.

The purpose of the study is to determine the content and specifics of gender-labeled author's aphoristic sayings of Belarusian writers in the ethno-cultural aspect.

Material and methods. *The research material includes sayings from the works of classics of Belarusian literature (Yakub Kolas, Alexey Pysin, Rygor Borodulin, I. Shamyakin, etc.), as well as monographic publications by N.V. Gavrosh, N.M. Nemkovich; A.E. Levanyuk, F.M. Yankovsky. The research methods are descriptive, contextual, comparative, statistical, and stylistic analysis methods.*

Findings and their discussion. *Aphorisms, including those created by authors, have long been the object of study by both foreign and domestic philologists, having concentrated as a result within a separate scientific discipline — aphoristics. Aphorisms don't characterize one person, they relate to many, many things. However, despite its versatility, quite often an aphoristic expression can tell which nation it belongs to. National aphorisms provide an opportunity to study the mentality, culture, and pedagogy of a particular people. In this study, special attention is paid to the characteristics of Belarusian men and women through gender-labeled aphorisms.*

Among the collected gender-labeling aphoristic material, the majority are units that characterize a woman. This is due to the fact that the inner world of a woman has always worried the artists of the word, they sought to know it, to know the secret of the female soul. The aphorisms characterizing men in the processed material are quantitatively inferior to the aphorisms characterizing women. A special place in Belarusian aphorisms is occupied by the reflection of an unambiguous attitude to marriage and to the creation of a family, to fidelity in relationships. Some aphorisms reflect the role of women in the family. One of the main roles is that of a mother who loves her children very much and will do everything possible and impossible for their happy childhood.

Conclusion. *The aphoristic sayings of Belarusian writers, both modern and recent, reflect the position of their authors, based on a deep knowledge of all the subtleties of the mentality of Belarusians, on a subtle understanding of the worldview and life positions of representatives of both sexes. Knowledge of aphoristic literary material is especially useful in terms of broadcasting the national characteristics of the Belarusian people in direct contacts with representatives of other countries, when getting acquainted with Belarusian culture, mentality, spiritual and social values, which not only helps to establish contacts between representatives of different nationalities, but also does not let you forget your own history, your own roots, and instills respect for your own to the country, to his people, forming a true patriot and citizen.*

Key words: *gender, aphorism, national and cultural aspect, entocultural heritage, stereotype, social role.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 55–60)

Вывучэнне чалавека ва ўсіх праяўленнях яго характару, сацыяльных стасункаў, паводзін у грамадстве, адносін да родных, да людзей супаццельных поглядаў, полу, узроўню адукацыі ў мовазнаўчых даследаваннях апошніх гадоў набывае ўсё большую актуальнасць. Адным з кірункаў такіх даследаванняў з'яўляецца аналіз адносін паміж асобамі супрацьлеглага полу, выяўленне прычын агульнасці і адрознення ў паводзінах, менталітэце, асаблівасцях маўлення і прынятых на сябе сацыяльных роляў. На іх аснове фарміруюцца так званыя сацыяльна-культурныя стэрэатыпы, што дыкуюць паводзіны асобы і выбраныя ёй кірункі сацыялізацыі.

Гендарныя даследаванні — адзін з актуальных напрамкаў сучаснай гуманітарнай навукі, які вывучае, у сувязі з прыналежнасцю асоб да мужчынскага ці жаночага полу, іх сацыяльныя ролі, псіхалогію, асаблівасці характару, прычыны выбару лініі паводзін у той ці іншай сітуацыі, грамадскія функцыі і светапогляд — усё, што “пераводзіць праблематыку полу з галіны біялогіі ў сферу сацыяльнага жыцця і культуры” [1, с. 4]. Галоўнай мэтай гендарных даследаванняў з'яўляецца вывучэнне заканамернасцей фарміравання і замацавання ў грамадскай свядомасці сацыяльных роляў мужчын і жанчын, што выражаецца праз гендарныя стэрэатыпы — “культурна і сацыяльна абумоўленыя меркаванні пра якасці, атрыбуты і нормы паводзін прадстаўнікоў абодвух палоў і іх адлюстраванне ў мове” [2]. Гендарная лінгвістыка,

як і іншыя напрамкі сучаснага мовазнаўства, знаходзіцца на стадыі развіцця, шліфоўкі метадалогіі і метадыкі даследавання. Гэтым тлумачыцца адсутнасць у дадзенай сферы агульнапрынятай тэрміналогіі, устойлівых і апрабаваных падыходаў. Разам з тым відавочна, што даследаванне мовы і маўлення ў лінгвагендарным аспекце дазволіць выявіць новыя і вельмі важныя для разумення моўныя і маўленчыя асаблівасці. Гэтыя асаблівасці ў сваю чаргу не могуць быць зразумелыя без звароту да філасофіі, сацыялогіі і псіхалогіі, да з'яў грамадскага жыцця, у якіх так ці іначай знайшлі сваё адлюстраванне ўяўленні пра сацыякультурныя ролі мужчын і жанчын. У апошнія гады назіраецца разнастайнасць метадалагічных падыходаў да вывучэння гендару, якія ўзыходзяць да шматаспектнага разумення яго сутнасці. Афарыстычныя выслоўі, як народныя, так і аўтарскія, літаратурныя, якія змяшчаюць гендарна маркіраваную інфармацыю, дазваляюць атрымаць больш поўнае ўяўленне пра асаблівасці нацыянальнага характару беларусаў, агульных і прыватных адзнак іх менталітэту, а таксама атрымаць надзейныя звесткі пра погляды беларускага этнасу на гендарныя адносіны, што паспрыяе эфектыўнаму наладжванню сацыяльна-эканамічных і палітычных стасункаў паміж жыхарамі нашай краіны і прадстаўнікамі іншых этнасаў [3].

Першая спроба навуковага асэнсавання афарыстычных выслоўяў у беларускай філалогіі была зроблена

Ф.М. Янкоўскім. У працы “Крылатыя словы і афарызмы” [4] ён падаў 220 крылатых, разнастайных па структуры, сінтаксічна закончаных вобразных выказаў і выслоўяў. Збіранне афарыстычных выслоўяў з беларускіх літаратурных крыніц, вытлумачэнне гэтых выслоўяў, адлюстраванне ўжывання іх у маўленні Ф.М. Янкоўскі лічыў неадкладнай і першаступеннай задачай філолагаў. Праблеме афарыстычнага слова прысвечаны і шэраг артыкулаў даследчыка, дзе аналізуюцца афарызмы Янкі Купалы, Якуба Коласа, Ядвігіна Ш., Цёткі, Анатоля Вярцінскага і інш. Афарыстычныя выслоўі Якуба Коласа засведчаны ў працы А.Я. Міхневіча “Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца...” [5]. Асэнсаванню і сістэматызацыі афарыстычных выслоўяў Ніны Мацяш, Рыгора Барадуліна, Уладзіміра Караткевіча, Янкі Брыля прысвечаны даследаванні М.І. Новік, Т.М. Трыпуцінай, а таксама публікацыі тэматычных падборак афарызмаў беларускіх пісьменнікаў Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч у часопісе “Роднае слова” (Мінск, 2005–2011); ім жа належыць праца “Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў” [6], якая стала адной з асноўных крыніц дадзенага даследавання.

Пэўныя цяжкасці выклікае той факт, што на сённяшні час яшчэ няма поўнага збору беларускіх афарыстычных выслоўяў і грунтоўна распрацаванай тэорыі і метадыкі пошуку і даследавання такіх адзінак, метадыкі іх упарадкавання і лексікаграфічнага апісання. Таксама не заўсёды можна з упэўненасцю сказаць аб аўтарстве таго ці іншага выслоўя, вызначыць, ці аўтар сам стварыў крылаты выраз, ці ўзяў яго з жывой народнай мовы. Разам з вышэйазначаным актуальнасць выбару тэмы абумоўлена таксама неабходнасцю больш грунтоўнага вывучэння дадзенага пытання ў лінгвакультурным аспекце.

Мэта даследавання — вызначыць змест і спецыфіку гендарна маркіраваных аўтарскіх афарыстычных выслоўяў беларускіх літаратараў у этнакультурным аспекце.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання паслужылі манаграфічныя выданні “Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў” Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч [6], “Майстры кажуць... Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі” А.Я. Леванюк [7], “Крылатыя словы і афарызмы” Ф.М. Янкоўскага [4], а таксама выслоўі з твораў класікаў беларускай літаратуры Якуба Коласа, Аляксея Пысіна, Рыгора Барадуліна, І. Шамякіна і іншых беларускіх пісьменнікаў і паэтаў [8–9]. Метадамі працы сталі апісальны, кантэкстуальны, параўнальна-супастаўляльны, стыгматычны, метады стылістычнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Афарызмы (ад грэч. *aphorismos* — азначэнне) вядомыя з найдаўнейшых часоў. Звычайна гэтым тэрмінам называюць кароткае выслоўе, якое ў мастацкай форме выражае закончаную думку аўтара. Аднак гэтую фармулёўку можна выкарыстаць толькі ўмоўна, паколькі, нягледзячы на шматлікія даследаванні па афарыстыцы, прырода,

сутнасць і само паняцце афарызма раскрыта недастаткова поўна. Вывучэнне афарызмаў, у тым ліку і аўтарскіх, актыўна вядзецца як замежнымі, так і айчыннымі філолагамі, у выніку сканцэнтраваных у межах асобнай навуковай дысцыпліны — афарыстыкі. Афарыстычныя выслоўі выклікаюць цікавасць не толькі закладзеным у іх змесце вопытам пакаленняў, мудрасцю і сілай духу чалавека, яго матэрыяльнымі і эстэтычнымі ідэаламі, а і дакладнай і своеасаблівай характарыстыкай людзей, іх схільнасцей, вызначэннем і ацэнкай разнастайных узаемаадносін у грамадстве, з’яў рэчаіснасці. Яны надзвычай лаканічныя і вобразныя, выразныя і зразумелыя. Змест афарызмаў універсальны і адначасова нацыянальна адметны. Як слухна адзначае А.Я. Леванюк, “афарызмы — гэта дзіўныя па сваёй лаканічнасці выслоўі, якія дораць нам мудрасць, новы погляд на жыццё” [7, с. 5].

Афарызмы ніколі не характарызуюць аднаго чалавека — яны маюць дачыненне да многіх і многага. Аднак, нягледзячы на сваю ўніверсальнасць, даволі часта афарыстычны выраз можа падказаць, якому народу ён належыць. Нацыянальныя афарызмы даюць магчымасць вывучаць менталітэт, культуру, педагогіку пэўнага народа. У гэтым даследаванні асабліва ўвага звернута на асаблівасці характарыстыкі беларускіх мужчын і жанчын праз гендарна маркіраваныя афарызмы.

Трэба адзначыць, што сярод сабраных гендарна маркіраваных афарыстычных матэрыялаў большасць складаюць адзінкі, што характарызуюць жанчыну. Думаецца, гэта звязана з тым, што ўнутраны свет жанчыны заўсёды хваляваў мастакоў слова, яны імкнуліся пазнаць яго, зведаць таямніцу жаночай душы: *Жанчына — таямніца з таямніц, / Пачатак і часця і трывогі* (С. Грахоўскі); *Пакуль будуць жанчыны, / Не змоўкнуць паэты, / Пакуль будуць паэты, / Жанчыны не будуць старэць* (Г. Бураўкін); *Жанчыны — сасуд без dna. / Дакладней — Сусвет сусветаў. / Сам Бог у яго віна / наліў, каб натхняць паэтаў* (Э. Акулін). Гэтая характарыстыка ў большасці выпадкаў станоўчая, а часам і ўзнёслая. Паважлівыя адносіны да жанчын выражаюцца ў наступных афарызмах: *Хто плюе на жанчыну — / Той, нелюды, плюе на радзіму* (А. Сыс); *У шчэбет і по-свіст птушыны / З далёкіх і блізкіх дарог / Высокае імя Жанчыны / Прыводзіць на родны парог* (Э. Зубрыцкі); *Зрываюцца ў бездань хвіліны / Са стром пакручастых жыцця — / Высокае імя Жанчыны / Вяртае наноў з небыцця* (Э. Зубрыцкі); *Пакуль не спыніўся гадзіннік / І лічаць зязюлі гады / Высокае імя Жанчыны / Заслоніць сабой ад бяды* (Э. Зубрыцкі); *Разнеда, Еўфрасіння і Ларыса — надзея жыць і прага нараджаць* (А. Хатэнка); *З жанчынамі свет не старэе, / Ён маладзее, дабрэе, / І, урэшце, нас дорыць ім* (А. Грачанікаў); *На беларускую дзяўчыну... / Ніхто ішчэ каменем не кінуў / І не наважыцца кідаць* (Я. Купала); *Жанчына — душа мужчыны; яна наша натхняльніца на вялікія справы* (Я. Колас); *Жанчына — хараства вяршыня. / Вяршыня радасці — жанчына* (В. Жуковіч).

Адной з важных якасцей жанчыны, з пункту погляду мужчын, лічыцца дабрня: *Жанчына без дабраты настолькі жанчына, наколькі дрэва без соку можа лічыцца дрэвам* (У. Рубанаў). Гонар — неад’емная якасць жанчыны, якая яе ўпрыгожвае і парушыць якую лічыцца нават грахом: *Глянучь адчужана зверху ўніз — / Святое жаночае права* (А. Вярцінскі); *Гордасць — таксама, мабыць, жаночае хараство* (Я. Скрыган); *Самы вялікі мужчынскі грэх — грэх супраць жаночай гордасці* (А. Вярцінскі).

Жаночая душа для мужчыны з’яўляецца таямніцай, якую ён спрабуе зразумець на працягу шматвяковай гісторыі чалавецтва, а таму да некаторых праяўленняў жаночых паводзін адносіцца з доляй непаразумеання і нават з іроніяй: *Дзіўная жаночая псіхалогія! Сарамлівасць іх залежыць ад часу і абставін* (І. Шамякін). Але прачыніць дзверы ў гэтую таямніцу часам дапамагае песня, якая суправаджае чалавека ад нараджэння да смерці, з’яўляецца адлюстраваннем душэўных пачуццяў чалавека, у тым ліку і жанчыны: *О, колькі можа нам жанчына / Сказаць у песні пра сябе!* (Н. Гілевіч).

Асобная група выяўленых афарызмаў звязана з адлюстраваннем такой рысы беларускай жанчыны, як працавітасць, здольнасць выконваць не толькі спецыфічна жаночыя, але і некаторыя мужчынскія віды работ: *Усё ўмеюць жаночыя рукі — і малярыць, і каўбасу рэзаць* (І. Шамякін); *У добрай гаспадыні і на лёдзе жыта расце* (Г. Марчук). Разам з тым сустракаецца іранічнае стаўленне да інтэлектуальнай працы жанчын, якая, маўляў, адмоўна адбіваецца на яе характары і знешнасці, выражаецца ў наступным афарызме-назіранні: *Твар у жанчыны, якая многа думае, становіцца шэры, характар — невыносны, старасць — заўчасная* (Я. Сіпакоў). Часам у афарызмах падкрэсліваецца “безузроставаць” жанчын: *Жанчыны бываюць маладыя і старыя, а другіх не бывае* (У. Сцяпан); *Жанчыны не маюць пэўнага ўзросту...* (В. Галавач). Але, нягледзячы на ўсё гэта, жанчына павінна заставацца жанчынай у любых абставінах: *...прывабная жанчына і на рабоце павінна аставацца прывабнай* (А. Кулакоўскі).

Паняцце “прыгажосці” рознымі людзьмі ўспрымаецца па-рознаму, тым больш што яна можа быць унутранай і знешняй. Але, нягледзячы на тое, якога колеру валасы, якога росту жанчына, якімі душэўнымі якасцямі валодае яна, упэўнена сцвярджаецца думка: *Непрыгожых жанчын не бывае, / Проста шмат невідных мужчын* (Г. Бурайкін).

Побач з ухваленнем жанчыны сустракаюцца афарызмы, якія выкрываюць такія заганьня, на думку аўтараў, якасці, як упартасць: *...што жанкі? Раз што панята, / Ноль — слова нашага ім брата* (Я. Колас); балбатлівасць: *Ой, дык язык жа ты жаночы: / ці ёсць, ці не прычына тая — / Усё роўна менціць і кусае* (Я. Колас); *Што б зналі пра жанок мужчыны, / Каб іх сябровак не было* (В. Вярба); капрызнасць: *Мае гады з характарам жаночым, / На іх забыцца варта мне на міг, / Яны адразу ў гвалт: “Мы ўвагі хочам!”*

(Р. Барадулін). Асобна падкрэсліваюцца такія якасці, як прагматычнасць, ашчаднасць, якія становяцца надзейным падмуркам у адносінах з абраннікам: *З мілым і пад дубам — доля райская; / Толькі лепш фундамент мураваны* (А. Пысін).

Асобныя літаратурныя выслоўі выяўляюць старыя, забабонныя ўяўленні пра сувязь жанчыны з нячыстай сілай: *З тых пор, як чорт гдзе не дарадзе, / Там слухае ён бабскіх рад* (Ф. Багушэвіч). Гэта можа быць звязана з даўнімі хрысціянскімі поглядамі на жанчыну як вінаватую ў першародным граху чалавецтва. Асабліва ўвага надаецца жаночай хітрасці, якая можа быць вельмі рознай: *Нецалаваных на зямлі няма / І хітрыя жанчыны і дзяўчаткі / У сэрцах носяць свой сакрэтны май / І пацалункаў вечныя пячаткі* (А. Сербантовіч); *Жанчыны панствуюць і ў мане, / А мужчыны і ў праўдзе — рабы* (У. Караткевіч). Часам гэтую хітрасць жанчыны выкарыстоўваюць для дасягнення сваіх уласных мэт: *...жанчына, калі ёй чаго-небудзь хочацца, можа рабіцца відушчай не горай за самага вялікага мудраца* (В. Іпатава). Адсюль могуць браць пачатак і недаверлівыя адносіны мужчын да жанчын: *Паверыць жанчыне ўсё роўна, / Як дом збудаваць на пяску* (Р. Барадулін).

Афарызмы, што характарызуюць мужчын, у апрацаваным матэрыяле колькасна саступаюць афарызмам — характарыстыкам жанчын. Як правіла, мужчына ў афарызмах падаецца як мужны, мудры, справядлівы: *І біцца павінны мужчыны, / Бо маюць радзіму, жанчыну, / Гордасць — адну* (Л. Рублеўская); *Не справа мужчын — / Страхавацца, хавацца, / Не справа мужчын — / Баяцца, дрыжаць* (А. Вярцінскі); *З веку — княжая слава ў беларускіх мужчын. / З веку — любасць князева ў беларускіх мужчын. / З веку — мудрасць князева ў беларускіх мужчын* (В. Аколава). Але разам з гэтымі моцнымі якасцямі характару адзначаецца і ўласцівая некаторым мужчынам інфантальнасць: *У мужчыне сядзіць хлапчук да глыбокай старасці. Як ні ўтаймоўвае ён яго, а не-не дыі вырвецца на сваю волю...* (П. Місько). Мужчыны, як і жанчыны, таксама здольныя да хітрыкаў, маюць свае таямніцы, якія, як думае “моцны пол”, “слабы” ніколі не разгадае: *У кожнага мужчыны — душа пацёмкі, ніколі бабы іх таямніцы не будуць ведаць...* (П. Місько).

Тэматычна большасць прааналізаваных афарызмычных аўтарскіх адзінак звязаны з каханнем, шлюбам, унутрысямейнымі адносінамі: *Пачынаецца ўсё з любові...* (Я. Янішчыц). Увогуле ўсе аўтары пагаджаюцца з думкай, што паняцці “жанчына” і “каханне” немагчымыя адно без другога, што яны існуюць у песнай, непарыўнай сувязі: *Жанчыны варты моцнага кахання, / Усе кахання варты як адна* (Д. Бічэль-Загнетава); *Не кожнаму даецца ў жыцці каханне, якое мацней за смерць, за адлегласць, за ўсе перашкоды. Але кожная жанчына марыць аб ім, кожная хоча быць адзінай — на ўсе гады, якія адпусціў Лёс, на ўсе выпрабаванні, на шчасце і няшчасце...* (В. Іпатава).

Мужчыны ж у каханні бачацца праз афарызмы або залішне пераборлівымі: *І Зоя — не тое, / І Насця — не шчасце* (П. Панчанка), або пакорнымі лёсу: *Наймічку таксама добра каля печкі цалаваць, / Калі лёс не шле царыцы, суджанай навек табе* (У. Караткевіч). Але не заўсёды ўдала складваецца ў каханні і лёс жанчыны: *Адзін любіў, другі кахаў, а трэці ўзяў* (А. Мрый).

Сям'я заўсёды лічылася і лічыцца асновай, трывалым падмуркам для развіцця грамадства: *Народ наш у вяках / Трымаўся на сям'і* (Н. Гілевіч). У беларускіх афарызмах паказана адзначнае стаўленне да шлюбу і да стварэння сям'і, да вернасці ў адносінах: *Не любіся з дзеўкамі ў жыцце / І ў красках не любіся, / Бо колькі каласоў зломіш — / Столькі людзей / Ад голаду сканае, / А колькі красак зьяне — / Столькі дзетак не народзіцца* (У. Арлоў) — гэта яўнае асуджэнне пазашлюбных адносін. З падобнай семантыкай ужыты таксама наступны афарызм: *Калі ёсць каханне, трэба, каб была і сям'я. А калі без сям'і, то гэта ўжо не каханне, а распуста* (Я. Сіпакоў). Але разам з тым сустракаем філасофскае: *Не ўсе вячаюцца, што любяць ды кахаюцца* (А. Карпюк). Гэты афарызм асабліва актуальны ва ўмовах сучаснага грамадства і адлюстроўвае адносіны, якія не могуць быць ухвалены, калі толькі не абумоўлены сацыяльнымі і грамадскімі абставінамі.

Генетычная наканаванасць быць маці, выхоўваць дзяцей натуральна выклікае ў жанчын жаданне выйсці замуж: *Навошта ж воля для жанчыны, / Калі ёй цэлы свет чужы!* (Я. Янішчыц). Але разам з гэтым замужжа, якое адбылося без кахання, асуджаецца: *І жонкай стаць і не кахаць нікога — / Усё адно, як вольнай жыць без волі...* (М. Шабоўіч); *Калі каханне абвянчае / Жаданай згодай маладых, / Свайго сумлення не хавае / Яно ад позіркаў чужых. / А звязжа шлюбом маладая / Сябе з нялюбым і старым, / Свайго сумлення не схавае / Яна за прозвішчам чужым* (А. Куляшоў).

Стварэнне сям'і — гэта вельмі адказны крок у жыцці, які патрабуе цяжкіх і адказнасці ад абаіх закаханых: *Каханне — кароткае свята, / пасля жаніцтва цяжка будзе дзень* (В. Каваленка); *Даўгавечнасць кахання залежыць ад доўгацяжкіх і жанчыны і ад ступені мужчынскай ляноты* (Г. Марчук); *Сямейнае шчасце — разуменне, для праверкі якога патрабуецца час і нямалы* (І. Шамякін).

Асобна можна выдзеліць афарызмы, якія адлюстроўваюць сямейныя адносіны праз магчымасць выбраць той ці іншы шлях у жыцці, працоўнай дзейнасці: *Шчаслівы той, хто ажаніўся, яшчэ шчаслівейшы той, хто марыць пра шлюб* (Г. Марчук); *Палітыка без любві, без адчування сям'і — нішто* (В. Іпатава). Шлюб у некаторай ступені мяняе погляды жанчын і мужчын адно на аднаго і на саміх сябе. Своеасабліва метафарычная характарыстыка замужняй жанчыны, кантэкстуальна наўрад ці задаволенай лёсам, гучыць у наступным выслоўі: *Замужства адкрывае жанчыне вочы на самую сябе* (К. Чорны); *Акальцованыя птушкі, / Акальцованыя жонкі* (П. Панчанка).

Трэба адзначыць афарызмы, якія сканцэнтраваныя на адлюстраванні ролі жанчыны ў сям'і. Адною з галоўных з'яўляецца роля маці, якая моцна любіць сваіх дзяцей, зробіць усё магчымае і немагчымае для іх шчаслівага дзяцінства: *Ты — маці, жонка; ты — дачка, сястра, / Твая заўсёды голая пара* (Я. Сіпакоў); *У жанчыны дзве святасці: сям'я і дзеці* (У. Рубанаў); *Ты — маці, ты — на ўсё гатова, / Усё — змагчы, усё — аддаць, / Адно б вяслых ды здаровых / Дзяцей пад сонцам аглядаць* (Н. Гілевіч); *Жанчына і дзіця — працяг у вечнасць* (Л. Забалоцкая).

Як сведчаць прааналізаваныя афарызмы, жанчыне надаецца першаступенная роля ў сям'і. Гэтая думка падкрэсліваецца наступнымі выслоўямі, у якіх паказана своеасабліва залежнасць мужчын ад жанчын ва ўмовах сям'і: *Мала ёсць мужоў, якіх разумная жонка не заваражыла б сваім кукаваннем* (І. Шамякін); *Мужы са скуры лезуць, / Каб жонкі ўлезлі ў шкуры* (Р. Барадулін); *А мужык, і праўда, без жонкі сірата* (П. Місько). Апошняя выслоўе яшчэ раз падкрэслівае перавагу сямейнага жыцця над халастым, у прыватнасці, для мужчын.

Немалаважную ролю ў сямейных адносінах адыгрывае пачуццё рэўнасці; як кажуць у народзе, “раўнуе — значыць, любіць”: *Жонка, якая не раўнуе, — сумная жонка, абьякавая* (І. Шамякін). Пры гэтым з боку жанчыны магчымы пераход межаў, учыненне ў запале неабдуманых дзеянняў, якія могуць негатыўна адбіцца на наступных стасунках: *У рэўнасці жанчына на ўсё можа пайсці* (І. Шамякін). Як бачым, па меркаванні некаторых мужчын (у дадзеным выпадку І. Шамякіна), жанчына павінна праяўляць сваю зацікаўленасць да мужчыны праз рэўнасць, хаця ў асобных выпадках самі мужчыны ставяцца да гэтага даволі скептычна: *Жанчыну раўнуй не раўнуй, — / Сама ва ўсім разбярэцца* (А. Грачанікаў).

Асобна трэба адзначыць выслоўі, якія ўздываюць тэму сужонскай вернасці. Нявернасць у адносінах да жонкі з боку мужчын адзначна асуджаецца, нават калі гэта выражана праз іронію: *Патрабуе каханак / Ад жонкаў чужых / І спёкі паўдзённай, / І вернасці лебядзінай* (Р. Барадулін); *Добра мець дзве жонкі: / Адну — для амурнасці, / А другую — / Каб гузікі прышываць* (В. Аксак). Афарызм, падобны на парэмію — *Другім ямы не капай, / Чужою жонкі не чапай* (Я. Колас), — гучыць як перасцярога для тых, хто збіраецца “пайсці налева”. Цікавае ўяўляе афарызм, які адлюстроўвае погляд майстра слова на тое, навошта жонка і муж заводзяць палюбоўніц (-каў): *Палюбоўнік трэба, калі жанчына хоча даведацца аб сапраўдных лічбах свайго сямейнага бюджэту. Палюбоўніца трэба, калі мужчына хоча даведацца пра хітрыкі і падманы ўласнай жонкі* (Г. Марчук). Пры гэтым падкрэсліваецца, што з'яўленне “трэцяга лішняга” ў сям'і прыводзіць да яе разбурэння, падчас чаго выказваецца шмат зневажальных слоў у адрас жонкі ці мужа: *Шлюб, які распадаецца, выяўляе самае дрэннае ў абаіх супрагаў* (І. Шамякін). Ды лепш скасаваць такі шлюб, чым крывадушнічаць на працягу

многіх гадоў: *Агідныя тыя муж і жонка, якія дзесяцігоддзямі жывуць, як сабака з кошкай, а на людзях выстаўляюць уяўны лад і ішчасце* (І. Шамякін).

Але нягледзячы на тое, што мужчыны і жанчыны па сваіх фізіялагічных асаблівасцях, па сваім светапоглядзе супрацьлеглыя істоты, яны ўсё роўна з’яўляюцца дзвюма палавінкамі адзінага цэлага, якія не могуць існаваць адно без аднаго і без якіх немагчыма наогул жыццё на Зямлі: *Ён і яна — і Сусвет не пустое* (Р. Барадулін).

Заклучэнне. Аўтарскія выслоўі, як і ўстойлівыя адзінкі мовы, — гэта душа кожнай нацыянальнай культуры. Яны западаюць глыбока ў душу і могуць перадавацца з вуснаў у вусны, ад пакалення да пакалення. Знаёмства з беларускай гендарна маркіраванай афарыстыкай дазваляе больш глыбока зразумець гісторыю беларускага народа, яго адносіны да чалавечых вартасцей і недахопаў, спецыфіку народнага светаўспрымання, ацэнкі ролі мужчыны і жанчыны ў беларускім грамадстве.

Беларускія нацыянальныя афарызмы, як сведчыць аналіз матэрыялу, — найбагацейшая скарбонка мудрасці самых таленавітых прадстаўнікоў народа. У большасці сваёй нацыянальныя літаратурныя афарызмы змяшчаюць у сабе аб’ектыўную ацэнку мужчын і жанчын. У айчынным афарыстыцы ў канцэнтраваным выглядзе захоўваюцца светапоглядныя ідэалы і стэрэатыпы нацыі. Пры гэтым трэба ўлічваць, што такія стэрэатыпы ў свядомасці людзей у дадзеным кантэксце ствараюць пісьменнікі (як жаночага, так і мужчынскага полу), у якіх погляды на адну і тую ж з’яву могуць быць зусім розныя і нават супрацьлеглыя. Трэба адзначыць, што сярод прааналізаваных афарызмаў большасць складаюць адзінкі са станоўчай канатацыяй характарыстыкі жанчын. Увогуле ж большасць гендарна маркіраваных афарызмаў даюць аб’ектыўную характарыстыку мужчынам і жанчынам: ухваляецца жаночая прыгажосць, гаспадарлівасць, дабрыня, падкрэсліваецца яе духоўнае багацце, уменне выконваць любыя віды працы; сярод заганаў называюцца балбатлівасць, а таксама прагматычнасць, залішня (на думку мужчын) ашчаднасць і асабліва жаночая хітрасць. Што да мужчын, то тут на першы план выходзяць такія станоўчыя якасці, як справядлівасць, мужнасць, мудрасць; сярод адмоўных рысаў называюць найперш інфантальнасць, залішнюю пераборлівасць у каханні. Адназначна ўхваляецца традыцыйная сям’я, заснаваная на каханні, вернасці, паважлівых адносінах адно да аднаго. Адносіны, заснаваныя на сямейнай нявернасці, крывадушнасці, адназначна асуджаюцца.

Такім чынам, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што афарыстычныя выслоўі беларускіх літаратараў, як сучасных так і недалёкага мінулага, адлюстроўваюць пазіцыю іх аўтараў, пабудаваную на глыбокім веданні ўсіх тонкасцяў менталітэту беларусаў, на тонкім разуменні асаблівасцей светаўспрымання і жыццёвых пазіцый прадстаўнікоў абодвух палоў. Веданне афарыстычнага літаратурнага матэрыялу асабліва карысна ў плане транслявання нацыянальных асаблівасцей беларускага народа пры непасрэдных кантактах з прадстаўнікамі іншых краін, пры знаёмстве з беларускай культурай, менталітэтам, духоўнымі і сацыяльнымі каштоўнасцямі, што не толькі спрыяе наладжванню кантактаў паміж прадстаўнікамі розных нацыянальнасцей, але і не дае забыць уласную гісторыю, уласныя карані, выхоўвае пвагу да сваёй краіны, свайго народа, фарміруючы сапраўднага патрыёта і грамадзяніна.

Літаратура

1. Троицкая, О.Г. Некоторые проблемы коммуникации с точки зрения гендерного анализа / О.Г. Троицкая. — URL: <http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/> (дата обращения: 04.02.2025).
2. Кирилина, А.В. Гендерная асимметрия в языке / А.В. Кирилина // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. — М.: Информация XXI век, 2002. — 256 с. — URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 14.12.2024).
3. Дзядова, А.С. Мастацкі тэкст як крыніца лінгвакраіназнаўчай інфармацыі: манаграфія / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М.Машэрава”. — Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2022. — 154 с. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/32640>.
4. Янкоўскі, Ф.М. Крылатыя словы і афарызмы / Ф.М. Янкоўскі. — Мінск, 1960. — 135 с.
5. Міхневіч, А.Я. Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца...: выбраныя выслоўі народнага песняра / А.Я. Міхневіч. — Мн.: БелДПК, 2002. — 108 с.
6. Гаўрош, Н.В. Афарыстычны выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч. — Мн.: Выш. шк., 2012. — 638 с.
7. Леванюк, А.Я. Майстры кажучь... Беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі: слоўнік афарызмаў / А.Я. Леванюк. — Брэст: БрДУ, 2010. — 161 с.
8. Анталогія беларускай паэзіі: у 3 т. / рэдкал.: Р. Барадулін і інш.; рэд. і аўтар прадм. Н. Гілевіч. — Мн., 1993. — Т. 1. — 622 с.; Т. 2. — 623 с.; Т. 3. — 625 с.
9. Анталогія беларускай народнай прыказкі, прымаўкі і выслоўя / уклад., аўт. прадмовы А.С. Фядосік. — Мн., 2002. — 298 с.

Паступіў у рэдакцыю 30.08.2025

Эвристика «Остановленного мгновения» духовного бытия в поэтическом тексте М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве»

Буров А.А.*, Бурова Г.П.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», Пятигорск

**Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки

Актуальность выбранной темы определяется нравственно-эстетической потребностью нашего времени в обращении к «сильным» поэтическим текстам русской классики, которые свидетельствуют о выходе поэзии на уровень эстетико-эвристического измерения мира в художественном образе. Это не только акт образного познания, закреплённый в словесном знаке, но и непосредственное участие Слова в активном преобразовании нашей действительности, когда поэзия преодолевает границы словесно-стиховой формы и становится жизнеутверждающей силой, возвращающей нас к духовным историческим ценностям.

Цель статьи — постижение глубинных смыслов поэтического слова, запечатлевшего в небольшом пространстве текста лирического опуса эвристику духовной силы «остановленного мгновения» героического времени.

***Материал и методы.** Материалом для наблюдений послужил текст стихотворения М.Л. Матусовского, посвящённого московскому исполнению Ленинградской симфонии Д.Д. Шостаковича весной 1942 года. Эта лирическая миниатюра, созданная спустя два года после описываемого события, стала эпическим полотном, в котором словесный текст, наполняясь мощной энергией гениальной музыки, воплощает Духовную Силу народного гнева великой страны, поднявшейся на смертный бой с фашистскими захватчиками. Основным методом, с помощью которого проводилось комплексное филологическое исследование, является авторский метод номинационно-синтаксического анализа поэтического текста, позволяющий увидеть в тексте особый язык описания, свидетельствующий о трансформации экспрессия → эвристика.*

***Результаты и их обсуждение.** Проведённое исследование подтвердило предположение о том, что в «сильном» поэтическом тексте экспрессия лексики, взаимодействуя с динамикой синтаксиса, образует мощный энергетический импульс, в котором сливаются голоса оркестра, природной стихии и многомиллионного народа. Рассматриваемый в статье эвристический ресурс авторской художественно-эстетической экспрессии, который ярко проявляется в ритмике стихотворного текста как единого пульсирующего организма, формируется в процессе номинационно-синтаксического семиозиса единиц синтаксиса — от синтаксических форм слова до всего связного текста как эстетического знака. Исполнение Ленинградской симфонии в столице становится эвристическим прекрасным «мгновением», запечатленившим нерушимое духовное единение всего народа, защитившего город Ленина, уверенно приближающего Победу. В статье утверждается, что сегодня, спустя десятилетия, с особой отчётливостью ощущается этот миг бытия нашей истории, которая требует помнить о своих уроках.*

***Заключение.** В «сильном» поэтическом тексте семиозис синтаксической номинации способствует перерастанию авторской символической экспрессии в эвристику духовной силы, наполняющей текстовое пространство, которое обозначает фрагмент реального исторического события, ставшего отправной точкой сюжетной канвы произведения М.Л. Матусовского. Поэтическое слово, «остановившее на мгновение» время и оживившее нашу историческую память, позволяет преодолеть страшное начало этого мига бытия в его жестокой, уродливо-зверской личине мирового зла — фашистской чумы и утвердить торжество Лика Созидательной Силы и Правды. В тексте стихотворения поэта торжествует эвристика высокого искусства, наполненная духовностью как основой русского культурного кода.*

***Ключевые слова:** поэтическая картина мира, «сильный» текст, эвристика «остановленного мгновения» военного времени, духовная сила Ленинградской симфонии, номинационно-синтаксический семиозис.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 61–67)

Heuristics of the “Stopped Moment” of Spiritual Being in the Poetic Text of M.L. Matusovsky’s “Seventh Symphony in Moscow”

Burov A.A.*, Burova G.P.**

*Federal State Budgetary Education Establishment “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk

**State Budgetary Education Establishment of Higher Education “Stavropol State Pedagogical Institute (Essentuki Branch)”, Essentuki

The relevance of the chosen topic is determined by the moral and aesthetic need of our time to turn to the “strong” poetic texts of Russian classics, which testify to the emergence of poetry at the level of aesthetic and heuristic measurement of the world in an artistic image. This is not only an act of figurative cognition, fixed in a verbal sign, but also the direct participation of the Word in the active transformation of our reality, when poetry overcomes the boundaries of verbal and verse form and becomes a life-affirming force that returns us to spiritual historical values.

The purpose of the article is to comprehend the deep meanings of the poetic word, which captured in a small space of the text of a lyrical opus the heuristics of the spiritual power of a “stopped moment” of heroic time.

Material and methods. *The material for observations was the text of the poem by M.L. Matusovsky, dedicated to the Moscow performance of the Leningrad Symphony by D.D. Shostakovich in the spring of 1942. This lyrical miniature, created two years after the described event, became an epic canvas, in which the verbal text, filled with the powerful energy of brilliant music, embodies the Spiritual Power of the people’s anger of the great country that rose to mortal combat with the fascist invaders. The main method by which a comprehensive philological study was conducted is the author’s method of nomination-syntactic analysis of the poetic text, which makes it possible to see in the text a special language of description, indicating the transformation of expression → heuristics.*

Findings and their discussion. *The conducted study confirmed the assumption that in a “strong” poetic text, the expression of vocabulary, interacting with the dynamics of syntax, forms a powerful energy impulse in which the voices of the orchestra, the elements and the multi-million people merge. The heuristic resource of the author’s artistic and aesthetic expression, considered in the article, which is clearly manifested in the rhythm of the poetic text as a single pulsating organism, is formed in the process of nominative-syntactic semiosis of syntax units – from syntactic forms of a word to the entire coherent text as an aesthetic sign. The performance of the Leningrad Symphony in the Capital becomes a heuristic beautiful “moment” that captured the unbreakable spiritual unity of all the people who defended the city of Lenin, confidently approaching Victory. The article argues that today, decades later, this moment of the existence of our history is felt with particular clarity, which requires remembering its lessons.*

Conclusion. *In a “strong” poetic text, the semiosis of syntactic nomination contributes to the development of the author’s symbolic expression into the heuristics of spiritual power filling the textual space, which denotes a fragment of a real historical event that became the starting point of the plot of M.L. Matusovsky’s work. The poetic word, which “stopped time for a moment” and revived our historical memory, allows us to overcome the terrible beginning of this moment of existence in its cruel, ugly-beastly guise of world evil — the fascist plague and to affirm the triumph of the Face of Creative Power and Truth. In the text of the poet’s poem, the heuristics of high art, filled with spirituality as the basis of the Russian cultural code, triumphs.*

Key words: *poetic picture of the world, “strong” text, heuristics of the “stopped moment” of wartime, spiritual power of the Leningrad Symphony, nominative-syntactic semiosis.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 61–67)

*Мгновенья раздают — кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.
Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия...
Р. Рождественский*

Русская поэтическая классика оставила нам в наследство тексты, многие из которых вслед за В.П. Григорьевым мы относим к «сильным», характеризующимся выходом поэзии на уровень эстетико-эвристического измерения мира в художественном знаке [1]. Это не только акт познания, закреплённый в художественном знаке, но и непосредственное участие Слова в преобразовании нашей действительности, когда «поэзия выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы и, как двигатель

самых мощных трансформаций, вооружается энергией науки и техники, инструментами всех знаний и профессий, чтобы так же магически преображать мир, как это раньше удавалось только в стихах и песнопениях» [2]. Но крайне важно добавить: «сильный» поэтический текст несёт огромный заряд духовной энергии Правды — главного оружия в руках «святого воинства»: Совести, Благородства и Достоинства (Б.Ш. Окуджава).

Небольшое стихотворение «Седьмая симфония в Москве», написанное М. Матусовским в 1944 году, посвящено знаменательному событию в истории нашей Родины. 29 марта 1942 года в столице, недалеко от линии фронта, прозвучала, вскоре после премьеры в тыловом Куйбышеве, Ленинградская симфонии № 7 Д.Д. Шостаковича. «Знаменитая ленинградка»,

названная так в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой, «возвращалась в родной эфир» осаждённого фашистами, но непокорённого города на Неве, по пути побывав в Новосибирске, Лондоне, Нью-Йорке. Весенняя Москва, на подступах к которой враг был остановлен и начался перелом в войне, пророческим звучанием симфонического оркестра «прорывала кольцо / Блокадных ночей Ленинграда». 9 августа 1942 года симфонию транслировали уже из зала филармонии осаждённой северной столицы по радио и громкоговорителям так, что её слышали не только ленинградцы, но и враги. Классическое искусство вступило в бой за правое дело. А.Н. Толстой писал: «...Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке... <Она> возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с чёрными силами» [3].

Анализируя экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии М.Л. Матусовского, В.В. Патерыкина актуализирует главную мысль поэта: «Война сразу делает всё поколение взрослым, убирая беспечность молодости, ставя перед выбором жизни и смерти. В противовес попранию культуры, гимном неистребимости жизни звучит музыка. “Седьмая симфония в Москве” — стихотворение, утверждающее вечность человеческого разума и бесчеловечность разрушения... Поэт верит в благоразумие человеческого разума, неистребимость культуры, а значит и жизни» [4]. Очень важно, что эта мысль, проходящая красной нитью и через музыку Шостаковича, и через поэтические воспоминания Матусовского о московском исполнении Ленинградской симфонии, подчёркивается не только теоретиками-исследователями, но и словесниками-практиками, формирующими духовный мир современных граждан России. Проникновенный голос Матусовского звучит в тексте литературно-музыкальной композиции, включённой в методическую разработку по патриотическому воспитанию «Во имя твоё, Ленинград» (автор — ленинградский учитель русского языка и литературы Л.Н. Зегря). Юные чтецы напоминают нам, что стихи поэта — о могучей силе классической музыки, заставляющей нас со всей остротой ощутить, «как в светлое и святое вторгается фашизм.... Мы ощущаем горе, боль народа, его силу и величие, мужество, необходимое стремление народа к Победе» [5]. Так органический сплав словесной и музыкальной энергии вызывает состояние катарсиса, когда рождается очищающая и объединяющая души правда той самой Обиды, которая на исходе XII века «встала... вь силахх Даждьбожа внука, вступила Девкою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемь море у Дону, плещучи, упуди жирня времена...» [6].

Цель настоящего опуса — ещё раз с трепетом заглянуть в нашу историческую память и низко склонить голову перед подвигом русского советского народа, в годы Великой Отечественной войны

защитившего мир от коричневой чумы. Одна из памятных страниц об этом подвиге запечатлена в звуках Ленинградской симфонии Д.Д. Шостаковича и стихотворении М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве» — поэтическом слове, «остановившем» в небольшом пространстве текста лирического опуса время. Эта страница открывает эвристику «остановленного мгновения бытия», одновременно *страшного* своей правдой о зле, с его звериным оскалом дикого хаоса разрушения, бесчеловечной жестокости фашистской военщины, сметающей всё с лица земли со слепым, безжизненно-жутким автоматизмом, — *и прекрасного*, несущего Доброе Созидательное Начало, которое обладает Духовной Силой Правды, а потому непобедимо. Именно Сила Духа свободолюбивого и гордого русского народа, защитив нашу страну в годы Великой Отечественной войны, по сей день отстаивает наши исторические ценности, свободу и суверенитет.

Материал и методы. Непосредственный материал исследования — текст стихотворения М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве» [7] как комплексный художественный знак, в основе внутренней формы которого лежит представление о непобедимости Духа русского народа, отстаивающего свою свободу и независимость в смертельной схватке с фашизмом. Духовное начало определяет нравственную силу классической музыки, вступившей в смертельное сражение с врагом на защиту Родины.

В «сильном» поэтическом тексте обнаруживается способность формировать образные единицы, выходящие на уровень «эвристико-эстетического измерения» как открытия нового в поэтическом языке [8 и др.]. При этом формируется особый язык описания, свидетельствующий о трансформации *экспрессия* → *эвристика*. Экспрессия лексики, взаимодействуя с динамикой «сильного» синтаксического контекста, образует мощный энергетический импульс, в котором сливаются голоса оркестра, природной стихии и многомиллионного народа. Мы рассматриваем эвристический ресурс авторской художественно-эстетической экспрессии, который ярко проявляется в ритмике стихотворного текста как единого пульсирующего организма. В ткани его знакового пространства происходит процесс номинационно-синтаксического семиозиса, когда авторское обозначение осуществляется при естественном развёртывании синтаксических единиц текста. Эвристическое обозначение денотатов окружающего мира становится кульминацией экспрессивного импульса-посыла автора, «останавливающего мгновение бытия» и открывающего нам его значимость, ценность, величие. Поэтому, на наш взгляд, эстетические задачи эвристической номинации в поэтическом тексте получают вполне адекватное объяснение и характеристику благодаря применению положений теории синтаксической номинации и методики номинационно-синтаксического анализа образных единиц поэтического текста [9].

Кроме того, авторами статьи используются методические приемы комплексного филологического анализа «сильного» поэтического текста в историко-эстетическом контексте, а также положения структурно-семиотического, функционально-прагматического, эвристического методов анализа.

Мы считаем, что за счёт употребления производных номинационно-синтаксического семиозиса автору удаётся точнее и ярче запечатлеть и представить внутреннюю динамику «остановленного мгновения» разнообразных проявлений жизни в их естественной данности.

Результаты и их обсуждение. Непримирымый антагонизм Добра и зла, определяющий внутреннюю форму стихотворного текста «Седьмая симфония в Москве», невозможно представить себе вне музыки I части симфонического произведения — это тематический контраст двух образов: мирной жизни и несущего гибель вражеского вторжения. Сам композитор оставил метатекстовый комментарий — авторское пояснение в программе премьерного концерта 5 марта 1942 года в Куйбышеве. По словам Д.Д. Шостаковича, в основе первой темы лежит «образ радостного созидания. Это подчёркивает русский размашисто-широкий склад темы, наполненный спокойной уверенностью. Затем звучат мелодии, воплощающие образы природы. Они как бы растворяются, тают. Тёплая летняя ночь опустилась на землю. И люди, и природа — всё погрузилось в сон» [10]. Эпизод нашествия возникает из тишины, но эта тишина иная — она лишена покоя: «На фоне таинственно шуршащей, еле слышной дроби малого барабана возникает тема врага. Духовые инструменты звучат приглушённо, вкрадчиво. Как будто маршируют заводные куклы и кто-то подыгрывает на гнусавой, дребезжащей дудке. <...> Тема врага словно вырастает, надвигается на нас, она делается всё более исступлённой, неустойчивой. Чудовище сбрасывает шутовскую маску, и мы видим его звериный оскал» [10]. Музыка убеждает: какофония мракобесия и гармония человеческого созидания абсолютно, категорически несовместимы, столкновение неизбежно, и это тот самый бой — «святой и правый, ради жизни на земле».

В 1944 году Ленинградская симфония, сражаясь, уже звучала по всему миру как дань восхищения стойкостью Ленинграда, выстоявшего в блокаду. Матусовский пишет своё стихотворение в форме лирического воспоминания, обращаясь к своим современникам спустя два года после московского исполнения Ленинградской симфонии.

На первый взгляд, особенно из нашего «прекрасного далёка», спокойная, даже камерно-интимная экспозиция рассматриваемого текста может показаться следствием абсолютной уверенности в исходе войны и вынесения обвинительного приговора европейскому фашизму. Думается, задача Матусовского-художника и гражданина много глубже: открыть

эвристику «остановленного мгновения» ощущения и осознания духовной Красоты Добра — единственной альтернативы дикому хаосу разрушения. Музыка Шостаковича, гневно и исключительно правдиво обнажающая понятным любому жителю Земли языком бесчеловечную жестокость фашистской военщины, которая уничтожает всё живое со слепым, безжизненно-жутким автоматизмом бесчувственных механизмов, звучит как бы в отголосках воспоминаний, «за кадром», а на первом плане — стужа-непогода ранней московской весны с грустными деталями городского пейзажа первой военной «осадной зимы» («город, окованный тьмой, / С уныло ползущим трамваем»), со скупой снежной порошей, о чём поэт вспоминает, шутя по законам военного времени.

*Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.*

*Была непогода скупа,
Снежком припушённая малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.*

**Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем,
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем** (выделено нами. — А.Б., Г.Б.)¹

Третья строфа стихотворения является эпицентром духовной силы всего текста. Принципиальной представляется сама структура противительной проpositивной синтаксической номинации, основанная на внутреннем контрасте, столкновении тёмного и светлого начал, которые сосуществует в пределах одного семантического контекста (*город, окованный тьмой; уныло ползущий трамвай VS. прекрасен и незабываем*).

Был этой осадной зимой / Прекрасен и незабываем — это о городе как о месте действия, о котором пишет поэт. Но где происходит оно — только ли в Москве? Автор с помощью родового обобщения «город» сближает, роднит и Москву, от стен которой враг уже был отброшен, и Ленинград, ещё находившийся во время московского концерта в блокаде, рассматривая их как единое целое, частицу Родины, чьё сердце уверенно билось. *Прекрасен и незабываем* — миг Духовной силы, Веры всего нашего народа, всего прогрессивного мира в Победу над фашистской нечистью. И разве сегодня, спустя десятилетия, не ощущаем мы этот миг, это *прекрасное мгновение*?! В тексте всего катрена, являющегося

¹Здесь и далее текст стихотворения М. Матусовского цитируется по изданию, указанному в списке использованной литературы [7].

предиктивной синтаксической пропозитивной номинацией, формируется основной «нерв» того «остановленного мгновения» бытия нашей истории, когда ощущаешь эвристику грядущей Победы! Это авторская эмотивная реакция, метаоценка, экспрессивный момент открытия остановленного и запечатлённого в тексте мощного *художественно-континуального промелька-посыла* как эстетического мига, «мгновения», выражающего сильнейшее внутреннее состояние просветления и очищения народной души, а значит — и духовного подъёма. Физические константы, привычные единицы измерения пространственно-временного континуума, обычно семиотически представленные привычными векторами синтактики, семантики и прагматики (Ч. Моррис, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов и др.), трансформируются в «сильном» поэтическом тексте в особое измерение, *эвристико-эстетическое* [1]. Его мы предположительно и называем «остановленным мгновением бытия». Оно проецируется в пространстве поэтического текста, характеризуется художественной континуальностью и в собственно вербальной ткани требует, на наш взгляд, видеть и в самом связном поэтическом тексте как целом, и в образующих его пространство производных номинационно-синтаксического семиозиса, единицах словаря более высокой организации, особую экспрессивную «силу». Авторское обозначение фрагмента картины мира и его атрибутивных деталей формируется в процессе естественного развёртывания текстового пространства на основе синтаксических единиц текста. Пастернаковский эстетический принцип «неслыханной простоты» делает текст и его локальные контексты «сильными». Решение номинационно-эстетических задач эвристического обозначения денотатов окружающего мира происходит на более высоком, «глубинном», чем лексический, уровне номинации.

Характеризуя авторское воплощение принципа художественного контраста в лирике М.Л. Матусовского и обращая внимание на взаимодействие семантических и собственно экспрессивно-стилистических моментов, которые качественно дополняют друг друга, И.П. Зайцева очень тонко подмечает, что для этого выдающегося художника русского поэтического слова данный принцип «интересен, в первую очередь, именно как средство создания в лирической структуре определённого баланса, позволяющего, в свою очередь, гармонично объединить торжественность и отсутствие всякой пафосности; об очень важном, высоком, говорить самыми обычными словами, несколько не умаляя при этом значимости излагаемого» [11]. Тем самым, с одной стороны, подтверждается особенность поэтики русского лирического текста, гармония «неслыханной простоты» которого, названная так Б.Л. Пастернаком, но открытая задолго до него А.С. Пушкиным, синтезирует народность и поэтическую образность. С другой стороны, эстетический баланс глубины внутренней формы образа и естествен-

ности языковой формы выражения позволяет высокой поэзии, которая представлена «сильными» текстами и контекстами, характерными для художественно ценностной поэзии, решать не только общественно значимые задачи, но и расширять собственно изобразительный потенциал синтеза словоупотребления и синтаксической сочетаемости в тексте. К примеру, в тексте М. Матусовского это происходит при взаимодействии поэтических средств и приёмов в пределах одной эстетической позиции, когда, как справедливо отмечает И.П. Зайцева, «контрастность *семантическая* ... “поддерживается” контрастностью сугубо *стилистического* характера, что не только повышает экспрессию выражаемого смысла, но и существенно углубляет его подтекстовый слой. < > Именно такая “двойная” контрастность существенно усиливает, по нашему мнению, характерные качества лирической структуры: актуализирует контекстные, в том числе и ассоциативные, связи между элементами текста; способствует одновременному включению двух либо нескольких лексических значений; формирует подтекстовое содержание и, безусловно, повышает экспрессивность словесного пространства» [11] (ср. случаи синтеза эпитетации и метафоризации при формировании производных номинационно-синтаксического семиозиса в тексте: [12]).

Тем самым (и данный момент представляется весьма важным для рассматриваемого текста) в поэтическом идиостиле обнаруживается экспрессивная сила субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного личностного авторского начала, которое показательно для конструктивно-стилевого вектора «беллетристикум». Академик В.Г. Костомаров точно подметил, что художник слова способен постигать «в себе то ли сознанием, то ли ощущением строй образов, мыслей, чувств, звуков в такой связи, в какой они до того не связывались никем. Это позволяет ... *вскрыть правду о мире, показав его через самопознание в новом виде, посмотрев на него с новой, лично-индивидуальной, «авторской» точки зрения*» (выделено нами. — А.Б., Г.Б.) [13]. Именно так М. Матусовский утверждает духовную силу своего современника — защитника Отечества, который бы сегодня, спустя более 80 лет, гордо носил позывной участника Специальной военной операции: *Седьмая симфония*.

Продолжим размышления об эвристике «прекрасного и незабываемого» московского исполнения Ленинградской симфонии Д. Шостаковича в Москве ранней весной 1942 года, отзвуки которого согревали сердце поэта М. Матусовского несколько лет, прежде чем «мгновение» душевного подъёма оказалось запечатлённым в стихотворном тексте.

Всего лишь один катрен отводит поэт на то, чтобы напомнить нам, что мы на концерте в Москве, а у рояля сам Шостакович. Поэт представляет нам весь оркестр ярким и точным штрихом — трёхчленным метафорическим рядом глагольных атрибутов-эпитетов:

проснулись, зажглись, просияли «очеловеченные» голоса скрипок. Метонимия *смычок за смычком* усиливает активные действия ведущих партий симфонии, вступающей в сражение с врагом. В тексте Матусовского обо всём этом сказано скромно и мягко, очень просто, ненавязчиво, но твёрдо, даже торжественно. Мы вместе с музыкой оказываемся один на один с «мгновением» страшной смертельной схватки с безжалостным врагом:

Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре смычок за смычком
Проснулись, зажглись, просияли.

А потом... Оркестровая яма сразу же превращается в грандиозный театр величайшей в истории человечества войны. Вихрь жестокого, беспощадного сражения вместе с музыкой и «порывами метели», опрокидывая поюпитры и срывая с них нотные листы, врывается на сцену, и начинается величественное, феерическое действие... (ассоциация с А.Т. Твардовским: *Бой идёт святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле*):

Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели.
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана как партитура.

Безумным, жестоким, бессмысленным вихрем, неумолимо и безжалостно-тупо пытаясь разрушить Красоту, в её Чертог сквозь *порывы метели* вторгается мрак, окрашивающий всё в тёмные тона. Из тьмы возникает ассоциативный символ беды — ненастья, которое олицетворено, создавая гнетущее впечатление: *эта ненастная мгла, / В траншеях свиставшая хмуро*. Выражающая его синтаксическая номинация передаёт динамику пограничного состояния между жизнью и смертью, в которое погружает нас музыка симфонии, где явственно слышны отголоски бушующей над всем миром военной бури:

Над миром катилась гроза.
Ещё никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Сравниваясь с бушующим пламенем, мгновенно охватившим *дом, от полов до стропил* (дом как мирное начало жизни), возникает *одна музыкальная фраза* — это тема вражеского нашествия, прозвучавшая в начале музыкального произведения.

Трансформировавшись, она перерастает в тему смертельной схватки с врагом:

Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Оркестр, обезумев, вопил
Одну музыкальную фразу.

Здесь уже нет тех чужих и странных, пугающих «кукольно-механических» оттенков, появляющихся в первой части симфонии. Вся симфоническая мощь оркестра — струнная, духовая ударная — соединяется в едином сильнейшем порыве всего народа, всей страны, всего мира: это страстное стремление отстоять город на Неве. Номинационно-синтаксическая пропозиция *Она прорывала кольцо / Блокадных ночей Ленинграда* употреблена пока ещё с имперфектным предикатом, но — глагольным, насыщенным семантикой экспрессии активного действия. Это уж не просто сопротивление как преодоление непреодолимого, это непобедимая сила. Это эвристика «остановленного мгновения» нравственной истины: «Наше дело правое, мы победим!»:

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила ее канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Гудела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

Это финальное звучание *сиреной воздушной тревоги* над страшным театром войны, которая ещё не закончилась, мы слышим вместе с поэтом *в глухой синеве*, ощущая чистоту и красоту Духовной Силы *прекрасного времени* подъёма народного единения в Священном Гневе Возмездия. Но поэт пророчески предупреждает нас, призывая не забывать, что *сирены воздушной тревоги* ещё не смолкли.

Заключение. Рассмотренное произведение М.Л. Матусовского подтверждает мысль о том, что семиозис синтаксической номинации в поэтическом тексте способствует перерастанию авторской символической экспрессии в эвристику духовной силы, наполняющей текстовое пространство, которое обозначает фрагмент реального исторического события, ставшего отправной точкой сюжетной канвы. Поэтическое слово, «остановившее на мгновение» время и оживившее нашу историческую память, позволяет преодолеть страшное начало этого мига бытия с его жестокой, поистине зверской личиной мирового зла — фашистской чумы и утвердить торжество Созидания Духовной Силы Правды. Духовность как основа русского культурного кода открывает в тексте стихотворения поэта эвристику высокого искусства.

Гениальная музыка Ленинградской симфонии, вырвавшись за пределы московского Колонного зала, становится органической частью той великой грозы над всем миром, которая, сражаясь, управляет мировой стихией и вместе с поэтическим словом утверждает непобедимость человеческого Духа.

Литература

1. Григорьев, В.П. Предисловие / В.П. Григорьев // К четырёхмерному пространству языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) / Григорьев, В.П. — URL: <https://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.expressema/04.htm> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Эпштейн, М. Поэтический вектор цивилизации / М. Эпштейн // Первые Григорьевские чтения: Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты: материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. — М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2016. — С. 96.
3. Седьмая симфония Шостаковича. — URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2022/08/blog-post_09.html (дата обращения: 11.08.2025).
4. Патеркина, В.В. Экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии М.Л. Матусовского / В.В. Патеркина // Материалы IX Открытых респ. чтений памяти М. Матусовского, Луганск, 19 мая 2016 г. — Луганск: Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2016. — С. 21.
5. Зегря, Л.Н. «Во имя твоё, Ленинград». Методическая разработка по патриотическому воспитанию «Растим патриотов России» / Л.Н. Зегря. — СПб., 2016. — URL: <https://portalpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=1967> (дата обращения: 11.08.2025).
6. Слово о полку Игореве. — URL: <https://stihi.ru/2010/10/15/2231> (дата обращения: 27.08.2025).
7. Матусовский, М.Л. Это было недавно, это было давно... Стихи / М.Л. Матусовский / предисл. П. Антокольского. — М.: Худ. лит., 1970. — С. 40–45.
8. Чумак-Жунь, И.И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б.Л. Пастернака / И.И. Чумак-Жунь // Русский язык в поликультурном мире: VI Междунар. симпозиум, 8–12 июня 2022 г.: в 2 т. / редкол.: И.П. Зайцева, Е.М. Маркова, Т.С. Чабаненко, Е.М. Шахова [и др.]: сб. науч. ст. — Симферополь: Изд. дом КФУ, 2022. — Т. II. — С. 210–215.
9. Буров, А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / А.А. Буров / под ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь–Пятигорск: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2012. — 400 с.
10. Седьмая симфония Шостаковича. — URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2022/08/blog-post_09.html (дата обращения: 11.08.2025).
11. Зайцева, И.П. О виртуозном воплощении принципа стилистического контраста в лирике Михаила Матусовского / И.П. Зайцева // COLLEGIUM. — 2016. — № 2. — URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=18869> (дата обращения: 11.08.2025).
12. Буров, А.А. Эпитет в поэтическом тексте А.С. Пушкина: семиозис синтаксической номинации / А.А. Буров, Г.П. Бурова // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2024. — № 1. — С. 46–54.
13. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. — М.: Гардарики, 2005. — С. 107–108.

Поступила в редакцию 07.10.2025

Потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи для сопоставления лирических произведений

Повалко П.Ю., Смолий Е.С.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», Москва

Статья посвящена выявлению возможностей более широкого применения одной из методик анализа художественного текста, основывающейся в свою очередь на методике анализа нехудожественных текстов.

Цель настоящей работы — раскрыть исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи, предложенной О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, в применении к сопоставительному изучению лирических произведений.

***Материал и методы.** В качестве материала для анализа были выбраны два стихотворения в жанре фронтового письма: «Письмо на фронт» С. Михалкова (1941) и «Письмо к сыну» А. Балакирева (2025). Основными методами при проведении исследования явились интерпретационный и сопоставительный.*

***Результаты и их обсуждение.** Продолжая изучение исследовательского потенциала указанной методики, авторы статьи демонстрируют, что она может быть расширена сопоставительным аспектом анализа поэтического текста, который, очевидно, выходит за рамки феноменологического анализа произведения, однако позволяет рассмотреть его в широком литературном контексте, тем самым не только показать взаимосвязь элементов одного текста, но и проявить их соотнесенность с единицами других, связанных текстов. Благодаря целостной структуре, прозрачной логике и чётко сформулированным основаниям для выделения групп элементов, составляющих текст, предложенная методика может также служить критериальной основой для сопоставительного анализа поэтических — и шире художественных — текстов.*

Такая возможность обеспечивается чёткой структурой и прозрачной логикой выделения составляющих текст элементов, что позволяет вскрыть механизмы сложного взаимоотношения словесно-речевой структуры и композиционно-художественной организации отдельного поэтического текста, а также соотнести тексты между собой.

***Заключение.** Представленный анализ свидетельствует о целесообразности использования данной методики в рамках сопоставительного изучения лирических произведений, так как она обеспечивает системный и последовательный инструментарий для сопоставительного анализа данных произведений, позволяя выявить не только особенности отдельных текстов, но и их диалог в широком литературном и историческом контексте.*

***Ключевые слова:** методика анализа текста в аспекте стилистики речи, лингвопоэтический анализ, сопоставительный анализ, лирические произведения, элементы текста, конструктивные приёмы.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 68–74)

The Potential of the Text Analysis Methodology in Terms of Speech Stylistics for the Comparative Study of Lyric Poetry

Povalko P.Yu., Smolij E.S.

Federal State Autonomous Higher Education Establishment "Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia", Moscow

The article is devoted to identifying the possibilities of wider use of one of the methods of analyzing artistic text, which in turn is based on the method of analyzing non-artistic texts.

The purpose of the work is to reveal the research potential of the text analysis methodology in the aspect of speech stylistics, proposed by O.A. Krylova for the analysis of non-fiction texts and tested by I.P. Zaitseva in the analysis of the literary text, as applied to the comparative study of lyrical works.

Адрес для корреспонденции: e-mail: povalko-pyu@rudn.ru — П.Ю. Повалко

Material and methods. Two poems in the genre of frontline writing were chosen as the material for analysis.: “Letter to the Front” by S. Mikhalkov (1941) and “Letter to my Son” by A. Balakirev (2025). The main methods of conducting the study were interpretive and comparative methods.

Findings and their discussion. Continuing to study the research potential of this technique, the authors of the article demonstrate that it can be expanded by the comparative aspect of poetic text analysis, which obviously goes beyond the phenomenological consideration of the work, but allows us to consider it in a broad literary context, thereby not only showing the relationship of the elements of one text, but also to show their correlation with the units of others, related texts. Due to its holistic structure, transparent logic, and well-defined grounds for identifying groups of elements that make up a text, the proposed methodology can also serve as a critical basis for comparative analysis of poetic — and more broadly artistic — texts.

This possibility is provided by a clear structure and transparent logic of highlighting the elements that make up the text, which makes it possible to reveal the mechanisms of the complex relationship between the verbal-speech structure and the compositional-artistic organization of a separate poetic text, as well as to correlate the texts with each other.

Conclusion. The presented analysis indicates the expediency of using this technique in the framework of comparative study of lyrical works, as it provides a systematic and consistent toolkit for comparative analysis of lyrical works, allowing to identify not only the features of individual texts, but also their dialogue in a broad literary and historical context.

Key words: methodology of text analysis in the aspect of speech stylistics, linguistic and poetic analysis, comparative analysis, lyrical works, text elements, constructive techniques.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 68–74)

Настоящая статья является попыткой продолжения научных идей доктора филологических наук, профессора Ирины Павловны Зайцевой, которая в одной из своих работ [1] предложила использовать методику анализа текста в аспекте стилистики речи, изложенную в книге О.А. Крыловой [2], в качестве одного из этапов комплексного лингво-поэтического анализа художественного текста. Новизна подхода И.П. Зайцевой заключается в применении методики, изначально ориентированной на нехудожественные тексты, для анализа текстов художественных. Заметив, что в некоторых случаях О.А. Крылова для иллюстрации алгоритма анализа прибегает к примерам из поэтических текстов [2], И.П. Зайцева отмечает: «Такое объединение — иллюстративное подтверждение алгоритма анализа нехудожественных текстов примером из текста художественного — косвенно подтверждает правомерность применения предлагаемой методики как составляющей комплексного лингвопоэтического анализа словесно-художественных произведений, который будет предложен далее» [1, с.1296].

Продолжая изучение исследовательского потенциала указанной методики, авторы статьи предположили, что она может быть расширена сопоставительным аспектом анализа поэтического текста, который, очевидно, выходит за рамки феноменологического рассмотрения произведения, однако позволяет рассмотреть его в широком литературном контексте, тем самым не только показать взаимосвязь элементов одного текста, но и проявить их соотнесённость с единицами других, связанных текстов. Благодаря целостной структуре, прозрачной логике и чётко сформулированным основаниям для выделения групп элементов, составляющих текст, предложенная методика может также служить критериальной основой для сопоставительного анализа поэтических — и шире художественных — текстов.

Таким образом, цель настоящей работы — раскрыть исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи, представленной

О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, в применении к сопоставительному изучению лирических произведений.

Материал и методы. Для сопоставительного анализа были избраны два стихотворения (тексты приведены ниже), объединённые жанром фронтового письма, но различные и по времени создания, и по времени описываемых событий: стихотворение Сергея Михалкова «Письмо на фронт», написанное в 1941 году, и стихотворение современного автора Андрея Балакирева «Письмо к сыну», изданное в сборнике «Стихи россиян, посвящённые героям СВО» в 2025 году.

Письмо на фронт

*Сынок родной!
По радио узнали,
Что ты здоров и крепко бьёшь врагов.
Соседи заходили, поздравляли,
Все говорят: — Ванюшка-то каков!*

*Вот это, говорят, действительно героизм:
Трёх гадов заколоть, а двух живьём поймать!
А мне, признаться, только беспокойство,
Да что поделаешь: на то ведь я и мать.*

*Всё думаю и сердцем всё болею
По материнской слабости своей...
Ты береги себя, но бей злодея!
Как мать прошу: врага покрепче бей!*

*Отец, как все. Вчера пришёл с работы,
Прочёл газету, стукнул кулаком.
— Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.*

*Я, говорит, на немца зуб имею.
За две войны немало их побил.
А бить по ним я и в очко сумею,
Я трёхлинейную ещё не позабыл!..*

*Вчера у нас Катюша ночевала.
Хлеб убирают. Скоро молотья.
Такой пшеницы — сроду не бывало!
Богатые, хорошие хлеба.*

*Катюша-то в колхозе заправилой —
Степан Петров ушёл служить на флот.
Она его в бригаде заменила,
Командует теперь на полный ход.*

*— Мы, говорит, такие строим планы:
Сдать государству урожай сполна
И если что... всем вместе в партизаны, —
Бить Гитлера. Пусть сдохнет, сатана!..*

*Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.*

*Бельё стирала, раны бинтовала.
Кладу повязку, а сама в слезах.
Дежурила, ночей недосыпала,
И оживали люди на глазах.*

*Сынок родной! За Родину сражайся!
Не трусь в бою! Не забывай писать!
И поскорей с победой возвращайся!
От всех привет.
Целую крепко.
Мать [3].*

Письмо сыну

*Добрый день, дорогой сынок.
Расскажи, как ты там, на фронте?
Старый клён под окном занемог,
Но у нас на селе ты в почёте.
Всякий знает, наш сын — герой,
И воюет, как дед когда-то,
Ты за правду горою стой,
Раз вернулся фашизм проклятый.
Ты гони его в шею, гони,
Всем хватило беды той когда-то,
И скорее домой приходи,
Придавив хвосты супостатам.
Мама тоже кручинится, ждёт,
Даже слышал, ночами плачет,
И тебя всё во сне зовет...
Любит, видно, а как иначе?
На неё я с утра ворчу,
Что беду накликает заранее,
Ну а сам — водкой горло смочу.
Когда спит она в утречко раннее.
Ты, сынок, не печалься за нас,
Жизнь в деревне — для грусти не повод,
И когда возвратишься назад,*

*Не отпустим тебя в твой город.
Ты не думай, сынок, ни о чём,
Но под пули не лезь напрасно,
Как придёшь, на рыбалку пойдём,
Ты же знаешь, места здесь прекрасны.
Ладно, воин, кончаю писать,
Видно, старая просыпается,
Ей охота тебя обнять,
А она всё в слезах купается.
Что ж, сынок, крепко руку жму,
Ведь конец войны не за далями,
И уверен — к груди прижму
Грудь, усеянную медалями [4].*

Оба стихотворения написаны в форме письма на фронт. Фронтное письмо как речевой жанр становилось предметом изучения ряда исследователей, которыми были выделены его отличительные черты. Так, Т.П. Сухотерина пишет: «Для фронтного письма в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны свойственно общение между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и передаче информации о себе, об условиях, в которых находится автор в момент написания письма, о проблемах, которые его волнуют и т.п.» [5, с. 218]. Таким образом, в данном жанре находят отражение два типа дискурса: а) персональный (лично-ориентированный), в котором автор свободно проявляет себя как языковая личность, выражая своё «Я», что наделяет данную жанровую разновидность субъективностью, реализуемой с помощью эмоционально-экспрессивных и оценочных языковых средств; б) бытовой дискурс, который придаёт языку письма черты, свойственные разговорно-обиходному функциональному стилю.

Особенности содержания и формы фронтного письма делают его полифункциональным и обеспечивают реализацию коммуникативной, информативной и мемориальной функций (подробнее об этом см. [6]), которые в лирическом тексте осложнены **функцией эстетической**, реализуемой особой эмоцией формы и смысловой многоплановостью поэтического слова. Таким образом, лирическое воплощение фронтного письма представляет собой специфический и чрезвычайно интересный в стилистическом и структурно-семантическом отношении жанр художественного текста.

Сопоставительный анализ стихотворений будет проведен в соответствии с тремя выделенными О.А. Крыловой группами составляющих текст элементов, которые И.П. Зайцева использует для анализа единичного, отдельного текстового произведения:

1. Элементы, заданные темой произведения, формирующие логическую основу текста и соотносящие его с действительностью.

2. Стилеобразующие элементы (по О.А. Крыловой — для анализа нехудожественного текста), или средства речевой выразительности (по И.П. Зайцевой —

для анализа художественного текста): «при анализе художественного текста неактуальным становится наделение его элементов стилиобразующей функцией, поскольку в художественной речи выбор этих элементов регулируется прежде всего принципом эстетической мотивированности, а значит — при условии соответствия означенному принципу — практически не ограничивается какими-либо языковыми, в том числе и стилистическими, нормами» [1, с. 1298].

3. Конструктивные приемы — элементы, существенные для структуры текста, необходимые как для смыслового, так и для экспрессивного выражения: «Их экспрессивность принципиально отлична от экспрессивности стилиобразующих элементов. Последние обладают стилистической окраской сами по себе. ... Экспрессивность же конструктивного приёма — это экспрессивность данного построения» [2].

По замечанию И.П. Зайцевой, многие элементы лирического текста могут быть обращены одновременно к различным семантическим слоям, обеспечивая его смысловую многоплановость, что необходимо учитывать при интерпретации: «Такой учёт значим прежде всего потому, что в создавшихся в лирической структуре условиях функциональная значимость большинства её элементов расширяется — в частности, они могут одновременно выполнять как экспрессивную, так и конструктивную функции (последнюю для художественного текста более точно обозначить как композиционную)» [1, с. 1298].

Результаты и их обсуждение. Далее представим сопоставительный анализ стихотворений С. Михалкова «Письмо на фронт» (примеры приводятся под литерой А) и А. Балакирева «Письмо к сыну» (примеры приводятся под литерой Б) в соответствии с описанными выше группами элементов текста.

Первая группа элементов (речевые единицы, заданные темой произведения)

В эту группу вошли речевые единицы, заданные темами, характерными для жанра фронтового бытового письма, — это темы войны, жизни в тылу и родительской любви:

– война (А: *бить врагов, фронт, служить на флот, партизаны, Гитлер, санитарка, госпиталь, бой, Родина, сражаться, победа* и др.; Б: *фронт, герой, воевать, пули, воин, медали*);

– жизнь в тылу (А: *прийти с работы, прочесть газету, убирать хлеб, хлеба, молотья, колхоз, бригада, сдать урожай* и др.; Б: *старый клён, на селе, водка, домой, мама, жизнь в деревне, город, пойти на рыбалку* и др.);

– родительская любовь (А: *сын родной; «как мать прошу»; мне только беспокойство // Да что поделаешь: на то ведь я и мать; болеть сердцем; материнская слабость; целую крепко*; Б: *сын, кручиниться, ждать, плакать, любить; всё в слезах кушается; охота обнять, к груди прижать* и др.).

Поскольку в исследуемых текстах мы имеем дело с лирическим воплощением фронтового бытового

письма, то элементы первой группы составляют не только логическую (как в прозаической форме «естественного» письма), но и образно-семантическую основу стихотворения.

Вторая группа элементов (средства речевой выразительности)

Вслед за И.П. Зайцевой, которая, с учётом семантической многослойности лирического текста и полифункциональности составляющих его элементов, предложила дифференцировано подойти к формированию второй группы речевых единиц [1, с. 1298], выделяем две подгруппы.

Во-первых, это стилистически маркированные единицы, то есть обладающие той или иной эмоционально-экспрессивной и/или функционально-стилевой окраской. Стилистическая окраска исследуемых языковых единиц приводится авторами в соответствии со стилистическими пометами, данными в Большом академическом словаре русского языка [7].

В стихотворении С. Михалкова такими единицами в первую очередь являются слова с разговорной или просторечной окраской: *сроду, сдохнет, сатана, охота, гады, пойти следом, заправила, сполна, трусить, поскорей, привет, ведь, эх*. Сюда же входят неформальные разговорные варианты личных собственных имён: *Ванюшка, Маруся, Катюша*. В эту же подгруппу попадают фразеологические обороты и устойчивые словосочетания с разговорной окраской: *бить в око; иметь зуб на кого-то; V + на глазах («И оживали люди на глазах»); что поделаешь*.

В тексте А. Балакирева вторую группу элементов также составляют разговорные и просторечные слова: *сын, занемог, ворчать, не лезь, утречко, охота, супостаты, накликай, раз (союз), же/ж*. К этой же подгруппе могут быть отнесены и лексемы с пометами «народно-поэтическое» (*кручиниться*) и «торжественное» (*воин*).

Кроме того, в данном тексте используются фразеологизмы и устойчивые словосочетания: *гнать в шею, стоять горой, накликай беду*.

Отметим, что некоторые фразеологизмы в обоих исследуемых текстах трансформированы, что придаёт языковой единице ещё большую экспрессивность, выразительность, поскольку нарушает автоматизм восприятия: А) (*командует теперь*) на полный ход (исходное — *полным ходом* в значении ‘интенсивно, всюду’); (*а я, признаться*) сердцем всё болею (исходное — *сердце болит (у кого)* в значении ‘чувствовать тревогу, беспокойство, испытывать душевное страдание’); Б) *придавить хвост* (исходное — *прижать кому-то хвост* в значении ‘строго ограничивать кого-либо в его действиях, поступках, подчиняя своей воле’); *водкой горло смочу* (исходное — *промочить горло* без распространителя в значении ‘выпить немного спиртного’) [8].

Во-вторых, особую, хотя и не многочисленную в данных текстах, подгруппу составляют тропы.

В тексте С. Михалкова образность эпитета *богатые, хорошие (хлеба)* усилена лексикализованной формой

множественного числа вещественного существительного *хлеб*, актуализирующей значение большого пространства, на котором растёт пшеница. Яркой экспрессивностью обладает и выражение *бить Гитлера*, которое представляет собой редкий случай синекдохи — переноса с частного на общее.

Стихотворение А. Балакирева также включает отдельные тропеические единицы. Так, для реализации тропа *фашизм проклятый* использована стилистически маркированная единица, зафиксированная в словарях с пометой «бранное» — *проклятый*. Образно-экспрессивный потенциал данного эпитета усиливается инверсивным порядком слов — постановкой определения после определяемого слова.

Экспрессивно-эмоциональную тональность лирического текста поддерживает троп олицетворения: *Старый клён под окном занемог*, в котором глагол *занемочь* с пометой «устаревшее и просторечное» характеризует состояние не человека, а растения. В тексте антропоморфность дерева, которое в непростую пору «занемогло», усиливается противопоставлением клёна и человека: *Старый клён под окном занемог, // Но у нас на селе ты в почёте*.

Ярким тропом, хотя и единичным, в представленном поэтическом тексте является метафора (*мама*) в *слезах купается*. Данный метафорический образ, как уже было сказано выше, построен на трансформации фразеологической единицы *утопать в слезах* — глагол *утопать* заменяется на глагол *купаться*. Такая замена становится возможной потому, что эти глаголы, различаясь по своей эмоционально-экспрессивной окраске (*утопать* — пейоративный глагол, *купаться* — мелиоративный глагол), имеют сходный компонент значения. При этом значение исходного выражения — ‘много и безутешно плакать’, а также его стилистическая маркированность в данном контексте сохраняются.

К этой же подгруппе отнесём и выражение *фашизм вернулся*, представляющее собой синекдоху, которая придаёт тексту выразительность и эмоциональность.

Соглашаясь с И.П. Зайцевой в том, что наличие тропов в художественной речи является одной из её существенных особенностей и что «своеобразие созданных автором тропов является одним из наиболее показательных воплощений индивидуально-авторского почерка, особенно в поэтическом произведении» [1, с. 1300], отметим, однако, что в стихотворениях, выбранных нами для анализа, функциональная роль тропов и их минимальное количество обусловлены особенностями жанра бытового фронтового письма, для которого характерны языковые особенности разговорно-бытового функционального стиля: «Если, например, в художественной прозе, в поэзии тропы служат для создания образа, то в разговорной речи они подчинены целям непосредственного выражения эмоций говорящего» [9].

Третья группа элементов (конструктивные приёмы)

Третий класс элементов, выделяемых согласно обозначенной методике, относится к авторским

принципам организации языковых единиц в тексте. Речь идёт о конструктивных приёмах, существенных как для структуры текста, так и для его образности.

Схожим конструктивным приёмом в рассматриваемых текстах становится характерная для бытового фронтового письма структура [5, с. 221]: обращение (А: *сынok родной*; Б: *дорогой сынок, сынок*), сообщение о состоянии адресанта (А: *а мне, признаться, только беспокойство; всё думаю и сердцем всё болею // по материнской слабости своей*; Б: *Мама тоже кручинится, ждёт; На неё я с утра ворчу; водкой горло смочу*), просьбы и предложения (А: *ты береги себя, но бей злодея! // Как мать прошу: врага покрепче бей! И поскорей с победой возвращайся*; Б: *не лезь, не печалься, домой приходи, не думай*), прощание и подпись (А: *Целую крепко; от всех привет; мать*; Б: *Ладно, воин, кончаю писать; крепко руку жму*).

В стихотворении С. Михалкова находим несколько приёмов, нацеленных на стилизацию разговорной речи, что обусловлено особенностями языковой личности автора письма — матери солдата, а также жанром текста.

Одним из распространённых в поэтических произведениях конструктивных приёмов выступает инверсия, то есть изменение норм словоупотребления, при котором «нарушается объективный порядок слов. При этом возникает с у б ъ е к т и в н ы й п о р я д о к слов, или и н в е р с и я» [10]. В результате нарушения обычного порядка следования членов предложения «какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности» [11], то есть оказывается стилистически маркированным. В случае с лирическим письмом на фронт инверсия во многом утрачивает функцию выделения отдельного элемента, а в основном работает на стилизацию разговорной речи: *Сынок родной!* (постпозиция согласованного определения); *Трёх гадов заколоть, а двух живьём поймать!*, *Марусю не узнать*. *Шинель надела* (препозиция прямого дополнения); *И санитаркой в госпиталь пошла, Сестрой и я в гражданскую была* (разрыв составного сказуемого) и мн. др.

Аналогичную функцию выполняют и высказывания, построенные по фразеологизированным структурным схемам: *Да что поделаешь: на то ведь я и мать* (На то ведь N1 и N1); *Марусю не узнать* (N2 не узнать); *Ванюшка-то каков!* (N1-го каков!).

Разговорность повествования усиливается и многочисленными вставками в прямую речь глагола *говорить*, который выполняет роль вводного слова и указывает на источник сообщения: *Вот это, говорят, действительно героизм*; *Эх, говорит, и мне на фронт охота*; *Мы, говорит, такие строим планы...*

Как известно, конситуативность разговорной речи позволяет экономить речевые усилия и употреблять эллиптированные конструкции. Так, в следующих примерах пропущены глаголы: *Катюша-то в колхозе заправилой*; *И если что... всем вместе в партизаны*.

Приём парцелляции, помимо своей распространённой функции актуализации наиболее важной информации и выделения её логическим ударением, в данном лирическом письме реализует ещё и задачу иллюстрации спонтанности разговорной речи: *Марусю не узнать. Шинель надела / И санитаркой в госпиталь пошла.*

Крайне высокую степень экспрессивности придают стихотворению восклицательные предложения (всего в тексте одиннадцать восклицательных предложений, встречающихся в семи из одиннадцати четверостиший), которые особым образом организуют лирическую структуру текста, а также приём «нанизывания императивов» в последнем четверостишии: *За Родину сражайся! // Не трусь в бою! // Не забывай писать! // И поскорей с победой возвращайся!*

В стихотворении А. Балакирева, помимо описанной выше особой структуры, свойственной бытовому письму, а также инверсии (*Раз вернулся фашизм проклятый. Всем хватило беды той когда-то; И тебя всё во сне зовёт... На неё я с утра ворчу, Когда спит она в утречко раннее*), наблюдаются и другие приёмы.

Особое положение в организации языкового материала занимает стилистический приём синтаксической анафоры, встречающийся в стихотворении четырежды. Это побудительная конструкция «местоимение 2-го лица ед. ч. при повелительной форме глагола»: *Ты за правду горюю стой // Ты гони его в шею, гони // Ты, сынок, не печалься за нас // Ты не думай, сынок, ни о чём.* По замечанию М.А. Шелякина, «употребление местоимения 2-ого лица при форме повелительного наклонения 2-ого лица приводит к смягчению побуждения и выражению модальности просьбы, а не требования» [12].

Кроме того, автор использует конструктивный приём контраста, основанный на противопоставлении различных элементов текста: *Старый клён под окном занемог, / Но у нас на селе ты в почёте* (противопоставляются два состояния, выраженные глаголами *занемочь* <=> *быть в почёте*). В данном случае мы имеем дело с семантическим контрастом, который поддерживается синтаксическими средствами — противительным союзом *но*.

Особого внимания заслуживает темпоральная организация обоих текстов, которую сложно отнести к конструктивному приёму в его классическом понимании, однако именно она позволяет увидеть сопоставляемые произведения в их диалогическом единстве и историческом контексте.

Темпоральная структура текста С. Михалкова включает пласт настоящего, выраженный глаголами в форме настоящего времени (*говорит, имею, говорят, думаю, болею, убирают, командует* и пр.), и два пласта прошедшего времени — недавнее прошедшее «бытовое» (*соседи заходили, поздравляли; пришёл с работы, стукнул кулаком* и др.) и прошедшее «историческое», помещающее текст в социально-исторический контекст войн XX века. Прошедшее

«историческое» выражено глаголами прошедшего времени (*немало их (немцев) побил, не позабыл, стирала, бинтовала, дежурила, оживали*) в окружении существительных / субстантивированных прилагательных, называющих реалии прошлого: *трёхлинейная* (винтовка системы Мосина образца 1891 г.); *гражданская* (война 1917–1922 гг.).

Разнесённые временные пласты связываются проведёнными в тексте параллелями между поколениями (отец || сын и мать || дочь) и актуализируют преемственность:

*Отец, как все. Вчера пришел с работы,
Прочёл газету, стукнул кулаком.
— Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.*

*Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.*

Темпоральная организация текста А. Балакирева обеспечивает включение прошлого в проживание настоящего. Ключевую роль здесь играют глаголы. Временной пласт сегодняшней действительности репрезентирован глагольными формами настоящего актуального времени: *знает, воюет, кручинится, ждёт, плачет, любит, жму, ворчу* и т.д., которые формируют основную ткань повествования, отражая положение дел и чувствования адресанта. Соотнесённость с прошлым заявлена в первой части стихотворения посредством глаголов прошедшего времени: (*фашизм*) *вернулся, (беды) хватило*. Обращённость к былому подкреплена маркерами прошедшего времени: неопределённым местоимением времени *когда-то* и существительным *дед*, которое в составе сравнительного оборота реализует идею преемственности поколений, а значит — и преемственности войны: *...наш сын — герой, / И воюет, как дед когда-то.*

Заключение. Результаты сопоставительного анализа двух поэтических текстов демонстрируют, во-первых, схожесть элементов первой группы, составляющих логическую и образно-семантическую основу стихотворений, во-вторых, совпадение элементов второй группы — это касается как стилистической окраски языковых единиц, так и особенностей функционирования тропов и их представленности. Некоторые различия наблюдаем в наборе композиционных приёмов (элементы третьей группы). Так, при схожей структурной организации двух стихотворений, обусловленной жанром бытового фронтального письма, и характерном для обоих произведений приёме инверсии, в тексте С. Михалкова используются эллиптированные, парцеллированные конструкции, высказывания, построенные по фразеологизированным структурным схемам, тогда как в тексте А. Балакирева применяются приёмы синтаксической анафоры и контраста.

Исследование конструктивных приёмов организации языкового материала позволило обнаружить схожую темпоральную организацию двух текстов — обращённость настоящего в прошлое и к прошлому: для стихотворения С. Михалкова, написанного в годы Великой Отечественной войны, — к войнам начала XX века, а для современного стихотворения А. Балакирева, созданного во время проведения СВО, — к Великой Отечественной войне. Преемственность поколений, отражённая в текстах обоих произведений, говорит о преемственности войн в сознании народа.

Таким образом, представленный опыт рассмотрения стихотворений С. Михалкова и А. Балакирева с применением методики анализа текста в аспекте стилистики речи, предложенной О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, свидетельствует о целесообразности использования предложенной методики в рамках сопоставительного изучения лирических произведений. Данная методика позволяет последовательно и непротиворечиво (насколько это возможно для художественного текста) провести сопоставление осложнённых эстетической функцией элементов, составляющих лирические тексты, и их тесную и многоплановую соотносённость в художественных произведениях.

Литература

1. Зайцева, И.П. Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой / И.П. Зайцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1289–1305.
2. Крылова, О.А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. / О.А. Крылова. — 2-е изд., стер. — М.: Высш. шк., 2008. — Кн. 1. Теория: учеб. пособие. — С. 221.
3. Михалков, С.В. Стихи о войне / С.В. Михалков. — М.: Из-во АСТ, 2016. — С. 36.
4. «Мы вернёмся, мы будем рядом...»: Стихи россиян, посвящённые героям специальной военной операции. — Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2025. — Кн. 1. — С. 92.
5. Сухотерина, Т.П. Фронтное письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны / Т.П. Сухотерина // Историческая память молодёжи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования. — 2015. — С. 216–222.
6. Сухотерина, Т.П. Фронтное письмо как жанр естественной письменной русской речи / Т.П. Сухотерина // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 4. — С. 249–251.
7. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. — М.—СПб.: Наука, 2007.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 800 с.
9. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. — М.: Айрис-Пресс, 2010. — 448 с.
10. Крылова, О. А. Порядок слов в русском языке / О.А. Крылова, С.А. Хавронина. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 135–136.
11. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. — М.: Флинта, 2016. — С. 162.
12. Шелякин, М.А. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. — М.: Рус. яз., 2001. — С. 61.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Реализация семантического потенциала глаголов висеть, виснуть и их английских соответствий

Никитенко Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Глагол висеть относится к основным предикатам положения в пространстве наряду с лежать, сидеть, стоять; глагол виснуть занимает периферийное положение среди позиционных предикатов. Оба глагола выражают значение пассивного положения объекта в пространстве. В современном употреблении висеть и виснуть являются многозначными и в некоторых значениях квалифицируются как оценочные.

Статья ставит целью исследование процесса пейорации производных оценочных значений глаголов висеть, виснуть в ходе развития их семантической структуры, а также установление уникальности vs. регулярности их деривационного поведения в сопоставлении с английскими соответствиями.

Материал и методы. *Методологически работа опирается на идеи фреймового подхода, разработанного Московской лексико-типологической группой под руководством Е.В. Рахилиной, предлагающего при анализе лексических единиц представлять их семантику в виде ситуаций, в которых это слово может употребиться. Материал, используемый в работе, был извлечен из словарей и корпусов текстов.*

Результаты и их обсуждение. *Семантический потенциал глаголов висеть, виснуть, реализуемый в типах их производных значений, определяется особенностями исходной прототипической ситуации — нахождение объекта в пространстве без точки опоры внизу. Существенен признак актуальной наблюдаемости объекта, который находится в статичном вертикальном положении на протяжении длительного времени. В случае с глаголом виснуть объект дополнительно отождествляется с тяжестью, ограниченностью движений. В семантике глаголов обоих языков обнаруживается метафора 'тяготить', 'ждать исполнения чего-л. неприятного', мотивированная идеей тяжести и движения вниз. Ограниченность движений наблюдаемого объекта приводит к его восприятию в неподвижном положении, что концептуализируется в переносах 'медленно или плохо работать', 'застопориться', также характерных для обоих языков.*

Заключение. *Семантическая парадигма русских глаголов висеть, виснуть не уникальна: семантические деривации, в результате которых появляются негативно-оценочные значения, повторяются в ходе сложения семантической структуры английского предиката hang. Подобная повторяемость подразумевает, что существуют общие когнитивные представления о нахождении объекта в статичном вертикальном положении без опоры внизу.*

Ключевые слова: *позиционный предикат, семантическая парадигма, семантический потенциал, семантическая деривация, пейорация.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 75–80)

Realization of the Semantic Potential of the Verbs Viset' and Visnut' and Their English Correspondences

Nikitsenka T.V.

Belarusian State University, Minsk

The verb viset' refers to the main positional predicates along with lezhat', sidet', stoyat'; the verb visnut' occupies quite a peripheral position among them. Both verbs express the meaning of being passively held at the top leaving the other part free. In modern usage, viset' and visnut' are polysemous words and some of the meanings are qualified as evaluative.

The purpose of the article is to study the pejoration process as the semantic structure of the verbs developed, as well as to determine uniqueness vs. regularity of their derivational behaviour in comparison with their English correspondences.

Material and methods. *Methodologically, the article employs the frame-based approach that has been developed in the Moscow Lexical Typology Group supervised by E.V. Rakhilina. The approach suggests analysing lexical units and their meaning by relying on a set of conceptual frames in which words under consideration can be used. The data is extracted from dictionaries and electronic text corpora.*

Findings and their discussion. The semantic potential of the verbs *viset* and *visnut* that is realized in their derived meanings, is determined by the prototypical frame — finding an object attached at the top so that the lower part is free and without any support at the bottom. Actual observability of an object that has been in a static vertical position for a long time is significant. The verb *visnut* is additionally identified with heaviness, limited movement. In the semantics of the verbs of both languages, the metaphor ‘to burden’, ‘to wait for something negative to happen’ is found, motivated by the idea of heaviness and downward movement. The limited movement of the object that is hanging leads to its perception in a fixed position, which is conceptualized in the metaphorical extension ‘to work slowly’, ‘put on hold’, peculiar to both languages.

Conclusion. The semantic paradigms of the Russian verbs *viset* and *visnut* are non-unique: semantic shifts, which result in negative evaluative meanings, are repeated in the semantic structure of the English verb *hang*. This regularity means that there is common cognitive perception of observing an object in a static vertical position without any support at the bottom.

Key words: positional predicate, semantic paradigm, semantic potential, semantic derivation, pejoration.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 75–80)

Местонахождение объекта в пространстве отражается во всех языках, и большинство исследователей сходятся во мнении, что именно глаголы являются важнейшим средством выражения локализации. Другое дело, какую тенденцию, в терминологии Е.В. Рахилиной, — универсальную или классифицирующую — в отношении местонахождения объекта язык предпочитает. Универсальная тенденция предполагает, что в языке есть один главный локативный предикат, который описывает любое локативное состояние независимо от типа объекта; при классифицирующей тенденции одно и то же локативное состояние в языке может описываться разными предикатами в зависимости от типа объекта [1, с. 69]. Русский язык, по мнению Е.В. Рахилиной, сложно отнести к универсальным или классифицирующим языкам, т.к. настоящие позиционные предикаты в нём отсутствуют [1, с. 76]. Н.Г. Кустова выделяет глагол местонахождения, выражаемый лексемой *находиться*, и определяет его как тривиальный, элементарный, семантически бедный, и следовательно, малоинформативный. Однако смысл ‘находиться’ входит в очень многие сложные предикаты в качестве их семантической составляющей, выражая частные характеристики местонахождения и положения и обогащаясь за счёт конкретных аспектов ситуации, пр. *сидеть, лежать, висеть* [2].

Глагол *висеть* относится к основным предикатам положения в пространстве наряду с *лежать, сидеть, стоять*. В.Г. Как данные глаголы называет позиционными (а также их каузативные корреляты *вешать, класть, сажать, ставить*) и связывает их функционирование с понятием диспозиционного предиката, который «характеризует поведение предмета в определённых условиях, его предрасположенность проявлять себя определённым образом в определённой ситуации. Диспозиционные предикаты известны говорящим, и передаваемая ими информация входит в presupposition высказывания» [3].

Семантика русского глагола *висеть* уже становилась объектом изучения [1], в том числе сопоставительного характера на материале русского и норвежского языков [4]. Английский *hang* изучался при сопоставлении с китайскими коррелятами [5].

Местонахождение объекта в пространстве также выражает русский глагол *виснуть*, который занимает

несколько периферийное положение среди позиционных предикатов. *Висеть* и *виснуть* выражают значение пассивного положения объекта в пространстве. Их объединяет то, что у описываемого объекта отсутствует опора снизу; различаются глаголы по характеру «стекания» объекта. В современном употреблении *висеть* и *виснуть* являются многозначными и в некоторых значениях квалифицируются как оценочные. Настоящая статья ставит целью исследование процесса пейорации производных оценочных значений глаголов *висеть, виснуть* в ходе развития их семантической структуры, а также установление уникальности vs. регулярности деривационного поведения глаголов в сопоставлении с английскими соответствиями.

Материал и методы. Материал, используемый в работе, был извлечен из словарей и корпусов текстов. Методологически данное исследование опирается на идеи фреймового подхода, разработанного Московской лексико-типологической группой под руководством Е.В. Рахилиной, предлагающего при анализе лексических единиц представлять их семантику в виде ситуаций, в которых это слово может употребиться.

Результаты и их обсуждение. В современном русском языке глаголы несовершенного вида *висеть* и *виснуть* являются немотивированными. *Висеть* (др.-рус. *висти*) известен по письменным источникам с XI в. в значениях ‘висеть, свисать’, ‘держаться неподвижно в пространстве (воздушном)’, ‘зависеть’; имеет корреляты в других славянских языках (укр. *висіти*, бел. *вісець*, пол. *wisieć* и др.). *Виснуть* ‘держаться на чём-л. без опоры снизу’, ‘нависать’ (др.-рус. *виснути* ‘свисать, нависать’) приводится в словарной статье заголовочного слова *висеть*, известен по письменным источникам с XIV в.; имеет корреляты в славянских языках (укр. *виснути*, бел. *віснуць* и др.) [6]. Любопытно, что Словарь XI–XVII вв. у *виснуть* (*виснути*) отмечает оба значения: и ‘виснуть’, и ‘висеть’. Первые контексты демонстрируют, что объект предиката *виснуть* — это не физический предмет, а существительное с отвлечённым значением [7]; корпус [8] выдаёт схожие результаты, ср. (1), (2):

(1) *Аще ли не виснет сего часа, все ожидают того же указу!* (Артаксерксово действо (1672))¹.

¹Здесь и далее примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

(2) <...> а это нет ничего, что ты меня выбрал: брань на вороту не виснет, лишь бы деньги у меня были в кармане (Н.И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть I).

В современном употреблении *висеть* имеет такие значения: 1) ‘находиться в висячем положении, уцепившись за что-н. руками или другой частью тела’; 2) ‘будучи прикрепленным вверху, находиться в направленном вниз положении без опоры’; 3) *перен.* ‘летать, кружа над ограниченным пространством, или зависнуть над чем-н.’; 4) (1 и 2 л. не употр.). ‘выдаваться, выступать вперёд какой-н. своей частью’; 5) (1 и 2 л. не употр.), *перен.* (над кем-чем.) ‘ожидаться, предстоять; ждать исполнения (о чём-н. неприятном)’. В толкование последнего значения вводится семантический компонент — ‘ожидать чего-л. неприятного’, который свидетельствует о наличии негативного смысла [9].

Глагол *виснуть* определяется так: 1) ‘спускаться книзу, принимая висячее положение, свисать’; 2) *перен.* (на ком) ‘неотступно добиваться расположения, взаимности’. Второе значение прагматически маркировано, о чём свидетельствуют стилистическая (разг.) и оценочная (неодобр.) пометы. Также отмечен негативно-оценочный фразеологизм *виснуть на шее* (разг., неодобр.) [9].

Как показывают современные толковые словари и корпус, глаголы легко допускают употребления негативно-оценочного характера, ср. (3), (4), (5):

(3) *Старый чёрный костюм висит на нем мешком* (В. Рыбаков. Хроники смутного времени).

(4) *Черч неподдельно взмолился, потому что, как обычно, висела на нём разная уголовная мелочёвка: наводка домушников на квартиры, стояние на шухере у угонщиков автомобилей <...>* (В. Черкасов. Чёрный ящик).

(5) *Туда, где стена не властна над людьми, где она уже не виснет над ними своей тяжёлой кирпичной глыбой* (Е. Сурков. Спор о человеке).

Рассматривая глагол *висеть*, Е.В. Рахилина отмечает у него потенциал развития негативно-оценочных значений. Выделяются три группы ситуаций: 1) когда объект имеет специальное приспособление, чтобы держаться без опоры, будучи прикрепленным к чему-то (*одежда висит на вешалке*); 2) когда *висеть* для объекта почему-то плохо (*одежда висит на человеке; на собаке шерсть висит клочьями*); 3) когда не допускаются описания с помощью глагола *висеть* (**на ней висели бусы*). Существенным для семантики *висеть*, по мнению исследователя, является сильный нелокативный компонент его значения ‘независимость от объекта’. В первой ситуации объект, который держится на весу без опоры, независим от других объектов. Реализация негативного значения возникает во второй ситуации при нарушении в объекте связи части с целым (*шерсть висит клочьями, руки висят как плети*) [1, с. 76–79].

На наш взгляд, семантический потенциал глаголов *висеть, виснуть*, реализуемый в типах их производных

значений, определяется особенностями исходной прототипической ситуации — нахождение объекта в пространстве в вертикальном положении без точки опоры внизу. Очевидно, тип пространства, где размещается объект, не столь релевантен. Существенен признак актуальной наблюдаемости объекта, который прототипически связан с нахождением в статичном вертикальном положении на протяжении достаточно длительного времени. Объект *висит, виснет* сверху вниз, при этом отделение части от целого не происходит. В случае с глаголом *виснуть* объект дополнительно отождествляется с тяжестью, ограниченностью движений.

В основном значении глаголы *висеть, виснуть* охотно указывают на начальную точку местоположения объекта с помощью предлога *на, в* и конечную точку, оформленную с помощью предлогов *над, по, к*, ср. *Стоит на дугу клевер кормовистый, головой к земле виснет <...>* (В.В. Бианки. Лесные были и небылицы). С одушевленными объектами наличие точки опоры является естественным, очевидно, поэтому для рассматриваемых глаголов в исходном значении указание конечной точки перестаёт быть актуальным. Указание начальной точки с одушевленным объектом у глагола присутствует, если объект располагает каким-л. приспособлением для крепления, например, может уцепиться за что-л. руками.

Дискретные физические объекты, имеющие специальное устройство для крепления, сочетаются с глаголом *висеть* в нейтральном или положительном смысле, однако нечасто сочетаются с глаголом *виснуть* (ср. *одежда висит vs. одежда виснет*). Чаще с такими типами объектов *виснуть* приобретает негативно-оценочные смыслы, ср. *За ними кое-где на случайных гвоздях висли беспорядочно вещи, загромаждая комнату* (Н.Л. Давыдова. Полгода в заключении). Впрочем, части физического объекта допускают нейтрально-оценочное употребление с *виснуть*, как в (6), (7).

(6) *Перистые ярко-зелёные ветки папоротника густой бахромой виснут над сонными лесными ручьями, <...>* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая).

(7) *Яркие, тяжёлые, висли гроздь рябины возле перекрашенного железнодорожного вагончика, приспособленного под кафешку* (И. Богатырёва. Домой // «Октябрь», 2013).

Нефизические объекты, попадая в сферу действия физических глаголов *висеть, виснуть*, превращают их в метафоры, часто с негативно-оценочной характеристикой, как в (8), (9):

(8) *Это сейчас прошлое висит огромным мешком за плечами... Надо ещё и ещё шарить в этом мешке. Отметить момент, когда «ещё нет» стало «уже да»* (И. Грекова. Фазан).

(9) *Шум, гам, смех висели над этим проклятым местом* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4).

Номинации нефизических объектов — такие, например, как явления природы, могут сочетаться с *висеть*

и *виснуть* в переносном нейтрально-оценочном смысле, однако это достигается в первую очередь за счёт нейтрализации важного параметра, характерного для исходного значения, — вертикального расположения предмета. Примеры (10), (11) демонстрируют идею нахождения объекта в пространстве в горизонтальном направлении; изменение вертикального расположения дополнительно может поддерживаться контекстом, ср. *только вишьрь ползёт, расстиляется*:

(10) *Нам же кажется, что облако неподвижно висит или медленно плывёт в горизонтальном направлении* (Г. Тарасевич. О науке без звериной серьезности).

(11) *<...> а по-за рекой степь, наша степь, и по ней низко-низко туман виснет, не колышется, только вишьрь ползёт, расстиляется* (В.И. Немирович-Данченко. Соловки).

Сопоставляя предикаты *висеть* и *виснуть*, следует отметить различие в характеристике «стекания» объектов книзу. Глагол *виснуть* имеет важную импликацию — тяжесть, трудность удержания объекта, что приводит к появлению оценочных смыслов. В следующем примере субъекту приходится прикладывать дополнительные физические усилия, облокотившись на колонку, чтобы её привести в функциональное состояние, ср. *Ручка у колонки была настолько тугая, что веса одного Петрова или одного Сергея не хватало, чтобы она сдвинулась вниз — им приходилось виснуть на ней обоим или обоим наваливаться на неё животом* (А.Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга»). В целом, если параметр вертикального стекания объекта сверху вниз исчезает, импликация тяжести придаёт глаголу *виснуть* с одушевлённым объектом новое значение — ‘облокотиться, расположиться вдоль, держаться за что-то, опираясь’. Как показывают примеры, в этом значении глагол часто функционирует неодобрительно, ср. (12), (13).

(12) *Обернувшись неожиданно для него, я обнаружил, что он волочит ногу и виснет на палке* (Т.В. Чернавина. Побег из ГУЛАГа).

(13) *Её шатает из стороны в сторону; она хватается за стены, за двери, виснет на них от изнеможения...* (И.И. Лажечников. Ледяной дом).

В контекстах выше наблюдается достаточно тривиальный способ метафоризации, мотивированный идеей тяжести и движения вниз — то, что движется книзу, часто концептуализируется как что-л. негативное.

У *виснуть* отмечается неодобрительное значение ‘неотступно добиваться расположения кого-л.’, пр. *Вчера эта юная негодница, которую он приволок с собой на официальный ритуал прощания, висла на нём, как сопля на бороде* (Л. Улицкая. Зелёный шатер). Реализация такого значения концептуализируется параметром длительного пребывания объекта в вертикальном положении, причём в этой ситуации существенен признак наличия опоры для его крепления, в качестве которой выступает не физический предмет, а человек.

Таким образом, схематично семантическое развитие глагола *висеть*, в результате которого появляются негативно-оценочные значения, можно представить семантическими переходами: ‘висеть’ → ‘нависать’ → ‘угрожать своей близостью’, ‘ждать исполнения чего-то неприятного’. Семантическое развитие глагола *виснуть* можно представить семантическими переходами: ‘свисать’ → ‘нависать, распростёршись над чем-л.’ → ‘облокотиться, держаться за что-то, опираясь’, ‘свисать’ → ‘неотступно добиваться расположения’.

Возникает вопрос: устойчивы ли семантические сдвиги глаголов *висеть*, *виснуть*, повторяются ли они в других языках или специфичны для конкретного языка, так как обусловлены его картиной мира. Повторяемость семантических дериваций подразумевает, что существуют общие когнитивные представления человека о нахождении в висающем положении. Чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим межязыковой английский коррелят — глагол *hang*.

Английская лексическая система не нарушает общую типологическую тенденцию: в ней есть доминанты среди локативных предикатов, которые соотносятся с русскими глаголами: *stand* — *стоять*, *sit* — *сидеть*, *lie* — *лежать*, *hang* — *висеть*.

В современном английском языке *hang* является немотивированным глаголом германского происхождения, известным по письменным источникам с XI в. в каузативном значении ‘вешать’ и как статив ‘висеть’ [10]. В преимущественно среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды зафиксированы многочисленные синонимы *hang* ‘висеть’ (*rest (on, upon)*; *loll*; *uphang*; *suspend*; *swing*; *swingle*; *string*), многие из которых функционируют в современном английском языке. При очевидном сходстве семантики приведенные глаголы демонстрируют наличие дифференциальных компонентов, обладают стилистическим своеобразием, имеют разную прагматическую значимость.

Глагол *hang* является многозначным; с точки зрения исторической перспективы связи между его значениями можно охарактеризовать как разнообразные, многоступенчатые, с большим количеством семантических переходов, некоторые из его значений к настоящему времени утрачены.

Семантическая парадигма современного глагола *hang* представлена так: 1) ‘to attach something, or to be attached, at the top so that the lower part is free or loose’ = *вешать*; *висеть*; 2) ‘when something hangs in a particular way, it falls in that way’ = *висеть*, *ниспадать*; 3) ‘to bend or let something bend downwards’ = *вешать*; *виснуть*, *свисать*; 4) ‘to kill somebody by tying a rope around their neck and allowing them to drop; to be killed in this way’ = *подвергнуть смертной казни через повешение*; *быть повешенным*; 5) ‘to spend time relaxing or enjoying yourself’ = *слоняться*, *тусоваться*; 6) ‘to attach something, especially a picture, to a hook on a wall; to be attached in this way’ = *повесить*; *висеть*; 7) ‘to decorate a place by placing paintings, etc. on a wall’ = *развешивать*, *украшать*; 8) ‘to stick

wallpaper to a wall' = *оклеить обоями*; 9) 'to attach a door or gate to a post so that it moves freely' = *навешивать, прикреплять*; 10) 'to stay in the air' = *висеть, висеть в воздухе* [11]. Также отмечены многочисленные фразеологизмы с компонентом *hang*, в том числе с отрицательно-оценочной характеристикой, пр. *hang heavy on somebody / something* 'тяготить'.

Может показаться, что семантика английского предиката *hang* объемнее русских соответствий *висеть, виснуть*. Безусловно, семантическая эволюция рассматриваемых глаголов может отчетливо демонстрировать специфические, нерегулярные семантические переходы, однако, как видится, более сложная и объёмная семантическая парадигма *hang* объясняется следующими факторами. Во-первых, важной особенностью большинства английских предикатов, в том числе *hang*, является способность к варьированию диатезы и переходности без изменения формы. При лексикографировании практически в рамках каждого лексико-семантического варианта глагола *hang* указываются и переходное, и непереходное значения, ср.: 'to attach something, or to be attached <...>' ('прикрепить что-л. или быть прикрепленным <...>'). Во-вторых, многие значения глагола *hang* в переводе соответствуют русским префиксальным производным, пр. *висать, нависать* и др., а в речи дополнительно поддерживаются послелогоми, такими как *over, up* и др. В-третьих, английский *hang* совмещает значения русских предикатов *висеть* и *виснуть*.

Как и в случае с русскими предикатами *висеть, виснуть*, английский *hang* легко допускает употребление негативно-оценочного характера, ср. (14), (15):

(14) *A shadow continued to hang over his mind, deepening with each word Chris uttered* ('Какой-то призрак висел над его разумом, становясь все мрачнее с каждым словом Криса²) (Thomas V. Costain. *Tontine*, Volume I).

(15) *Silence hung heavily over the phone lines. "Lucy? Lucy, are you all right?"* ('Тишина тяжело висела на телефонных проводах. «Люси? Люси, с тобой всё в порядке?») (S. Hegger *Nobody's angel*).

В примерах выше реализуется не отмеченное современными английскими толковыми словарями оценочное значение 'тяготить', 'угрожать своей близостью', однако засвидетельствованное историческими словарями, ср. 'of an evil or doubt: to hover over one, ready or liable to fall; to impend, be imminent; esp. in phrase *to hang over (one's) head*' [12], сопоставимое с аналогичным русским значением.

Исходная прототипическая ситуация глаголов *висеть, виснуть* и их английского коррелята *hang* отождествляется с ограниченностью движений наблюдаемого объекта, что приводит к его восприятию в неподвижном, статичном положении. Эта идея концептуализируется в метафорах 'медленно передвигаться', 'медленно или плохо работать', 'застопориться'.

Так, значение 'застопориться о (работе)' впервые было отмечено в американском английском варианте во второй половине XVIII в. В современном употреблении оно особо часто реализуется в ситуации, когда жюри присяжных не достигло по каким-либо причинам единого мнения, пр. (16), (17):

(16) *I still can't believe the jury hung and that scumbag's walking around town like he's been vindicated* ('Я всё ещё не могу поверить, что присяжные не смогли прийти к согласию (досл. 'зависли'), а этот мерзвец спокойно ходит по городу, как будто его оправдали') (R. Tanenbaum. *Capture*).

(17) *That's not just a coincidence. The jury hung, Mike. There was no retrial. Why would they wanna kill him?* ('Это не просто случайность. Работа суда присяжных приостановлена (досл. 'висит'), Майк. Не было повторного слушания дела. Только зачем им убивать его?') (сериал «Law and Order», серия «House Counsel»).

Любопытно, что в смоленских говорах глагол *висеть* также допускает переносное неодобрительное значение 'работать медленно', пр. *висит над носом* [12].

Схожая концептуализация встречается в компьютерном жаргоне в ситуации, когда программа работает медленно или перестает реагировать на действия пользователя. Такое значение отмечается у русского *висеть* (18), (19) и английского *hang*, причём в английском языке допускается переходное (20) и непереходное (21) употребление³:

(18) *По слухам, она «виснет» реже, чем Windows CE* (Н. Качурин и др. *Еврокурс: Salon International de l'automobile* // «Автопилот», 15.04.2002).

(19) *Будто бы компьютер завис и никакая перезагрузка не помогает* (О. Хухлаев. *Оставьте мужчину в покое!* // «Психология на каждый день», 2010).

(20) *My <...> modem is supposed to distinguish between incoming fax, data and voice calls, but doesn't; it merely hangs the computer* ('Предполагается, что мой <...> модем распознаёт входящие факсы, данные и голосовые вызовы, но он этого не делает; он просто замедляет (досл. 'вешает') работу компьютера') [10].

(21) *If you've ever asked "Why does my laptop hang all the time?"* ('Если ты когда-либо задавался вопросом «Почему мой ноутбук постоянно виснет?») (These 7 Laptops Have the Strongest Processors in 2025).

Одним из производных значений предиката *hang* является 'болтаться, тусоваться', чаще всего в речи сопровождается послелогоми *around, out*. Оценочный компонент отличается амбивалентностью и может варьироваться — от положительно-нейтрального до негативного, ср.

(22) *Hang out with nice people, you get nice friends. Hang out with smart people, you get smart friends. Hang out with yo-yo people, you get yo-yo friends. It's simple*

³Вместе с тем следует отметить, что значение '(компьютерная) программа перестает реагировать на действия пользователя' в современном английском чаще передаётся метафорическим значением глагола *freeze* 'замораживать'.

²Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. — Т.Н.

mathematics ('Будешь тусоваться (досл. зависать) с хорошими людьми, и у тебя появятся хорошие друзья. Будешь тусоваться с умными людьми, и у тебя появятся умные друзья. Будешь тусоваться с болванами, и у тебя появятся глупые друзья. Простая математика') (кинофильм «Rocky», 1976).

Такое употребление коррелирует с русским *виснуть*, которое словарями не отмечено, однако с лёгкостью фиксируется корпусом [8], ср.

(23) *Более того: сначала виснут на заборах, потом виснут в интернете, протирают колени, стаптывают башмаки, <...>* (Модные новости // «Домовой», 2002.05.04).

Как было указано выше, семантическая парадигма *виснуть* характеризуется оценочным переходом: 'висать' → 'неотступно добиваться расположения'. Подобное значение отмечено в семантике *hang* 'to remain as unwilling to depart or move on; to loiter, <...>: often with the implication of parasitical attachment' начиная с 30-х гг. XIX в. [11]. Дополнительно такая регулярность семантических переходов подтверждается обзором параллельных переводов с английского языка на русский и наоборот, ср. (24), (25):

(24) *She obviously would like to see him a lot more, but would never, in any way, let this be known, or hang on to him at all* ('Мими, конечно, хотелось бы видеть Джона чаще, но она никогда в этом не признается, никогда не будет виснуть на нем') (D. Hunter. The Beatles; пер. А. Грызунова).

(25) *Most of them were drunk and the soldiers on whose arms they hung were drunker* ('Почти все они были пьяны, а солдаты, на которых они висли, схватив их под руку, — и того пьянее') (M. Mitchell. Gone with the Wind, Part 1; пер. Т. Озерская).

Заключение. Семантическая парадигма предикатов *висеть*, *виснуть* и английского коррелята *hang* характеризуется наличием семантических дериваций: 'висеть' → 'тяготить' → 'ждать исполнения чего-то неприятного', 'висеть' → 'медленно передвигаться', 'медленно или плохо работать', 'застопориться', 'виснуть' → 'проводить время; тусоваться', 'виснуть' → 'неотступно добиваться расположения'. Деривационное поведение исследуемых глаголов не уникально: переходы, в результате которых появляются производные негативно-оценочные значения, являются регулярными, что свидетельствует об общих когнитивных представлениях человека относительно объекта, находящегося в пространстве в вертикальном положении без точки опоры внизу.

Исследование выполнено при поддержке Гранта ректора БГУ по теме «Динамика семантических процессов в истории языка (на материале оценочной лексики славянских и германских языков)», 2023–2025 гг.

Литература

1. Рахилина, Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ и ВИСЕТЬ / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. — 1998. — С. 69–80.
2. Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения: монография / Г.И. Кустова. — М.: Флинта, 2016. — С. 333.
3. Гак, В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В.Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. — СПб., 1996. — С. 13.
4. Ливанова, А.Н. О семантике глаголов висеть и henge / А.Н. Ливанова // Скандинавская филология. — 2006. — Вып. 8. — С. 48–62.
5. Liu, M.-Ch. Motion, direction and spatial configuration: a lexical semantic study of 'hang' verbs in Mandarin / M.-Ch. Liu // Motion, Direction and Location in Languages. In honor of Zygmunt Frajzyngier; ed. by E. Shay, U. Seibert. — Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. — P. 177–187.
6. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. / А.Е. Аникин. — М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибир. отделения РАН; СПб.: Нестор-История, 2007–2023. — Вып. 7: вершь I — вняться II. — 2013. — С. 232–233.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Я.А. Пенькова (отв. ред.) [и др.]. — М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1975–2023. — Вып. 2: (В — ВОЛОГА). — 1975. — С. 190.
8. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН; отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. — С. 94.
10. The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. — 2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — Vol. VI: Follow — Haswed. — С. 1086.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English. — URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 20.09.2025).
12. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; сост. Ф.П. Филин. — М.; Л.: Наука, 1965–2023. — Вып. 4: В — Военки. — 1969. — С. 294.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Сказка о Красной Шапочке как генерирующий текст произведений постфольклора

Коваль В.И.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье рассматриваются бытующие в сети Интернет современные сказочные тексты, представляющие собой авторские пародии на известную сказку о Красной Шапочке и отличающиеся ярко выраженным национальным колоритом.

Цель данной публикации заключается в выявлении национально маркированных номинаций в постфольклорных «сетевых» текстах, пародирующих сказку «Красная Шапочка». Выявляются языковые средства: имена собственные, аппеллятивы и экзотизмы, — использование которых создаёт в подобных произведениях своеобразную «привязку» к узнаваемым традициям и реалиям определённой культуры — армянской, чукотской, американской и японской. Актуальность темы обусловлена важностью обращения к интернет-ресурсам как новому — виртуальному — пространству, обеспечивающему бытование «постфольклорных» произведений, созданных на основе популярных фольклорных текстов — как народных, так и авторских. Не менее важным является изучение подобных «сетевых» текстов, демонстрирующих в эпоху глобализации, предполагающей «стирание» национальной идентичности, своеобразие культур разных народов.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили национально ориентированные интернет-тексты — пародии на традиционный сюжет о Красной Шапочке. В процессе исследования использовался метод контекстуального анализа в сочетании с приёмами лексико-стилистической интерпретации текста.*

Результаты и их обсуждение. *Наблюдения над «постфольклорными» сказочными текстами, которые характеризуются наличием национально маркированной лексики, позволили выявить основные закономерности в «насыщенности» текстов соответствующими номинациями в зависимости от степени «приближенности» пародийного текста к тексту-источнику. Определено, что особым национальным колоритом отличается текст «Красное Кимоно – Красная Шапочка на японский лад», отражающий не только географические, исторические и культурные реалии (остров Хонсю, гора Фудзияма, гейша, кимоно, самурай, сакура), но мифологические представления японского народа, связанные с призраками и оборотнями.*

Лингвокультурологический анализ «постфольклорных» авторских «сетевых» произведений позволяет охарактеризовать их как особый тип текстов, опирающихся на традиционную форму и наполненных новым (в том числе — авангардистским) содержанием, что позволяет им занять особое место наряду с «классическими» фольклорными сказками, а также с популярными сказками, написанными А.С. Пушкиным, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Д.Н. Маминым-Сибиряком, К.И. Чуковским, А.Н. Толстым и другими авторами.

Заключение. *Несмотря на очевидный иронично-шаржированный характер используемых в рассматриваемых произведениях национальных маркеров, изучение подобных сказок — как в собственно лингвистическом, так и в лингвокультурологическом аспектах — в определённой мере помогает выявить языковую картину мира того или иного народа, адекватно оценить особенности его менталитета.*

Ключевые слова: *сказка «Красная Шапочка», «постфольклор», национальные колорит, маркеры национальной идентичности, экзотизмы.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 81–84)

The Tale of Little Red Riding Hood as a Generating Text for Post-Folklore

Koval V.I.

Education Establishment “Francisk Skorina State University of Gomel”, Gomel

The article examines modern fairy-tale texts on the Internet, which are author’s parodies of the famous tale of Little Red Riding Hood and are characterized by a pronounced national flavor.

The purpose of this article is to identify nationally labeled nominations in post-folklore “online” texts parodying the fairy tale “Little Red Riding Hood”. Linguistic means are revealed: proper names, appellatives and exoticism, the use of which creates in such

works a kind of “binding” to recognizable traditions and realities of a particular culture — Armenian, Chukchi, American and Japanese. The relevance of the topic is due to the importance of accessing Internet resources as a new virtual space that ensures the existence of “post-folklore” works based on popular folklore texts, both folk and author’s. Equally important is the study of such “online” texts, which demonstrate the uniqueness of cultures of different peoples in the era of globalization, which presupposes the “erasure” of national identity.

Material and methods. The material for the study was nationally oriented Internet texts — parodies of the traditional story about Little Red Riding Hood. In the course of the research, the method of contextual analysis was used in combination with the techniques of lexical and stylistic interpretation of the text.

Findings and their discussion. Observations of “post-folklore” fairy-tale texts, which are characterized by the presence of nationally labeled vocabulary, allowed us to identify the main patterns in the “saturation” of texts with appropriate nominations, depending on the degree of “proximity” of the parody text to the source text. It is determined that the text “Red Kimono — Little Red Riding Hood in the Japanese way” has a special national flavor, reflecting not only geographical, historical and cultural realities (Honsu Island, Mount Fujiyama, geisha, kimono, samurai, sakura), but also mythological representations of the Japanese people associated with ghosts and werewolves.

The linguistic and cultural analysis of the “post-folklore” author’s “online” works allows us to characterize them as a special type of texts based on the traditional form and filled with new (including avant-garde) content, which allows them to occupy a special place along with “classical” folklore tales, as well as with popular fairy tales written by A.S. Pushkin, M.E. Saltykov-Shchedrin, D.N. Mamin-Sibiryak, K.I. Chukovsky, A.N. Tolstoy and other authors.

Conclusion. Despite the obvious ironic and caricatured nature of the national markers used in the works under consideration, the study of such tales — both in linguistic and linguocultural aspects — helps to identify the linguistic picture of the world of a particular people to a certain extent, to adequately assess the features of their mentality.

Key words: fairy tale “Little Red Riding Hood”, “post-folklore”, national color, markers of national identity, exoticism.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 81–84)

Одной из актуальных проблем, обсуждаемых в современной фольклористике, это вопрос о статусе текстов, активно функционирующих в Интернете и являющихся в определённой степени «репликой» традиционных фольклорных текстов. Фольклористами высказываются мнения, согласно которым «традиционной культуры в её исконном земельном виде ныне не существует» [1, с. 17], и «эпоха классического фольклора безвозвратно миновала» [2, с. 4], поэтому его место (но уже не в сфере привычного устного бытования, а в интернет-пространстве) занимают разножанровые тексты — как анонимные, так и авторские, обладающие очевидными признаками фольклорных произведений — традиционностью и активным варьированием. Для обозначения подобных текстов обычно используется термин *постфольклор* [2, с. 4], наряду с которым употребляются варианты номинации: *интернет-фольклор* [3], *сетевое творчество* [4, с. 125], *квазифольклор*, *неофольклор* [1, с. 18] и др. С этой точки зрения рассматриваются, как правило, произведения «городского» фольклора: романсы, несказочная проза, анекдоты, легенды, детский фольклор, фольклор городских субкультур и др.

Совершенно особое место среди «постфольклорных» произведений занимают бытующие в интернет-пространстве оригинальные (как правило, авторские) тексты, пародирующие известные сказочные сюжеты. Появление «постфольклорных» сказок вполне закономерно, поскольку оно отражает неуклонное развитие фольклора, выражающееся в обновлении его формы: «Уже не одно десятилетие ведутся разговоры о том, вымирает ли фольклорная сказка. Но если можно согласиться с тем, что традиционная волшебная сказка, описанная В.Я. Проппом, действительно умирает, то сказка как установка на вымысел и система её

персонажей продолжают жить, хотя приобретают другое свойство. Сказка трансформируется, но по-прежнему восполняет генетически заложенную в человеке потребность в игре. А виртуальное пространство оказывается самым благодатным полем для игр и фантастических миров» [5].

Для иллюстрации современных «постфольклорных» сказочных интернет-текстов ранее нами были проанализированы семь разносюжетных вариантов сказки «Красная Шапочка», каждый из которых представляет собой невероятную (нередко — «на грани здравого смысла») трансформацию популярного традиционного сюжета, хорошо известного всем с детских лет. Как правило, главная героиня подобных «сказок» оказывается довольно «продвинутой» девушкой-подростком в возрасте 15–16 лет, которая демонстрирует откровенно порочную модель поведения: она преследует и провоцирует своим внешним видом Волка, соблазняет его и при этом, выступая с позиции агрессивного феминизма, отвергает попытки Охотника помочь ей и её Бабушке в смертельно опасной для них ситуации [6]. Очевидно, что в подобных случаях «пародирование сопряжено с переосмыслением поступков персонажей и смысла сказки в целом» [7].

В последнее время в интернет-пространстве были опубликованы другие многочисленные пародийные варианты сказки о Красной Шапочке, также заслуживающие внимания, поскольку события в них разворачиваются «с оглядкой» на традиционный сюжет, но сами тексты имеют при этом ярко выраженную национальную окраску. Лингвистический и лингвокультурологический анализ подобных текстов вполне отвечает требованиям современности, поскольку «глобализация, с одной стороны, способствует становлению единого мира, а с другой — обостряет <...>

проблему межкультурных различий и культурной экспансии» [4, с. 123].

Цель данной статьи заключается в выявлении национально маркированных номинаций в постфольклорных «сетевых» текстах, пародирующих сказку «Красная Шапочка».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили национально ориентированные интернет-тексты — пародии на традиционный сюжет о Красной Шапочке.

В процессе исследования использовался метод контекстуального анализа в сочетании с приёмами лексико-стилистической интерпретации текста.

Результаты и их обсуждение. В приведённых ниже четырёх текстах содержится очевидный национальный «колорит», репрезентируемый соответствующей онимической и апеллятивной лексикой, в том числе — экзотизмами: в «армянском» — озеро *Севан*, красавица *Гаянэ*, бабушка *Арпи*, дедушка *Вартан*, сыновья *Рафик* и *Тофик*; в «чукотском» — *тундра*, *полярная ночь*, *песец* и *чум*; в «американском» — девушка *Джеррика*, «*Playboy*», *револьвер* и маньяк *Джонни де Волк*; в «японском» — остров *Хонсю*, гора *Фудзияма*, *мама-гейша*, праздник «*Хинаматсури*», *саке*, *кимоно* и *сакура*. В то же время степень содержательной соотнесённости каждого из текстов с текстом-«прототипом» различна: от почти полного сюжетного соответствия в «армянской» сказке до «национально маркированного» развития событий в «американском» и особенно в «японском» текстах.

Выразительные национальные армянские лексические маркеры (здесь и далее они выделены курсивом. — В.К.) присутствуют в тексте-пародии «Красная Шапка» (автор — А. Луканов), в значительной мере ориентированном, как уже отмечалось, на традиционный сюжет. Показательно начало «народной армянской сказки» «Красная Шапка»: «Высоко в горах, на берегу озера *Севан*, стояла одинокая хижина, в которой жила мама со своей дочкой, красавицей *Гаянэ*». Бабушка *Арпи* связала своей любимой внучке *Гаянэ* красную шапочку, с которой девочка никогда не расставалась, из-за чего все соседи стали называть ее *Гаянэ-Красная Шапка*. Мама поручает дочке отнести больной бабушке *Арпи* испечённые ею *лаваши*, и девочка отправляется в путь по красивым местам *горной Армении*, срывая альпийские цветы и распевая *армянские народные песни*. Встретив по дороге Волка, Красная Шапка доверчиво рассказывает ему, что она несёт в корзинке и где живёт её бабушка. Коварный Волк не посмел тронуть Красную Шапку, поскольку недалеко велись дорожные работы: дедушка *Вартан* и его сыновья укладывали асфальт. Направив девочку по другой тропинке, жестокий хищник помчался к домику бабушки и сразу же проглотил старушку *Арпи*. Как и в традиционной сказке, Волк, улегшись в бабушкину кровать, начал отвечать на вопросы пришедшей к бабушке Красной Шапки. Так, на вопрос о том, почему у бабушки такие большие уши, Волк заявил:

«Это чтобы слушать твои красивые *армянские народные песни*». Ответ Волка на вопрос о его большом носе («Это чтобы нюхать тебя») показался девочке странным, и она удивлённо спросила: «Ты, бабушка, что ли — собака?». Разъярённый Волк набросился на Красную Шапку, но в это время мимо домика, возвращаясь с обеда на работу, проходили дедушка *Вартан* с сыновьями *Рафиком* и *Тофиком*, которые, услышав шум, вбежали в дом и, расправившись с Волком, освободили *Гаянэ-Красную Шапку* и её бабушку *Арпи* [8].

Достаточно лаконичный текст «Сказки народов Чукотки про Красную Ушанку, её бабушку и рыбий жир» (автор — Л. Каганов) включает, кроме специфических для народов Чукотки и экзотических для русскоязычного читателя номинаций *тундра*, *тюлений жир*, *полярная ночь*, *песец* и *чум*, псевдо-чукотское слово *однако*. В самом тексте, однако, вовсе отсутствует мотив предварительного общения наивной и доверчивой девочки с опасным для неё зверем; вместе с тем в нужный момент главная героиня — Красная Ушанка — смело и решительно расправляется с Песцом и спасает бабушку. Приведём этот текст полностью: «Однако жила-была в далекой *тундре* девочка и звали её Красная Ушанка. Однажды мама напекла лукошко *тюленьего жира*, натопила бидончик *рыбьего жира* и сказала: “Отнеси, *однако*, бабушке, которая живет за *тундрой*. За ночь как раз успеешь, *ночь полярная*”. Надела Красная Ушанка лыжи и побежала по тундре, напевая песенку о том, как она идёт к бабушке. Подслушал эту песню *песец*, прибежал к бабушке, проглотил её, а сам лег посреди *чума*. Пришла Красная Ушанка в бабушкин *чум* и спрашивает: “Однако, бабушка, почему у тебя такой большой хвост?” — “Однако, чтобы пол в *чуме* подметать”, — отвечает *песец*. “Однако, бабушка, а почему у тебя такой маленький рост?” — спрашивает девочка. — “Однако, даже и не знаю, что ответить”, — говорит *песец*. А Красная Ушанка смотрит на него и говорит: “Однако, это не бабушка, а просто какой-то *песец*!” И тут же лыжными палками вспорола *песцу* живот и выпустила бабушку. И стали они жить-поживать да *рыбий жир* попивать. Потому что смелой и догадливой чукотской девочке никакой *песец* не страшен» [9].

В стихотворном тексте Г. Самойлова «Американская Красная Шапочка» главным действующим лицом является довольно взрослая — в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет — девушка *Джеррика*, постоянными атрибутами которой были красная шапка, футболка с эмблемой «*Playboy*» и *револьвер*. События в этом тексте развиваются по «гангстерскому» сценарию с некоторой поправкой на современность: выпив накануне *виски*, *Джеррика* по дороге домой, колеблясь, в духе американских вестернов расправляется со встретившимся ей маньяком *Джонни де Волком*, нахально предложившим ей «свободную любовь»: «Обалдев от такого начала, / Не приемля подобных манер, / Крошка *Джеррика* молча достала / Из бюстгальтера свой *револьвер*. / Грянул выстрел, завыли

сирены, / *Джонни* вскрикнул и тут же упал. / Вот таким оказался плачевным. / Его жизни волчьей финал». Однако для самой *Джеррики* финал этой истории также оказался плачевным: съехавшиеся к месту происшествия репортёры подняли шум на тему защиты прав животных, заговорили «о нелёгкой доле волков», в результате чего девушка получила тюремный срок: «В благословенной *Америке* / В одной *федеральной тюрьме* / Сидит теперь девушка *Джеррика* / И воет при полной луне» [10].

Текст «Красное Кимоно — Красная Шапочка на японский лад», автором которого является В. Немерцалов, в максимальной степени насыщен разнообразными лексическими экзотизмами, создающими яркий национальный колорит. События, описываемые в названной пьесе, происходят на японском острове *Хонсю*, где в хижине у подножия горы *Фудзияма* живёт с мамой-*гейшей* маленькая послушная и трудолюбивая девочка. На праздник «*Хинаматсури*» (день японских девочек) мама подарила девочке красивое красное кимоно, и «девочка носила его, почти не снимая», а соседи, увидев её, издали кричали: «*Коннитива* (=добрый день), *Красное Кимоно!*». Некоторое время спустя мама поручает девочке отнести её бабушке *рисовых колобков*, *суши*, квашеной редьки и горшочек *sake*. Проходя через лес *криптомерий* (криптомерия — вечнозеленое дерево, считающееся национальным символом Японии. — *В.К.*), Красное Кимоно встретила Волка-оборотня, принявшего вид обычного крестьянина, и исчерпывающе ответила на все его вопросы: «Люди называют меня *Красное Кимоно*, а иду я на праздник к бабушке, несу ей *рисовые колобки*, *суши*, квашеную редьку и *sake*. Бабушкин домик — в уединении. Луна... Хризантемы... В придачу к ним — клочок небольшого поля». Дальнейший ход событий в пьесе приобретает ярко выраженный мистический характер, передающий традиционную японскую культуру: на сцене появляется бабушка в чёрном кимоно и скрывается в своём домике, а примчавшийся Волк-оборотень врывается в дом и съедает бабушку, призрак которой в белом кимоно проходит сквозь стену домика и вскоре превращается в цветущую *сакуру*. Неожиданно появившиеся на сцене *самураи* вытаскивают из домика бабушки Волка и уводят его за кулисы, а пришедшая к бабушке *Красное Кимоно* «заглядывает в её домик и, видя *сакуру*, понимает, что случилось», а в финале она читает стихи-*хокку*: «Бабушка моя — / Теперь аромат хризантем / И вишни в цвету» [11].

Заключение. Таким образом, очевидно, что популярная сказка «Красная Шапочка» (как и другие известные сказки) может служить надёжной «производящей основой» для многочисленных современных сказочных текстов, локализующихся в интернет-пространстве.

Сюжетные и языковые особенности подобных «постфольклорных» произведений, являющихся особым видом текста, заслуживают дальнейшего всестороннего исследования.

Литература

1. Некрылова, А.Ф. Фольклор и фольклоризм. Современное понимание / А.Ф. Некрылова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2024. — Т. 229. — Театрализованные представления и праздники в новом социокультурном пространстве. — С. 16–23.
2. Неклюдов, С.Ю. После фольклора / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. — 1995. — № 1. — С. 4.
3. Алексеевский, М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) / М.Д. Алексеевский // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. — С. 151.
4. Сулова, Т.И. Интернет-фольклор как средство коммуникации / Т.И. Сулова // Журналистский ежегодник. — 2015. — № 4. — С. 123–127.
5. Быстрова, К.В. Интернет как современный ареал бытования сказки / К.В. Быстрова // Филология и человек. — 2009. — № 1. — С. 166.
6. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков: монография / В.И. Коваль. — Минск: РИВШ, 2012. — С. 10–22.
7. Чикалова, А.А. Пародии на сказку в сети Интернет / А.А. Чикалова // Интернет и фольклор: сб. ст. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. — С. 152.
8. Луканов, А. Красная Шапка. Народная армянская сказка. — URL: <https://proza.ru/2013/12/21/2040> (дата обращения: 10.08.2025).
9. Каганов, Л. Сказка народов Чукотки про Красную Ушанку, её бабушку и рыбий жир / Л. Каганов. — URL: <https://leo.me/arhive/humor/skazki.shtml> (дата обращения: 12.08.2025).
10. Самойлов, Г. Американская Красная Шапочка / Г. Самойлов. — URL: <https://mychords.net/ru/gennadij-samojlov/236715-gennadij-samojlov-amerikanskaya-krasnaya-shapochka.html> (дата обращения: 09.08.2025).
11. Немерцалов, В. Красное Кимоно — Красная Шапочка на японский лад / В. Немерцалов. — URL: <https://stih.ru/2005/07/15-270> (дата обращения: 15.08.2025).

Поступила в редакцию 17.10.2025

Метафоризация языковых единиц семантического поля «семья» в русском и белорусском языках

Дружина Н.Л., Шаколо А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Для установления места семантического поля в лексической системе языка большую роль играет анализ направлений метафорических переносов с участием имени поля.

Цель статьи — выявить особенности функционирования метафор, являющихся конститuentами периферийной области семантического поля «семья» в русском и белорусском языках.

Материал и методы. Материалом исследования послужил тематический корпус (1219 контекстов) из текстов дидактической разновидности педагогического дискурса и немецких общественно-политических изданий (2014–2024 гг.). В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, описательный и сопоставительный методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Определены типы метафорических моделей в семантическом поле «семья» в русском и белорусском языках. Метафорические значения, формирующие периферийную область, подтверждают связь понятия «семья» с разнообразными сферами человеческой деятельности.

Заключение. Предложенный автором ракурс исследования позволяет сделать выводы о целесообразности включения анализа специфики метафоризации при изучении лексических группировок. Выявлены основные метафорические модели, формирующие периферийную область семантического поля «семья» в русском и белорусском языках.

Ключевые слова: семантическое поле «семья», полевая теория в лингвистике, метафоризация языковых единиц семантического поля, типы метафорических моделей.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 85–89)

Metaphorization of Linguistic Units of the Semantic Field of Family in Russian and Belarusian

Druzhina N.L., Shakolo A.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

To establish the place of a semantic field in the lexical system of a language, an important role is played by the analysis of the directions of metaphorical transfers involving the name of the field.

The article aims to identify the functional characteristics of metaphors that form the periphery of the semantic field of Family in Russian and Belarusian.

Material and methods. The research material was a thematic corpus (1219 contexts) from the texts of the didactic variety of pedagogical discourse and German social and political publications (2014–2024). In the course of the study, the continuous sampling, descriptive and comparative methods, elements of statistical analysis were used.

Findings and their discussion. The types of metaphorical models in the semantic field of Family in the Russian and Belarusian languages are identified. The metaphorical meanings which form the peripheral field confirm the connection of the concept of Family with various spheres of human activity.

Conclusion. The proposed by the authors approach allows us to draw conclusions about the advisability of incorporating an analysis of the specifics of metaphorization into the study of lexical groupings. The key metaphorical models that form the peripheral region of the semantic field of Family in the Russian and Belarusian languages are identified.

Key words: the semantic field of Family, field theory in linguistics, metaphorization of linguistic units of the semantic field, types of metaphorical models.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 85–89)

Метафоризация играет важную роль в формировании семантического поля, перенося значение слов из одной области в другую и эксплицируя связь с понятийными областями, соответствующими моделям метафорических переносов. Семантические поля (далее — СП) не статичны, а динамичны, и метафоризация — один из способов их развития и изменения. Многочисленные лексические группировки находятся в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей, которые руководствуются разными принципами при отборе лексического материала, используют разные подходы к описанию семантических полей. Однако до сих пор нет определённой стабильности в использовании понятия «семантическое поле», нет единого мнения о принципах описания групп лексики, отсутствуют специальные работы, посвящённые всестороннему анализу процессов метафорообразования с участием конститuentов СП, выявлению их специфики в различных типах дискурса. Поэтому исследование направлений метафорических переносов в СП является актуальным и востребованным в современной научной парадигме.

Цель статьи — выявить особенности функционирования метафор, формирующих периферийную область СП «семья» в русском и белорусском языках.

Материал и методы. Материалом исследования послужил тематический корпус (1219 контекстов) из текстов дидактической разновидности педагогического дискурса и немецких общественно-политических изданий (2014–2024 гг.). В ходе работы были использованы метод сплошной выборки, описательный и сопоставительный методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Вопросы, касающиеся разработки теории поля и выбора методов его исследования, проанализированы в трудах Г. Ипсена, Й. Трира, М.М. Покровского, Г.С. Шура, Л.А. Новикова, Д.Н. Шмелёва, О.С. Ахмановой, М.А. Кронгауза, А.М. Кузнецова, Ю.Н. Караулова и др. Анализ значений единиц СП целесообразно проводить с учётом аспектов метафорообразования, так как в метафорических моделях выявляются как универсальные, так и национально-специфические особенности процесса метафоризации. По Н.Д. Арутюновой, «метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — троп, или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1].

В ядре СП «семья» находятся наиболее устойчивые и частые значения и ассоциации, в то время как периферия, по нашему мнению, включает менее распространённые, контекстуальные или индивидуальные смыслы, выражаемые посредством метафор. Безусловно, анализ интерпретационного поля даёт возможность оценить специфику организации языкового опыта носителей языка и оценить прагматические смыслы восприятия

семьи [2]. Средством формирования периферийной области СП служит корпус метафорических значений, вычленённый нами из педагогических и публицистических контекстов. Суть метафорообразования заключается в когнитивной процедуре объединения различных понятийных сфер с целью использования потенциала сферы-источника для толкования понятия, имеющего отношение к другой сфере. Так, под метафоризацией рассматривается «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [3]. По утверждению П. Рикёра, метафорические значения представляют собой намеренную категориальную ошибку [4]. Как отмечал Л. Ковач в своём труде, посвящённом метафорам, «... языковая и социальная реальность определяется метафорами или даже формируется ими. Другими словами, они представляют собой общие культурные инструменты понимания, представляющие собой универсальную деятельность, связанную с общим мировоззрением людей. Внешний мир воспринимается и структурируется преимущественно посредством метафор, то есть связи между переживаниями фиксируются посредством метафор» [5].

Для рассмотрения периферии СП обратимся к анализу направлений метафорических переносов с участием имени поля, позволяющих выявить такие стороны исследуемого понятия, которые отсутствуют в определениях толковых словарей, но при этом отображают картину их реального функционирования в различных типах дискурса. Метафоры, принимая участие в построении периферийной области исследуемого СП, представляют особый интерес для исследования культурной специфики СП, поскольку особенности метафорообразования обусловлены национальными, культурными, историческими особенностями каждого из языковых коллективов.

Используя метод сплошной выборки, мы извлекли из русских и белорусских контекстов 397 метафор и сравнений с компонентом *семья* и 254 метафоры с компонентом *сям'я*.

Наиболее актуальными для русского и белорусского языков являются антропометафоры (41,3% — 164 / 44,1% — 112); (29,2% — 116 / 16,1% — 41) составляют артефактные метафоры; (21,7% — 86 / 32,5% — 83) метафор соотносится со сферой-донором *абстрактные понятия*. Для русских и белорусов метафоры абстракции (21,7% — 86 / 32,5% — 83) достаточно частотны. Доля остальных метафор незначительна, составляет менее 10%. В русском языке преобладают антропоморфные, артефактные и абстрактные метафоры, в белорусском — антропоморфные и абстрактные.

Особенно частотными метафорическими моделями, формирующими периферию СП, являются: *семья-человек*, *артефакт*, *ценность*; для русского языка характерны модели *семья-учитель*, *школа*, *дом*, *ценность*; для белорусского: *семья-учитель*, *школа*, *ценность*.

Антропоморфная метафора составляет наиболее многочисленную группу в силу того, что, познавая окружающий мир, человек с древнейших времен

соотносит его, прежде всего, с самим собой. Данный тип метафоры представлен в СП в разнообразии сравнений и ассоциаций, связанных с человеком. Через призму метафорической модели *живое существо* семья интерпретируется как организм: *единый биологический и психологический организм / живы арганізм; части тела: глава семьи / галава сям'і; этапы жизнедеятельности: умирание семьи, рождение семьи / нараджэнне новай сям'і, станаўленне маладой сям'і; одушевлённый объект воздействия, то есть семью можно содержать, кормить, защищать / забяспечваць, «абшываць», падтрымліваць.*

При анализе модели *семья–человек* отмечено доминирование метафор с положительной коннотацией: *независимый агент воспитания детей / носьбіт культурных каштоўнасцей.* Ср.: *Семья предоставляет человеку наибольшие возможности для его всестороннего развития, помогает включению в нормы и механизмы повседневной жизни, оказывает влияние на отношение к людям, на усвоение базовых ценностей, образцов поведения и деятельности* («Учитель»). Необходимо особо отметить, что в русском и белорусском языках незначительное количество метафор соответствует модели *семья–отрицательный человек*: *неблагополучная семья / нядбайная сям'я.* В целом, семье в метафорическом переосмыслении присущи неоднородные семантические признаки: *Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания* («Учитель»).

Являясь сферой-источником, сфера живого в широком смысле (живое существо, человек) обуславливает возникновение метафорических образов, характеризующих семью с медицинской точки зрения. Морбиальные метафоры (образы, связанные с болезнями и их лечением) акцентируют семантику неблагополучия современной семьи, сигнализируют о кризисном состоянии древнейшего института человеческого общества: *пограничное состояние семьи; начало заболевания семьи; социальные болезни семьи / псіхалагічная рэабілітацыя сям'і; здароўе сям'і; «хворая» сям'я.* Ср.: *За тое, што ў многіх сучасных сем'ях пакутуюць ад гвалту, увогуле за «хваробы» сям'і — нясе адказнасць мужчына* («Рэспубліка»).

К метафорической модели *семья–человек* относится группа метафор, обращённых к социальному аспекту человеческой деятельности. В русском и белорусском языках частотно восприятие семьи как *наставника, воспитателя, «домашней академии» / школы жыцця, школы працы, захавальніцы чалавечых каштоўнасцей.* Ср.: *Тут мы, аднойчы з'явіўшыся на свет, робім свае першыя крокі і бяром першыя ўрокі жыцця* («СБ. Беларусь сегодня»). Именно она воспитывает, даёт представление об окружающем мире, учит строить отношения с людьми / *вучыць любові, вучыць ахвярнасці, закладвае асновы светапогляду.* Ср.: *Главный учитель — семья* («Учительская газета»). *Замечательный образец традиционного образования — семья. Учеба здесь не утомляет, потому что никакой*

разницы между уроком и жизнью нет («Учительская газета»). *Дзе пачынаецца выхаванне? Яно пачынаецца ў сям'і* («Настаўніцкая газета»). Анализ антропоморфной модели метафоризации показал, что понятийная область *человек* является типичным источником метафорического переноса в русском, белорусском и немецком языках. Подобное родство моделей вполне логично и объяснимо, поскольку метафоры, семантически связанные с человеком, уходят корнями в древность.

Социальная модель образована такими концептуальными метафорами, как *милитарная и экономическая метафоры, метафоры спорта.*

Многочисленные проблемы современной семьи образно моделируются посредством милитарных метафор. Особенность метафор, возникших на базе понятийной сферы *война*, состоит в том, что они называют процессы и явления, имеющие преимущественно отрицательный статус и значение. Через призму данных метафор семья осмысливается как *поле битвы; враг; конфликты; ссоры / семейные спрэчки; лаянкі; поле битвы; варожае каманда; сацыяльна небяспечная «ячэйка грамадства»; палігон для разладу; шлюбны фронт.* Ср.: *Поле битвы — семья* («СБ. Беларусь сегодня»). Существование «ячейки общества» в мышлении современного человека связывается с военными действиями: *вторжение в семью, система уничтожения семьи, вмешательство в жизнь семьи.* Сама семья, в которую можно нести агрессию, воспринимается как *жертва, слабое звено, ей можно объявить войну, против нее можно усиливать атаки.* Следует отметить, что ряд метафор, образованных на базе данной модели, несёт позитивную семантическую нагрузку, несмотря на употребление так называемой военной лексики. Например, метафорические образы *эмоциональный тыл / надзейны тыл* актуализируют смыслы защищённости, надёжности, уверенности. Ср.: *Ведь семья для многих из нас становится надёжным тылом, тихой гаванью, где тебя всегда любят и ждут* («СБ. Беларусь сегодня»).

В рамках экономической метафоры продуктивна модель *семья–работа.* Семья рассматривается как *работа; труд; вариант карьеры; контракт на время; великое дело / праца; працяглы праект, пабудаваны на ўзаемнай павазе; сур'ёзны праект.* Ср.: *Сям'я ўсё ж — гэта штодзённая праца дваіх людзей...* («Настаўніцкая газета»).

Распространённая в современном обществе тенденция более позднего вступления в брак приближает Россию и Беларусь к западноевропейской модели семьи, для которой свойственно восприятие семьи в одном измерении с работой и карьерой. Ср.: *О замужестве, семье, конечно, заходила речь, но в ряду привычных ценностей — работа, зарплата, жизненные блага–семья рассматривалась как один из вариантов карьеры* («Учительская газета»). Источник метафорической экспансии *экономика* обуславливает выбор специфической лексики для характеристики современных семейных реалий: *сям'я па найме; дэпрыватызацыя сям'і; працоўная дамова; планаванне сям'і.*

В русском и белорусском языках выявлены модели метафор, соотносящиеся с другими сферами общественной жизни. Модель *семья–спорт* актуализирует разноплановые прагматические смыслы. С одной стороны, семья в рамках данной метафорической модели воспринимается как общность, объединённая устремлениями к единой цели, как организованная группировка. Ср.: *Сям'я — каманда творчая* («СБ. Беларусь сегодня»). *3 гэтага часу яны — моцная каманда* («Рэспубліка»). С другой стороны, метафорические спортивные образы актуализируют мотивы борьбы, состязания, противоборства: *лидер в семье; борьба за лидерство в семье / лідарства; першыинства ў сям'і*. Ср.: *...семья — это постоянное одиночество, борьба за собственные интересы* («Учитель»). Прагматические смыслы, формируемые метафорами данной группы в белорусском языке, основываются также на эмоциональных мотивах риска, азарта, присущих данной сфере метафорической экспансии. Ср.: *Увесь вечар мы правялі ва ўзаемных спаборніцтвах, хто каго лепш «зачэпіць»* («Народная газета»).

В публицистических контекстах в белорусском языке используется преимущественно негативный потенциал метафорической модели *семья–спорт*: *сям'я без правілаў, сям'я — «мячык для пінг-понга»* Ср.: *Але яшчэ больш сумна, што сямейныя сваркі пераходзяць на другі «віток» — пацярпелыя бацькі пачынаюць «адыгрывацца» на дзецях* («Беларускі час»). В русском языке метафоры спорта с негативной нагрузкой единичны, семья оценивается положительно и выступает в качестве стартовой площадки, которая определяет жизненный маршрут человека либо дружной команды.

Артефактная метафора реализуется с помощью метафор дома, с использованием терминов строительства или разрушения. Дом — это характерный для славянской культуры источник метафорической экспансии. Данная понятийная сфера имеет высокий эмоциональный потенциал, поскольку понятия: *семейный очаг, семейное гнездо / сямейны ачаг, сямейнае гняздо* актуализируют семы *защищенность, уют, тепло* и обладают преимущественно положительным статусом и значением. Процесс создания семьи подобен строительству дома: *строить семью / будаваць сям'ю на цаглінках*. Традиционным считается метафорическое представление семьи как *дома, крепости, убежища / прытулка*. Ср.: *Сям'я — гэта прытулак для чалавека, дзе ён можа знайсці спакой* («Беларускі час»). Эта метафора позволяет объединить понятие *семья / сям'я* с такими терминами, как *фундамент, базис, опора / аснова*. Ср.: *Было установлено, что любовь является основным параметром построения семейных отношений и фундаментом семьи* («Учитель»). Кризисное состояние современной семьи сравнивается с разрушением старого, гнилого, рушащегося здания: *разрушение семьи, семья разваливается, «полуразрушенное состояние» семьи, «сломать» семью / разбураэнне сям'і*. Ср.: *Опаснее войны — разрушение семьи* («Российская газета»). Метафорическая модель

семья–дом наиболее продуктивна в русском языке, в белорусских контекстах употребляется реже. Единичными в белорусском языке являются метафорические употребления с характеристикой *разрушение дома*. Ср.: *Их сямейны саюз і да гэтага займеў трэшчыну, таму яны вырашылі ўзяць развод* («Рэспубліка»).

Понятие *семья* часто рассматривается в совокупности с понятиями *пространство и время*, двумя фундаментальными категориями философии. В немецком и русском языках семантическое наполнение метафор модели *семья — пространство* в основном совпадает: *первичная среда формирования личности; естественная среда обитания; образовательное пространство; воспитательно-образовательная микросреда; основная жизненная сфера*. Ср.: *Семья — естественная среда обитания ребенка, где закладываются предпосылки, обеспечивающие естественное течение развития духовно и физически здорового человека, его самораскрытия* («Учитель»). В белорусском языке употребление данной группы метафор является ограниченным: *месца; педагагічная прастора; месца, куды хочацца вяртацца; адзінае месца, дзе паўнацэнна выхоўваецца чалавек*.

Метафорическая модель *семья–время* репрезентирует отличительную черту современных внутрисемейных отношений — их кратковременность. Например, некоторыми молодыми людьми семья, брак рассматриваются как *союз на время; краткосрочная семья; кратковременный союз / кароткачасовы шлюб*. Ср.: *В массовое сознание вживляется гедонистический образ кратковременной семьи, не предназначенной стать гнездом, родным домом, где растут дети* («Российская газета»).

При метафорической характеристике семьи с помощью понятия *система* актуализируются следующие смыслы: структурированность, многофункциональность, взаимозависимость. Подобно любым сложноорганизованным структурам семья является системой; она объединяет супругов, родителей, детей, родственников и т.д. Данная метафорическая модель реализуется в следующих словосочетаниях: *самообучающаяся система; структурный элемент; часть жизненной стратегии; первичный социальный элемент / адзінае цэлае; асноўны элемент грамадства*. Ср.: *Переломным моментом в развитии науки о семье было возникновение представления о ней как о системе...* («Учитель»). Функции и структура семьи могут меняться в зависимости от этапов её жизнедеятельности. Ср.: *Семья — не статичное образование, с течением времени она развивается* («Учитель»). Семья, будучи сложной многоуровневой системой межличностных отношений, естественно подвержена *конфронтациям* («Учитель»). Семья как система обладает относительной устойчивостью. Ср.: *Такім чынам, этналагічнае даследаванне сям'і і сямейных адносін беларусаў у перыяд апошняй трэці 20 — пачатку 21 стагоддзя паказвае, што ў сям'і назіраюцца змяненні, якія закранулі ўсю сістэму сямейных адносін,*

аднак разбурэнняў, карэнных перамен не адбылося... («Выхаванне і дадатковая адукацыя»).

Ряд метафор связывает семью с абстрактными понятиями: сложный феномен; совместное творчество; ценность; величайшее благо; самое дорогое; святое / нязменная і самая галоўная жыццёвая каштоўнасць; сэнс жыцця; ішчасце; гонар; мара; узор любові і вернасці. Как видно из примеров, чаще всего актуализируются положительные оценки, среди которых доминирующую позицию занимает осмысление семьи как ценности. Ср.: *Семья есть величайшая ценность, созданная человечеством за всю историю своего существования* («Учительская газета»). *Нам кажется примечательным тот факт, что согласно опросам, проведённым в подростковой среде, первое место на шкале значимых ценностей занимает хорошее здоровье, а второе уверенно занимает счастливая семья...* («Учительская газета»). Следует особо отметить, что в русском и белорусском языках в основе метафорических словоупотреблений данной сферы негативно окрашенные образы единичны: *обуза, преграда / перашкода для паўнаватаснай кар’еры*. Наибольшей продуктивностью в данной метафорической группе в русском и белорусском языках характеризуется модель *семья–ценность*.

В ходе проведенного нами анализа метафорических моделей, формирующих периферийную область СП, было выявлено, что в публицистических контекстах представлено большое количество оригинальных метафор: *кристалл; цветок, матрица зрелости; повозка, которую тянут двое; монолитный кулак; бриллиантовое кольцо; якорь; парус; домашняя академия; спасительная гавань / цудоўны паруснік мары, надзей і ішчаслівай будучыні; падарунак, які трэба заслужыць карпатлівай, ішходзённай працай; крохкі сасуд; маленькая армия; карabela, які плыве ў сонечную гавань* и др. Метафоры, вычлененные из педагогических текстов, менее образны.

Также в ходе анализа было установлено, что метафоры *сети, механизма, природы, театра*, частотные, например, для немецкого языка, являются единичными в русском и белорусском языках: *родственная сеть; «сломать» семью* и др.

Поскольку, по образному выражению М. Блэка, «метафора — это верхушка затопленной модели», мы выявили не столько сами модели, сколько механизмы метафоризации, то есть как из «буквального» понятия за счёт сопутствующих ему ассоциаций и когнитивной обработки появляется новое. Ср.: *Семья предоставляет человеку наибольшие возможности для его всестороннего развития* (возникает метафора *семья развивает*); *Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания* (возникает метафора *семья воспитывает*) и т.д.

Концептуальная метафора проходит через стадию образного подобия. Таким образом, механизмы метафоризации служили для нас своего рода полигоном, на котором испытывается когнитивная деятельность

человека, его способность понимать те или иные выражения. Поэтому в основе метафор *умирание семьи, рождение семьи* лежит антропоморфная метафора (подобно человеку), а метафоры *обновление семьи, расцвет семьи* можно рассмотреть как системные метафоры, поскольку система способна изменяться; можно рассматривать их и как биологические (подобно растению), поскольку метафора участвует в создании индивидуально-авторского видения мира, то есть отличается известной субъективностью.

Заключение. Сопоставление метафор, репрезентирующих семейную сферу человека, в русском и белорусском языках показывает, что метафорические обозначения различных аспектов семейной жизни имеют много общего в обоих языках, а также характеризуются рядом специфических черт, обусловленных рядом лингвистическими и этнокультурными факторами. Общим в русском и белорусском языках является персонификация семьи и осмысление её как ценности, специфичным — меньшая продуктивность антропоморфных метафор в русском языке.

Проведённый нами анализ метафорических словоупотреблений, формирующих периферию СП, показал, что лингвоаксиологический феномен *семья* в наибольшей степени связан с человеком, его деятельностью в различных сферах жизни, окружающими предметами, абстрактными понятиями. Периферия СП представлена потенциалом семантической трансформации языковых единиц в метафорических употреблениях, является открытым пространством, связывающим СП с различными понятийными областями. Для русского и белорусского языков продуктивны преимущественно переносы *семья–человек, дом, ценность*. Таким образом, выявлены такие стороны исследуемого понятия, которые отсутствуют в определениях толковых словарей, но при этом отображают актуальное осмысление семьи в различных типах дискурса.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая рос. энцикл., 2002. — С. 296.
2. Дружина, Н.Л. Семантическое поле «семья» как способ организации языкового опыта (на материале немецкого языка) / Н.Л. Дружина // Организационная психоллингвистика. — 2021. — № 4(16). — С. 133 — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/34052> (дата обращения: 17.09.2025).
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: УРСС, 2004. — С. 27.
4. Рикёр, П. Теория метафоры / П. Рикёр. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
5. Kovacs, L. Medizin — Macht — Metaphern. Sprachbilder in der Humangenetik und ethische Konsequenzen ihrer Verwendung / L. Kovacs. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. — S. 38.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Лингвопрагматические особенности газетного заголовка (на материале белорусских региональных печатных СМИ)

Алимпиева Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Исследование языковой и прагматической составляющих газетного заголовка входит в сферу интересов различных научных парадигм и наиболее перспективных направлений современного языкознания, что обусловило актуальность настоящей работы.

Цель статьи — установить состав синтаксических, пунктуационных и лексико-стилистических средств создания газетных заголовков в белорусских региональных печатных СМИ, выявить их коммуникативно-прагматический потенциал.

Материал и методы. Исследование проведено на материале 285 русскоязычных заголовков, полученных в результате сплошной выборки из 13 четверговых номеров за июнь–август 2025 г. печатной версии городской газеты «Віцебчы», представляющей собой еженедельное издание с наибольшим тиражом среди печатных СМИ витебского региона. В ходе исследования применялись общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, метод сплошной выборки, описательный метод, приёмы классификации и систематизации материала, методы структурно-семантического, функционально-синтаксического, прагматического и интертекстуального анализа, элементы количественного метода.

Результаты и их обсуждение. Коммуникативно-прагматический потенциал заголовков статей белорусских региональных печатных СМИ заключается в их способности привлекать внимание читателя, кратко передавать суть статьи и устанавливать связь между автором и аудиторией, что достигается посредством использования комплекса синтаксических конструкций (простые и сложные предложения разных типов, словосочетания, деепричастные обороты), средств экспрессивной пунктуации (тире, восклицательный знак, кавычки, двоеточие, многоточие) и ряда стилистических приёмов (метафора, эпитет, включение прецедентных текстов и др.).

Заключение. Таким образом, газетный заголовок белорусских региональных печатных СМИ представляет собой коммуникативное сообщение, отбор и организация средств создания которого обусловлены типологическими особенностями исследуемого языка, индивидуальными особенностями языковых личностей автора и адресата, спецификой сферы коммуникации, целью и ожидаемым результатом коммуникативного воздействия, а также другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, лингвопрагматика, публицистический дискурс, газетный заголовок, языковые средства, акт коммуникации.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 90–95)

Linguopragmatic Features of the Newspaper Headline (Based on the Materials of Belarusian Regional Print Media)

Alimpiyeva E.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The study of the linguistic and pragmatic components of newspaper headlines falls within the purview of various scientific paradigms and the most promising areas of modern linguistics, which determines the relevance of this study.

The purpose of the article is to establish the syntactic, punctuation, and stylistic means used in the creation of newspaper headlines in Belarusian regional print media and to identify their communicative and pragmatic potential.

Material and methods. The study is carried out on the practical material of the 285 Russian-language headlines obtained as a result of a continuous sample of 13 Thursday issues for June–August 2025 of the printed version of the City newspaper “Vitsbichy”, which is a weekly publication with the largest circulation among print media in Vitebsk Region. The main methods of the research are

observation, comparison, analysis and synthesis, the continuous sampling method, the descriptive method and methods of classification and systematization of material, methods of structural-semantic, functional-syntactic, pragmalinguistic and intertextual analysis, elements of the quantitative method.

Findings and their discussion. The communicative and pragmatic potential of article headlines in Belarusian regional print media lies in their ability to attract the reader's attention, briefly convey the essence of the article, and establish a connection between the author and the audience. This is achieved through the use of a complex of syntactic constructions (simple and complex sentences of various types, phrases, adverbial participial phrases), expressive punctuation (dashes, exclamation marks, quotation marks, colons, ellipses), and a number of lexical and stylistic means (metaphors, epithets, inclusion of precedent texts, etc.).

Conclusion. Thus, the newspaper headline of the Belarusian regional print media represents a communicative message, the selection and organization of the means of creation of which are determined by the typological features of the language being studied, the individual characteristics of the linguistic personalities of the author and the addressee, the specifics of the communication sphere, the purpose and expected result of the communicative impact, as well as other linguistic and extralinguistic factors.

Key words: communicative stylistics, linguopragmatics, journalistic discourse, newspaper headline, linguistic means, act of communication.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 90–95)

На современном этапе развития цивилизации, характеризующемся информатизацией и цифровой глобализацией, язык газетных новостей является не только эффективным инструментом информирования, распространения разного рода знаний, формирования идеологии и общественного мнения, но и значимой частью общей языковой системы, эффективно влияющей на речевое поведение общества.

Своего рода «смысловым вектором» при этом выступает газетный заголовок, представляющий собой набор ключевых слов, которые, создавая диалог между автором, текстом и читателем, аккумулируют суть транслируемой идеи, активизируют эмоциональный компонент и пробуждают интерес к представленному материалу.

Газетный заголовок неоднократно становился объектом рассмотрения учёных, занимающихся научными изысканиями в области социологии, медиалингвистики, журналистики, теории коммуникации и др. С позиций лингвистики в последние десятилетия на материале разных языков исследовались структура и семантика (В.Г. Адмони, Е.А. Земская, А.А. Лютая, М.Ю. Доценко, С.С. Хороненко, Е.П. Черногрудова и др.), стилистика (И.В. Арнольд, М.Ю. Новикова, О.Г. Сальникова, Г.Я. Солганик и др.), прагматика (А.Н. Агапова, О.Г. Винокур, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Ю.В. Пешкова, А.С. Попов, А.В. Фатина и др.) заголовков, а также особенности их перевода (Т.В. Васильева, Ю.В. Верещинская, А.Ю. Исаева, М.А. Орёл, А.С. Подчасов, М.Н. Садовникова и др.).

В настоящем исследовании предпринята попытка изучить газетный заголовок сквозь призму прагмалингвистики (Н.Д. Арутюнова, В.В. Дементьев, Б.Ю. Норман, Е.В. Падучева и др.) и коммуникативной стилистики (И.П. Зайцева, Н.И. Клушина, В.И. Коньков, Г.Я. Солганик и др.) — наиболее перспективных направлений современного языкознания.

Данный подход позволяет рассматривать заголовочные конструкции, с одной стороны, как форму коммуникации — «речевое произведение адресанта, направленное к адресату» [1], с другой — как

объективацию идиостиля автора, сознательно осуществляющего выбор и использование разноуровневых языковых средств в зависимости от прагматической установки текста и речемыслительной активности целевой аудитории.

Актуальность избранной нами темы обусловлена, во-первых, включённостью исследования в контекст приоритетных направлений антропоцентрической парадигмы лингвистики, во-вторых, ключевой ролью газетных заголовков в формировании эффективности воздействия публицистического текста, что позволяет выявить основные тенденции публицистического стиля и языка в целом, а также проследить, как печатные СМИ регулируют речевое поведение общества и формируют его мнение.

Цель статьи — установить состав синтаксических, пунктуационных и лексико-стилистических средств создания газетных заголовков в белорусских региональных печатных СМИ, выявить их коммуникативно-прагматический потенциал.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили заголовки статей, полученные в результате сплошной выборки из 13 четверговых номеров (№ 60, 63, 66, 69, 72, 74, 77, 80, 83, 86, 89, 92, 95 за июнь — август 2025 г.) первой в истории Витебска городской газеты «Віцьбічы», представляющей собой еженедельное издание с наибольшим тиражом среди печатных СМИ витебского региона. В совокупности отобрано и проанализировано 285 русскоязычных заголовков.

В ходе исследования применялись общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых метод сплошной выборки, описательный метод и приёмы классификации и систематизации материала, методы структурно-семантического, функционально-синтаксического, прагмалингвистического анализа, интертекстуальный анализ, позволяющий установить ассоциативную связь газетного заголовка с прецедентным феноменом, элементы количественного метода.

Результаты и их обсуждение. Пресса как часть средств массовой информации играет ключевую роль

в формировании общественного мнения, распространении информации, контроле за властью, а также в развитии и сохранении культуры гражданского общества. Пресса не только информирует, но и анализирует события, способствует дискуссиям и помогает людям ориентироваться в сложном информационном потоке.

Газетные тексты являются одним из основных источников информации о современном состоянии языка. В них быстро отражаются и фиксируются языковые изменения, нововведения и особенности речеупотребления, что делает их богатым источником материала для лингвистов, изучающих язык в его динамике.

Несмотря на общемировую тенденцию к снижению популярности печатных СМИ и созданию цифровых изданий, востребованность печатной прессы у белорусской аудитории — особенно у представителей старшего поколения — по-прежнему высока благодаря возможности удобного чтения и тактильного контакта с информацией.

Согласно данным Института социологии НАН Беларуси, «с той или иной степенью регулярности газеты и журналы читают 84% населения. Ежедневно к печатным СМИ обращается почти каждый пятый белорус (17,8%), несколько раз в неделю — почти каждый третий (28,2%). По подписке республиканские и местные периодические издания получает чуть меньше половины населения (49,5%)» [2]. Несмотря на доминирование общенациональных изданий, «более половины респондентов (57,3%) читает местные газеты и журналы», освещающие события, актуальные для конкретного региона, что свидетельствует о сохраняющемся интересе к локальной информации.

Региональная газета «Віцьбічы», учредителем которой является Витебский городской исполнительный комитет, выходит с марта 1991 года. «Віцьбічы» являются еженедельным изданием «с наибольшим тиражом среди печатных СМИ витебского региона» [3], что обусловило выбор данного периодического издания в качестве источника фактического материала исследования.

В зависимости от тематического наполнения рубрик на страницах газеты представлены мировые и республиканские новости, включая деятельность Главы государства, правительства, а также события областного и городского масштаба. Внимание уделяется также сохранению исторической памяти и национальной идентичности, патриотическому воспитанию подрастающего поколения, профилактике правонарушений, популяризации здорового образа жизни. Широко освещаются темы культуры и искусства, история фестивального движения Витебска и др.

Таким образом, газета «Віцьбічы» представляет собой коммуникативное пространство, демонстрирующее основные признаки традиционной газетной коммуникации: одностороннюю связь, где информация движется от источника к аудитории, периодичность, многоаспектность, массовость и общедоступность

контента, а также опосредованность и организованный характер общения через печатные СМИ.

Как известно, основообразующим элементом газетной статьи является ее заголовок, который в соответствии с современными тенденциями коммуникации становится не просто индикатором темы текста, но и инструментом для передачи скрытого смысла, раскрытия авторской позиции, формирования интереса и оказания воздействия на аудиторию, т.е. обладает богатым прагматическим потенциалом — «способностью производить эмоциональный коммуникативный эффект, вызывать прагматические отношения к сообщаемой информации, оказывать прагматическое воздействие на реципиента» [4].

Следовательно, в настоящем исследовании газетный заголовок, вслед за А.Ю. Исаевой, мы рассматриваем как «эмоционально-экспрессивную единицу текста, обладающую богатым прагматическим потенциалом» [5].

В результате проведенного анализа отобранных нами 285 заголовков русскоязычных статей многополосных четверговых номеров газеты «Віцьбічы» установлено, что их прагматический потенциал реализуется комплексом взаимодействующих синтаксических, пунктуационных и лексико-стилистических средств, демонстрирующих определенную специфику.

Систематизация фактического материала, осуществленная на основе анализа внутреннего строения и способов соединения слов, позволила нам распределить отобранные заголовочные конструкции на 2 большие группы:

1. *Номинативные (безглагольные) заголовки* (61%).
2. *Предикативные (глагольные) заголовки* (39%).

1. В группе *номинативных (безглагольных) заголовков* нами выделены следующие *синтаксические типы* конструкций:

1) заголовки-словосочетания (беспредложные и предложные) (56%): *Счастливая случайность* (№ 69, 26.06.2025), *Ощутимая помощь* (№ 80, 24.07.2025), *Хозяйка двора* (№ 89, 14.08.2025), *Лето больших надежд* (№ 89, 14.08.2025), *Об опасности электричества* (№ 77, 17.07.2025), *Новые возможности для безработных* (№ 77, 17.07.2025), *До каждого зернышка* (№ 95, 28.08.2025) и др.;

2) заголовки-предложения (одно- и двусоставные, нераспространённые и распространённые, осложнённые и неосложнённые, эллиптические, придающие динамизм и фрагментарность, делая высказывание более ёмким и экспрессивным) (39%): *Ночь, поле, уборочная...* (№ 86, 07.08.2025), *Здесь дух национального просвещения* (№ 95, 28.08.2025), *Форум. Детали* (№ 86, 07.08.2025), *Армия — это престижно* (№ 92, 21.08.2025), *Абитуриенты, выбор за вами!* (№ 63, 12.06.2025), *Внимание — школе* (№ 83, 31.07.2025) и др.;

3) двучастные бессоюзные конструкции с двоеточием (3%), в которых первая часть обозначает тему, понятие или явление, вторая — даёт более подробное

объяснение, уточняет или описывает его: *Формула успеха: мастерство учителя и талант ученика* (№ 69, 26.06.2025), *Сараи в городе: необходимость или анахронизм?* (№ 77, 17.07.2025) и др.;

4) парцелированные предложения-заголовки, позволяющие выделить ключевую мысль, заключающуюся, как правило, в последней обособленной части, что придаёт тексту отрывистость и интригу, а также расставляет смысловые акценты (2%): *В суд из-за невежества. Или иллюзий...* (№ 77, 17.07.2025), *Любовь к меньшим братьям. И ответственность...* (№ 83, 31.07.2025) и др.

Как видно из приведённых примеров, номинативные заголовки, представляющие собой преимущественно словосочетания двух существительных или существительного с прилагательным и неполные предложения, позволяют создать краткий, но ёмкий заголовок, эффективно информирующий и привлекающий целевую аудиторию.

2. Группу предикативных (глагольных) заголовков в исследуемом материале формируют:

1) двусоставные предложения-заголовки (нераспространённые и распространённые, осложнённые) (41%): *Сотрудничество крепнет* (№ 60, 05.06.2025), *Номер самолёта раскроет ещё одну тайну войны* (№ 89, 14.08.2025), *От пени до выселения: что грозит за неоплату жилищно-коммунальных услуг* (№ 95, 28.08.2025) и др.;

2) односоставные предложения-заголовки (неопределённо-личные, определённо-личные, обобщённо-личные, нераспространённые и распространённые), как правило, обладающие смысловой завершённостью и лаконично выражающие мысль (36%): *Отсоседили* (№ 92, 21.08.2025), *Путешествуй с вдохновением* (№ 60, 05.06.2025), *Лишних рук в поле не бывает* (№ 92, 21.08.2025) и др.;

3) заголовки-предложения с прямой речью (8%): *Александр Лукашенко: «Никакой идеологии без кино быть не может»* (№ 63, 12.06.2025), *Александр Лукашенко: «Чтобы что-то иметь, надо погорбатиться»* (№ 66, 19.06.2025) и др.;

4) сложноподчинённые предложения-заголовки (полные и неполные (с усечённой главной частью)) (7%): *Кто ищет, тот всегда найдёт* (№ 69, 26.06.2025), *Там, где мы живём* (№ 80, 24.07.2025), *Профессии, о которых не говорят* (№ 83, 31.07.2025) и др.;

5) заголовки-деепричастные обороты (5%): *Объединяя сердца, страны, континенты* (№ 74, 10.07.2025), *Выбирая здоровье* (№ 60, 05.06.2025) и др.;

6) сложносочинённые предложения-заголовки (2%): *Глаза боятся, а руки делают* (№ 86, 07.08.2025) и др.;

7) бессоюзные сложные предложения-заголовки (1%): *Я в рабочие пойду — пусть меня научат!* (№ 77, 17.07.2025).

Выявлено, что в более чем половине (54%) отобранных предикативных заголовков глагол функци-

онирует в личной форме изъявительного наклонения настоящего (34%), прошедшего (11%) либо будущего (9%) времени, что способствует повышению их информативности, динамичности и/или актуальности.

Отметим, что в 25% случаев отобранные заголовки представляют собой инфинитивные предложения с неличной формой глагола в качестве главного члена, выполняющего функцию регулирования отношений между адресантом и адресатом. Данный факт можно объяснить тем, что инфинитив является «важной в прагматическом отношении глагольной формой хотя бы потому, что он способен выражать приказание и в этой сфере конкурирует с формами повелительного наклонения. <...> Кроме этого, неопределённая форма глагола участвует в выражении и других интенций, в том числе алетической модальности (возможно — невозможно), деонтической (должно иметь место — запрещено) и др.» [6]: *Помнить о мучениках* (№ 77, 17.07.2025), *Сделать туризм национальным проектом* (№ 92, 21.08.2025), *Уберечь от наркозависимости* (№ 92, 21.08.2025), *Уметь дарить радость* (№ 92, 21.08.2025), *Некогда скучать!* (№ 83, 31.07.2025), *И мёда отведавать, и здоровье укрепить* (14.08.2025) и др.

По типу представляемой коммуникативной ситуации отобранные номинативные и предикативные заголовки классифицированы нами следующим образом:

1) повествовательно-констатирующие заголовки (81%), обозначающие тему либо главный вывод из текста статьи через простое повествование или констатацию: *Капремонт идет по плану* (№ 63, 12.06.2025), *Главная тема — здоровье населения* (№ 83, 31.07.2025), *Молодёжь подставляет плечо* (№ 89, 14.08.2025) и др.;

2) заголовки-обращения (7%), выполняющие, в первую очередь, контактоустанавливающую функцию: *Не мечтайте. Поступайте!* (№ 77, 17.07.2025), *Благоустроим родительский дом* (№ 60, 05.06.2025), *С новосельем, аграрии!* (№ 80, 24.07.2025), *Будь смелее, журналист!* (№ 92, 21.08.2025) и др.;

3) восклицательно-побудительные заголовки (6%), обладающие сильной эмоциональной интонацией, требующей постановки восклицательного знака, что усиливает эффект обращения к читателю и побуждает к активному действию: *Фокус на ваше зрение!* (№ 86, 07.08.2025), *Летний труд будет крут!* (№ 60, 05.06.2025), *Пусть живут среди нас валюшки* (фигурки сказочных жителей Витебска, в образе которых обязательно присутствует василёк. — Е.А.)! (№ 95, 28.08.2025) и др.;

4) вопросительные заголовки разных типов (общий, специальный, альтернативный, риторический вопрос), интригующие читателя, выражающие отношения автора к описываемому факту и предлагающие присоединиться к авторской оценке (5%): *Пойдём копать картошку?* (№ 95, 28.08.2025), *В чём секрет счастливого супружества?* (№ 83, 31.07.2025),

Получать или оспаривать? (№ 60, 05.06.2025), *Разве можно забыть детство?* (№ 66, 19.06.2025) и др.;

5) вопросно-ответные заголовочные конструкции (менее 1%), формирующие диалогические отношения, что способствует повышению релевантности представляемого в статье материала и эффективности привлечения читательской аудитории: *Нужно решить жилищный вопрос? Беларусбанк знает, как это сделать* (№ 89, 14.08.2025).

Анализ пунктуационной составляющей показал, что в 60% случаев отобранные газетные заголовки не содержат каких-либо знаков экспрессивной пунктуации. Из знаков препинания, обладающих прагматическим потенциалом, в анализируемом материале отдельно либо в комбинации друг с другом представлены:

1) тире (12%), не только позволяющее сократить заголовки, опуская глагол-связку, но и создающее смысловой контраст, что придаёт заголовку динамику и усиливает его воздействие на читателя, а при употреблении в конце заголовка — транслирует отношение автора к описываемой проблеме: *В спасатели — по стопам отца* (№ 83, 31.07.2025), *Второй жизни отходов — быть!* (№ 95, 28.08.2025) и др.;

2) восклицательный знак (10%), усиливающий эмоциональное воздействие и передачу императивности: *К фестивалю готовы!* (№ 66, 19.06.2025), *Дойти до каждого!* (№ 74, 10.07.2025) и др.;

3) кавычки (8%) для выделения слова или фразы, которая используется в ироническом или переносном смысле и/или несёт особую смысловую нагрузку, привлекая внимание читателя к определённой части сообщения. При этом отметим, что в большинстве случаев скрытый, имплицитный смысл слова, взятого в кавычки в газетном заголовке, становится ясен только после прочтения самой статьи, что должно вызвать любопытство у читателя: *«Земельная амнистия»* (о предоставлении права гражданам оформить документы на самовольно занятые земельные участки. — Е.А.) *в стране продолжается* (№ 60, 05.06.2025), *Про «мокрую» кляузу* (о жалобе о плохом состоянии водопроводных труб. — Е.А.) *и разоблачение* (№ 89, 14.08.2025), *Не будите спящего «медведя»* (о победе хоккейного клуба «Витебск», талисманом которого является медведь. — Е.А.) (№ 92, 21.08.2025) и др.;

4) двоеточие (7%), прагматическая функция которого в газетном заголовке состоит в сегментации фразы, создании чёткого интонационного и смыслового деления, где первая часть заголовка задаёт общую тему, а вторая её уточняет или расширяет, стимулируя тем самым интерес реципиента: *День города: размах и сюрпризы* (№ 66, 19.06.2025), *Криптовалюты: вызов принят* (№ 89, 14.08.2025) и др. Кроме того, двоеточие используется для ссылки на ресурсы с высокой репутацией, предоставляющие точную и достоверную информацию, основанную на мнении государственных деятелей, экспертов или официальных данных: *Александр Лукашенко: «Белорусские*

учёные должны дальше заглядывать за горизонт» (№ 86, 07.08.2025) и др.;

5) многоточие (3%), побуждающее к дальнейшему чтению, создающее интригу путём намека на продолжение мысли, умалчивания или обозначения незавершённости повествования, что делает читателя более заинтересованным в раскрытии сути заголовка, побуждает к размышлению: *Оратории, симфонии-кантаты, концерты...* (№ 69, 26.06.2025), *Вот пуля пролетела...* (№ 89, 14.08.2025) и др.

Приведённые выше примеры показывают, что знаки экспрессивной пунктуации выступают в газетных заголовках как дополнительный канал связи между коммуникантами, усиливая эмоциональную составляющую текста и передавая интонацию, логические ударения и паузы, и следовательно, используются не только для смысловой структуризации текста, но и для придания ему дополнительного эмоционально-воздействующего эффекта.

Важную роль в формировании прагматики газетного заголовка играют также *лексико-стилистические средства*, которые, приспособив лексикой и синтаксисом к коммуникативной цели и индивидуальному авторскому стилю, усиливают воздействие на читателя.

В частности, журналисты анализируемого издания для увеличения коммуникативно-прагматического потенциала газетного заголовка используют:

1) экспрессивные метафоры и метафорические эпитеты (13%): *На счастливой волне* (№ 71, 01.07.2025), *Страда для медиков* (№ 92, 21.08.2025), *На языке вечности* (№ 92, 21.08.2025), *Рыцарь неба* (№ 92, 21.08.2025), *Сказки василькового города* (№ 95, 28.08.2025) и др.;

2) прецедентные тексты с дословным либо фрагментарным воспроизведением (10%), представляющие собой «последовательность знаковых единиц, характеризующуюся цельностью и связностью, широко известную в той или иной социальной среде и обладающую ценностной значимостью для определённой культурной группы» [6]. Прагматическое воздействие таких заголовков базируется на комбинации интеллектуального узнавания и эмоционального отклика реципиента на креативное использование общеизвестных фраз.

Источниками прецедентности заголовочных конструкций, представленных в исследуемом материале, послужили:

– художественная и научная литература: *Отцы и дети* (одноимённый роман И. Тургенева. — Е.А.) (№ 95, 28.08.2025), *Сердце матери* (одноимённый рассказ М. Горького, повесть З. Воскресенской. — Е.А.) (№ 80, 24.07.2025), *Я в рабочие пойду — пусть меня научат!* (строка из стихотворения В. Маяковского «Кем быть?». — Е.А.) (№ 77, № 77, 17.07.2025), *«Закат Европы»* (одноимённый философский труд О. Шпенглера. — Е.А.) *под диктовку США* (№ 83, 31.07.2025) и др.;

– клишированные фразы и фразеологизированные конструкции, «дающие отсылку к общественному мнению, к опыту народной мудрости с целью воздействовать на поведение другого человека, доминировать в диалоге, навязать свою речевую тактику, добиться своей цели» [7]: *Цыплят по осени считают* (№ 60, 05.06.2025), *Не будите спящего «медведя»* (от англ. *Let sleeping dogs lie* ‘Не будите спящую собаку’. — Е.А.) (№ 92, 21.08.2025), *Моя страна — моя крепость* (от англ. *My house is my castle* ‘Мой дом — моя крепость’. — Е.А.) (№ 77, 17.07.2025) и др.;

– популярные песни: *«Колодец, колодец, куда ты провалился?»* (песня «Колодец» Я. Евдокимова — Е.А.) (№ 77, 17.07.2025), *Пусть всегда будет Пушкин!* (песня «Пусть всегда будет солнце» А. Островского и Л. Ошанина — Е.А.) (№ 86, 07.08.2025) и др.;

– художественные фильмы: *Вода в законе* (фильм «Воры в законе» Ю. Кары. — Е.А.) (№ 74, 10.07.2025);

– сфера искусства: *Амазонка авангарда* («Амазонки авангарда» — название международной выставки 1999–2000 гг. — Е.А.) *возвратилась в Витебск* (№ 80, 24.07.2025);

– исторические факты: *Разгром на Березине* (сражение на Березине во время Отечественной войны 1812 г. — Е.А.) (№ 86, 07.08.2025);

3) лексический повтор (4%), усиливающий значимость редуцируемого слова или понятия в сознании реципиента: *«Чистые игры» для чистого города* (№ 60, 05.06.2025), *Чисто. Чище. Ещё чище* (№ 66, 19.06.2025), *Уроки добра от «Добррика»* (№ 92, 21.08.2025) и др.;

4) элементы языковой игры (использование окказиональных дериватов с экспрессивной коннотацией, каламбуров, рифмовок) (3%): *Отсоседили* (о проигрыше футбольного клуба «Витебск» команде из Новополоцка. — Е.А.) (№ 92, 21.08.2025), *Марки о Марке* (№ 69, 26.06.2025), *Летний труд будет крут!* (№ 60, 05.06.2025) и др.;

5) эмоционально-оценочную лексику (1%): *Работает суперпрофи* (№ 92, 21.08.2025), *Бабушка-воровка* (№ 95, 28.08.2025);

6) стилистическую инверсию (менее 1%): *Инспектор общественный — контроль действенный* (№ 74, 10.07.2025).

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что лингвопраг-

матическая специфика газетных заголовков белорусских региональных печатных СМИ проявляется в использовании определённых синтаксических моделей их построения, особенностях употребления знаков экспрессивной пунктуации и ряда специальных лексико-стилистических средств, характеризующихся, среди прочего, низкой частотностью употребления заимствованных слов и специальной терминологии (в совокупности — менее 2%), что, с нашей точки зрения, обусловлено, с одной стороны, спецификой целевой аудитории, с другой — осознанной стратегией, направленной на сохранение чистоты языка и укрепление национальной идентичности.

Дальнейшее исследование лингвистических и прагматических особенностей заголовков белорусских печатных СМИ позволит более глубоко осмыслить их роль в восприятии национальной истории, культурных ценностей, в обеспечении связи поколений и стабильности общества в эпоху глобализации и цифровизации.

Литература

1. Клушина, Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина // Мир русского слова: науч.-метод. иллюстр. журнал. — 2008. — № 4. — С. 68.
2. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси: [сайт]. — URL: <https://socio.bas-net.by/rejting-belorussskih-pechatnyh-smi/> (дата обращения: 28.08.2025). — Текст: электронный.
3. Віцьбічы: [сайт]. — URL: <https://www.vitbichi.by/about/> (дата обращения: 28.08.2025). — Текст: электронный.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — С. 209.
5. Исаева, А.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных интернет-изданий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Исаева Анастасия Юрьевна; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. — Москва, 2017. — 31 с.
6. Чигирин, Т.Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чигирин Татьяна Юрьевна; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2007. — С. 8.
7. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б.Ю. Норман. — Минск, 2009. — С. 172.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Технологии трансляции бытового обрядового фольклора в устных женских рассказах брестского региона

Сенькевич Т.В.

Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», Брест

Стратегии и тактики общения нарратора и реципиента (на примере устных женских рассказов Брестчины) в контексте изучения его пространства являются актуальной проблемой современной науки о фольклоре, в том числе через призму особенностей определённого региона.

Цель данной статьи — выявление приоритетных ситуативных стратегий и тактик, наиболее распространённых технологий трансляции соответствующих текстов свадебных, родильно-крестильных обрядов в процессе изменения культурно-исторических и коммуникативных условий.

Материал и методы. Эмпирическую базу составили материалы архива студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклор и краеведение», а также устные женские нарративы, собранные обучающимися филологического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в период учебных фольклорной и диалектологической практик в 2023–2024 годах. Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются синхронно-описательный, сравнительно-исторический, функционально-структуральный метод П.Г. Богатырёва.

Результаты и их обсуждение. Проведённое исследование позволило установить, что в пространстве общения нарратора устных женских рассказов и реципиента Брестчины наиболее востребованной и эффективной является диалоговая (О.С. Иссерс) или диалогическая (Е.Н. Рогов) стратегия, построенная на равноправных (без отсылки к социальному статусу, образованию, культуре, авторитетному мнению других, гендеру и пр.) отношениях собеседников, создании комфортной, доверительной психологической атмосферы и др.

Заключение. Таким образом, коммуникативные стратегии достигают цели при умелом владении тактиками речевого общения, что определяют, в том числе и «коммуникативные сигналы, средства диалогической регуляции» (А.А. Романов). Анализ эмпирического материала показал, что в речевом пространстве «нарратор–реципиент» активно были задействованы такие средства диалогической регуляции, как вводные слова, междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», лаконичные комментарии, «реплики в сторону», оценочные суждения, т.е. то, что позволяет получить адресату максимум информации, продемонстрировать свою заинтересованность в диалоге и регулировать общение, направить его в нужное для адресата русло. Результаты исследования позволяют определить перспективные направления исследований через призму историко-культурного и гендерного аспектов.

Ключевые слова: экспликация, нарратор, ситуативные стратегии и тактики, технологии трансляции, свадебные, родильно-крестильные обряды, обычаи, коммуникативные условия.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 96–100)

Technologies for Transmitting Everyday Rite Folklore in Oral Women's Storytelling in Brest Region

Senkevich T.V.

Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University", Brest

The strategies and tactics of communication between the narrator and the recipient (on the example of oral women's stories from Brest Region) in the context of studying its space are a pressing issue in contemporary folklore studies, including particular region's characteristics.

The purpose of the article is to identify prime situational strategies and tactics, as well as the most common technologies for transmitting relevant texts of wedding, birth, and baptismal rituals in the process of changing cultural, historical, and communicative conditions.

Material and methods. The empirical base consists of archival materials of the student research laboratory "Folklore and Local Studies", as well as oral women's stories collected by students of the Philological Faculty of Brest State A.S. Pushkin University during their folklore and dialectology training in 2023–2024. The primary methods used in the study were synchronic and descriptive, comparative and historical, and P.G. Bogatyrev's functional and structural methods.

Адрес для корреспонденции: e-mail: liferas2006@mail.ru — Т.В. Сенькевич

Findings and their discussion. The research allowed us to establish that the most popular and effective strategy in the communication space between the narrator of oral women's stories and the recipient of Brest Region is a dialogue (O.S. Issers) or dialogic (E.N. Rogov) one, based on equal (with no reference to social status, education, culture, authoritative opinion of others, gender, etc.) relations of interlocutors, the comfortable, trusting psychological atmosphere, etc.

Conclusion. Thus, communicative strategies achieve their goals with the help of skillful mastery of verbal communication tactics, which determine, among other things, "communicative signals, means of dialogic regulation" (A.A. Romanov). The analysis of the empirical material showed that in the "narrator-recipient" communication space, such means of dialogic regulation as introductory words, interjections, questions, repeated questions, "yes" and "no" sentences, laconic comments, "remarks aside" and evaluative judgments were actively used. These tactics allow the recipient to obtain maximum information, demonstrate interest in the dialogue, and regulate communication, directing it in the required direction. The study results allow us to identify promising research directions through the lens of historical, cultural, and gender aspects.

Key words: explication, narrator, situational strategies and tactics, transmitting technologies, wedding, birth, and baptismal rites, customs, communication conditions.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 96–100)

Любая коммуникативная ситуация предполагает достижение поставленной цели коммуникантом(тами). Важно понимать, что стратегии и тактики в пространстве общения могут корректироваться, так как коммуникация — процесс активного взаимодействия, иногда спонтанный, порой не прогнозируемый, ситуативный, не исключающий резких изменений прежде всего в диалоге (полилоге) коммуникантов: «В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию плана общения» [1, с. 54]. Когнитивный подход лежит и в основе определения О.С. Иссерс речевой тактики: «Речевая тактика — это одно или несколько действий, способствующие реализации стратегии. Они связаны между собой как "род и вид" [1, с. 111]. Средства, способы и приёмы достижения поставленной в процессе коммуникации цели представляют собой различные вариативные тактики. Как правило, общение «нарратор–реципиент» носит кратковременный характер, его продолжительность не измеряется днями и даже часами, а потому представитель молодого поколения приобретает бесценный опыт в умении определить стратегии и тактики коммуникации, что в дальнейшем позволит ему добиваться успехов в данном виде деятельности, прежде всего в профессиональной сфере. Чаще всего информанты и реципиенты впервые встречаются в ситуации речевого общения, потому реципиенту необходимо создать доверительную атмосферу, расположить к себе нарратора. Нельзя игнорировать и гендерный фактор, когда в роли реципиента выступает юноша, а устный рассказ информанта содержит личные, часто интимные детали, подробности, например, родильно-крестильных обрядов. Установление межпоколенческого диалога — ещё одна непростая задача, поскольку нарратор в несколько раз старше реципиента.

Богатую и развёрнутую типологию речевых стратегий предлагает О.С. Иссерс, рассматривая их в различных аспектах: степень «глобальности» (общие и частные), функции (основные и вспомогательные). В свою очередь основные и вспомогательные стратегии также

делятся на когнитивные и семантические — основные; прагматические, диалоговые и риторические — вспомогательные. Эмоционально-настраивающие тактики прагматической стратегии предполагают, по мнению О.С. Иссерс, комплимент и похвалу, что немаловажно при установлении доверия между информантом и реципиентом. Диалоговый тип речевой стратегии позволяет выявить инициативу каждого из субъектов речевого общения и определить тактические приёмы, которые они используют. Е.Н. Рогов в зависимости от целей межличностного диалога выделяет три стратегии (императивная, манипулятивная, диалогическая) [2]. Диалогическая предполагает, по его мнению, равноправное «субъект–субъектное» общение, направленное и на самопознание, и на познание своего собеседника (партнёра), что влечёт за собой соблюдение определённых правил: уважительное отношение друг к другу, доверие, психологический настрой на актуальное психологическое состояние собеседника и свое собственное по принципу «здесь и теперь», и др.

Цель данной статьи — выявление приоритетных ситуативных стратегий и тактик, наиболее распространённых технологий трансляции соответствующих текстов свадебных, родильно-крестильных обрядов в процессе изменения культурно-исторических и коммуникативных условий.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили архив студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклор и краеведение», а также устные женские нарративы, собранные обучающимися филологического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в период учебных фольклорной и диалектологической практик в 2023, 2024 годах. Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются синхронно-описательный, включающий приёмы анализа, интерпретации, систематизации, обобщения, сравнительно-исторический метод, функционально-структуральный метод П.Г. Богатырёва.

Установлено, что свадебный обряд в разных регионах Брестчины характеризуется яркостью красок, масовым характером проведения, общей атмосферой радости и счастья.

В устном нарративе о свадебном обряде Галины Кирилловны Сеньковец, 11.11.1948 г.р., жительницы д. Белоуша Столинского района, белоруски, православной, окончила 8 классов, работала дояркой, прежде всего подчёркивается разница между прошлым и современной действительностью: «*Ой, веселле... Колісь было не то шо зарэ*». И главное отличие заключалось в том, что «*тоды было всё своё*». Четырежды в лаконичном рассказе, в котором дано описание традиционного стола, угощения на свадьбе, повторяется «*всё своё*»: «*Мясо ставілі. Салтысон робілі. Сыры всякіе з печы вягвалі. Холодзец. Боршч. Кашу. Сметану бралі, цэлымі флягамі куплялі, бо тоды вона дзешэва была та сметана. Куплялі да й ставлялі на столы. Да й шчэ поедуць у Львоў ці ў Вільнюс. Да коўбасы купляць. І ўсё. Большч нічога такога не было. Не прыдумлялі. Ну, шчэ свого котелата спечэши, сырнікі этые. Бо молоко своё, корова была. Да всё своё было. То робілі гэты. А так...*». При этом не говорится о тяжёлых послевоенных десятилетиях, о продовольственном (и не только) дефиците. Воспоминания нарратора о своей свадьбе (1968 год) содержат и информацию о приданом: «*Прыданое... Грошы тоды не давалі, як яшла замуж. А тоды бацько корову мне подорыў, маці свіню. Свіня веліка да зразу закололі. Корова была. Дзержалі ўжэ ту корову доўго, шо бацько даў. Шкафа бацько даў, цюлі. Зарэ ўжэ як ідзе молада, то ўжэ не вешаюць тые цюлі, нішто... Раньшэ то ковра того на сцену, то ложка. Цепер ўжэ шчо...*».

Установлено, что иллюкутивная сила речевого акта в этом примере достигается несколькими способами и средствами. От вопроса о приданом реципиент переходит, на первый взгляд, к частному, но достаточно личному, даже интимному, моменту — платьё и фата невесты, понимая, что данный атрибут характеризует и моду того времени, и эстетический вкус невесты, и достаток семьи: «*Плацьё дліне... І не то шо так...*». Вторая фраза призвана подчеркнуть, что оно, платьё, было каким-то особенным, небанальным (прежде всего для самой невесты), не просто длинным. Фигура умолчания передает волнение информанта от нахлынувших воспоминаний. Информация о венке на голове («*От веночк быў сплечены з ромашок, ці шэ з чога там...*») прокомментирована жестом («*Отоково быў*») (абводзіць вакол галавы)). И завершает фрагмент устного нарратива фраза, свидетельствующая о том, что информант знаком и с современным свадебным убранством невест, но оно явно не впечатляет, потому комментарий отсутствует, звучит безэмоциональная констатация: «*Зарэ ўжэ молада носіць коротку фату*».

Устное общение характеризуется спонтанностью, необратимостью, вариативностью и др., поэтому необходимо учитывать эти и другие факторы при выработке коммуникативных стратегий и тактик.

Определено, что старшее, довоенное, поколение женщин-нарраторов в речевом общении активно переключается с прошлого на настоящее, акцентирует внимание прежде всего на бытовой стороне, на благополучии, финансовой, материальной составляющих жизни

семьи. Подобная спонтанность, непрогнозируемость речевого общения объясняются и желанием продемонстрировать реципиенту определённую сложность обстоятельств. В то же время имплицитно проявляется и некоторая ностальгия по прошедшему, поскольку мысленно ретроспективно нарратор переживает и воспоминания о светлых сторонах того времени, о своей молодости, в которой было и немало счастливых моментов.

Выяснено, что диалоговая (О.С. Иссерс) стратегия, которой отдаёт предпочтение реципиент в речевом общении с Г.К. Сеньковец, эффективна благодаря используемым тактикам, регулятивам: междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», комментарий, оценочные суждения (по А.А. Романову). Наблюдая, что описание свадебного обряда нарратор начинает с рассказа об угощении, традиционном свадебном столе на Столинщине, адресат тактично через информацию об исполняемых на свадьбе песнях, приданом, наряде невесты, корректирует направление речевого общения к сложившемуся на протяжении долгой истории сценарию. Поскольку адресант увлечён (в устном рассказе много эмоционально ярких деталей), реципиент не лишает его инициативы продолжать в русле выбранной Г.К. Сеньковец коммуникативной стратегии: нарратив о первых днях свадьбы, в том числе и потому, что с ними связана материальная и финансовая стороны дальнейшей жизни молодожёнов, подарки родным, передача всех подаренных денег свекрови («*...подарылі моладой тые грошы, подержала і сразу отдала свекрусі. Бо тоды ба еке было право. Свекрусі отдаваць грошы. Усё. Вона забрала. А мы осталіса так...*»; «*Да добрэ, шчо мужык бы робіў. Да хоч ідзі до мацеры по тые грошы, купіць шчо-нібудзь. Да потом получиў полчку, да шчэ ее отдаў вон мацеры. Это таке было поведзёне колісь: отдаеш мацеры ўсе грошы. Вон сорок рублей оставіў бы ўжэ себе, а тэ ўсе мацеры отдаў*»). «Выход» за свадебный «сценарий» неслучаен, он позволяет нарратору обозначить возможность не просто существовать, а достойно жить, когда у семьи было крепкое хозяйство, домашний скот («*Да і свіння кололі. Да не одну. І цялята кололі. Велікіе ж цялята годовалі на мясо. Бо мо сын будзе жэніцца ці дочка выходзіць замуж да годовалі. Хозяйство веліке было. Да заколеш двое свіней, зарэжэш цяля, да не то шо цяля, быка счытай. Да і хватало. Да і молоко своё было, сыры робілі. Сметану бралі бетоунамі і з'едалі. А вона была густа, шо рэмень та сметана*»), а главное — присущее молодым людям трудолюбие и оптимизм.

Нарратор настолько серьёзно погружается в пространство речевого общения, что самостоятельно определяет его вектор и по дням воссоздает свадебный обряд, переходит к периодам, в которые в соответствии с церковным календарем нельзя было праздновать свадьбу, к возрасту молодых, к правилам, которые жених и невеста не могли нарушить во время столь важного для них события.

Устный нарратив Татьяны Филипповны Пушко, 1934 г.р., родилась в д. Жагалы Пружанского района,

после замужества переехала в д. Оранчицы этого же района, белоруски, православной, посвящён украшению свадебного караваия. Благодаря эмоциональности, ярким образам-символам, которые сулят семейное счастье и благополучие (роза («...роза посрэдзіне ставілася роза, каб жыць была такая ўжо як роза»); голуби («голубкі для того, каб воны так жылі і такія прэданыя былі, как голубы»); виноград («віноград для того ставілі тожэ на гэтым, для того каб жыць была сладкая, як віноград»)), нарратор создаёт живописную картину. Семантику каждого символа она поясняет, но в какой-то момент признаётся, что забыла отдельные детали: «От бачыш я ўжо забыла, на чатыры часці і тут ешчы штосьці і ешчы», но «включается» и продолжает: «тут віноград». И в этом случае речевое общение свободное, доверительное, что создаётся совместными усилиями адресанта и адресата. Это проявляется, в том числе, и в обращении к реципиенту: «От бачыш...», как обычно обращаются к своим близким.

Речевое общение реципиента с нарратором Марией Павловной Кулик, 06.06.1937 г.р., уроженкой д. Хомичицы Дрогичинского района, после замужества переехала в д. Осиповичи этого же района, белоруской, православной, осложнено, что связано с плохим слухом адресанта. Устный рассказ М.П. Кулик о знакомстве с будущим мужем Степаном — своего рода микросюжет для короткометражного фильма, в котором есть и проявившаяся симпатия молодых людей друг к другу, и девичье коварство, и поддержка Марии со стороны парня, т.е. то, что и предопределило их будущую совместную жизнь. Информант хорошо помнит имена своих приятельниц, подруг, но признаётся, что не может восстановить отрезки, фрагменты определённого свадебного обряда (запоины): «Мусыць ны вспомытаю, шчо говорылы. Шось куплеты ідэмо. Чы як? Чы у вас е шо продаты? Забуваю, ны вспомытаю. ...А ўжэ зары вжэ такая голова да і всё». В данном случае адресат применил один из регулятивов — косвенное информирование: «Ну, спачатку ж да свадзьбы былі запоины, а як яны праходзілі?».

Нарратор Ева Петровна Апанович, 1930 г.р., уроженка д. Сметаничи Гомельской области, жительница д. Белоуша Столинского района с 1952 года, белоруска, православная, работала учителем в начальных классах, использует нисходящую градацию: от восторга-восхищения («О... Сколько свадзьбоў было... По сем-восем каждую недзелю») до огорчения-разочарования, сожаления («А цепер ні одной свадзьбы... Ужас...»). Начальной и конечной точками фрагмента стали служащее для выражения эмоций междометие *О* и существительное *ужас*. Данный отрывок имеет более глубокую экспликацию: это и констатация старения, умирания современной деревни, оттока в город молодёжи, и как следствие — частичная утрата традиций.

Пространство речевого общения, ситуативные стратегии и тактики, технологии трансляции соответствующих текстов родильно-крестильных обрядов исследованы в процессе изменения культурно-исторических

и коммуникативных условий на примере представителей довоенного (1937) и послевоенного (1950, 1953, 1976) поколений.

Одним из важнейших родильно-крестильных обрядов является крещение новорождённого. Предельно лаконично, без детализации об этом важном событии говорит Мария Павловна Кулик, 06.06.1937 г.р., уроженка д. Хомичицы Дрогичинского района, после замужества переехала в д. Осиповичи этого же района, белоруска, православная. Основной частью речи в её устном нарративе является глагол, что придаёт динамичность повествованию: «Прыйдучь люды до хаты, і ўжо збыраюця кумы і поіхалы в церковь і охрыстылы, прывызлы і ўжэ за стыл сядают і гуляють тоді». Важно, по мнению информанта, уточнение: «до дома батюшка ны прыедзеў».

Особого внимания заслуживает выбор кума и кумы. И здесь, как указывает М.П. Кулик, были возможны варианты: «Ну, ўсяк, хто падруг сваіх, а хто сёструв»; «З свэі родні бралы, чы з мужыковыі родні, чы с свэі с одного дівчынку за куму, з другога роду хлопчыка».

В устном нарративе представительницы первого послевоенного десятилетия Лилии Леонидовны Гайчук, 02.11.1950 г.р., жительницы д. Именин Дрогичинского района, белоруски, православной, акцентируется внимание на семантике номинации «повитуха» и её отличие от «бабуля». Со слов Л.Л. Гайчук, повитуха была раньше (без уточнения времени), сейчас это «проста бабуля, у каторай хароша трэба шоб была хороша судьба, шоб вот она была достойна. Бабуля, катора перва купае младенца». У информанта есть и пояснение, таким образом она упреждает закономерный вопрос реципиента (современных девушки или юноши), в чём отличие между повитухой и бабулей. Развёрнутый комментарий помогает понять роль этой ключевой фигуры не только в обряде крещения, но и в последующей судьбе младенца. Ритуал, связанный с бабкой (повитухой), обрисован ярко, красочно, в деталях, с пояснениями, демонстрирует хорошее знание нарратором важного этапа в жизни ребёнка и причастных к этому обряду людей: «Бо раньшэ повітухі, а зарэ ж ну хто там дома родыть, одын раз на тысячу можэ хто нэ дойдэ, вот і эта бабуля катора купае, ну там тожэ свуй обряд, вона там травкі добавляе, молітва естэственна, кладут гэты кніжкі, шоб воно розумнэ було под ванночку і всякі прыгаворкі гаворат, і вот эта бабуля, потом када вжэ хрысцяць дытыну, она знов яго купае як перед крiценiем і на хрыстынах ана там самое главное действующее лицо, іі садылы в брiчку ў нас, клалі в тую брiчку полiна, тый полiна застылалі постылкiю, шоб баба, еслi пройдэ iспытанiе, вот она на гэтых полiнах, гэто ж очень не удобно, оны ж там нэ зложэны, а абы-як лыжат, вот она по всёму сiлы ійдэ, угоцае, расказвае шо ў ee вот такое внученя родылося, вот і она прыходыт такое iспытанiе на гэтых полiнах, еі потом прывозят назад і выкочуют з брычкi шоб вона вот прокотылася, вот она прыходыт цiла iспытанiе радi своего внученята. I всё село знало, як хто родывся, як зваты і за ёго

здоровье пыли». Завершает нарратив концовка, которая по содержанию и форме близка к сказочной: «Пылы, ілы, хто шо. Хто п'е, той п'е, хто не п'е, той канфету з'іць».

Мария Васильевна Мелюх практически ровесница Л.Л. Гайчук: 14.08.1953 г.р., жительница д. Озерница Лунинецкого района, белоруска, православная. В нарративе имплицитно присутствует неуверенность, сомнение информанта об обряде, что выражено уже в первых фразах: «Ну вот обряд хрышчэня как проходзіл... Ну обрад, сам обрад і хрэсьбіны это наверно одно і тоеж ілі разное». Её будто смущает сама форма монолога, она будто ждёт «подключения» другого собеседника, реципиента, который бы помог разобраться в этом обряде, что объясняет сама М.В. Мелюх: «Ну, вот пры мне, кода я жыла ф шэцідзісятыя годы ўжэ до этово, пры совецкой власці этой, ну, особенно так это не-не, не особо роспрастроняло, но ф дзірэвнях крысцілі дзіцей, крысцілі фсех і... і цыталос это надо... не надо там было ждаць, как это скоко прошло времени много, а сразу после рождзения...». В её нарративе отсутствует описание самого обряда крещения, есть только повествование о способах решения проблемы крещения ребенка в советские атеистические времена: «Ілі поп вот в нашэй... в нашэй дзірэвне, дзе я була, дзе я вырасла, вот, цэркві не было своей. Ілі крысцілі, можна было ілі весці туды, еслі кто, у ково было чэм весці, ну, у другую царкву і там покрэсціць, ілі поп прыежал, бывае, вот прыглашають попа, і он перад какім-то празніком, да к Пасхе прыурочывалі это во само ілі ішо к какому-то празніку. Поп прыежал в дзірэвню, і там выбіралі дом какой-то, там, дзе веруічыце в основном такіе людзі, которые часто посіцають цэркоў, вот. І туды прыносілі дзіцей, вот». В настоящее время М.В. Мелюх проживает в г. Лунинец. К сожалению, отсутствуют сведения о времени переезда её в город. Можно предположить, что нарратив М.В. Мелюх — воспоминания о детстве (1960-е годы), дальнейшая жизнь связана с городом, потому и нет описания самого обряда крещения. Кроме того, сама информант не говорит о том, как в её семье относились к данному обряду, крестили ли её в детстве, что можно объяснить, в том числе, и отголоском времени, когда об отношении к вере, церкви было не принято говорить.

Инна Анатольевна Веремей, 14.08.1976 г.р., д. Пешки, Березовский район, белоруска, православная, отвечая на вопрос: «Что вы знаете про обряд “Крещение ребёнка”?», не обращается к своему детству, к воспоминаниям матери, бабушки, а иллюстрирует данный обряд на примере крещения своего внука Ивана. Нарратив предельно логичен, последователен, без излишних деталей, только порядок действий всех заинтересованных в данном событии. Ключевая часть речи — глагол, который и позволяет реализовать принцип динамичности, придающий движение, определённую энергию визуальной картине, композиции: **Покупаеца** (одежда) — ребёнка **привозят** — батюшка **называет** время — **приезжают** крестные — **приезжают** другие родственники —

приезжаем раньше, шоб ребёнка **подготовить, переодеть** — **приходит** батюшка — **начинает читать** молитву — крестные родители **берут** младенца — батюшка **окунает** в чан с водой — **крестит** ребёнка в этом уже миру — праздничное застолье **организуется** — **едут** за праздничный стол — **гуляют, пьют**. В нарративе есть только одна отсылка к прошлому, при этом не уточняется, она взята из чьего-то жизненного опыта или из личных воспоминаний (как «реплика в сторону»): «... ну раньше она шилась, теперь покупаеца» (об одежде для ребёнка на крещение. — Т.С.). Описание праздничного стола коррелирует с устным нарративом Л.Л. Гайчук и семантически сближает с концовками устных народных сказок: «Все едут за праздничный стол, ну и гуляют, пьют, у кого сколько хватает сил».

Исследование имеющегося в нашем распоряжении эмпирического материала позволило сделать вывод о том, что между информантами и реципиентами пространство общения варьировалось от интимного (общение с близкими родственниками), личного (общение со знакомыми, соседями, др.) до социального (общение с чужими людьми). Согласно классификации Э. Холла реципиенты не задействовали публичное пространство общения.

Заключение. Таким образом, в пространстве общения нарратора устных женских рассказов и реципиента Брестчины наиболее востребованной и эффективной является диалоговая (О.С. Иссерс) или диалогическая (Е.Н. Рогов) стратегия, построенная на равноправных (без отсылки к социальному статусу, образованию, культуре, авторитетному мнению других, гендеру, пр.) отношениях собеседников, создании комфортной, доверительной психологической атмосферы и др.

Коммуникативные стратегии достигают цели при умелом владении тактиками речевого общения, что определяют, в том числе и «коммуникативные сигналы, средства диалогической регуляции» [3]. Анализ эмпирического материала показал, что в речевом пространстве «нарратор–реципиент» активно были задействованы такие средства диалогической регуляции, как вводные слова, междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», лаконичные комментарии, «реплики в сторону», оценочные суждения, т.е. то, что позволяет получить адресату максимум информации, продемонстрировать свою заинтересованность в диалоге и регулировать общение, направить его в нужное для адресата русло.

Литература

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 284.
2. Рогов, Е.И. Психология общения: учебник / Е.И. Рогов. — М.: КНОРУС, 2018. — С. 12.
3. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Романов Алексей Аркадьевич; АН СССР. Ин-т языкознания. — М., 1990. — 37 с.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Проект «Русский язык в городах России и зарубежья»

Теркулов В.И., Емельянова К.Ю.

Донецкий государственный университет, Донецк

Статья посвящена определению базовых характеристик проекта «Русский язык в России и за рубежом», имеющего целью изучение русских городов как текстов.

Цель публикации — изложить структуру описания города как текста, в соответствии с которой город может быть представлен как «многоликий» объект, различные его грани могут иметь интерес для исследования не только с лингвистических позиций, но и с точки зрения множества междисциплинарных направлений.

Материал и методы. *Материалом в данном случае служат результаты исследований, полученных языковедами, рассматривающими различные проявления города с лингвистических позиций, а также представителей многих других научных областей, так или иначе сопряжённых с городскими реалиями. В процессе изучения используется комплекс методов, объединяющий как общенаучные способы познания, так и частнонаучные методы всех так или иначе привлекаемых к исследованию областей науки.*

Результаты и их обсуждение. *В соответствии с принятым исследователями алгоритмом описания города как текста, в которое входят следующие компоненты: название города (астионим) как заглавие текста, урбанонимикон: официальные и неофициальные название городских топонимов, краткая история и характеристика города, характеристика языковой личности горожанина как создателя и персонажа текста, его лексикона, тезауруса и прагматикона, предполагается дать характеристику нескольким городам Российской Федерации и зарубежья. Проект объективируется в серии монографий с одноимённым названием. На данный момент описаны Славянск-на Кубани (Краснодарский край), Белгород, Пермь и Новозыбков (Белгородская область). Предполагается презентация Витебска и Луганска.*

Заключение. *Описанный проект формирует базу для создания таких знаковых для современной русистики продуктов, как большой словарь регионализмов русского языка и региолектная карта России и зарубежья. Кроме того, предполагается, что полученные результаты позволят в конечном итоге сформировать энциклопедию региолектов русского языка.*

Ключевые слова: *город-текст, структура проекта, астионим, лексикон, прагматикон, регионализм, региолект, энциклопедия региолектов.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 101–105)

The Project “The Russian Language in the Cities of Russia and Abroad”

Terkulov V.I., Yemelyanova K.Yu.

Donetsk State University, Donetsk

The article is concerned with the definition of the basic characteristics of the project “The Russian Language in Russia and Abroad”, which aims to study Russian cities as texts.

The aim is to present the structure of the description of the city as a text, according to which the city can be represented as a “multifaceted” object, the various facets of which may be of interest for research not only from linguistic positions, but also from the point of view of a variety of interdisciplinary areas.

Material and methods. *The material is research findings obtained by linguists who consider various manifestations of the city from linguistic positions, as well as by representatives of many other scientific fields that are somehow related to urban realities. In the process of the research, a set of methods is used that combines both general scientific methods of cognition and private scientific methods of all fields of science involved in research in one way or another.*

Findings and their discussion. *In accordance with the algorithm adopted by the researchers for describing the city as a text, which includes the following components: the name of the city (astyonym) as the title of the text, urbanonymicon: official and unofficial names of urban toponyms, a brief history and characteristics of the city, characteristics of the linguistic personality of the citizen as the creator and character of the text, its lexicon, thesaurus and pragmaticon, it is supposed to characterize several cities of the Russian Federation and abroad. The project is objectified in a series of monographs with the same name. At the moment,*

Slavyansk-on-Kuban (Krasnodar Territory), Belgorod, Perm and Novozybkov (Belgorod Region) are described. The presentation of Vitebsk and Lugansk is expected.

Conclusion. *The described project forms the basis for the creation of such iconic products for modern Russian studies as a large dictionary of regionalisms of the Russian language and a regional map of Russia and abroad. In addition, it is assumed that the results obtained will eventually allow the formation of an encyclopedia of regional dialects of the Russian language.*

Key words: *city-text, project structure, astionym, lexicon, pragmaticon, regionalism, regiolect, encyclopedia of regiolects.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 101–105)

Актуальным направлением исследования языка стало его изучение в рамках цельных лингво-территорий: регионов и населённых пунктов. Как отмечает В.И. Беликов, «регионально в лексике всё: частные жаргоны — региональны, общий жаргон (он же сленг) также регионален, просторечие, которое определяется в учебниках примерно как внерегиональная ненормативность городской речи диалектного происхождения, — тоже регионально. Региональные черты несут на себе и другие варианты субнормативного словаря — от детской лексики до мата. Региональна и норма. А почему бы ей не быть региональной: Россия не Андорра и даже не Дания» (цит. по: [1]). Исследование регионального состояния языка является лингвокультурно значимым, поскольку описывает, по выражению И.П. Зайцевой, «лингвокультурный ландшафт» региона [2]. Как отмечает другой витебский учёный, «национальная культура также неоднородна: в каждом регионе свой региолект, свой фольклор, свои обряды и обычаи» [3], причём «когнитивной базой формирования региональной идентичности можно считать, в первую очередь, язык. Язык рассматривается как лингвокультурный феномен, как выразитель национальной и региональной культуры» [3]. Именно поэтому данное направление исследований необходимо для выявления соотношения общенационального и регионального в социальном, ментальном и культурном пространстве региона, что в свою очередь становится основанием для формирования принципов региональной политики.

Лингвокультурное изучение языка региона связывается в первую очередь с описанием региолектов. В нашем представлении это не какой-то идиом общенационального языка, как это представляется одному из основателей регионалистики — А.С. Герду, определившему его как особую форму устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [4]. Любой идиом, как известно, имеет своего носителя. Но, как справедливо отмечает Е.А. Оглезнева, «вряд ли можно говорить о “носителе региолекта”», поскольку «в речи представителей любого региона

(особенно — в неофициальной, в меньшей степени по причине её контролируемости — в официальной речи) присутствуют регионально окрашенные, типичные для носителей русского языка данного региона черты, в совокупности и составляющие то, что мы называем региолектом» [5]. Поэтому мы и предполагаем, что региолект — это «не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [5]. При этом он выступает как «цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общеязыковые элементы. Уникальность региолектов создаётся, скорее, не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их «системного калейдоскопа», особой регионально маркированной организации языка» [6].

Основой региолекта является речь города, городское койне. Чаще всего именно город — некий текст самого себя — выступает в качестве законодателя мод, основы регионального языкового сознания. Например, Донецк стал ментальной основой регионального языкового сознания Донбасса, что воплотилось даже в наименовании жителей Донбасса: они не донбассовцы, они *дончане* или *донецкие*. Именно поэтому базовой частью исследования региолекта должно стать изучение языкового пространства города, трактуемого как текст. Компонентами этого текста являются астионим (название текста), урбанонимы (названия глав города), региолект, а точнее городское койне как базовое воплощение региолекта (язык текста города) и т.д. Данный раздел регионалистики один из авторов настоящей статьи предлагает назвать **лингвоурбанонологией** [7], целью которой является многоаспектное описание особенностей текстов всех городов, в которых говорят на русском языке.

Для реализации цели и задач лингвоурбанонологии нами создан проект «Русский язык в городах России и зарубежья», посвящённый изучению современного состояния русского языка в различных малых и больших городах. Объективируется этот проект в серии коллективных монографий с одноимённым названием. Уже готов к печати первый выпуск, в котором описаны Славянск на Кубани (Краснодарский край), Белгород, Пермь и Новозыбков (Брянская область). Мы предполагаем издание в начале следующего года второго тома монографии, среди описываемых городов в котором будут Витебск и Луганск. Руководит созданием разделов об этих городах именно Ирина Павловна Зайцева.

Цель статьи — представить параметры описания текста города в упомянутом проекте.

Материал и методы. В качестве материала в создаваемой серии монографий выступают тексты, в которых реализуются лингвокультурные черты описываемых городов: статьи, художественные произведения, беседы в социальных сетях и т.д. Например, при изучении Донецка были использованы тексты, собранные в полевых условиях (беседы с горожанами); тексты, помещённые в социальных сетях при обсуждении различных проблем города; тексты городских газет и других периодических изданий преимущественно регионального уровня; а также разножанровые художественные тексты — в числе поэтических произведений это, например стихи А. Ревякиной, В. Русанова, М. Панчëхиной и других авторов.

В разделах монографии осуществляется описание следующих составляющих текста города:

1. Название (астионим).
2. Урбанонимикон: официальные и неофициальные городские топонимы.
3. Краткая история и характеристика города.
4. Языковая личность горожанина: лексикон, тезаурус, прагматикон.
5. Лексикон: особенности формирования и функционирования региолекта.
6. Тезаурус: лингвокультуремы города, языковая картина мира.
7. Прагматикон: город в художественных и публицистических произведениях. Прагматемы города.

Предлагаемая структура не является строгой, но всё же авторам рекомендуется по возможности её соблюдать.

Результаты и их обсуждение. Определены главные параметры каждого из указанных разделов. Вкратце покажем их на примере описания г. Донецка.

1. **Название города** — астионим выступает в качестве названия текста города. Оно выполняет как минимум две функции.

Во-первых, астионим отграничивает текст данного города от текстов других городов (параметр отдельности), хоть и существует в модусе астионимного пространства региона. Как отмечает Д.Ю. Ильин, «в региональной топонимике формируются особые связи, определяющие употребление данных онимов, которое зависит от разных факторов, в связи с чем предлагается рассматривать названное единство проприальной лексики через понятие “сегментная структура функционально-семантического поля топонимов”» [8]. Названия городов Донбасса в подавляющем большинстве относятся к двум взаимосвязанным тематическим группам в пределах одного функционально семантического поля: это либо промышленные наименования, определяющие индустриальные особенности региона (*Угледар, Углегорск, Шахтёрск, Горловка* — от фамилии горного инженера, основавшего город, и т.д.), либо советизмы, появление которых обусловлено констатацией

роли советской власти в промышленном освоении региона (*Артёмовск, Красноармейск* и под.). И только название *Донецк* выпадает из этого ряда, но оно является знаковым. В отличие от названия города *Донецк* в Ростовской области, реально связанного непосредственно с рекой Северский Донец, донбасский *Донецк* не мотивируется напрямую данным гидронимом, поскольку находится более чем в ста километрах от этой реки. Как указывает Е.С. Отин, переименование в 1961 году г. Сталино в г. Донецк «началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием Донецкий бассейн (сокращённо Донбасс). И уже на базе этого возвращённого названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название её центра — Донецк. Таким образом, этот процесс имел нетипичное — “обратное” направление: не область получила своё имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: Киев → Киевская область, Харьков → Харьковская область и под.), а наоборот — имя её центра “вычленилось” из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином “обратное словообразование”» (или *редеривация*. — В.Т.) [9]. Таким образом название города констатировало статус Донецка как центра, столицы Донбасса.

Во-вторых, астионим определяет границы города, а значит и текста города (параметр тождества), как в кадастровом представлении, так и в народном видении. Город — это то, что обозначено его именем. Народное и кадастровое закономерно не совпадают: окраинные районы обычно считаются жителями не совсем городом или даже не городом. Если, например, в кадастровом представлении *Петровский район (Петровка)* — это часть Донецка, то в народном видении это уже не совсем город: Владислав: *На Петровке, когда собираются на рынок на Текстильщик, говорят «Поеду в Донецк». :))))* (АК. ВКонтакте).

2. **Урбанонимикон** — названия точечных, площадных и протяжённых объектов в городе, выступающие в качестве глав текста города, связанных с теми или иными событиями сюжета жизни горожан. Для нас важны не только кадастровые названия, которые отражают особенности официального восприятия связанной с городом реальности (например, в Донецке наиболее востребованными стали названия, связанные с особенностями жизни в Советском Союзе, что не удивительно, поскольку расцвет этого города пришёлся именно на советскую эпоху: бульвар *Челюскинцев*, проспект *Ильича* и т.д.), но и неофициальные, демонстрирующие особенности восприятия города горожанами. Например, главная артерия города — *улица Артёма* называется дончанами *Первой линией*, сохраняя старое, ещё юзовское наименование данного объекта, что свидетельствует о сохранении в сознании горожан памяти города. При этом остальные юзовские линии

не вспоминаются. Первая линия — главная улица города, причём ещё с юзовских времён, и горожане на этом акцентируют внимание.

3. **Краткая история** и характеристика города представляют собой описание социальных и социолингвистических условий функционирования текста города. Донбасс, например, не зря, с лёгкой руки А. Блока, называют русской Америкой: он заселялся с середины XIX в. выходцами из разных земель, которые несли с собой свои языки, диалекты, региолекты, смешавшиеся в новый конгломерат с русской основой. В донецкой речи отмечаются следы малороссийского наречия (*бачу* «вижу», *халабуда* «шалаш»), харьковского (*марка* «маршрут городского транспорта», *тремпель* «плечики») и одесского (*синенькие* «баклажаны», *лайба* «велосипед») региолектов, донского (*гладочки* «комочки», *жердели* «абрикосы») диалекта и т.д. Всё это определяет особенности формирования донецкого текста — его полифонию, которая формируется в первую очередь не наличием особых узко региональных номинативных единиц, а особой комбинацией единиц ограниченного употребления, полученных из разных источников. Впрочем, и собственно донецкие слова существуют: это единицы, пришедшие из шахтёрского сленга (*киндейка* «сарай», *мачмала* «жидкая грязь» и др.).

4. **Языковая личность** горожанина как носителя текста города представляет собой комбинацию региональных лексикона, тезауруса и прагматикона и является единственным объективным «пространством» языка, который справедливо определяется как «совокупность миллионов микромиров» [10] говорящих на нём людей, одновременно находящихся во власти текста города и порождающих его.

5. **Лексикон города** определяется как региолект, описываемый по всем уровням языковой структуры — фонетическому, характеризующему особенности звуковой организации речи горожан (для Донецка — наличие южнорусского фрикативного [ɣ], коррелирующего с «яканьем», в отличие от украинского [h], связанного с «оканьем»), словообразовательному, определяющему пути формирования лексикона за счёт внутренних средств региолекта (*бокпор* «человек, который *бокпорит*, то есть портит всё», *сменка* «сменная обувь» и т.п.), лексическому, представляющему региолектизмы разных типов — регионализмы, отмечаемые не в одном, а в целом ряде регионов (но не во всех), например, *мастерка* «спортивная кофта», известная не только в Донецке, но и в Харькове, Воронеже, Казахстане и др., и локализмы, присущие только одному региону, например, донецкое *кайбаши* — сарай, пришедшее из шахтёрского сленга, фразеологическому, дающему представление о идиоматических единицах региона (*отнести за террикон* «похоронить»), морфологическому, описывающему особые региональные грамматические формы (*качеля* — ж. р., *фрукта* — собирательное), синтаксическому, исследующему

особенности построения словосочетаний и предложений (*это было за Брежнева* «во времена Брежнева», *Я любовался на неё* «любовался ею»).

6. **Тезаурус города** — совокупность лингвокультурем, являющихся базой языковой картины мира горожан. Обычно эти лингвокультуремы реализуются в художественных текстах, написанных в городе или посвящённых ему. В нашем случае — это, например, следующие лингвокультуремы:

«террикон»

Я — эта земля и ее терриконы. Анна Долгарева. *В степи застыли исполины Терриконы.* Александр Сигида-мл., *Горизонт — гривастый ящер — / девятнадцать терриконов.* Александр Сигида, *Окоёвы, окоёмы / в бородавках терриконов.* Владислав Русанов;

«розы»

«Сдаётся город. Очень крупный опт. / Здесь только роз кустов — до миллиона!» / Аренду вряд ли нам заплатит тот, / Кто занял вкруговую терриконы. Виктор Гриз;

Кальмиус «река в городе»

А Кальмиус осенний тёмно-сер, / и сталь воды отсвечивает маслом, / загадочнее древнего Дамаска. Автомобильный рёв железных тел / над вздыбленной поверхностью моста, / два берега стянувшего с бравадой, / и фонарей мелькающих стоп-кадры, / квартал переводящие в квартал. Ирина Яцуненко.

7. **Прагматикон** города, который также воплощается в художественных произведениях. Изначально он был настроен на восприятие мира через призму шахтёрского труда. Донбасс приобретал при этом антропоморфные черты (*Он гарчит на низкой ноте / И пытит сигарой труб / Вымазан в угле и поте / Нагло вато груб / У него стальные лапы / В шишках терриконов лоб / Защищён трущобной каппой / Златозубый рот.* Владимир Край; *Вместо сердца Господь даровал антрацит.* Анна Ревякина), космогонические черты (*Ночь над городом черна, как лава. / В антрацитовом небе — звёзды / над шахтёрской нашей державой...* Владимир Калиниченко; *Бездны ночной антрацитовый полог / В сердце углеводородной тьмы.* Александр Сигида-мл.). Сейчас город представлен как пограничная сущность (*Окраина континента, юный просторный город, / степными волнами улицы, площади укачало.* Арсений Александров; *Перемирие — мир на периферии, / мир на краю мира, / здесь граница ойкумены — / дальше — люди со звериными головами.* Александра Хайрулина; *в чернокаменном городе, что стоит на краю земли.* Анна Ревякина), как непокорённое пространство (*Унижен и изувечен. / Но не расчеловечен. / Голоден и обезвожен. / Но не обезбожен. / Топится адская печка. / Горячий от солнца и горя, / Мой город горит, как свечка, / У Господа на престоле.* Алиса Фёдорова; *На час открыли херувимы / Ворота в рай. / Гори, Донецк неопалимый, / И не сгорай.* Дмитрий Трибушный).

Заключение. Описанный проект формирует базу для создания таких знаковых для современной русистики продуктов, как большой словарь регионализмов русского языка и региолектная карта России и зарубежья. Кроме того, предполагается, что полученные результаты позволят в конечном итоге сформировать энциклопедию региолектов русского языка.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Литература

1. Грищенко, А.И. Русский язык современных городов, или Слова, которых нет / А.И. Грищенко // Сборник информационных материалов по итогам проведения IV Недели русского языка, российского образования и культуры для российских соотечественников и иностранных граждан в Финляндии, 7–11 дек. 2015 г., г. Лаппеэнранта, Москва. — М., 2015. — С. 11.
2. Зайцева, И.П. Взаимодействие различных форм международного языка в словесно-художественном дискурсе (на материале повести В.А. Титова «Всем смертям назло») / И.П. Зайцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д, Филология и психология. — 2023. — № 4. — С. 27.
3. Маслова, В.А. Идентичность региональной личности роль языка в процессе идентификации / В.А. Маслова // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. — 2024. — № 2(18). — С. 80. — DOI: 10.22405/2712-8407-2024-2-76-85.
4. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — С. 23.
5. Оглезнева, Е.А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е.А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014.
6. Донецкий региолект / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой [и др.]. — Донецк: ООО «НПП «Фолиант»», 2018. — 265 с.
7. Теркулов, В.И. Город как объект разноаспектного лингвистического исследования / В.И. Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2025. — Т. 24, № 2. — С. 17–28.
8. Ильин, Д.Ю. Структура функционально-семантического поля топонимов в языке региона / Д.Ю. Ильин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2010. — № 12. — С. 258.
9. Отин, Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. — Донецк: Юго-Восток, 2014. — С. 57–58.
10. Мартине, А. Предисловие / А. Мартине // Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. — С. 18.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Ремарочный пласт как компонент современной пьесы (на материале русской и британской драматургии XXI века)

Толкачёва К.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена сравнительному анализу ремарочного пласта в русской и британской драматургии XXI века.

Цель настоящей публикации — провести сопоставительный анализ начальных ремарок на материале двух пьес из каждой лингвокультуры — русской и британской, выявляя при этом их сходства и различия, отразившие общие тенденции формирования данного композиционно-речевого пласта в современной драматургии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты современных пьес М. Бартлетта и Л. Кирквуд, О. Степновой и С. Казанцева. В работе применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, дискурсивный анализ, методы композиционного и семантико-стилистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрено определение ремарки в справочных терминологических источниках, выявлены основные векторы эволюции данного композиционно-речевого пласта. Проанализированы стилистические и функциональные особенности начальных ремарок в пьесах современных российских и британских драматургов.

Заключение. Проведённый анализ позволяет констатировать, что ремарочный пласт в драматургии XXI века характеризуется расширением функционального диапазона и стилистического разнообразия. В британской драматургии преобладает сбалансированный подход к построению ремарки с тенденцией к лаконизму, тогда как для русской драматургии более характерна беллетризация и сценарность ремарочного пласта. В русских ремарках присутствуют языковые средства с очевидными образными и оценочными компонентами.

Ключевые слова: ремарка, современная драматургия, русская драматургия, британская драматургия, беллетризованная ремарка, оценочность, образность.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 106–109)

The System of Stage Directions as a Component of the Modern Play (Based on Russian and British 21st-Century Drama)

Tolkacheva K.Yu

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is devoted to a comparative analysis of the system of stage directions in Russian and British 21st-century drama.

The aim of the article is to conduct a comparative analysis of initial stage directions in two plays from each linguoculture — Russian and British — identifying their similarities and differences as well as revealing key trends in their function within contemporary playwriting.

Materials and methods. The research material includes the texts of contemporary plays by M. Bartlett, L. Kirkwood, O. Stepnova, and S. Kazantsev. The study employs the following research methods: the comparative-contrastive method, discourse analysis, and methods of compositional and semantic-stylistic analysis.

Findings and their discussion. The definition of a stage direction in reference terminological sources has been considered, and the main vectors of its evolution have been identified. The stylistic and functional features of initial stage directions in the plays of modern Russian and British playwrights have been analyzed.

Conclusion. The conducted analysis allows us to state that the system of stage directions in the 21st-century drama is characterized by an expansion of its functional range and stylistic diversity. British drama exhibits a balanced approach to stage directions, favoring conciseness, whereas Russian drama tends towards expansiveness and scriptability. Russian stage directions feature linguistic means with distinct imagery and evaluative components.

Key words: stage direction, contemporary drama, Russian drama, British drama, expanded literary stage direction, evaluativeness, imagery.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 106–109)

Драматургическое произведение традиционно образуют две композиционно-речевые зоны: зона персонажей (драматургический диалог) и зона автора, к которой относятся рамочные элементы произведения: заглавие, подзаголовок, предисловие, жанровая характеристика, список действующих лиц, ремарочный пласт и др. (часть из этих компонентов носит факультативный характер). Считается, что основной формой речевых проявлений авторского «голоса» являются ремарки, которые могут быть необыкновенно разнообразными по типам, выполняемым функциям, объёму и т.д.

Традиционно ремарка определяется как «компонент, внесённый историческим развитием драмы» [1], который эволюционировал от кратких служебных указаний до развернутых текстов, обладающих художественной ценностью. Эта эволюция особенно заметна при сравнении определений ремарки разных периодов. Так, в классическом учебном пособии Б.В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» (1925) подчёркивается, что «ремарки имеют **служебную роль** сообщения о художественном замысле актёрам и режиссёру и поэтому обычно излагаются простым, обычным прозаическим языком» (выделено нами. — *К.Т.*) [2]. Однако уже в более поздних справочных источниках, таких как «Литературный энциклопедический словарь» (1987) и «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001), где помещены определения ремарки, принадлежащие В.Е. Хализеву, отмечается, что «для многих пьес 20 в. характерна **развёрнутая, беллетризованная ремарка**» (выделено нами. — *К.Т.*) [3; 4].

Цель настоящей публикации — провести сопоставительный анализ начальных ремарок на материале двух пьес из каждой лингвокультуры — русской и британской, выявляя при этом их сходства и различия, отразившие общие тенденции формирования этого композиционно-речевого пласта в современной драматургии.

Актуальность обусловлена необходимостью исследования особенностей художественного произведения, которые в настоящее время изучены явно недостаточно, в то время как современная драматургия, так и словесно-художественные произведения в принципе, претерпели в последние десятилетия существенные изменения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили произведения представителей двух лингвокультур. Российская драматургия представлена творчеством **Ольги Степновой** — автора более 60 пьес, пользующихся популярностью у режиссёров и зрителей, в том числе не только в России, но и за рубежом, и **Сергея Казанцева** — автора 18 пьес, члена Гильдии драматургов России, пришедшего в драматургию в зрелом возрасте, но при этом уже завоевавшего своими пьесами определённое признание читателей и зрителей.

Британская драматургия рассмотрена на примере творчества **Майка Бартлетта** (Mike Bartlett) и **Люси Кирквуд** (Lucy Kirkwood) — ведущих современных драматургов, чьи произведения отмечены престижными национальными наградами (Olivier Award, Evening Standard Award, Writers' Guild Award и др.) и ставятся

на ведущих театральных площадках Великобритании (Royal Court, Almeida Theatre, National Theatre и др.) и США (Manhattan Theatre Club). В творческом багаже М. Бартлетта на сегодняшний день более 20 пьес, у Л. Кирквуд — более 10 пьес.

Основными методами исследования являются методы композиционного и семантико-стилистического анализа, дискурсивный анализ и сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. Изучение специфики ремарочного пласта в XXI веке требует предварительного анализа трактовок данного термина в различных справочных источниках для уточнения его содержания. Например, в словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» (2008) «**Ремарка** — драматургический термин, обозначающий пояснения, замечания, комментарии к изображаемому в драме событию. ...Ремарка должна отвечать на вопросы: где, когда совершается изображённое событие, кто участвует в нём, в какой зависимости изображённое событие находится с предшествующим ходом действия. Различаются в зависимости от функций **вступительные, технические и психологические** ремарки» (выделено нами. — *К.Т.*) [5]. В этом же источнике содержится замечание о возможной дополнительной функции вступительных ремарок, которые могут указывать режиссёру на «монтажную последовательность в изображении, что является отличительным признаком **сценарных** ремарок. Считается, что сценарная ремарка — это образная характеристика свершающегося в настоящий момент действия, которая **даёт направление для кинематографического прочтения**» (выделено нами. — *К.Т.*) [5]. Приведённое определение, фиксирующее появление сценарной ремарки и т.п., явно расширяющее как типологию, так и функции ремарок, свидетельствует, с нашей точки зрения, не просто о возросшей роли, а о качественном изменении природы ремарки в современной драме.

Особую ценность представляет содержащееся в определении ремарки замечание об исторической трансформации ремарочного пласта в справочном издании “A dictionary of literary terms and literary theory”: “**Printed texts of Elizabethan and Jacobean dramatists keep them to an absolute minimum** (e.g. Enter two servants; Music; Dies; Exit; Sings; Manet; Exeunt omnes; Stabs him). **Over the years they became more detailed and complex** and by the end of the 19th c. dramatists were providing elaborate directions and instructions. Shaw, perhaps more than anyone, exploited their possibilities very skilfully and usually at considerable length, often indicating exactly how he wanted anything to be said or done” [6] (*рус.* Печатные тексты драматургов елизаветинской и яacobинской эпох сводят их (ремарки) к абсолютному минимуму <...>. **С годами они становились более детализированными и сложными**, и к концу 19 века драматурги уже снабжали свои пьесы развёрнутыми указаниями и инструкциями. Шоу, пожалуй, как никто другой, мастерски использовал их потенциал, обычно прибегая к пространным ремаркам, в которых до мельчайших подробностей предписывал способ произнесе-

ния реплики и исполнения действий)¹. При этом словарь отмечает, что в драматургии XX века параллельно наметилась и обратная тенденция — к минимализму (лаконичным ремаркам), примером чему служит творчество Гарольда Пинтера: “In recent years there has been a reaction against this kind of elaboration. Some dramatists have gone to the other extreme and **pared direction to an austere simplicity**. A notable exponent of such frugal practice was Harold Pinter” (выделено нами. — К.Т.) [6] (рус. В последние годы наметилась реакция против подобной пространности. Некоторые драматурги заняли противоположную позицию, **сведя ремарки до предельной лаконичности**. Ярким представителем подобной сдержанной практики был Гарольд Пинтер).

Краткий обзор приведённых определений ремарки позволяет сделать вывод о трансформации ремарочного пласта в современной драматургии, в частности — о расширении диапазона выполняемых ремарками функций.

В настоящем исследовании предметом рассмотрения являются ремарки, размещаемые либо в начале всего произведения (начальные), либо предваряющие его отдельную композиционную часть (действие, акт, сцену и т.д.). Представляется, что именно эти, композиционно выделенные, ремарки могут оказать определённое влияние как на характер воплощения образов персонажей, так и на развитие драматургического действия в целом.

Типичным примером ремарки, формирующей представление у адресата драматургического произведения, является начальная ремарка первой сцены в пьесе Л. Кирквуд “Chimerica”:

*“An image of a man with two shopping bags in a white shirt, standing in front of a line of tanks. **It is important** he is Chinese... **but we cannot** see this from the photograph. **It is important** it was taken by an American... **but we cannot** know this simply by looking at it. **It is a photograph of heroism. It is a photograph of protest. It is a photograph of one country by another country**”* (выделено нами. — К.Т.) [7].

В приведённой ремарке не только содержится информация о персонаже и месте действия (китаец в белой рубашке, стоящий с покупками перед танками), но и проявляется авторская интерпретация визуального образа. Об этом свидетельствуют такие лексические единицы, как *heroism* и *protest*, которые представляют изображённое на фотографии событие как проявление мужества и акта публичного неповиновения, **несогласия** (ср. определения: «**Heroism** — great courage»; «**Protest** — a strong complaint expressing disagreement, disapproval, or opposition» [8]).

Экспрессивность данной ремарки усиливается определёнными стилистическими фигурами — в частности, параллелизмом составляющих ремарку фраз, **который проявляется в расположении смежных предложений, тождественных по своей грамматической структуре: *It is important he is Chinese... but we cannot see this from the photograph. It is important it was taken by***

an American... but we cannot know this simply by looking at it и т.д., что несвойственно традиционным ремаркам.

Следует отметить, что ремарки рассмотренного типа не являются доминирующими для произведений выбранных британских драматургов. Гораздо чаще для произведений М. Бартлетта и Л. Кирквуд характерна установка на лаконизм и использование нейтральной лексики, что соответствует типам традиционных ремарок. В пьесах М. Бартлетта “The 47th” (2022), “Wild” (2016), “Scandaltown” (2022) и Л. Кирквуд “The Welkin” (2020), “The Rapture” (2022) начальные ремарки в принципе не отличаются от традиционных, однако, как правило, имеют комплексный характер, совмещая в себе функции традиционных ремарок нескольких разновидностей: обозначение времени и места действия, обстановочные и т.п.:

“Mar-a-Lago.

Trump arrives on a golf buggy” [9];

В современной русской драматургии эволюция ремарочного пласта в сторону беллетризации и сценарности заметна в большей степени. Так, например, начальная ремарка пьесы О. Степновой «Родственные связи» (2016) имеет такой вид:

«1. ГОСТИНАЯ

Небогато обставленная гостиная, из гостиной — окно, занавешенное шторой и дверь, ведущая на балкон. Когда отдергивается штора, в окно видны перила балкона и тот, кто там стоит.

Самый выдающийся предмет интерьера в гостиной — старинное пианино.

Рядом с пианино большой старый шкаф, с распахивающимися дверцами, которые запираются на ключ.

На полках много книг.

Полумрак.

Маша с ногами сидит на диване, читает книгу.

У неё вид серой мыши — волосы собраны в небрежный пучок, очки, ни грамма косметики.

Рядом, на тумбочке дымит чашка с чаем.

Маша время от времени делает из чашки глоток, снова читает» (выделено нами. — К.Т.) [10].

Пространность ремарки и её композиционная структурированность (членение на абзацы, каждый из которых имеет свою микротему) позволяют автору не просто обозначить место действия, но и представить его атмосферу, образно конкретизировать изображаемое, что достигается путём использования слов-определений в переносном значении. Таким примером служит характеристика пианино как *выдающегося предмета интерьера*. Слово *выдающийся* имеет значение ‘выделяющийся среди других своими качествами; исключительный’ [11, с.169] и обычно служит определением к одушевлённому субъекту или абстрактному понятию (*выдающийся учёный, философ; выдающееся достижение, событие* [11, с. 169]). Однако в данном контексте это определение применено к предмету мебели — *старинному пианино*, практически переводя пианино в состав персонажей пьесы.

Безусловной экспрессией отличается выражение, характеризующее героиню пьесы — Машу: *серая мышь*.

¹Здесь и далее перевод англоязычной цитаты выполнен автором.

Эта характеристика представляет собой аллюзию к фразеологизму серая мышшка: «Серая мышшка (PHRAS) — девушка, женщина неприметной наружности, скромная, тихая» [12]. **Конкретизирующие внешность персонажа детали, на которые обращает внимание автор, служат иллюстрацией стереотипа неприметного образа: небрежный пучок, очки, ни грамма косметики.**

Начальную ремарку из пьесы С. Казанцева «Beautiful life» (2024) можно также отнести к беллетризованной — прежде всего за счёт развернутости, **включающей** описание места действия, внешнего вида и детальную последовательность действий персонажа:

*«ЛЕРА заходит в комнату, в руках у неё — тряпка и ведро воды. Она подходит к окну и, намочив тряпку, начинает протирать подоконник и стеклопакет. На ней рубаха и джинсы, с подвёрнутыми рукавами и штанинами, на голове — косынка, стянутая сзади узлом. Видно, что в квартиру недавно переехали — в углах стоят нераспакованные вещи, чемоданы. Мытьё окон доставляет ЛЕРЕ удовольствие — она негромко **напевает что-то себе под нос**. Затем, оставив тряпку на подоконнике, ЛЕРА подходит к журнальному столику, выбирает одну из магнитофонных кассет и вставляет её в магнитофон, нажимает кнопку «Пуск». Начинает играть композиция “Beautiful Life” группы “Ace of Base”. Сначала, ЛЕРА, раскинув в стороны руки, кружит по комнате, затем начинает подпевать, держа в руках воображаемый микрофон»* (выделено нами. — К.Т.) [13].

Данному фрагменту драматургического текста **присуща литературно-разговорная тональность, которая формируется за счёт использования отдельных средств, характерных для разговорной сферы общения.** На лексическом уровне это проявляется в употреблении разговорного слова *рубаха* вместо нейтрального *рубашка* (ср. словарную статью: «**Рубаха** (разг.) = Рубашка» [11, с. 1130]), а также фразеологизма (*напевать*) *себе под нос*, стилистически маркированного в словаре как просторечный со значением «очень тихо, невнятно» («**Под нос** (прост.) очень тихо, невнятно (бормотать, бубнить, бурчать и т.п.)» [14].

На синтаксическом уровне обозначенная тональность создаётся за счёт неполных предложений: *в руках у неё — тряпка и ведро воды; на ней рубаха и джинсы, с подвёрнутыми рукавами и штанинами, на голове — косынка.*

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ начальных ремарок в четырёх пьесах, представляющих современную драматургию — русскую и британскую, — позволил выявить следующие особенности.

Тенденция к беллетризации ремарки в начале XX в., на которую обращают внимание многие исследователи, в большей степени выражена в русской драматургии. Об этом свидетельствуют как формальные признаки: значительный объём, композиционная структурированность ремарки (членение на абзацы), — так и использование языковых средств с очевидными образными, оценочными и ценностно-образными компонентами, а также довольно большое число речевых элементов, характерных для нелитературных сфер общения.

Пьесы англоязычных авторов демонстрируют ремарки, практически полностью ориентированные на традиционные типы этих компонентов драматургического текста, отличаясь от них лишь некоторыми особенностями — к примеру, комплексным характером кратких ремарок, совмещающих обозначение времени, места, обстановки действия и т.п., а также наличием иногда элементов, заключающих авторскую оценку.

Перспективы проведённого исследования видятся в более глубоком и разноаспектном изучении ремарочной сферы современных пьес. В частности, интересными для исследователя может оказаться сравнительный анализ ремарок других композиционных частей произведения (прежде всего — заключительной части), а также изучение эволюции ремарочного пласта в творчестве отдельных драматургов.

Литература

1. Сахновский-Панкеев, В.А. Драма. Конфликт. Композиция / В.А. Сахновский-Панкеев. — СПб.: Искусство, 2000. — С. 188.
2. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н.Д. Тamarченко; комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тamarченко. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — С. 140.
3. Хализев, В.Е. Ремарка / В.Е. Хализев // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов. энцикл., 1987. — С. 293.
4. Хализев, В.Е. Ремарка / В.Е. Хализев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — Стб. 870.
5. Польшикова, Л.Д. Ремарка / Л.Д. Польшикова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко. — М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. — С. 206.
6. Cuddon, J.A. Stage directions / J.A. Cuddon // A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / J.A. Cuddon; rev. by M.A.R. Habib; assoc. ed. Matthew Birchwood [et al.]. — 5th ed. — UK: John Wiley & Sons, Ltd., Publication, 2013. — P. 680.
7. Kirkwood, L. Chimerica / L. Kirkwood // Plays 1. — London: Nick Hern Books Limited, 2016. — P. 494–737.
8. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 07.09.2025).
9. Bartlett, M. The 47th / M. Bartlett. — London: Nick Hern Books Limited, 2022. — 263 p.
10. Степнова, О. Родственные связи / О. Степнова // Театральная библиотека С. Ефимова. — URL: https://theatre-library.ru/authors/s/stepnova_olga (дата обращения: 12.08.2025).
11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
12. Толковый словарь русской разговорной речи. — М.: Изд. дом ЯСК, 2021. Вып. 4: С–Т / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Е.И. Голанова [и др.]; под ред. Л.П. Крысина. — С. 88.
13. Казанцев, С. Beautiful life / С. Казанцев // Театральная библиотека С. Ефимова. — URL: https://theatre-library.ru/authors/k/kazancev_serгей (дата обращения: 15.08.2025).
14. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — С. 419.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Репрезентация гастрономического кода в творчестве Владимира Короткевича

Гладкова А.А., Слесарева Т.П.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Ключевые аспекты изучения специфических особенностей гастрономического дискурса, репрезентация гастрономического кода на примере различных культур входят в ранг актуальных исследований в области лингвострановедения, лингвосомиотики, литературоведения.

В статье рассматриваются вопросы репрезентации гастрономического кода в творческом наследии Владимира Семёновича Короткевича как средства изображения национального характера и отражения истории Беларуси.

Цель статьи — выявить, как в произведениях В. Короткевича переданы признаки эпохи через гастрономический код.

Материал и методы. *Материалом для наблюдений послужили прозаические и лирические произведения В. Короткевича. При анализе использованы исторический метод, культурологический, а также общенаучные методы анализа и синтеза.*

Результаты и их обсуждение. *Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что под гастрономическим кодом подразумевается совокупность названий продуктов и блюд из них, процессов их приготовления, употребления, распространения, а также названий специй и сладостей, актуализирующих в сознании носителей языка определенные представления культурологического характера. Анализ отдельных произведений В. Короткевича показал, что на селе еще существует давняя традиция приготовления белорусских национальных блюд, прежде всего, из сала, картофеля и других овощей. Данные рецепты еще актуальны в сельской местности. Это объясняется традиционным патриархальным укладом деревенской жизни, которая веками сохраняет, «консервирует» накопленные гастрономические рецепты. Городская жизнь отличается употреблением тех продуктов, которые не всегда можно было приобрести на селе. Чувствуется, что городской житель имел больший выбор, чем деревенский.*

Заключение. *Таким образом, проведённый анализ гастрономических реалий в произведениях В. Короткевича позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, упоминание блюд и напитков является дополнительным средством отражения стиля определенной исторической эпохи. Замечается разница между гастрономическими деталями при описании города и деревни. Во-вторых, гастрономические детали выполняют функцию создания национального своеобразия белорусской действительности. В некоторых случаях это укрепляет стереотип о белорусах, которые «любят картошку и сало», с другой стороны, упоминание белорусских блюд позволяет сохранить национальную специфику произведений при переводах на другие языки.*

Ключевые слова: *гастрономический код, идиостиль, исторический роман, национальный характер, Владимир Короткевич.*
(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 110–115)

Representation of the Gastronomic Code in the Creativity of Vladimir Korotkevich

Gladkova A.A., Slesareva T.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The study of the specific features of gastronomic discourse and the representation of the gastronomic code in various cultures are among the most relevant research areas in linguistics, linguosemiotics, and literary studies.

The article explores the representation of the gastronomic code in the creative legacy of Vladimir Semenovich Korotkevich as a means of depicting the national character and reflecting the history of Belarus.

The purpose of the article is to identify how the features of the era are conveyed in V. Korotkevich's works through the gastronomic code.

Material and methods. *The lyrical works of V. Korotkevich and his novels were the material for observation. The analysis was conducted using historical, cultural, and general scientific methods of analysis and synthesis.*

Findings and their discussion. *The conducted observations confirmed the hypothesis that the gastronomic code refers to a set of names for food and dishes, the processes of cooking, consumption, and distribution, as well as the names of spices and sweets that evoke*

certain cultural representations in the minds of language speakers. An analysis of individual works by V. Korotkevich revealed that the rural population still follows the long-standing tradition of eating traditional Belarusian national dishes, particularly potatoes, lard, other vegetables. The rural Belarusians still remember the recipes for these ancient dishes. This is due to the traditional patriarchal way of life in the countryside, which has preserved gastronomic recipes for centuries. Urban life is characterized by the consumption of food that was not always available in the countryside. It is evident that urban residents had more choices than their rural counterparts.

Conclusion. Thus, the analysis of gastronomic realities in V. Korotkevich's works allows us to draw the following conclusions: firstly, the mention of dishes and beverages is an additional means of reflecting the style of a particular historical era. There is a noticeable difference in gastronomic details when describing the city and the countryside. Secondly, gastronomic details serve to create the national identity for Belarusian reality. In some cases, this reinforces the stereotype of Belarusians as "lovers of potatoes and lard", while on the other hand, the mention of Belarusian dishes helps to preserve the national specificity of the works when they are translated into other languages.

Key words: gastronomic code, idiostyle, historical novel, national character; Vladimir Korotkevich.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 110–115)

Творчество Владимира Семёновича Короткевича многосторонне исследовано отечественными литературоведами (А. Мальдис [1], А. Лойко [2], А. Воробей [3; 4], А. Русецкий [5; 6], О. Шинкаренко [7] и др.), однако для проведения качественного проблемно-тематического рассмотрения его произведений будет полезной разработка некоторых вопросов, которые пока не нашли должного осмысления. Например, одной из центральных тем как прозы, так и поэзии В. Короткевича является изображение национального характера и отражение истории Беларуси. Над раскрытием данной проблемы работают многочисленные бытовые детали, в частности, гастрономические.

Вопросы изучения специфических особенностей гастрономического дискурса, репрезентация гастрономического кода на примере различных культур входят в ранг актуальных исследований в области лингвострановедения, лингвосемиотики, литературоведения.

Цель статьи — выявить, как в произведениях В. Короткевича переданы признаки эпохи через гастрономический код.

Материал и методы. Материалом для исследования стали избранные разножанровые произведения Владимир Короткевича, в частности, его прозаические и лирические произведения, роман «Чёрный замок Ольшанский» [8; 9]. При анализе использованы исторический метод, культурологический метод, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Владимир Короткевич стоял у истоков исторического детектива в национальной литературе, среди образцов которого — повесть «Дикая охота короля Стаха» и роман «Чёрный замок Ольшанский». В 2023/2024 учебном году изучение романа введено в образовательную программу по белорусской литературе для общеобразовательных школ. Этот факт определяет актуальность современного научного исследования указанного произведения.

Исторический детектив В. Короткевича «Чёрный замок Ольшанский» был опубликован в 1979 году. Хронотоп романа охватывает события XVII века, время Великой Отечественной войны, послевоенные годы, при этом писатель использует особую композицию произведения, сочетающую прошлое и настоящее, что утверждает видение исторического времени

как смены событий, последствия которых найдут отклик в современности. Исследователь А. Новосельцева отмечала, что такое «*шматразовае часовае перакрываўанне дазваляе пісьменніку ўзмацніць эфект уздзеяння мінулага на сучаснасць*» [10, с. 63].

В современной науке понятие «код» широко используется в разных научных областях (психоллингвистика, семиотика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, теория коммуникации и др.), что указывает на междисциплинарный характер термина. Как отмечает В. Ермолаев, «*каждая национальная группа в пределах, как правило, одной страны имеет свой гастрономический код...*» [11, с. 100].

Гастрономический код значим при кодировании данных об окружающей действительности. Как правило, под гастрономическим кодом подразумевается совокупность названий продуктов и блюд из них, процессов их приготовления, употребления, распространения, а также названий специй и сладостей, актуализирующих в сознании носителей языка определенные представления культурологического характера. Гастрономический код указывает на специфику национальной культуры, транслирует уникальные ценности, отражает не только вкусовые пристрастия, но и социальное положение человека.

Бытовая деталь в художественном тексте играет роль маркера исторического времени. Отметим особое внимание Владимира Семёновича Короткевича к историческим деталям (это подчёркивал друг писателя, известный белорусский литературовед А. Мальдис). Рассмотрим такую особенность стиля писателя на примере романа «Чёрный замок Ольшанский». Главный герой историк Антон Космич живёт в 1960-е годы в минской квартире, описание его довольно традиционного завтрака следующее: «*Добра, калі трэскаецца аб бок патэльні яйка, і сквірчыць вядліна, і чарнее кава ў белай-белай філіжанцы!*» [5, с. 17].

Напитки представлены в романе следующими лексическими единицами: *кофе, молоко, вино, кефир, коньяк*. Анализ гастрономических деталей в эпизоде свидания главного героя с любовницей Зоей дополняется упоминанием распространённых в Советском Союзе марок вина «Немеш кадар», «Хванчкара», напоминающих действующим лицам их былую романтическую

историю. Отметим, что неявная ассоциация *опьянение—любовь* традиционна для мировой литературы, например, в лирике древнегреческого поэта Анакреонта или поэзии А. Пушкина, где неразрывный союз «Вакха и Амура» декларируется в знаменитых стихотворных обращениях («К Пушину», «Батюшкову», «Фиал Анакреона» и др.).

Примечательна следующая деталь: во время встречи Антона Космича и Зои на столе лежат яблоки, что видится символическим: в сознании читателя возникает ассоциация с фразеологизмом «яблоко искушения», который может быть истолкован как соблазн совершить грехопадение. В обстоятельствах внебрачной связи Зои с главным героем прочтение данного символа видится конкретным, однозначным.

Выскажем мнение, что лишённое национального своеобразия питание людей советской эпохи подчёркивает общность, одинаковость граждан, в то время как описание гастрономического выбора некоторых героев выступает как дополнительная характеристика их образа жизни и даже мировоззрения. Так, достаточно вспомнить эпизод, когда, будучи в Ольшанах, Космич посетил местного ксендза Леонарда Жиховича. В. Короткевич отмечает, что на ужин в доме Жиховича были поданы традиционные белорусские блюда стародавней кухни: карп, запеченный в тесте, анисовый травничек и даже «топелец», кипевший в масле. Как отмечает писатель, это были «*усе старыя беларускія травы, ледзь не з першай нашай кухарскай кнігі, «гаспадыні літоўскай», і «пакаштуўце гэтае варэнне са сцяблін аеру, самая ніжняя частка»* [9, с. 129–130].

Писатель, без сомнения, был знаком с известной в Беларуси книгой Анны Цюндевицкой «Литовская хозяйка, или Наука о содержании хозяйства в хорошем состоянии, а также вскармливании и содержании скота» (издание выходило анонимно в середине XIX века). Книга была очень популярной у хозяек, содержала более сотни кулинарных и лекарственных рецептов [12]. На её страницах есть рецепты приготовления анисовой настойки [12, с. 229], варенье из айра не упомянуто, но есть рецепт приготовления айра, сушеного в сахаре [12, с. 202].

Если гастрономические традиции в доме Жиховича консервативны и ориентированы на старобелорусский «шляхецкий» канон, то в семье Николая Вячорки, ещё одного жителя Ольшан, на столе стоят блюда крестьянской кулинарной традиции (сало, крепкие напитки). Так, на страницах романа встречаются белорусский «бальзан», который следует закусывать парниковой клубникой [9, с. 139], пиво «Лидское» (в советские годы редкость в сельской местности), *сушеная рыба, жареный картофель, домашняя колбаса, филе, куриный суп*.

В. Короткевич — прекрасный знаток истории Беларуси, её традиций и культуры, даёт в романе рецепт приготовления питьевого мёда («*Мёд варылі, відаць, не толькі з гваздзікай, карыцай, перцам і мушкатнай галкай, але і на амаль чыстым спірце»*) [9, с. 146].

Мёд — единственный продукт, который не портится тысячелетиями. Известно, что в древности мёд использовался в качестве консерванта, способного сохранить тело умершего от преждевременного гниения. Это уникальное свойство мёда знали наши предки и пользовались им. Так, в романе сказано, что сестра князя Витовта Ольшанского даёт приказ опустить тело умершего возлюбленного в мёд для последующего бальзамирования. Этот эпизод подчёркивает знания наших предков о мастерстве сохранения тела умершего человека и указывает на знакомство жителей ВКЛ со свойствами веществ разной природы.

Поездка Антона Космича в Ольшаны заканчивается, и в Минске его ждёт привычная атмосфера, которую украшают «*гарачы, амаль чорны з адлівам у бардовае чай», «вазачкі з трыма рознымі варэннямі», «цыплёнок, свежий кофе, коньяк»*.

Заметим, что крепкие напитки используются героями романа только в обстоятельствах максимального психологического напряжения или в редкие моменты встреч. В последней сцене романа, связанной с разоблачением героя-хамелеона Витовта Лыгановского, последний угощает гостей коллекционным армянским коньяком «Двин», что дополняет общую атмосферу квартиры Лыгановского, где хранятся экзотические вещи и оружие, привезённые из Индии и Африки, и служит символом прощания последнего из рода Ольшанских с жизнью.

Гастрономические реалии романа дополнены упоминанием веществ, сыгравших немаловажную роль в детективной коллизии произведения. Имеется в виду яд, полученный доктором Лыгановским из экзотического растения Вайо, способный вызывать у человека галлюцинации. Небольшое количество яда периодически попадало в сигареты Космича и Пташинского, что привело последнего к смерти от сердечного приступа, а историка-следователя к сновидениям-галлюцинациям, которые переносили героя в XVII век.

Исторические повести В. Короткевича создают особое художественное пространство, писатель романтизирует прошлое Беларуси, создавая уникальные по художественной силе образы представителей белорусского народа. При этом писатель говорит о нравственном падении шляхты накануне разделов Речи Посполитой, что отражено, например, в повести «Цыганский король». Писателя интересовала история не только средневековой Беларуси, но и положение края в XIX веке, когда белорусские земли находились в составе Российской империи. Гастрономические реалии в исторических повестях В. Короткевича служат характерными бытовыми деталями, которые создают особый, достоверный событийный фон, позволяют читателю больше узнать о жизни предков-белорусов.

В прозаическом наследии писателя встречаем произведение, где гастрономические детали малочисленны, например, рассказ «Паром на бурной раце», где их названий напитков встречаются только водка и чай. События происходят на паромной переправе

через Днепр, поэтому и слова с семантическим значением «еда и напитки» используются писателем редко. Из блюд упоминаются «гуркі са смятанаю, міска з варанымі кіяшамі» и сковорода, «на якой клекаталі смажаныя гусцёркі» [13, с. 8], также «юшка» и «каша» [13, с. 22].

В повести «Синяя-синяя» В. Короткевич создаёт особый, восточный колорит: события происходят в 1880 году на Ближнем Востоке, где главный герой попадает в трудную ситуацию. В пустыне наблюдается противостояние двух народов — туарегов и таргви — и Петрок Ясюкевич пытается спасти от смерти маленькую Джамилю, дочь шейха. В пустыне, где на солнцепёке находятся герои, нет воды, и очевидно, что участь героев predetermined: они погибнут от жажды. Но Джамиля начинает расспрашивать своего защитника о его далёкой родине, и эти воспоминания о белорусском «синем-синем» крае дают Петроку силы, чтобы выжить. Гастрономические детали повести немногочисленны, но показательны для ближневосточного региона — финики, вода. «Ён не помніў, якая яна на радзіме. Ён помніў, якая яна бывае тут. Саланаватая, з серавадародным пахам — у балацвінках велічынёй далонь, чыстая — у калодзежах» [13, с. 42]. Как отмечает автор, жители пустынных краёв питаются в основном финиками (которые пробуждают ещё большую жажду), мукой из разных злаков, используют жевательный табак, используют в пищу питательные *фиги, острые приправы, масло, окрашенное в оранжевый цвет, орехи, сушеное мясо* [13, с. 45, 53]. Финикам восточного края Петрок противопоставляет белорусские яблоки. В самом деле, этот фрукт — основа витаминного питания белорусов осенью и большую часть зимы. Неслучайно в православной традиции особо почитается яблочный Спас наравне со Спасом медовым и ореховым.

Богатый материал для нашего исследования даёт повесть В. Короткевича «Цыганский король», в первых строках которой встречаются гастрономические маркеры кулинарной традиции белорусов в XVIII веке: хлеб с холодным мясом, говядина, свинина, баранина, жареные гуси, домашние пироги, огурцы, груши, «чудоўныя праглы і перапечкі». Из крепких напитков упоминается в тексте «данцыгская залацістая гарэлка» [13, с. 81], пиво чёрное и белое, настойка «трижды девять», кюммель и мёд. Кюммель — это крепкий спиртной напиток, пряный ликёр, водка, которую настаивали на тмине, фенхеле, анисе. Гости в доме цыганского короля Знамеровского, которые сидели рядом с ним, «елі мядзвежыя шынкi, хрыбтавіну асятровую, смажанага лебедзя і іншыя дэлікатэсы. Засцянкавая шляхта — боршч з сасіскамі, разварную ялавічыну, палаткі, гарох са свінінай, [...] наперчаныя біткі» [13, с. 89]. Показательно, что разное социальное положение гостей определяет их место за столом и, следовательно, характер блюд, которые ставятся перед ними. Гости много пьют, объём выпитого шляхтой превышает разумные пределы: «Ён звык да штодзённай нормы ўжывання

віна шляхецкай вялікай сям'ёй — дванаццаць бутэлек. Першыя чатыры амаль паўсюль выпівалі за першым абедам, у дванаццаць гадзін дня. Другія чатыры — за другім, у чатыры гадзіны. За вячэраю, якая бывала, звычайна, ў 10–11 гадзін вечара, канчалі норму і больш не пілі» [13, с. 89]. Примечательно, что посуда, в которой подавались горячительные напитки, давала им особые названия: были «мядзвездзікі» и «удовы». Первые так назывались за форму бутылок в виде медведя, барана, льва, «удовы» были в виде бутылок-браслетов, которые надевались на руку как раз вдовами.

Говорит писатель и о том, что пьянство шляхты приведёт её к гибели: «П'янствуюць людзі — значыцца, каралеўства гіне» [13, с. 90].

За приёмом пищи часто решались в том числе и военные дела, как, например, это происходит в повести В. Короткевича «Сівая легенда». Снова на столе обильная калорийная пища на столе нобилей и «луста хлеба з салам, гарэлка на свята» у крестьян [13, с. 147]. Кроме традиционных пива, мёда, водки в повести упоминается отравленное вино, что указывает на тот факт, что одним из частых способов расправы с врагом или соперником было отравление пищи и напитков.

Примечательным художественным текстом в рамках исследования стала повесть В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», в которой наряду с традиционными крестьянскими «бульбай у місе» и «чорным, як зямля, хлебом» [13, с. 232] называются (на столе шляхты) местное вино, «калдуны з мясам» [13, с. 259], «вялізны гусь з бруснічным варэннем, індыковая ножка з яблыкамі, салёныя грыбы, дзесятак калдуноў, пампушкі з часнаком, кавалак шыначкі дзікага япрука» [13, с. 298].

Состоятельными гурманами XIX века особо ценились лосиные губы в подслащённом уксусе [13, с. 299]. В повести упоминается легендарный крепкий напиток «Трижды девять» — водка на 27 травах, рецепт которой белорусы взяли у литовцев. Завершают обильную трапезу поданные холодные пироги с гусиной печенью, «бліны з мацанкаю», «надзвычайныя штонікі з мясам, так і плаваюць у масле, святыя такіх не елі» [13, с. 310].

Поэзия В. Короткевича — ещё одна грань таланта писателя. Тонкий лирик, профессиональный знаток истории Беларуси, Владимир Семёнович и в стихотворениях, создавая художественный образ, часто использует гастрономические детали.

В нашем климате хорошо прижился такой овощ, как капуста, поэтому в белорусской кухне она пользуется популярностью. Как и наши предки, так и мы квасим капусту в больших количествах, чтобы вплоть до нового урожая готовить из нее щи, гарниры. По старинному белорусскому рецепту, квасят капусту, добавляя в нее соль, морковь, тмин. По желанию можно добавить яблоки или клюкву.

Именно процесс заготовки капусты на зиму и описал Владимир Семёнович Короткевич в стихотворении «На пачатку дарог»:

*Ў распараныя глоткі цёмных бочак
Плыве капуста белаю гарой.
Яе засыплюць соллю з чорным кмінам
І зоркамі чырвонай смачнай морквы,
Там-сям антонаўку для духу кінуць [8, с. 12].*

В Беларуси капусту часто добавляют в борщ:

— *Кума, кума, а што ты вячэраць варыла?
— Боршч, боршч, буракі [8, с. 25].*

Слово «борщ» в переводе со старославянского означает «свекла», поэтому суп и получил такое название.

Всегда богатый урожай давал лук, а чтобы луковички кормили семью до следующего лета, их наши бабушки хранили в косах. Вот поэтому часто в деревенской избе:

*Вязкі цыбулі вісяць,
Скварыцца каўбаса [8, с. 69].*

Во все времена у белорусов домашняя колбаса, «пальцем пиханная», выступала символом семейного благополучия и достатка. На Коляды даже самые бедные крестьянские дома накрывали стол с колбасами.

Любимым напитком многих выступает пиво. Несмотря на то, что сварить напиток по какому-то классическому рецепту или позаимствовать приёмы крафтовых пивоварен вряд ли кому-то удастся, поскольку технологии и рецептура засекречены, придумать свои собственные рецепты можно всегда.

Поэтому и привлекает читателя заяц, который «варит пиво»:

*Туман плыве знізіны сівы
Над нівай голай і пустой.
«Глядзіце, заяц варыць піва», —
Жартуюць людзі між сабой.*

Конечно, рядовой обыватель увидит просто стелющийся туман, а вот тонко чувствующий природу поэт:

*Відушчым бачыць зрокам,
Як ён прысеў каля агню,
Трыгубы, шэры, касавокі,
І піва варыць з ячмяню.*

В другом из своих стихотворений В. Короткевич упоминает ещё один хмельной напиток:

*Жанчыны тут сышліся «талакою»
Дапамагчы нашаткаваць капусты,
А каб сказаць на праўдзе, паспяваць,
Пажартаваць, забыўшы ноч і цемру,
Гарэлкі выпіць пасля працы лёгкай
І пачасаць нязлосна языкі [8, с. 12].*

Именно «гарэлкай» у нас в Беларуси называют крепкий напиток — водку. Свое название это спиртное получило от прямого перевода с немецкого языка Brent Wein — «горелое вино». В конце XV — начале XVI в. с германских земель гарэлка пришла в ВКЛ. Изначально её продавали в аптеках как лекарство. Но вскоре гарэлка стала вытеснять пиво и медовуху, приобретая популярность. Крепость белорусского «горелого вина» колебалась от 15–20% до 70%.

В поэтических произведениях автору часто удается противопоставить «свое», родное:

*Па ўкроне на гародзе,
Рэчках ціхіх і лянівых
І на сонкай белаі бульбе,
Што на стол яна дае [8, с. 68]*

с «чужим»:

*З усіх краін прыносяць караблі
Карыцу з пахам выспаў акіянскіх,
Гваздзіку, чорны і духмяны перац [8, с. 92].*

Основной продукт белорусской кухни — картофель (по-белорусски «бульба»). Слово «бульба» произошло от латинского *bulve*, что переводится как «луковица».

Картофель появился в Беларуси в XVIII в. благодаря последнему королю Речи Посполитой Станиславу Августу Понятовскому и очень быстро для селян-белорусов стал привычной и спасительной едой:

Ела бульбу, не бачыла сала [8, с. 45].

Видное место в национальной кухне белорусов занимает сало, которое использовали и как самостоятельный продукт, и как добавку во многие блюда. Хранению сала придавали большое значение, а неотъемлемой частью приданого невесты являлись кублы — специальные емкости для хранения сала.

Или, с одной стороны,

*Чырвоныя вялізныя амары
Гурманаў з нецярплівацю чакаюць [8, с. 92],*

Но автору хочется «край адшукаць, дзе пякуць бліны»,

*Каб позняй парою ўсе добрыя людзі
Сядзелі над смажаным шчупаком [8, с. 66].*

Сердцу поэта дорога картина:

*Ляжаць гуркі, брусельская капуста,
Радыс ружовы з беласнежнай дупкай.
А памідоры з вільгаццю гарачай
З-над дзяснаў сонцам пырскаюць у глоткі [8, с. 92].*

Заклучение. Проведённый анализ гастрономических маркеров в прозаических и лирических произведениях В. Короткевича позволяет утверждать, что включение в художественный текст названий блюд и напитков, описание их истории и способа приготовления (в отдельных случаях) является дополнительным средством презентации бытовых реалий определённой исторической эпохи. Так, при описании города и деревни писатель делает акцент на разнице между гастрономическими деталями, подчёркивая тот факт, что на селе еще существует давняя традиция приготовления белорусских национальных блюд, прежде всего, из сала, картофеля и других овощей. Данные рецепты еще актуальны в сельской местности. Это легко объясняется традиционным патриархальным укладом деревенской жизни, которая веками сохраняет, «консервирует» накопленные гастрономические рецепты. А городской житель имел доступ к таким продуктам, которые не всегда можно было приобрести на селе.

Кроме того, в художественных текстах гастрономические детали выполняют функцию создания национального своеобразия белорусской действительности. В некоторых случаях это укрепляет стереотип о белорусах, которые «любят картошку и сало», с другой стороны, упоминание белорусских блюд позволяет сохранить национальную специфику произведений при переводах на другие языки.

Литература

1. Мальдис, А.И. Житие и вознесение Владимира Короткевича: Портрет писателя и человека / А. Мальдис. — Минск: Маст. літ., 1990. — 229 [1] с.
2. Лойка, А.А. Караткевіч Уладзімір Сямёнавіч / А.А. Лойка // Беларуская савецкая энцыклапедыя. — Мн.: Беларус. сав. энцыкл., 1972. — Т. V.
3. Верабей, А.Л. Жывая павязь часоў: Нарыс творчасці У. Караткевіча / А.Л. Верабей. — Мн: Выш. шк., 1985. — 118 с.
4. Верабей, А.Л. Уладзімір Караткевіч. Жыццё і творчасць / пад рэд. Т.А. Гарбачэўскай — 2-е. выд. — Мн.: Беларус. навука, 2005. — 271 с.
5. Русецкий, А.В. Владимир Короткевич: через историю в современность Заметки лит. творчества / А.В. Русецкий. — Минск: Маст. літ., 1991. — 285 [2] с.
6. Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць / А. Русецкі. — Мн., 2000. — 300 с.
7. Шынкарэнка, В. Пад ветразем дабра і прыгажосці / В. Шынкарэнка. — Мн., 1995. — 175 с.
8. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. — Мн.: Маст. літ., 1987. — Т. 1. Вершы, паэмы. — 431 с.
9. Караткевіч, У. Чорны замак Альшанскі: Раман, апавесць / У. Караткевіч. — Мн.: Маст. літ., 1983. — 359 с.
10. Навасельцава, Г.В. Мастацкае асэнсаванне мінулага ў творчасці празаікаў Віцебшчыны: манаграфія / Г.В. Навасельцава. — Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2011. — 104 с. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/2572>.
11. Ермолаев, В.А. Гастрономический код как фактор межкультурной коммуникации / В.А. Ермолаев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры. — 2022. — № 60. — С. 98–105.
12. Першая беларуская гаспадарча-кулінарная энцыклапедыя: Літоўская гаспадыня / прадм. А.І. Мальдзіса. — Мн.: Беларусь, 2012. — 383 с.
13. Караткевіч, У. Дзікае паляванне караля Стаха: Апавесці, апавяданні: для ст. шк. узросту / У. Караткевіч. — Мн.: Маст. літ., 1995. — 511 с.

Поступила в редакцию 17.10.2025

Своеобразие синтаксического оформления несобственно-прямой речи в романе “Persuasion” («Доводы рассудка») Jane Austen (Джейн Остен): сопоставление оригинального и переводного текстов

Зайцева И.П., Аршанская Е.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Проблемы разноаспектного исследования художественной речи (языка художественной литературы) в настоящее время по-прежнему остаются в числе актуальных не только для лингвистической и в целом филологической науки. Они представляют безусловный интерес и для множества междисциплинарных областей, сформировавшихся в гуманитарной науке преимущественно на рубеже нынешнего и минувшего столетий, таких как лингвистическая поэтика, психолингвистика, филологическая герменевтика и многие другие.

Цель настоящей публикации — сопоставительный анализ синтаксических конструкций, оформляющих несобственно-прямую речь, в оригинальном и переводном текстах известного романа “Persuasion” («Доводы рассудка») британской писательницы рубежа XVIII–XIX вв. Jane Austen (Джейн Остен).

Материал и методы. Материалом исследования в данном случае послужили тексты романа Дж. Остен: оригинальный англоязычный и переводной на русский язык (перевод выполнен Евгенией Суриц).

В ходе исследования использовалась группа общенаучных методов, среди которых наблюдение, сопоставление и обобщение; а также специальные филологические и лингвистические методы: интерпретационный и контекстуальный анализа.

Результаты и их обсуждение. Среди перечисленных ранее композиционно-речевых пластов, образующих прозаическую словесно-художественную структуру, несобственно-прямая речь представляет наиболее сложно вычленимый, поскольку по сравнению с другими компонентами прозаического текста границы его оказываются весьма нечёткими, «размытыми». Обращение к конструкциям с несобственно-прямой речью исследователи справедливо относят к характерным особенностям творческого почерка Дж. Остен, более того — усматривают, как А.А. Палий, новаторство писательницы в их использовании. Анализ некоторых черт авторской индивидуально-стилистической манеры Дж. Остен, проявившихся при оформлении рассматриваемых конструкций в её последнем, с безусловной выраженной психологичностью, романе “Persuasion” («Доводы рассудка») посвящена и одна из работ авторов настоящей публикации. В данном случае наша задача — продолжить выявление своеобразия авторского подхода при обращении к созданию конструкций с несобственно-прямой речью, сосредоточив основное внимание на синтаксическом уровне словесно-художественного текста — в двух вариантах: оригинальном и переводном.

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ конструкций несобственно-прямой речи, функционирующих в романе “Persuasion” Jane Austen и в его переводном варианте на русский язык («Доводы рассудка» Дж. Остен), позволяет прийти к следующим выводам. Синтаксическое оформление данной композиционно-речевой структуры, совмещающей «голоса» автора и персонажа, при переводе словесно-художественного произведения, безусловно, имеет определённые отличия, хотя существующие при этом сходства оказываются более явным и многоплановым.

Поэтому при выявлении отличительных особенностей в обозначенных структурах исследовательское внимание целесообразно сосредоточить на других текстовых уровнях, «каркасом» которых служит уровень синтаксический: лексико-семантическом, морфологическом и словообразовательном, а также стилистическом — несходство которых очевидно уже даже при поверхностном знакомстве с оригинальным и переводным текстами романа.

Ключевые слова: словесно-художественное прозаическое произведение, роман “Persuasion” Jane Austen, художественный перевод, композиционно-речевые зоны, несобственно-прямая речь, синтаксическое оформление, сложные синтаксические структуры.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 116–120)

The Syntactic Distinction of Indirect Speech in Jane Austen's Novel "Persuasion": a Comparison of the Original and the Translated Texts

Zaitseva I.P., Arshanskaya E.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The problems of multifaceted research into artistic speech (the language of fiction) remain relevant today, not only for linguistics but also for philology in general. They are also of undoubted interest to numerous interdisciplinary fields that emerged in the humanities, primarily at the turn of the last century — such as linguistic poetics, psychopoetics, philological hermeneutics, and many others.

The purpose of the publication is a comparative analysis of the syntactic constructions that form indirect speech in the original and translated texts of the famous novel "Persuasion" by the British writer of the turn of the 18th and 19th centuries Jane Austen.

Material and methods. *The research material in this case was the texts of Jane Austen's novel: the original English version and the Russian translation (translated by Evgenia Surits).*

The study utilized a range of general scientific methods, including observation, comparison, and generalization, as well as specialized philological and linguistic methods: interpretive and contextual analysis.

Findings and their discussion. *Among the previously listed compositional and speech layers that form the prose verbal and artistic structure, indirect speech is the most difficult to isolate, as compared to other components of the prose text, its boundaries are quite unclear, "blurred". Researchers rightly consider the use of indirect speech constructions to be characteristic features of J. Austen's creative style; moreover, they see, as A.A. Paliy did, the writer's innovative use of them. One of the authors' of the publication work addresses an analysis of some of the features of J. Austen's individual-stylistic manner, manifested in the design of these constructions in her final novel, "Persuasion", which is undeniably psychologically charged. In this case, our task is to continue identifying the uniqueness of the author's approach when turning to the creation of constructions with indirect speech, focusing primarily on the syntactic level of the verbal-artistic text — in two versions: the original and the translated.*

Conclusion. *A comparative analysis of the indirect speech constructs found in Jane Austen's novel "Persuasion" and its Russian translation allows us to reach the following conclusions. The syntactic design of this compositional speech structure, which combines the 'voices' of the author and the character, undoubtedly exhibits certain differences when translating a literary work, although the similarities are more obvious and multifaceted.*

Therefore, when identifying distinctive features in these structures, it is advisable to focus research attention on other textual levels, the framework of which is the syntactic level: lexical-semantic, morphological, and word-formation, as well as stylistic — the dissimilarities of which are evident even upon a cursory examination of the original and the translated texts of the novel.

Key words: *literary prose work, novel "Persuasion" by Jane Austen, literary translation, compositional-speech zones, indirect speech, syntactic design, complex syntactic structures.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 116–120)

Проблемы разноаспектного исследования художественной речи (языка художественной литературы) в настоящее время по-прежнему остаются в числе актуальных не только для лингвистической и в целом филологической науки. Они представляют безусловный интерес и для множества междисциплинарных областей, сформировавшихся в гуманитарной науке преимущественно на рубеже нынешнего и минувшего столетий — таких как лингвистическая поэтика, психопоэтика, филологическая герменевтика и многие другие, поскольку именно для художественной речи, являющейся «языковой формой выражения образного содержания произведений словесного искусства», характерно «непрерывное использование эстетической (поэтической) функции языка, подчинённой задачам воплощения авторского замысла, тогда как в иных видах речи она проявляется лишь спорадически» [1].

При исследовании языка литературно-художественных произведений необходимо учитывать жан-

рово-стилистическую принадлежность последних, поскольку используемые в них авторами языковые средства (в том числе и разного рода речевые новообразования, создаваемые самими писателями) по-разному организуются и также нередко наделяются неодинаковыми смыслами, что, конечно же, влияет и на процесс читательского восприятия.

С позиций современного знания, словесно-художественное прозаическое произведение представляет собой структуру, в которой взаимодействуют несколько композиционно-речевых пластов, основными из которых являются:

авторская речь, реализуемая в нескольких вариациях; речь *персонажей* произведения, которая также может воплощаться в нескольких формах (речь внешняя, которая может быть монологической и диалогической; внутренняя речь);

а также особая, очевидно синкретичная форма речи, квалифицируемая исследователями как *несобственно-прямая*, или *несобственно-авторская* речь.

Цель настоящей публикации — сопоставительный анализ синтаксических конструкций, оформляющих несобственно-прямую речь, в оригинальном и переводном текстах известного романа *“Persuasion”* («Доводы рассудка») британской писательницы рубежа XVIII–XIX вв. **Jane Austen** (Джейн Остен).

Материал и методы. Материалом исследования в данном случае послужили тексты романа Дж. Остен: оригинальный англоязычный [2] и переводной на русский язык (перевод выполнен Евгенией Суриц) [3].

В ходе исследования использовалась группа общенаучных методов, среди которых наблюдение, сопоставление и обобщение; а также специальные филологические и лингвистические методы: интерпретационный и контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Среди перечисленных ранее композиционно-речевых пластов, образующих прозаическую словесно-художественную структуру, несобственно-прямая речь представляет наиболее сложно вычленимый, поскольку по сравнению с другими компонентами прозаического текста границы его оказываются весьма нечёткими, «размытыми». Это отражено и в существующих на сегодня определениях данного феномена — ср., в частности: *«несобственно-прямая речь, или несобственно-авторская речь, — стилистический приём художественной речи, состоящий в соединении особенностей прямой и косвенной речи и служащий созданию эффекта многоголосия, диалогизации отношений между повествователем и персонажем и между персонажами повествовательного художественного текста, а также для реализации целого ряда сопутствующих прагматических и изобразительных функций. ... В соответствии с авторским замыслом разные формы несобственно-прямой речи представляют персонаж в комическом, ироническом или пародирующе-сатирическом свете. Понимание и анализ таких текстов требуют глубокого проникновения в смысл произведения, в творчество писателя в целом, в характер литературного направления и исторической эпохи»* [Ковтунова 2002: 70]» (выделено нами. — *И.З., Е.А.*) [4]. Высказанное мнение предопределяет особое внимание ко всем лингвистическим параметрам, которые используются авторами при оформлении конструкций с несобственно-прямой речью: лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим, композиционным, поскольку в комплексном взаимодействии все перечисленные и другие средства и создают то своеобразие, которое свойственно данному феномену.

Обращение к конструкциям с несобственно-прямой речью исследователи справедливо относят к характерным особенностям творческого почерка Дж. Остен, более того — усматривают, как А.А. Палий, новаторство писательницы в их использовании [5]. Анализу некоторых черт авторской индивидуально-стилистической манеры Дж. Остен, проявившихся при оформлении

рассматриваемых конструкций в её последнем, с безусловной выраженной психологичностью, романе *“Persuasion”* («Доводы рассудка») посвящена и одна из работ авторов настоящей публикации [6]. В данном случае наша задача — продолжить выявление своеобразия авторского подхода при обращении к созданию конструкций с несобственно-прямой речью, сосредоточив основное внимание на синтаксическом уровне словесно-художественного текста — в двух вариантах: оригинальном и переводном.

Исследователи, описывающие феномен несобственно-прямой речи как особой композиционно-речевой формы художественного прозаического произведения, сходятся во мнении о том, что данная структура не имеет типизированного синтаксического оформления. «В синтаксическом отношении такая речь не имеет отличий от авторской. Она позволяет писателю совмещать собственно-авторскую характеристику героя с его самохарактеристикой, переплетать авторскую речь с речью персонажа. Речь формально ведётся от автора, но содержание высказываний (по лексике, словоупотреблению, синтаксису, интонации) отчасти переносится в область мышления и речи литературного героя. Тем самым автор становится близким герою или даже может объединяться с ним (по формулировке М.М. Бахтина, ценностно осознавать себя в авторитетном другом)» [7].

Безусловно, рассматриваемые конструкции при переложении созданного писателем текста средствами иной лингвокультуры, т.е. при переводе на другой язык, требуют от переводчика не только весьма существенных усилий, но и глубокого знания языка оригинала произведения, а также обладания языковым чутьём.

В анализируемом романе Дж. Остен рассматриваемые конструкции используются автором преимущественно при характеристике главной героини — девушки Энн Эллиот (**Anne Elliot**), за которой читатель имеет возможность наблюдать в течение десятилетнего периода. Именно в эти годы Энн завершает своё личностное формирование, расставаясь со своим прежним, во многом романтическим отношением к жизни: пройдя через довольно много испытаний, она несколько иначе — более реалистично — начинает оценивать и взаимоотношения между людьми. Становление личности Энн — девушки очень неглупой и при этом тонко чувствующей — ожидаемо связано с постоянными размышлениями, рефлексированием, что обуславливает выраженный психологизм романа, для передачи которого конструкции с несобственно-прямой речью оказываются одним из наиболее адекватных способов воплощения.

Обратимся к анализу конкретного текстового материала, который для удобства сопоставления даётся в таблице (тексты оригинального и переводного текстов романа цитируются по изданиям, указанным в списке литературы [2; 3]; в скобках указывается номер страницы по этим источникам):

№ п/п	Оригинальный текст произведения	Переводной текст произведения
1	<i>She often told herself it was folly, before she could harden her nerves sufficiently to feel the continual discussion of the Crofts and their business no evil</i> (p. 43)	Долго ещё потом повторяла она в душе, что всё это безумие, и невозможно, пока совсем не овладела собою и не сообразила наконец, что разговоры о Крофтах ничем дурным ей не грозят (с. 456)
2	<i>She could do justice to the superiority of Lady Russell's motives in this, over those of her father and Elizabeth; she could honour all the better feelings of her calmness; but the general air of oblivion among them was highly important from whatever it sprung; and in the event of Admiral Croft's really taking Kellynch Hall, she rejoiced anew over the conviction which had always been most grateful to her, of the past being known to those three only among her connexions, by whom no syllable, she believed, would ever be whispered, and in the trust that among his, the brother only with whom he had been residing, had received any information of their short-lived engagement. That brother had been long removed from the country and being a sensible man, and, more-over; a single man at the time, she had a fond dependence on no human creature's having heard of it from him</i> (p. 44)	Она понимала, что леди Рассел в невозмутимости своей руководится соображениями более высокими, нежели отец или Элизабет; она отдавала должное её добрым чувствам; но чем бы ни вызывалась эта странная забывчивость, важно то, что все трое одинаково её выказывали; и на тот случай, если адмирал Крофт и вправду поселится в Киллинч-холле, она снова прибегла к мысли, уже не раз служившей ей утешением, что из её близких прошлое знают лишь трое, и они-то ни единым словом ни о чём не обмолвятся, от него же, надо надеяться, только брат, у которого он тогда гостил, мог слышать о недолгой помолвке. Брат этот давно уехал куда-то, и, будучи человеком благородным, а вдобавок ещё неженатым, едва ли он хоть одной живой душе о том проболтался (с. 456)
3	<i>The sister, Mrs Croft, had then been out of England, accompanying her husband on a foreign station, and her own sister, Mary, had been at school while it all occurred; and never admitted by the pride of some, and the deliency of others, to the smallest knowledge of it afterwards</i> (с. 44)	Сёстры же его, миссис Крофт, тогда не было в Англии, ибо она отправилась с мужем к месту его назначения; а собственная её сестрица Мэри была в школе, когда всё это случилось, и уж потом, из-за чьей-то гордости, а чьей-то деликатности, конечно, ничего так и не узнала (с. 456)
4	<i>With these supports, she hoped that the acquaintance between herself and the Crofts, which, with Lady Russell, still resident in Kellynch, and Mary fixed only three miles off, must be anticipated, need not involve any particular awkwardness</i> (с. 45)	Рассчитывая на это всё, она надеялась, что знакомство её с Крофтами, к которому, при том что леди Рассел остаётся в Киллинче и Мэри от него всего в рёх милях, надо быть готовой, не повлечёт за собой чрезмерных неудобств (с. 456)

Во всех приведённых фрагментах автор передаёт мысли Энн по тому ли иному поводу, однако ни в одном из этих случаев автор не оформляет их как чужую — прямую — речь, становясь таким образом на позицию персонажа и сохраняя большую часть речевых особенностей последнего. На синтаксическом уровне в первую очередь следует обратить внимание на *структурные* особенности используемых автором синтаксических конструкций: это (как в оригинальном, так и в переводном вариантах текста) только *сложные* предложения, причём практически все они не двухчастные, а с большим числом компонентов. Такой синтаксический рисунок позволяет передать сложность и явную глубину внутреннего мира Энн, которой, как человеку мыслящему и порядочному, свойственно многое подвергать сомнению, проецировать собственные поступки на взаимоотношения с окружающими и т.п. Однако нюансы размышлений Энн, передаваемые преимущественно различными придаточными предложениями, которые типологически не всегда совпадают в оригинальном и переводном

вариантах произведения, что может быть обусловлено как типологическими отличиями двух языков, так и индивидуально-стилистическими особенностями переводчика.

Так, во фрагменте 1, который передан в переводе максимально близко к оригинальному тексту, в первой части высказывания наблюдается распространённое в синтаксисе английского языка явление — пропуск союза *that*, присоединяющего придаточное дополнения к главному [8] — ср. начальные части этих высказываний, представляющих сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными (= дополнения): *She often told herself it was folly* — Долго ещё потом повторяла она в душе, что всё это безумие.

Аналогичное явление наблюдается в начальной части фрагмента 2 — ср.: *She could do justice to the superiority of Lady Russell's motives in this, over those of her father and Elizabeth* — Она понимала, что леди Рассел в невозмутимости своей руководится соображениями более высокими, нежели отец или Элизабет.

При этом первое, весьма объёмное, высказывание данного фрагмента в переводе структурно соответствует оригиналу практически полностью: в нём сохранены отношения между частями сложного многокомпонентного предложения (отношения подчинения и бессоюзной связи). Однако в переводном варианте структура анализируемого высказывания по сравнению с оригинальным усложнена: сложная синтаксическая конструкция имеет **13** грамматических основ, части из которых в оригинале соответствуют обороты, не являющиеся предложениями. Несовпадение наблюдается и в порядке членов предложения (как известно, в английском языке он отличается большей закреплённостью): так выражение *among the only three of her own friends in the secret of the past* — в переводе: *из её близких прошлое знают лишь трое* — помещено переводчицей в иную позицию, что несколько изменяет рисунок актуального членения предложения, делая его более привычным для русской синтаксической системы.

Некоторые структурные трансформации в оформляющих рассматриваемые фрагменты несобственно-прямой речи синтаксических конструкциях наблюдаются и в других случаях. Так, начальная часть фрагмента 3, представляющая в оригинальном тексте двусоставное предложение, осложнённое причастным оборотом: *The sister, Mrs Croft, had then been out of England, accompanying her husband on a foreign station* — в переводе представляет собой сочетание односоставного (безличного) и двусоставного предложений: *Сёстры же его, миссис Крофт, тогда не было в Англии, ибо она отправилась с мужем к месту его назначения.*

В то же время во фрагменте 4 можно наблюдать полное совпадение по структуре высказываний оригинального и переводного вариантов произведения — они отличаются лишь лексико-семантическим наполнением.

Заключение. Проведённый сопоставительный анализ конструкций несобственно-прямой речи, функционирующих в романе “*Persuasion*” Jane Austen и в его переводном варианте на русский язык («Доводы рассудка» Дж. Остен), позволяет прийти к следующим выводам. Для синтаксического оформления данной композиционно-речевой структуры, совмещающей «голоса» автора и персонажа, при переводе словесно-художественного произведения, безусловно, характерны определённые отличия, хотя имеющиеся при этом сходства оказываются более явными и многоплановыми.

Поэтому при выявлении отличительных особенностей в обозначенных структурах исследовательское внимание целесообразно сосредоточить на других текстовых уровнях, «каркасом» которых служит уровень синтаксический: лексико-семантическом, морфологическом и словообразовательном, а также стилистическом — несходство которых очевидно уже даже при поверхностном знакомстве с оригинальным и переводным текстами романа.

Именно анализ этих уровней, который предполагается осуществить в дальнейшем, как представляется, позволит в значительно большей степени выявить и интерпретировать индивидуально-стилистические характеристики как автора, так и переводчика.

Литература

1. Григорьев, В.П. Речь художественная / В.П. Григорьев // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов. энцикл., 1987. — С. 323.
2. Austen, J. *Persuasion* / J. Austen. — М.: Изд-во АСТ, 2024. — 384 с.
3. Остен, Дж. Доводы рассудка; пер. Е. Суриц / Дж. Остен // Остен, Дж. Собр. соч.: в 3 т. — М.: Худ. лит., 1989. — Т. 3. — С. 430–657.
4. Бернацкая, А.А. Несобственно-прямая речь, или несобственно-авторская речь / А.А. Бернацкая // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова; члены редкол.: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. — С. 338–339.
5. Палий, А.А. Несобственно-прямая речь в романах Джейн Остен как одно из проявлений её стилистического новаторства / А.А. Палий // Омский научный вестник. Филологические науки. — 2011. — № 5(101). — С. 136–138.
6. Зайцева, И.П. Несобственно-прямая речь как способ воплощения образа персонажа (на материале романа Дж. Остин «Доводы рассудка» и его перевода на русский язык) / И.П. Зайцева, Е.Е. Аршанская // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. / УО «МГПУ им. И.П. Шамякина»; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. — Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2025. — С. 97–103.
7. Кравченко, Э.Я. Несобственно-прямая речь / Э.Я. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. — М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. — С. 144.
8. Левицкий, А.Э. Сопоставительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / А.Э. Левицкий, Л.Л. Славова. — 2-е изд., испр. и доп. — Киев: «Освіта України», 2007. — С. 191.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Гендерный компонент в системе названий улиц городов Юго-Западной Англии

Прищепа М.М.

Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета”
государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

Гендерный анализ в ономастике представляет собой новое направление, которое изучает богатый пласт национально-культурной и социальной информации, содержащийся в именах собственных.

Цель публикации — установить репрезентацию гендерных особенностей в номинациях внутригородских линейных объектов Юго-Западной Англии.

Материал и методы. *Источником материала исследования послужили списки названий улиц английских городов (1788 единиц), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов; использовались методы инвентаризации и систематизации ономастического материала, семантического описания и структурного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *В статье выявляются гендерные особенности наименований внутригородских линейных объектов Юго-Запада Англии как на уровне статистической структуры урбанонимов (86,5% общего количества антропонимов образованы от имён и фамилий мужчин и 13,5% образованы от имен и фамилий женщин), так и в их качественном наполнении (соотношении сфер деятельности лиц, имена которых стали основой при номинации годонимов). Анализ данных позволил установить ряд отличительных характеристик объективации «фемининного» и «маскулинного» наборов гендерной асимметрии в системе названий английских улиц. Наиболее социально значимыми в разряде «мужских» наименований в городах оказываются такие группы номинаций, как «деятели науки и искусства» (21,0%), «государственные деятели» (20,2%), «религиозные деятели» (16,0%), в разряде «фемининных» наименований — «королевские особы» (5,3%), «святые» (4,1%), «деятели науки и искусства» (2,7%).*

Заключение. *Асимметрия мужских и женских имён в городском пространстве является глобальной культурной проблемой, решение которой способствует пониманию важности гармонии в гендерной урбанонимии и годонимии.*

Ключевые слова: *урбаноним, годоним, гендерные особенности, классификация внутригородских линейных объектов, Юго-Запад Англии.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 121–125)

The Gender Component in the System of City Street Names in South-West England

Pryshchepa M.M.

Education Establishment “Vitebsk State Order of Badge of Honor Academy
of Veterinary Medicine”, Vitebsk

Gender analysis in onomastics is a new direction that studies the rich layer of national, cultural and social information contained in proper names.

The purpose of the article is to establish the representation of gender characteristics in the nominations of inner-city linear objects in South-West England.

Material and methods. *The source of the research material was the lists of street names of English cities (1,788 units) obtained by continuous sampling from toponymic dictionaries, topographic maps and Internet resources, using methods of inventory and systematization of onomastic material, semantic description and structural analysis.*

Findings and their discussion. *The article reveals the gender characteristics of the names of inner-city linear objects in the South-West of England both at the level of the statistical structure of urbanonyms (86.5% of the total number of anthroponyms are*

formed from the names and surnames of men and 13.5% are formed from the names and surnames of women) and in their qualitative content (the ratio of the spheres of activity of persons whose names became the basis for the nomination godonyms). The analysis of the data allowed us to establish a number of distinctive characteristics of the objectification of the feminine and masculine sets of gender asymmetry in the English street naming system. The most socially significant in the category of 'male' names in cities are such groups of nominations as scientists and artists (21.0%), statesmen (20.2%), religious figures (16.0%), in the category of 'feminine' names — royals (5.3%), saints (4.1%), scientists and artists (2.7%).

Conclusion. The asymmetry of male and female names in urban space is a global cultural problem the solution of which contributes to an understanding of the importance of harmony in gender urbanonymy and godonymy.

Key words: urbanonym, godonym, gender characteristics, classification of inner-city linear objects, South-West of England.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 121–125)

Возникновение гендерных исследований как отдельного направления в лингвистике относится к середине 1990-х гг., когда в научное описание был введён термин *гендер*. В настоящее время не вызывает сомнений, что практически все области языка, включая ономастику, можно исследовать с гендерной точки зрения [1; 2]. Ономастический материал, содержащий богатую национально-культурную и социальную информацию, лишь в последнее время стал выступать объектом анализа с позиций гендерного подхода [3–5]. Первые из работ, посвящённые изучению белорусских урбанонимов с позиций гендерной интерпретации, появились в 90-х гг. XX века [6]. Кроме того, осуществлено исследование особенностей проявления гендера в белорусской викионимии [7]. Наибольшим интересом в современных ономастических исследованиях пользуется анализ гендера урбанонимов в разных странах в сравнительном аспекте [8]. Урбанонимикона населённых пунктов того или иного народа характеризуются различным соотношением мемориальных названий улиц, данных в честь мужчин и женщин. Учитывая неравномерную представленность в языке в целом номинаций для лиц мужского и женского пола, можно отметить, что андроцентризм проявляется и в наименованиях городских линейных объектов. Асимметрия мужских и женских имён в городском пространстве — глобальная культурная проблема, способствующая пониманию важности гармонии в гендерной урбанонимии и годонимии.

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью урбанонимных систем различных стран в данном аспекте.

Цель настоящей статьи — установить репрезентацию гендерных особенностей в номинациях внутригородских линейных объектов Юго-Западной Англии.

Материал и методы. Источником материала нашего исследования послужили списки названий улиц восьми городов (1788 единиц) Юго-Западной Англии (Бристоль, Борнмут, Плимут, Суиндон, Глостер, Торки, Челтнем, Эксетер), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streefview [9].

Методологический инструментарий настоящего ономастического гендерного исследования включает:

количественный контент-анализ (подсчёт частотности мужских и женских имён в годонимиконах разных городов), качественный дискурс-анализ (изучение того, как и в каком контексте используются гендерно-маркированные имена, какие коннотации и ассоциации они несут), исторический анализ (прослеживание эволюции naming practices в связи с изменением гендерных ролей в обществе), критический ономастический анализ (как имена используются для создания социальных иерархий).

Результаты и их обсуждение. Диагностика «символического порядка» города показывает, что улицы — это публичное пространство, где закреплена официальная версия истории. Гендерное исследование представляет объективные данные, наглядно демонстрирует, является ли городское пространство «андроцентричным». В большинстве случаев это так: карта города становится гигантским памятником мужским достижениям в политике, войне, науке и искусстве.

По данным нашего исследования, в годонимиконе Юго-Запада Англии, включающем в свой состав 1788 внутригородских линейных объектов, более четвертой части (463 единицы, 25,9% от общего количества) принадлежит годонимам мемориального характера [10], образованным от имён и фамилий людей, удостоенных увековечения памяти во внутригородских названиях.

Рассмотрим количественные параметры женской и мужской подсистем годонимиконов Юго-Западной Англии (табл.).

В списке годонимов Юго-Запада Англии, который содержит 463 единицы, 405 единиц (86,5%) образованы от имён и фамилий мужчин и 58 единиц (13,5%) от фамилий женщин.

Анализ полученных данных показывает, что среди «мужских» названий улиц лидируют такие группы номинаций:

– деятели науки, культуры, искусства — 98 единиц, 21,0% (*Clifford Street* — улица Клиффорда, Уильям Кингдон Клиффорд (1845–1879) — английский математик и философ; *Carroll Street* — улица Кэрролла, Льюис Кэрролл (1832–1898) — английский писатель, математик, логик, философ; *Hilliard Road* — улица Хиллиарда, Николас Хиллиард (1547–1619) — английский художник-миниатюрист и иллюстратор манускриптов эпохи Ренессанса);

**Количественное и процентное соотношение представленности мужских и женских антропонимов
в годонимии Юго-Западной Англии**

Города Годонимы	Бристоль	Борнмут	Челтнем	Суиндон	Глостер	Плимут	Торки	Эксетер	Всего
Владельцы	13 (10,8)	–	22 (28,2)	3 (5,6)	7 (35,0)	2 (7,1)	2 (2,4)	5 (10,6)	54 (12,5)
Корол. особы	10 (8,3)	2 (5,9)	6 (7,7)	2 (3,7)	1 (5,0)	3 (10,7)	5 (6,1)	3 (6,4)	32 (6,7)
Гос. деятели	20 (16,7)	4 (11,8)	28 (35,9)	12 (22,2)	2 (10,0)	5 (17,9)	21 (25,6)	10 (21,3)	102 (20,2)
Религ. деятели	18 (15,0)	10 (29,4)	9 (11,5)	1 (1,9)	5 (25,0)	5 (17,9)	19 (23,2)	2 (4,3)	69 (16,0)
Деятели науки	29 (24,2)	14 (41,1)	7 (9,0)	9 (16,7)	1 (5,0)	6 (21,4)	19 (23,2)	13 (27,6)	98 (21,0)
Строители	1 (0,8)	–	–	17 (31,5)	–	–	–	–	18 (4,0)
Спортсмены	17 (14,2)	–	3 (3,8)	–	–	4 (14,3)	1 (1,2)	7 (14,9)	32 (6,1)
Всего (мужчин)	108 (90)	30 (88,2)	75 (96,1)	44 (81,6)	16 (80,0)	25 (89,3)	67 (81,7)	40 (85,1)	405 (86,5)
Владельцы	2 (1,7)	–	2 (2,6)	–	–	–	–	–	4 (0,5)
Корол. особы	2 (1,7)	2 (5,9)	1 (1,3)	5 (9,2)	2 (10,0)	–	5 (6,2)	4 (8,5)	21 (5,3)
Гос. деятели	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Религ. деятели	5 (4,1)	2 (5,9)	–	1 (1,9)	1 (5,0)	2 (7,1)	7 (8,4)	–	18 (4,1)
Деятели науки	3 (2,5)	–	–	–	1 (5,0)	1 (3,6)	3 (3,7)	3 (6,4)	11 (2,7)
Строители	–	–	–	4 (7,3)	–	–	–	–	4 (0,9)
Спортсмены	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего (женщин)	12 (10,0)	4 (11,8)	3 (3,9)	10 (18,4)	4 (20,0)	3 (10,7)	15 (18,3)	7 (14,9)	58 (13,5)
Всего антропо- гонимов	120 (28,1)	34 (24,6)	78 (53,4)	54 (34,8)	20 (17,1)	28 (15,1)	82 (23,2)	47 (18,9)	463 (25,9)
Всего единиц	427	138	146	155	117	202	354	249	1788

– государственные деятели — 102 единицы, 20,2% (*Vincent Street* — улица Винсента, Джон Винсент (1764–1848) — британский генерал, командовавший в 1813 г. британскими войсками в Верхней Канаде во время англо-американской войны; *Old Gordon Road* — старая Гордонская улица, Чарльз Джордж Гордон (1833–1885) — британский генерал XIX в., являвшийся ключевой фигурой осады Хартума; *Russell Avenue* — Авеню Рассела, Джон Рассел (1792–1878) — британский государственный деятель,

премьер-министр Великобритании в 1846–1852 и 1865–1866 гг., лидер вигов);

– религиозные деятели и святые — 69 единиц, 16,0% (*Joslin Road* — улица Джослина, Джослин Бракелондский (1155–1210) — английский хронист, монах-бенедиктинец из аббатства Сент-Эдмундсбери в Суффолке, автор латинской «Хроники деяний Самсона»; *Marshall Road* — улица Маршалла, Генри Маршал (1144–1206) — английский прелат, декан Йорка в 1189–1194 гг., *Wesley Close* — тупик Уэсли,

Джон Уэсли (1703–1791) — английский проповедник и богослов, руководитель движения *методизм*).

Среди «женских» наименований доминирующими являются номинации следующих групп:

– монархи и члены их семей — 21 единица, 5,3% (*Anna Louise Drive* — дорога Анны Луизы, Анна Луиза Бенедикта де Бурбон (1676–1753) — дочь Анри Жюля де Бурбона, принца де Конде, и Анны Баварской; *Patricia Avenue* — авеню Патриции, Патриция Коннаутская (1886–1974) — член британской королевской семьи, внучка королевы Виктории; *Blanche Lane* — переулок Бланш, Бланш Английская (1392–1409) — дочь английского короля Генриха IV и Марии де Богун);

– религиозные деятели и святые — 18 единиц, 4,1% (*St. Kitts Close* — тупик Святой Кити, *St. Agnes Lane* — переулок Святой Агнессы, *Magdalene Road* — улица Магдалины);

– деятели науки, культуры и искусства — 11 единиц, 2,7% (*Gilman Street* — улица Гилман, Шарлотта Перкинс Гилман (1860–1935) — романистка, поэтесса, научный литератор); *Clara Street* — улица Клары, Клара Монтальба (1840–1929) — британская художница-пейзажистка и маринистка, известная своими венецианскими пейзажами; *Daphne Close* — тупик Дафны, Дафна дю Морье (1907–1989) — английская писательница и биограф, писавшая в жанре психологического триллера).

Так, из семи номинаций английских антропотопонимов, лишь пять оказались актуальными для английских названий «женских» годонимов. То есть набор групп номинаций по женским антропотопонимам совпадает с мужским на 71,5%. Номинации «государственные деятели» и «спортсмены» не востребованы в «женском» годонимиконе, в то время как в «мужском» они зафиксированы в достаточно большом объёме (102 единицы, 20,2% vs 32 единицы, 6,1% соответственно).

Значительные различия наблюдаются в актуализации направлений деятельности женщин и мужчин, имена и фамилии которых присутствуют при номинации английских годонимов. Например, рассмотрим набор видов деятельности, входящих в номинацию «деятели науки, культуры и искусства». Маскулинный набор состоит из 14 групп и включает в свой состав следующие сферы: авиатор, актёр, астроном, врач, изобретатель, музыкант, путешественник, скульптор, учёный, учитель, фотограф, художник, шахматист, литературный персонаж. В то время как список фемининного набора значительно скромнее, состоит из пяти групп и представлен: писательницами, художницами, актрисами, певицами, литературными и мифическими персонажами. Что касается сфер деятельности женщин, чьи имена и фамилии легли в основу годонимов, то все они находят отражение и в мужском списке.

Таким образом, наши гендерные исследования подтверждают, что имена — это не нейтральные

ярлыки, а мощные социальные маркеры. Они показывают, чья история и чей вклад считаются важными для фиксации в языке и пространстве. Эти исследования раскрывают скрытые идеологии английского общества. Патриархальные структуры города часто невидимы, потому что воспринимаются как «естественный порядок вещей». Ономастический анализ вскрывает эти структуры. Полученные данные становятся инструментом для изменений. Осознание гендерного перекоса приводит к целенаправленной политике по созданию более сбалансированного ономастического пространства (например, отражение гендерного ландшафта на карте городов).

Гендерная ономастика позволяет выйти на фундаментальные вопросы о том, как устроено общество и как язык участвует в конструировании гендерной идентичности. Муниципалитеты многих городов (Барселона, Вена, Сан-Франциско и др.) официально признали гендерный разрыв и стремятся его исправить. В связи с этим результаты гендерных урбанистических исследований становятся обоснованием для программ по «феминизации» городской карты. Например, в Барселоне и Вене приняты официальные квоты по новым названиям улиц для исправления гендерного неравенства.

Заключение. В результате проведённого исследования выявлено, что годонимам мемориального характера в годонимиконе Юго-Запада Англии принадлежит более четвертой части (463 единицы, 25,9% от общего количества). Из них 405 единиц (86,5%) образованы от имён и фамилий мужчин и 58 единиц (13,5%) — от имён и фамилий женщин. В разряде наиболее многочисленных групп номинаций у мужчин лидируют следующие: деятели науки, культуры, искусства (21,0%), государственные деятели (20,2%), религиозные деятели и святые (16,0%). Среди «женских» наименований доминирующими являются номинации в честь монархов и членов их семей (5,3%), святых (4,1%), деятелей науки, культуры и искусства (2,7%). Набор групп номинаций по женским антропотопонимам совпадает с мужским на 71,5%. Номинации «государственные деятели» и «спортсмены» не востребованы в «женском» годонимиконе. По итогам рассмотрения набора видов деятельности, входящих в номинацию годонимов «деятели науки, культуры и искусства» установлено, что маскулинный набор состоит из 14 групп, а список фемининного набора — из пяти. Все сферы деятельности женщин, чьи имена и фамилии легли в основу годонимов, зафиксированы и в мужском списке. Полученные количественные результаты позволяют утверждать, что списки годонимов фемининного набора значительно меньше маскулинного. Различия присутствуют также и в степени актуализации сфер деятельности женщин, имена которых используются при номинации городских улиц.

Таким образом, осознание гендерной асимметрии на урбанистических картах различных стран должно привести к целенаправленной политике по созданию

более сбалансированного ономастического пространства городов. Гендерные исследования названий улиц — это социальное зеркало и инструмент для изменений. Результаты становятся обоснованием для программ по «феминизации» городской карты. Гендерные исследования топонимов представляют собой мощный инструмент для понимания того, чью память общество считает важной увековечить в публичном пространстве. Дисбаланс в топонимике является прямым отражением исторического патриархата и того, что вклад женщин в науку, культуру и политику на протяжении веков был менее заметен. Такой анализ позволяет задуматься о том, чьи имена и какие нарративы общество хочет видеть на карте города в будущем. Наличие женских названий в урбанистическом портрете меняет восприятие общества и даёт новые ролевые модели для молодого поколения.

Литература

1. Халеева, И.И. Гендер как интрига познания: сб. ст. / И.И. Халеева. — М.: Рудомино, 2002. — 191 с.
2. Кирилина, А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 3(49). — С. 109–147.
3. Королёва, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность / И.А. Королёва, И.В. Данилова, А.Н. Соловьёв. — Смоленск: СГУ, 2005. — 284 с.
4. Мезенко, А.М. Реализация гендерных отношений в топонимии / А.М. Мезенко // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2007. — № 3(45). — С. 53–58.
5. Walkowiak, J. Female street namesakes in selected Polish / J. Walkowiak // Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft. — 2018. — № 160. — P. 331–350.
6. Мезенка, Г.М. Жаночыя назвы гарадскіх вуліц у Беларусі / Г.М. Мезенка // Беларуская мова: міжвед. зб. — 1988. — № 16. — С. 36–41.
7. Дорофеенко, М.Л. Виконимия Гомельской и Гродненской областей в гендерном аспекте / М.Л. Дорофеенко // Слова ў мове, маўленні, тэксце: зб. навук. арт. маладых вучоных-філолагаў. — Брэст: БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2012. — № 2. — С. 43–45.
8. Galkowski, A. Feminine urbanonymy in Polish and Italian linguistic landscapes. In *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow* / A. Galkowski // *The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. — Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava. — 2020. — V. 1, № 2. — P. 2–53.
9. Geographic.org. — URL: [Geographic.org](https://www.google.com/maps/@51.5073213,-0.1276474,15z) (date of access: 15.09.2025).
10. Прищепа, М.М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии / М.М. Прищепа // «Учёные записки “ВГУ имени П.М. Машерова”»: сб. науч.ст. — 2024. — Т. 39. — С. 151–155.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Рекламная коммуникация в аспекте формирования ценностно-ориентированных структур национального самосознания

Солодовникова Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Актуальность и значимость исследования обусловлены возрастающим влиянием рекламной коммуникации на ценностно-смысловые структуры общественного сознания в условиях глобализации. В современном медийном пространстве реклама трансформировалась из инструмента продвижения товаров в мощный фактор формирования национальной идентичности, что требует комплексного научного осмысления. Особую значимость эта проблема приобретает в контексте белорусского общества, где сохранение национально-культурного кода является важной государственной задачей.

Цель статьи — выявить и систематизировать ключевые факторы влияния рекламной коммуникации на формирование и трансформацию ценностных структур национального самосознания в современной Беларуси.

Материал и методы. *Материалом исследования выступили рекламные кампании, реализованные на белорусском медийном поле в период 2020–2024 годов. Методологическую основу составили структурно-функциональный анализ, семиотический анализ рекламных сообщений и компаративный метод, позволившие рассмотреть рекламу как многокомпонентную систему, взаимодействующую с социокультурным контекстом.*

Результаты и их обсуждение. *В результате проведенной работы идентифицированы 13 взаимосвязанных факторов воздействия рекламы на национальное самосознание, объединённых в три группы: содержательные (семантика сообщений, культурные контексты, эмоциональные механизмы), социально-детерминирующие (стратификация аудитории, медийные каналы, социальные нормы) и регулятивные (обратная связь, этические аспекты). Установлено, что рекламная коммуникация обладает амбивалентным потенциалом, выступая как инструмент консолидации общества на основе исторической памяти, так и фактором эрозии традиционных ценностных ориентиров.*

Заключение. *Проведённое исследование демонстрирует необходимость разработки этически ответственных коммуникативных стратегий, учитывающих социокультурную специфику белорусского общества. Полученные результаты могут быть использованы при формировании государственных программ в сфере культурной политики и медиарегулирования, а также корпоративных стратегий, ориентированных на укрепление национальной идентичности. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией выявленных закономерностей.*

Ключевые слова: *национальная идентичность, рекламная коммуникация, ценностные ориентации, культурная память, медиавоздействие, белорусское общество.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 126–130)

Advertising Communication in the Aspect of Shaping Value-Oriented Structures of National Self-Awareness

Solodovnikova T.V.

Belarusian State University, Minsk

The relevance and significance of the study are determined by the increasing influence of advertising communication on value-semantic structures of public consciousness in the context of globalization. In today's media space, advertising has transformed from a tool for promoting goods into a powerful factor shaping national identity, which requires comprehensive scientific understanding. This issue is particularly significant in the context of Belarusian society, where preserving the national-cultural code is an important state task.

The objective is to identify and systematize key factors influencing the formation and transformation of value structures of national self-awareness through advertising communication in contemporary Belarus.

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com — Т.В. Солодовникова

Material and methods. The material of the research included advertising campaigns implemented in the Belarusian media field during the period of 2020–2024. The methodological basis consisted of structural-functional analysis, semiotic analysis of advertising messages, and comparative method, allowing to consider advertising as a multicomponent system interacting with the social and cultural context.

Findings and their discussion. As a result of the study, 13 interrelated factors were identified that impact national self-awareness through advertising, grouped into three categories: the content-related (semantics of messages, cultural contexts, emotional mechanisms), the socially determining (audience stratification, media channels, social norms), the regulatory (feedback, ethical aspects). It was established that advertising communication possesses ambivalent potential, acting both as a tool for consolidating society based on historical memory and as a factor eroding traditional value orientations.

Conclusion. The conducted research demonstrates the necessity of developing ethically responsible communicative strategies taking into account the social and cultural specifics of Belarusian society. The obtained results can be used when forming state programs in the sphere of cultural policy and media regulation, as well as corporate strategies aimed at strengthening national identity. Prospects for further studies are associated with empirical verification of the revealed patterns.

Key words: national identity, advertising communication, value orientations, cultural memory, media impact, Belarusian society. (Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 126–130)

Проблема сохранения и трансляции национальной идентичности в условиях глобализационных процессов приобретает особую актуальность для современных государств. Национальное самосознание, понимаемое как система ценностных ориентаций и культурных кодов, обеспечивает социокультурную преемственность и выступает важным фактором государственной стабильности [1]. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «манипуляция сознанием стала обычным явлением в современных коммуникативных практиках» [2, с. 15].

Рекламная коммуникация перестала быть исключительно инструментом продвижения товаров и услуг, трансформировавшись в мощный механизм конструирования социальной реальности и ценностных ориентиров [2, с. 78], а интенсивное развитие медиакommunikаций, и, в частности, рекламы как одного из наиболее агрессивных каналов воздействия на массовое сознание, создаёт новые вызовы для традиционных идентификационных моделей. Как справедливо отмечает Н. Луман, «медиа не просто передают информацию, но конструируют социальную реальность» [3]. По мнению Л.Н. Федотовой «рекламная коммуникация в современном обществе выполняет не только экономические, но и социокультурные функции, активно участвуя в формировании ценностных ориентаций и поведенческих моделей» [4, с. 156].

В этом контексте и возникает научная проблема, связанная с необходимостью системного анализа влияния рекламных сообщений на ценностно-ориентированные структуры национального самосознания, где сохранение национально-культурной идентичности является важной государственной задачей в условиях геополитических вызовов.

Цель статьи — выявить и систематизировать ключевые факторы влияния рекламной коммуникации на формирование и трансформацию ценностных структур национального самосознания в современной Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования выступили рекламные кампании, реализованные

на белорусском медийном поле в период 2020–2024 годов, а также теоретические положения современной коммуникативистики и социологии культуры.

Методологическую основу составили: структурно-функциональный анализ, позволивший рассмотреть рекламу как систему взаимосвязанных элементов; семиотический анализ рекламных сообщений для декодирования культурных кодов и символов; компаративный метод для выявления специфики адаптации глобальных рекламных стратегий к локальному культурному контексту.

Результаты и их обсуждение. Проведённый анализ позволил идентифицировать тринадцать взаимосвязанных факторов воздействия рекламной коммуникации на национальное самосознание.

1. **Семантическое содержание рекламных сообщений.** Когнитивно-ценностная составляющая рекламного дискурса оказывает непосредственное влияние на иерархизацию ценностей в общественном сознании. «The globalization of media content leads to the homogenization of consumer culture, while simultaneously creating new forms of cultural hybridization» [5, p. 287]. Нарративы, акцентирующие коллективизм, патриотизм и семейные традиции (характерные для рекламы белорусских товаров), способствуют репродукции традиционных ценностных моделей. «В условиях медиатизации общества реклама становится важным инструментом конструирования социальной реальности и идентификационных паттернов» [4, с. 278]. В противоположность этому, сообщения, пропагандирующие гедонизм и радикальный индивидуализм (типичные для люксового сегмента), могут провоцировать ценностные конфликты и маргинализацию коллективистских установок. Например, рекламная кампания бренда «Савушкин продукт» часто делает акцент на «настоящем», «традиционном», «семейном» вкусе, используя образы многопоколенной семьи, собирающейся за одним столом. Это укрепляет ценности семейственности и преемственности. В противовес, реклама премиального автомобиля или гаджета может продвигать нарратив эксклюзивности, личного

успеха и статуса, что акцентирует ценности индивидуализма.

2. Культурные контексты и глобализационные вызовы. Динамика взаимодействия глобального и локального в рекламной коммуникации создаёт напряжённое поле культурной гибридизации. Практики глокализации, проявляющиеся в адаптации международных брендов к национальным культурным кодам (например, использование традиционной символики в рекламе сетевых компаний), могут смягчать ассимиляционные процессы. Однако доминирование стандартизированных глобальных форматов способствует нивелированию культурной специфики и формированию унифицированного потребительского этоса. Так, международная сеть быстрого питания «McDonald's» в Беларуси в период национальных праздников (например, Дня Победы или Дня Независимости) может использовать в оформлении ресторанов и в рекламных роликах национальную символику — красно-зелёную ленту, изображения аистов или васильков. Это пример глокализации, когда глобальный бренд адаптируется к локальному культурному коду для усиления связи с аудиторией.

3. Механизмы эмоционального воздействия. Аффективная составляющая рекламной коммуникации реализуется через апелляцию к архетипическим образам и коллективным переживаниям. Использование ностальгических нарративов, патриотической символики и исторических референций (в частности, связанных с темой Великой Отечественной войны) способствует эмоциональному закреплению ценностных ориентаций. Однако подобные практики требуют этически взвешенного подхода во избежание инструментализации исторической памяти. Социальная реклама или рекламные ролики ко Дню Победы, созданные при поддержке БРСМ или Минобразования, активно используют архивные кадры, символы (Георгиевская лента, вечный огонь), музыку, вызывающую ностальгию и гордость. Это эмоционально «заякоривает» патриотические ценности через призму исторической памяти.

4. Стратификационно-возрастная дифференциация аудитории. Эффективность рекламного воздействия детерминирована степенью конгруэнтности сообщения с социокультурным опытом целевой группы. «Advertising serves as a powerful agent of socialization, transmitting not only product information but also cultural values and lifestyle models» [5, p. 324]. Межпоколенческие различия в восприятии исторических символов и культурных кодов обуславливают необходимость разработки дифференцированных коммуникативных стратегий. Рекламные сообщения для старших поколений, опирающиеся на советские социокультурные коды, могут оказаться нерелевантными для молодёжной аудитории, социализированной в условиях цифровой среды. Показательным в данном контексте может быть

реклама того же «Савушкина продукта» на телеканале «Беларусь 1» (аудитория 45+), где используются ностальгические отсылки к «вкусу детства». В то же время реклама нового молочного коктейля от того же производителя в Instagram и TikTok будет использовать современную музыку, яркую графику и образы популярных среди молодёжи блогеров, так как их социокультурный опыт и медиапотребление кардинально различаются.

5. Медийные каналы трансляции. Специфика медиаканалов определяет характер воздействия рекламных сообщений. «The power of identity is increasingly shaped by communication processes, where media images and messages play a decisive role» [6, p. 89]. Традиционные СМИ (телевидение) обеспечивают широкий охват при относительно пассивном восприятии, тогда как цифровые платформы (социальные сети) создают условия для интерактивного вовлечения и персонализации контента. Эта диверсификация требует комплексного подхода к распределению рекламных бюджетов и созданию кросс-медийных нарративов. К примеру, телевизионная реклама туристического комплекса «Беловежская пуца» даёт зрелищные, но пассивно воспринимаемые кадры природы. Вместе с тем кампания в социальных сетях может включать интерактивный квест с хештегом #НайдиЗубра, VR-тур по заповеднику или конкурс пользовательских фото, что создаёт более глубокое и личное вовлечение аудитории.

6. Нормативно-регулятивные аспекты. Рекламная коммуникация функционирует в поле напряжённости между сложившимися социальными нормами и инновационными практиками. «Global communication networks create new opportunities for identity construction, but also generate tensions between local traditions and universal values» [6, p. 167]. С одной стороны, реклама может выступать агентом социализации, транслируя одобряемые обществом модели поведения (пропаганда здорового образа жизни). С другой стороны, рекламные сообщения, легитимизирующие девиантные практики (например, чрезмерное потребление), способны провоцировать нормативную эрозию. Приведём пример: государственная информационная кампания, пропагандирующая здоровый образ жизни, через рекламу на билбордах и в СМИ транслирует одобряемую модель поведения: «Здоровье — это модно!». В противоположность этому, реклама кредитов, акцентирующая сиюминутное удовлетворение желаний («Мечтаешь о новом телефоне? Не жди! Возьми кредит!»), может провоцировать так называемую нормативную эрозию, поощряя нерациональное финансовое поведение.

7. Экономическая детерминация содержания. Конъюнктура рынка оказывает существенное влияние на ценностную составляющую рекламных сообщений. В периоды экономической нестабильности акцент смещается в сторону утилитарных ценностей

(рациональность, экономия), тогда как в фазу экономического роста усиливается гедонистическая составляющая. Эта динамика отражает взаимосвязь экономических циклов и трансформации ценностных ориентаций. Так, в периоды экономической нестабильности сеть магазинов «Евроопт» в своей рекламе делает упор на акции, скидки, низкие цены и понятие «выгоды» («Экономьте с нами!»). В более стабильные времена та же сеть может запускать рекламу премиальных линеек продуктов или экзотических фруктов, смещая фокус на гедонизм и разнообразие.

8. Идентификационные паттерны бренд-коммуникации. Современные бренды трансформируются из маркеров качества товаров в символические ресурсы конструирования идентичности. Идентификация потребителей с определёнными брендами (например, спортивными или технологическими) способствует формированию новых форм социальной стратификации, основанных на стиле жизни и ценностных предпочтениях, что в отдельных случаях может создавать альтернативные национальной идентичности модели самоидентификации. К примеру, потребитель, покупающий технику белорусского бренда «Атлант», может ассоциировать себя с ценностями надёжности, патриотизма и поддержки отечественного производителя. На ряду с этим, поклонник техники Apple идентифицирует себя с глобальным сообществом «инноваторов» и «творцов», что может создавать альтернативную, наднациональную идентичность.

9. Обратная связь как фактор коррекции. Общественная реакция на рекламные сообщения выполняет важную регулятивную функцию. Публичная критика некорректного использования исторических символов или культурных стереотипов вынуждает рекламодателей корректировать коммуникативные стратегии. Этот механизм общественного контроля способствует формированию более ответственного подхода к репрезентации культурного наследия в рекламе. Если крупная компания в рекламном ролике некорректно использует национальный орнамент или искажает исторический факт, в социальных сетях и СМИ мгновенно поднимается волна критики. Под давлением общественности (как это было в ряде случаев с использованием символики «Погони») компания вынуждена извиняться и снимать с эфира спорную рекламу, корректируя свою стратегию.

10. Этические параметры коммуникации. Этическая составляющая становится ключевым фактором легитимации рекламной деятельности в современном обществе. Использование манипулятивных техник, эксплуатация трагических исторических событий или формирование деструктивных социальных установок провоцирует кризис доверия к рекламной индустрии и требует разработки эффективных механизмов саморегулирования. Например, использование в коммерческой рекламе образов или

музыки, связанных с Холокостом или другими трагическими событиями, вызвало бы справедливый общественный резонанс и обвинения в кощунстве. Это привело бы к кризису доверия к бренду и необходимости извинений, подчеркивая важность этических границ.

11. Политико-идеологический контекст. Рекламная коммуникация неизбежно существует в поле политического дискурса, что проявляется в использовании национально-патриотической риторики и исторических нарративов для консолидации общества вокруг определённых ценностных ориентиров. Однако политизация рекламы содержит риски инструментализации культурной памяти в идеологических целях. В качестве иллюстрации приведём рекламные ролики, подготовленные ко Дню народного единства (17 сентября), в которых часто используются риторика сплочения, общности судьбы белорусского народа, исторические отсылки к воссоединению Западной и Восточной Беларуси. Такая реклама явно работает на консолидацию общества вокруг текущей политической повестки и определённых ценностных ориентиров.

12. Рекламные коммуникации могут выполнять не только коммерческие, но и культурно-просветительские функции. Кампании, направленные на популяризацию национального культурного наследия, исторических событий или языковых традиций, способствуют укреплению национальной идентичности и формированию осознанного патриотизма. Яркий пример: рекламная кампания Белорусского республиканского союза молодежи «За дело!» или проектов вроде «Беларусь помнит» не только информируют о событиях, но и просвещают, рассказывая о героях войны, исторических местах, культурных традициях, тем самым напрямую способствуя укреплению национальной идентичности.

13. Технологическая трансформация форматов. Развитие медиатехнологий (дополненная и виртуальная реальность, интерактивные форматы) создаёт новые возможности для репрезентации культурно-исторического наследия. Иммерсивные рекламные форматы позволяют аудитории пережить исторические события, что способствует более глубокому эмоциональному усвоению ценностных смыслов. Например, музей истории Великой Отечественной войны может запустить рекламную кампанию с использованием технологии дополненной реальности (AR). Наведя смартфон на плакат, пользователь может «оживить» фотографию солдата или посмотреть 3D-модель военной техники. Такой иммерсивный формат способствует более глубокому эмоциональному переживанию и усвоению исторических ценностей по сравнению с традиционным плакатом.

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует многомерный характер влияния рекламной коммуникации на ценностно-ориентированные

структуры национального самосознания. Выявленные тринадцать факторов образуют сложную систему детерминации, в которой содержательные, технологические и социально-контекстуальные аспекты находятся в отношениях взаимовлияния.

Рекламная коммуникация — один из тех механизмов, который может и должен быть использован государственными органами управления для противостояния угрозам и рискам национальной безопасности, появление которых, в свою очередь, обусловлено деформацией традиционных ценностей славянской культуры, попытками дестабилизации внешне- и внутривластной обстановки в условиях коренной трансформации белорусского общества, вызванной стремительными процессами внедрения цифровых информационных медиатехнологий [7].

Научная новизна исследования заключается в комплексной систематизации факторов воздействия рекламы на национальное самосознание с учётом специфики белорусского социокультурного контекста. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке государственных программ в сфере культурной политики и медиарегулирования, а также корпоративных коммуникативных стра-

тегий, ориентированных на укрепление национальной идентичности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией выявленных закономерностей методами контент-анализа и социологических опросов, а также сравнительным анализом специфики воздействия рекламной коммуникации в различных национальных контекстах.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ, 2020. — 352 с..
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2017. — 528 с.
3. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. — М.: Праксис, 2019. — 256 с.
4. Федотова, Л.Н. Социология массовой коммуникации / Л.Н. Федотова. — СПб.: Питер, 2003. — 400 с.
5. McQuail, D. Mass Communication Theory / D. McQuail. — 6th ed. — Sage Publications, 2020. — 612 p.
6. Castells, M. The Power of Identity / M. Castells. — 2nd ed. — Wiley-Blackwell, 2021. — 592 p.
7. Солодовникова, Т.В. Рекламная коммуникация в медийном пространстве Беларуси и Франции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Солодовникова Татьяна Владимировна; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2022. — 53 с.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Модель мира в современных русскоязычных средствах массовой коммуникации Республики Беларусь

Степанов Д.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье исследуются публикации в русскоязычных государственных СМИ Республики Беларусь на предмет специфики семантико-синтаксической модели МИР, представленной в медиатекстах, посвящённых важным историческим датам.

Цель работы — раскрыть специфику семантико-синтаксической модели МИР в русскоязычных СМИ Республики Беларусь, а также выявить и проанализировать особенности её формирования с учётом лингвистических, идеологических и культурных компонентов, отражающих актуальные социальные представления, ценности и дискурсивные стратегии.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статьи на русском языке, опубликованные в крупнейшем издании страны — газете «СБ. Беларусь сегодня». Методологическую базу определили как общенаучные методы: наблюдения, систематизации, сопоставления и обобщения, так и специальные лингвистические: толкования словарных дефиниций, контекстологического и компонентного анализа, интерпретационный метод.

Результаты и их обсуждение. В статье рассмотрены лексико-семантические варианты лексемы «мир», включая концептуализированные; определены контексты, в которых эти варианты функционируют. Выявлены синтаксические конструкции, в составе которых слово употребляется в медиатекстах; проанализированы значения лексико-семантических вариантов лексемы, реализуемые в данных конструкциях. Сформулированы характеристики модели МИР.

Заключение. Анализ языкового материала позволил установить, что исследуемая смысловая модель реализуется преимущественно через устойчивые синтаксические конструкции, выстраивающие целостный нарратив: мир представлен как неустойчивое состояние, сформированное героическим прошлым, которое необходимо бережно сохранять в настоящем. Лексема «мир» функционирует в тесной связке с другими базовыми ценностями — свободой, независимостью и порядком, образуя ключевую идеологию.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации (СМК), медианпространство Республики Беларусь, модель МИР, лексико-семантический вариант.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 131–135)

Peace Model in Contemporary Russian-Language Mass Media of the Republic of Belarus

Stepanov D.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article analyzes publications from Russian-language state-run media of the Republic of Belarus to delineate the specifics of the semantic-syntactic model of the concept of peace in media texts dedicated to significant historical dates.

The purpose of the study is to identify the distinctive features of the semantic-syntactic model of peace in Russian-language media of the Republic of Belarus and to analyze the mechanisms of its formation. Particular attention is given to linguistic, ideological, and cultural components that reflect current social representations, values, and discursive strategies.

Material and methods. The analysis is based on Russian-language articles published in SB. Belarus Segodnya, the largest national newspaper. The methodological framework combines general scientific methods (observation, systematization, comparison, and generalization) with specialized linguistic approaches, including dictionary-based interpretation, contextual and componential analysis, and the interpretive method.

Findings and their discussion. The article examines the lexical and semantic variants of the lexeme of peace, including conceptualized ones, and identifies the contexts in which these variants function. Syntactic constructions within which the word is used in media texts were identified; the meanings of the lexical-semantic variants of the lexeme realized in these constructions were analyzed. The characteristics of the peace model were formulated.

Conclusion. *An analysis of the linguistic material revealed that the semantic model under study is realized primarily through stable syntactic constructions that build a holistic narrative: peace is presented as an unstable state, formed by a heroic past that must be carefully preserved in the present. The lexeme of peace functions in close connection with other core values – freedom, independence, and order to form a key ideological unit.*

Key words: *mass media, mediaspace of the Republic of Belarus, the peace model, lexical-semantic variant.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 131–135)

Цифровая революция, свершившаяся в начале XXI века, коснулась практически всех сфер жизни человека, в особенности связанных с передачей и обменом информацией. Произошедшие изменения, как технологические, так и социальные, не могли не отразиться на процессах производства и распространения слова, особенностях его употребления и характере языковых изменений. Сегодня именно средства массовой коммуникации (далее — СМК) генерируют основной объем речевого материала. Медиа-тексты, тексты, функционирующие в СМК, — одна из наиболее распространённых форм современного использования языка, причём их общий объём значительно превосходит количество речевых проявлений в других сферах речепользования и продолжает постоянно увеличиваться. Одним из признаков, характеризующих медиа-тексты, являются коммуникативные стратегии, направленные на формирование позиции и ценностных установок у читателя. В таких текстах язык используется как инструмент воздействия, который формирует мышление, мировоззрение и картину мира индивида, принадлежащего к определённому социуму, а также закрепляет стереотипные модели его поведения. Это приобретает особую актуальность в период существенных политических преобразований, конфликтов и социальных потрясений, в том числе наблюдаемых сегодня, что обуславливает и актуальность данного исследования.

Помимо прочего, СМК играют особую роль в формировании контекстов политического дискурса, создавая в нём эффекты дистанцированности и театральности [1]. Политический дискурс — это особая знаковая система политической коммуникации, целью которой является выработка общественного мнения, принятие общественно-политических решений, а также их обоснование. Развитая система политической коммуникации способствует достижению общественного согласия.

В белорусском политическом медиадискурсе ключевую позицию занимает государственная идеология, цель которой, помимо прочего, заключается в «повышении уровня национального самосознания белорусов, укреплении социальной солидарности, гражданского **мира** и согласия <...>» [2]. Также в политическом компоненте данного документа постулируется: «Внешняя политика республики направлена на поддержание **мира**, исключение этнической, национальной, религиозной и иной вражды <...>» [2]. Именно отражение **мирной, миролюбивой** риторики в белорусском политическом и общественно-поли-

тическом информационном пространстве и её вербализация в медиатекстах политического дискурса представляет одну из **актуальных** проблем в исследованиях медиалингвистики и обуславливает цель данной работы.

Цель статьи — выявить специфику семантико-синтаксической модели МИР в русскоязычных СМК Республики Беларусь, а также определить и проанализировать особенности её формирования с учётом лингвистических, идеологических и культурных компонентов, отражающих актуальные социальные представления, ценности и дискурсивные стратегии.

Материал и методы. Несмотря на явное преобладание электронных СМК в мировом медиапространстве, в Республике Беларусь наблюдается устойчивый рост доверия к официальным государственным печатным изданиям, о чём свидетельствуют данные социологических опросов и исследований, проводимых в стране в последние годы. Так, для проверки достоверности актуального информационного события 62,6% обратятся к государственным СМК. То есть абсолютное большинство людей доверяют и обращаются при изучении вопроса по политическим аспектам именно к государственному информационному контенту. Также наблюдается тенденция и к увеличению показателей доверия к печатному сегменту информационного поля — доверие газетам оказывают 71,5% респондентов [3].

Это обусловило выбор материала для данной публикации, которым послужили статьи на русском языке, опубликованные в крупнейшем издании страны — газете «СБ. Беларусь сегодня». Главным критерием отбора стала тематическая направленность статей — освещение мероприятий, проводимых в дни, приуроченные важнейшим датам в истории Беларуси: Дню единения народов Беларуси и России (2 апреля), Дню Победы (9 мая), Дню всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа (22 июня) и Дню Независимости Республики Беларусь (3 июля). Суммарно было проанализировано **30** статей за период с марта по июль 2025 года.

В ходе исследования применялись как общенаучные методы: наблюдения, систематизации, сопоставления и обобщения, так и специальные лингвистические методы: толкования словарных дефиниций, контекстологического и компонентного анализа, интерпретационный метод.

Результаты и их обсуждение. Реализуясь в коммуникации и текстах различных типов, исходное значение слова становится источником метафорических

значений и может характеризоваться, по определению Г.И. Кустовой, как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности, который «...предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых под эту схему» [4].

«Лингвистический энциклопедический словарь» даёт следующую формулировку модели «...искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением <...> поведение какого-либо другого <...> устройства <...> в лингвистических целях» [5]. Именно целевая направленность модели как элемента терминологического аппарата лингвистики и её широкий прагматический потенциал привели к активизации использования данного термина в современных научных исследованиях.

Теоретическое обоснование моделей нашло отражение в исследованиях Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Т.Г. Скребцовой, А.П. Чудинова и других учёных. В частности, Е.С. Кубрякова определяет такие модели, как «механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает» [6].

В современном русском языке звуковой комплекс [м'ир] соответствует целому ряду значений ('отсутствие войны', 'вселенная', 'сельская община' и т.д.), и в словарях для него обычно указывается по меньшей мере два омонима. Однако всё многообразие отмеченных значений в диахроническом аспекте можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как 'гармония; обустройство; порядок': Вселенная может рассматриваться как 'миропорядок, противопоставленный хаосу'; отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами; образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, может считаться и сельская община, которая так и называлась — мир: общинная жизнь была строго регламентирована («налажена»), и любое отклонение от принятого распорядка воспринималось болезненно, как «непорядок» и т.п.

В своей книге «Константы: словарь русской культуры» Ю.С. Степанов подчёркивает именно уникальность совмещения двух значений в одном слове, а не их различия, которые проявились гораздо позднее. «Особая черта русской культуры, — отмечает Ю.С. Степанов, — в том, что она в определённой мере сохраняет это совмещение, сменившееся в других европейских культурах более резким разделением. Вообще же, соединение двух рядов представлений — “Вселенная, внешний мир” и “Согласие между людьми, мирная жизнь” — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре, это одна из констант культуры» [7, с. 86].

Лексема «мир» одновременно выполняет номинативную и репрезентативную функцию одноимен-

ного концепта. В языковой картине мира белорусов «мир» — базовый общекультурный концепт, который отражает представления о ключевых понятиях окружающей действительности и содержит в своём концептуально-семантическом поле неограниченное число смыслов. Омонимичность лексикографического представления лексемы «мир», («мир¹» — 'Вселенная' / «мир²» — 'отсутствие войны') обуславливает сложность репрезентации понятийной и образной составляющих мира. В сознании современного носителя русского языка ассоциативно-вербальное поле «Мир» включает множество представлений, большая часть которых характеризуется положительной коннотацией.

Анализ лексикографического описания лексемы «мир» позволил выявить 9 лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ), относящихся к омониму мир¹ ('Вселенная') и 3 ЛСВ, относящиеся к понимаю мира как 'отсутствия войны' (омоним мир²) [8; 9]. Данные значения с древних времен обладали тесной семантической связью, поскольку «отсутствие войны» в значении «лада» было неразрывно с обжитым пространством — «общиной» [7, с. 992]. Лексема «мир» характеризуется сложным контаминированным значением, семантической диффузностью, что проявляется в ряде контекстов.

Традиционно информационное поле взятых в качестве примеров событий насыщено медиатекстами, характеризующимися официальным стилем, идеологизмом, патриотизмом и торжественностью. Приводимые далее примеры демонстрируют представленность ЛВС лексемы «мир» в современных медиатекстах (выделено нами. — Д.С.).

1. «Сегодняшняя акция, проходившая на героической земле Брестской крепости, вызвала у меня в душе чувство гордости за наших предков, одержавших победу над фашизмом и подарившим мир нашей земле» (из интервью учащейся средней школы. — прим. автора) [«В Брестской крепости прошла торжественная церемония военно-патриотического проекта “Выстрел памяти”» // СБ. Беларусь сегодня. 02.04.2025].

2. «Сохранение памяти о подвиге поколения победителей, несомненно, укрепляет нашу общую решимость противостоять любым проявлениям неонацизма и всемерно способствовать **обеспечению мира и безопасности** на планете — Президент Российской Федерации В.В. Путин» [«Путин: результаты белорусско-российской интеграции ощущаются во всех сферах жизни» // СБ. Беларусь сегодня. 02.04.2025].

Анализируя семантику рассматриваемых речевых единиц, целесообразно обратить внимание на синтаксические конструкции, в которые она включена в приведённых фрагментах. В сочетаниях «глагол + существительное» (с точки зрения, синтаксических функций — сказуемое + дополнение) с такими словами как *желать, подарить, дать* слово *мир* приобретает значение 'нематериальное благо и/или ценность, достижение или получение которых

является желанным со стороны адресата' (во всех случаях выделено нами. — Д.С.):

1. «В той нелегкой, кровопролитной борьбе наши предки выстояли, защитили Родину, освободили землю от фашизма. И сегодня наша задача — **сохранить** их подвиг, тот мир, который **был добыт** путём многих потерь и испытаний, — подчеркнула заместитель министра образования» [«День Победы стал своеобразным индикатором нравственного облика современного общества — ректор БГУ» // СБ. Беларусь сегодня. 07.05.2025].

2. «9 Мая — не только символ доблести и отваги многонационального советского народа <...>, но и напоминание о неисчислимых жертвах <...>, **хрупкости мира** и важности его сохранения. <...>, — подчеркнул белорусский лидер» [«Лукашенко поздравил зарубежных лидеров с 80-й годовщиной Великой Победы» // СБ. Беларусь сегодня. 09.05.2025].

3. «Акция “Беларусь помнит” в Минске объединила десятки тысяч людей, <...> чтобы отдать дань памяти тем, кто **отстоял мир** на нашей земле» [«Акция “Беларусь помнит” в Минске объединила тысячи людей» // СБ. Беларусь сегодня. 10.05.2025].

4. «<...> Международное сообщество вновь сталкивается с историческим **выбором между миром или войной**, <...>... противостоять закону джунглей, <...> и неустанно **работать во имя мира**, стабильности и процветания во всём мире» [«Чжан Вэньчуань: за 80 послевоенных лет дружба между народами Китая и Беларуси поднялась на новую высоту» // СБ. Беларусь сегодня. 13.05.2025].

5. «**Сберечь мир** — наш священный долг. Мы всегда будем помнить героизм отцов и дедов с глубокой благодарностью за **мирное небо над головой**» [«Лукашенко: сберечь мир — наш священный долг, мы всегда будем помнить героизм отцов и дедов» // СБ. Беларусь сегодня. 22.06.2025].

6. «**Если мы будем помнить об этих героических и трагических событиях, будет мир** на нашей земле» [«Депутат: 22 июня — памятная дата для всех наследников Великой Победы» // СБ. Беларусь сегодня. 22.06.2025].

В приведённых контекстах выражения, структурно соответствующие обозначенной модели, дополнительно формируют по отношению к понятию «мир» такие смыслы, как: 'необходимость сохранения, бережного отношения, отстаивания, борьбы и защиты' (**сохранить мир, сберечь мир, ценить мир, отстоял мир, мир был добыт**). Таким образом, значение лексемы «мир» контекстуально дополняется такими семантическими оттенками, как 'труднодостижимость' — с одной стороны — и 'неустойчивость состояния' — с другой, что подкрепляется конструкцией «существительное + существительное» с атрибутивной семантикой, например: **хрупкость мира, укрепление мира, дефицит мира**. В ряде примеров характеристики мира как **хрупкого, неустойчивого состояния** заключает в себе скрытый смысл

(сигнал) наличия угрозы ему в настоящее время, тем самым многие высказывания наделяются в контексте не только **конституирующей**, но и **предупреждающей** функцией.

В медиатекстах, где тем или иным образом затрагиваются проблемы исторической памяти и актуализируется представление о мире как о безусловной ценности, акцентируется и такой семантический компонент рассматриваемой лексемы, как 'преемственность между поколениями', необходимость принять «эстафету» мира от предыдущего поколения и передать последующему — ср., например (везде выделено нами. — Д.С.):

1. «Наш священный долг — передать память о героях, о нашей истории будущим поколениям, **оберегать и укреплять мир** на своей земле» [«На Аллее Героев в Гомеле прошёл торжественный митинг в честь Дня Независимости» // СБ. Беларусь сегодня. 02.07.2025].

2. «И именно **благодаря этому сегодня у нас есть самое главное — мир** на нашей земле и согласие в обществе» [«Юрий Сенько: 3 июля — это день гордости за прошлое и настоящее нашей страны» // СБ. Беларусь сегодня. 02.07.2025].

3. «**Мир, свобода и независимость — это и наше наследие, и величайшие ценности, которые нужно беречь и обязательно защищать**» [«Лукашенко: мир, свобода, независимость — это наше наследие и великие ценности, которые нужно беречь и защищать» // СБ. Беларусь сегодня. 03.07.2025].

4. «**Считаю, что подлинная независимость — мир, порядок, уверенность в завтрашнем дне**» [«Епископ из США: в Беларуси порядок, а у нас это зовут диктатурой» // СБ. Беларусь сегодня. 03.07.2025].

В контекстах подобного характера актуализируются по отношению к компоненту *мир* такие смыслы, как 'необходимость сохранения, бережного отношения, отстаивания, борьбы и защиты': **сохранить мир, сберечь мир, ценить мир, отстоял мир, мир был добыт**, — что придаёт ему, с одной стороны, элемент труднодостижимости, а с другой — неустойчивого состояния. На структурно-синтаксическом уровне это подкрепляется конструкцией, созданной по модели «существительное + существительное» с атрибутивным значением, например: **хрупкость мира, укрепление мира, дефицит мира**.

В дополнение к обозначенным выше синтаксическим функциям следует также отметить функционирование ЛВС лексемы «мир» в роли и/или в составе обстоятельства: **жить в мире, работать во имя мира, ради мира**; иногда ЛВС рассматриваемой лексемы выступает также в роли подлежащего со значением действующего (активного) субъекта: **мир был, будет мир**.

Заключение. Анализ фрагментов медиатекстов, опубликованных в газете «СБ. Беларусь сегодня» в важные государственные даты, показал, что сформированная в этих медиатекстах модель мира характеризуется

устойчивостью, клишированностью, идеологической наполненностью, отражающей коллективную память и ценностные ориентиры современного общества.

Доминирующим значением реализуемой в проанализированных медиатекстах лексемы является 'состояние без войны', которое актуализируется через постоянное противопоставление прошлому — героическому, но трагическому опыту Великой Отечественной войны. Эта базовая оппозиция «война ↔ мир» порождает ключевые синтаксические модели, которые можно выстроить в единую нарративную линию, состоящую из следующих компонентов:

1. Как *историческое завоевание*, мир был *добыт, подарен и отстоян* ценой огромных жертв.

2. *Неустойчивость* в настоящем времени: наследуемый мир осознается как *хрупкий*, что требует его *сохранения, сбережения и укрепления*.

3. В системе *ценностей* мир занимает место в ряду других *сакрализованных понятий*: *свобода, независимость, порядок*, — образуя неразрывный идеологический комплекс.

4. Как *ключевая* для современного общества *ценность*, мир *не абстрактен* — он *конкретен*, что проявляется в принадлежности *нашей земле, нашему региону* или является *целью в масштабах всей планеты*.

Выявленная модель мира, отражённая в современном медиадискурсе, полифункциональна: кроме того, что она направлена на формирование у читателей чувства ответственности, эта модель создаёт пространственную связь между миром как ценностью и сообществом, обладающим этой ценностью или стремящимся к её обретению; консолидирует коллективную память, связывает подвиг предков с долгом современных поколений, формирует систему общих ценностей.

Примечательно, что в рассмотренном материале лексема «мир» редко используется как самостоятельная единица. Гораздо чаще она выступает ключевым компонентом риторических формул и идеологем, обеспечивающих идеологическую наполненность публичных высказываний. Устойчивость сформиро-

ванной в СМК модели свидетельствует о её важной значимости в системе транслируемых через их посредство символов и смыслов.

Литература

1. Переверзев, Е.В. Политический дискурс: многопараметральная модель / Е.В. Переверзев, Е.А. Кожемякин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 74–79.
2. О реализации основ идеологии белорусского государства: Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12: вступ. в силу с 11 июля 2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 10.04.2025. — 1/21910. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=P02500012> (дата обращения: 03.09.2025).
3. Опрос: белорусы выражают высокий уровень доверия государственным СМИ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/april/88331> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Кустова, Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 104.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая Рос. энцикл., 2002. — С. 304.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. факультет МГУ, 1996. — С. 57.
7. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Акад. Проект, 2004. — С. 86.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2007. — С. 358.
9. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; [ред.: Л.И. Балахонова]. — 2008. — Т. 10. Медяк–Мячик. — С. 210–213.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Стилистическое использование языковых средств в юридических документах (на материале немецкого языка)

Турковская Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Актуальность исследования специфики юридических текстов продиктована масштабными изменениями международных отношений — развитие партнёрства между странами требует правовой регламентации, устойчивости способов выражения юридических норм. При этом основным средством передачи правовой информации является юридический документ.

Цель статьи — выявление особенностей функционирования языковых средств в юридических документах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили различные юридические документы: договоры, акты, записки, расписки, инструкции, справки, контракты, протоколы, иные правовые акты. В ходе работы был использован комплекс общенаучных методов, включающий в себя методы анализа, синтеза, сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. Методологическую основу работы составили методические принципы создания тезауруса юридических документов, исследование юридического дискурса как одного из видов институционального, особенности юридической терминологии немецкого языка. В статье рассмотрены отличительные характеристики юридических документов, их стилистические особенности, а именно, использование специфической лексики, грамматических конструкций и стилей, которые соответствуют требованиям правовой сферы.

В работе выявлены специфические морфологические особенности немецкоязычного юридического дискурса, который характеризуется распространённостью и активным использованием сложных слов и производных форм. Юридический стиль включает в себя множество специфических выражений, обнаруживает ограниченную синонимичность, использование пассивных конструкций, широкий спектр применения придаточных предложений оценочного характера.

Заключение. Основными свойствами языка юридических документов являются: нейтральность, логичность, лаконичность, безличность, образование терминологических единиц путем словосложения, преобладание распространенных предложений, высокая частотность придаточных предложений, наличие пассивных конструкций для выражения неучастия выступающего, контекстуальная зависимость значения, высокая точность и стандартизированность терминологии.

Ключевые слова: юридический дискурс, языковые средства, юридический документ, стилистические особенности, юридические термины.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 136–140)

Stylistic Use of Language Tool in Legal Documents (Based on German Language Material)

Turkovskaya E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The relevance of the study of the specifics of legal texts is dictated by large-scale changes in international relations – the development of partnership between countries requires legal regulation and the sustainability of ways of expressing legal norms. In this case, the main means of transmitting legal information is a legal document.

The purpose of the article is to identify the features of the functioning of language tools in legal documents.

Material and methods. Various legal documents served as the research material: contracts, acts, wills, receipts, instructions, certificates, contracts, protocols, and other legal acts. In the course of the work, a set of general scientific methods was used, including methods of analysis, synthesis, comparative, descriptive and analytical methods.

Findings and their discussion. The methodological basis of the work was the methodological principles of creating a thesaurus of legal documents, the study of legal discourse as one of the types of the institutional, the peculiarities of the legal terminology of the

German language. The article examines the distinctive characteristics of legal documents, their stylistic features, namely, the use of specific vocabulary, grammatical structures and styles that meet the requirements of the legal sphere.

The paper identifies specific morphological features of the German-language legal discourse, which is characterized by the prevalence and active use of complex words and derived forms. The legal style includes many specific expressions, reveals limited synonymy, the use of passive constructions, and a wide range of subordinate clauses of an evaluative nature.

Conclusion. The main properties of the language of legal documents are: neutrality, logic, conciseness, impersonality, the formation of terminological units by composing, the predominance of common sentences, the high frequency of subordinate clauses, the presence of passive constructions to express the speaker's non-participation, contextual dependence of meaning, high accuracy and standardization of terminology.

Key words: legal discourse, linguistic means, legal document, stylistic features, legal terms.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 136–140)

В правовые отношения постоянно вовлекается большое количество участников — юридические лица, государство в лице уполномоченных органов правопорядка, физические лица, а также юридические документы — правовые акты, инструкции, договора, удостоверения, протоколы, посредством которых происходит реализация законодательных актов.

К основным отличиям юридических документов относятся следующие: использование унифицированных словосочетаний, которые точно описывают участников, их действия, обозначают предметы с помощью специального терминологического аппарата; наименование должностей, званий, обозначение территориального местоположения, название учреждений, административных актов, юридических действий, сокращенное обозначение законодательных актов и процедур занимают значительное положение; для обозначения юридических обстоятельств, служебных ситуаций имеется в наличии система конструкций, призванных достоверно и точно описывать действия органов правопорядка, причины и последовательность их проведения, указания и распоряжения, законодательные акты, документы волеизъявления.

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что юридический дискурс рассматривает специальную форму языкового взаимодействия в области права и законодательной практики и предполагает применение особых стилей, языковых средств — грамматических, лексических, синтаксических, которые отличают юридический дискурс от других видов и отвечают потребностям законодательной практики.

Цель статьи — выявление особенностей функционирования языковых средств в юридических документах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили различные юридические документы: договоры, акты, завещания, расписки, инструкции, справки, контракты, протоколы, иные правовые акты. В ходе работы был использован комплекс общенаучных методов, включающий в себя методы анализа, синтеза, сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический.

Результаты и их обсуждение. Методологическую основу работы составили: методические принципы создания тезауруса юридических документов, которые

определяют семантику языка права (А.И. Черный, А.В. Соколов, Д. Варга), исследование юридического дискурса как одного из видов институционального (В.И. Карасик), особенности юридической терминологии немецкого языка (С.Г. Сухомлинова, П.А. Дамаданова, Л.Р. Насонова, М.Д. Степанова), способы и модели образования юридических терминов в немецком языке (Н.Н. Поддубная), структурно-лингвистические особенности юридических текстов и влияние на них психологических, социальных экстралингвистических факторов (Л.Е. Попова, Л.В. Колесникова).

Понятие юридического дискурса широко исследовано отечественными лингвистами. Так, И.В. Плашевская дает ему следующее определение: «Юридический дискурс как разновидность институционального дискурса представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых представлений и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [1, с. 535].

По Н.Ф. Ковкелю, «юридический дискурс — это форма использования языка, в которой находит отражение правовой тип социальной деятельности. Цель юридического дискурса заключается в регулировании отношений между индивидами, учреждениями, организациями, государствами, закреплении определенных свобод и ответственности» [2, с. 13].

К составляющим юридического дискурса относятся такие подвиды, как дискурс письменной и устной речи, который делится на общий дискурс законодательной деятельности, прикладной дискурс письменной речи, устно-письменный процессуальный юридический дискурс, устный дискурс правовой консультации, научный юридический дискурс диссертационных исследований, научных выступлений и публикаций.

Юридический дискурс обладает рядом стилистических особенностей, которые отличают его от других дискурсов. Во-первых, применение данного дискурса происходит в государственных органах, осуществляющих правовую деятельность (суды, прокуратура, милиция, следственный комитет, исправительные учреждения), в общественных и частных учреждениях (юридические бюро — нотариат, адвокатура, частные юридические фирмы), в учебных заведениях, ведущих профильную подготовку по юридическим профессиям.

Во-вторых, структурная организация юридического дискурса выражается в отношениях статусного и ролевого соподчинения. Так, с одной стороны, в юридической коммуникации находятся государственные институты, в которых представлены профессиональные участники, такие как прокуроры, следователи, судьи, с другой — граждане — непрофессиональные участники (потерпевшие, свидетели, истцы, ответчики). Представители правовых отношений также могут выступать в их статусно-ролевых характеристиках, выполнять фиксированные роли (прокурор, адвокат, нотариус) и занимать определенные статусы профессиональных или непрофессиональных участников. Таким образом, можно утверждать, что составляющей юридического дискурса, является личностно-институциональный дискурс, который предназначен для коммуникации между представителями юридических институтов и отдельными гражданами [3, с. 354].

В-третьих, юридический дискурс проявляется в целевой направленности на выявление причин и обстоятельств, вины и невиновности, мотивов и целей, на принятие решений, вынесение постановлений, защиту прав. Основная цель юридического дискурса — регулирование общественных отношений, его задачами являются организация коммуникации между участниками правовых отношений; закрепление, сохранение, толкование юридических норм; контроль за осуществлением юридических действий; пополнение терминологического аппарата и фиксация новых юридических понятий.

В-четвертых, юридический дискурс не развивается изолированно, а находится в пространстве таких институтов, как образование, экономика, религия, регулируется и контролируется в межкультурной среде в тесной связи с историей, политикой, ценностными системами. Поэтому язык права достаточно подвижен, возможны междискурсивные переходы, движение терминов из одного институционального пространства в другое, использование эффективных языковых средств разных сфер и областей знаний.

Обратимся к языку юридического дискурса, который, обладая рядом языковых особенностей, определенным стилистическим характером, используя специальную терминологию, языковые конструкции, является способом существования правового дискурса, средством коммуникации его участников.

Так, немецкоязычный юридический дискурс отличается специфическими морфологическими чертами. Для немецкого юридического языка характерна номинативность — большое количество существительных, производных, отглагольных существительных, сложных, сложнопроизводных, сложносинтаксических, полносложных слов. Один из частотных способов образования юридических терминов в немецком языке является словосложение — соединение нескольких частей речи, чаще существительных, прилагательных и существительных, глагольного корня и суще-

ствительного, наречий и существительных [4, с. 66]. Исходя из компонентного состава сложного существительного, различают следующие типы сложных имен:

1. Сложение двух и более имен нарицательных: ‘das Gewohnheitsrecht’ = ‘die Gewohnheit’ + соединительный элемент ‘-s’ + ‘das Recht’ (обычное право, право, основанное на обычаях); ‘die Rechtsunsicherheit’ = ‘das Recht’ + соединительный элемент ‘-s’ + ‘die Unsicherheit’ (отсутствие обеспечения прав и неприкосновенности граждан); ‘die Gesetzeskraft’ = ‘das Gesetz’ + соединительный элемент ‘-s’ + ‘die Kraft’ (равносильный закону); ‘die Ehesachen’ = ‘die Ehe’ + ‘die Ehesachen’ (бракоразводное дело); ‘der Tatort’ = ‘die Tat’ + ‘der Ort’ (место преступления).

2. Слияние прилагательного и существительного: ‘das Privatrecht’ = ‘privat’ + ‘das Recht’ (частное право); ‘das Gemeinwesen’ = ‘gemein’ + ‘das Wesen’ (общество, коллектив, государство); ‘der Oberstaatsanwalt’ = ‘ober’ + ‘der Staatsanwalt’ (старший прокурор); ‘die Falschsaussage’ = ‘falsch’ + ‘Aussage’ (умышленно ложное показание).

3. Сложение глагола или глагольного корня и существительного: ‘der Leitfaden’ = ‘leit(en)’ + ‘der Faden’ (руководство, инструкция); ‘die Verhaltensvorschriften’ = ‘verhalten’ + соединительный элемент ‘-s’ + ‘die Vorschriften’ (правила поведения, нормы поведения); ‘der Vertrauensschutz’ = ‘vertrauen’ + соединительный элемент ‘-s’ + ‘der Schutz’ (защита законных ожиданий); ‘der Schadensersatz’ = ‘schaden’ + ‘der Schadensersatz’ (возмещение ущерба).

В соответствии с приведенным анализом, сложные существительные, образованные сложением имен нарицательных, имеют следующие семантические значения: владения, принадлежности, абстрактное субъективное владение, указывающие на происхождение или место, значение причины, средства, цели. Существительные посредством слияния глагола или глагольного корня с именем нарицательным указывают на значение цели, существительные с элементом прилагательного имеют ценностное, пространственное или временное значение [5, с. 60].

Наиболее разнообразны в семантическом плане характерные для немецкого юридического дискурса многокомпонентные понятия, которые образованы сложением нескольких разных частей речи и могут содержать переходные гласные или согласные, например: ‘das Zivilprozessrecht’ (гражданско-процессуальное право) образовано прилагательным ‘zivil’ и двумя существительными ‘der Prozess’ (процесс) и ‘das Recht’ (право); ‘das Strafgesetzbuch’ (уголовный кодекс), образовано глагольным корнем ‘straf(en)’ и двумя существительными ‘das Gesetz’ и ‘das Buch’. При этом каждый последующий компонент сужает семантический объем предыдущего, придавая более точное и однозначное значение [6, с. 43].

Немецкоязычный юридический стиль включает в себя множество специфических выражений, которые используются в правовых текстах, документах

и коммуникации. Например, 'Im Falle von' (в случае); 'Es wird festgestellt, dass' (устанавливается, что); 'Die Parteien vereinbaren' (стороны согласовывают); 'Unter der Voraussetzung, dass' (при условии, что).

Юридический стиль характеризуется ограниченной синонимией. В юридической практике точность формулировок имеет критическое значение и даже небольшие различия могут привести к правовым последствиям, например, термины 'der Vertrag' (договор) и 'die Vereinbarung' (соглашение). Примерам ограниченной синонимии являются слова 'die Klage' (иск) и 'der Antrag' (заявление). Оба термина могут относиться к процессу обращения в суд, но они имеют разные правовые значения и процедуры.

Контекстуальная зависимость означает, что синонимы могут иметь различные значения в зависимости от контекста. Например, слово 'der Schaden' может использоваться в различных юридических контекстах, таких как гражданское право или уголовное право, и его значение может быть:

- 1) вред;
- 2) убыток;
- 3) дефект;
- 4) порча.

В юридических текстах важно использовать термины с высокой степенью точности. Например, слова 'die Haftung' (ответственность) и 'die Verantwortung' (ответственность в моральном смысле) не являются полными синонимами и не могут быть использованы взаимозаменяемо. Применение неверного синонима может привести к правовым последствиям. Например, если в договоре вместо 'die Kündigung' (расторжение) будет использовано слово 'die Beendigung' (окончание), это может вызвать отсутствие ясности относительно прав и обязанностей сторон.

В юридической практике часто используются стандартизированные термины, которые исключают возможность двусмысленности. Это особенно важно в международном праве, где разные юрисдикции могут использовать различные термины для обозначения одних и тех же понятий.

К одной из отличительных черт юридических текстов относится специфика построения синтаксических конструкций, которая выражается в многократном применении простых предложений с рядом однородных членов, для них свойственна внутренняя логика, просматривающаяся на протяжении всего текста и лаконичность, предполагающая отсутствие лишних описаний, отступлений от основного повествования [7, с. 116].

Синтаксические особенности немецкого юридического дискурса проявляются в различных аспектах, связанных с формой и структурой предложений, а также с использованием специфических синтаксических конструкций. Подавляющее большинство предложений немецкого научного текста составляют сложные предложения. Сложные предложения в немецких юридических текстах играют важную роль,

поскольку они позволяют точно и детально излагать правовые нормы, условия и последствия.

Сложные предложения в немецкоязычных юридических текстах часто состоят из главного предложения и нескольких придаточных. Придаточные предложения могут указывать на условия, причины, цели или следствия. Например: 'Wenn die Frist abläuft, ohne dass eine Klage erhoben wird, erlischt das Recht auf Klage' (Если срок истечет и иск не будет предъявлен, право на подачу иска прекращается).

Придаточные причины вводятся союзом 'weil' и 'da' (так как, потому что). Союз 'weil' является наиболее универсальным выражением причинных отношений благодаря своей однозначности и лексической насыщенности, например: 'Der Vertrag wurde gekündigt, weil die Fristen nicht eingehalten wurden' (Договор был расторгнут, потому что сроки не были соблюдены). В отличие от однозначного союза 'weil' союз 'da' может соединять причинное и временное значение. В сложноподчиненном предложении без лексико-грамматического индекса союз 'da' выражает только причинное значение: 'Da die Beweise unzureichend waren, wurde die Klage abgewiesen' (Поскольку доказательств было недостаточно, иск был отклонен).

Условные конструкции часто выражаются с помощью сложных предложений, что позволяет четко указать на зависимость между различными факторами. Например: 'Wenn die Zahlung nicht innerhalb von 14 Tagen erfolgt, wird eine Mahnung versendet' (Если оплата не будет произведена в течение 14 дней, будет отправлено предупреждение).

Придаточные следствия соединяются с главным предложением союзами 'so dass' (так что), 'als dass' (чтобы). Следствие, передаваемое придаточным предложением, вытекает из слишком высокой степени качественного или профессионального признака главного предложения, например: 'Die Lage war zu ernst, als dass man den Entschluss hätte verschieben können' (Положение было слишком серьезным, чтобы можно было отложить решение).

В немецких юридических текстах частотны пассивные конструкции. Сложные предложения в юридическом языке часто строятся с использованием пассивного залога для акцентирования внимания, во-первых, на действии или результате, во-вторых, когда деятель не известен. Например:

1. 'Die Entscheidung wird getroffen, nachdem alle Beweise geprüft wurden.' (Решение будет принято после рассмотрения всех доказательств).

2. 'Die Gesetze werden von den Abgeordneten verabschiedet' (Законы принимаются депутатами).

3. 'Die Rechtsnormen werden vom Staat herausgegeben' (Правовые нормы издаются государством).

Пассивный залог применяется для акцентирования действия, а не субъекта, что является характерным для юридического языка. При использовании пассивных конструкций наблюдается устойчивая тенденция абстрагирования автора сообщения от происходящего,

наблюдательная позиция, непричастность, невмешательство, что позволяет говорить о пассивной позиции говорящего или пишущего:

1. ‘Es wird entschieden.’ (Решение принимается) вместо ‘Die Behörde entscheidet’ (Власть принимает решение).

2. ‘Das Zivilrecht wird von allen Staatsangehörigen eingehalten’ (Право основывается на воле людей).

Из категории залога немецкого юридического дискурса очевидно следует принципиальное использование безличных конструкций, которые указывают на формальность, безадриестность обращения. Это связано с обезличиванием субъекта, формализмом, стереотипностью, которые наблюдаются в изложении законов, актов, приказов, постановлений, направленных на всех участников правовых отношений.

Заключение. С точки зрения стилистических особенностей необходимо отметить следующие свойства языка юридических документов: нейтральность, логичная связанность и последовательность изложения, точность, лаконичность, безличность, неиндивидуальный характер. Данные особенности проявляются в следующих языковых аспектах: образование терминологических единиц путем словосложения; преобладание двусоставных (обычно распространенных) предложений, отсутствие односоставных предложений; высокая частотность придаточных предложений условия и причины; большой объем предложений; наличие пассивных конструкций для выражения неучастия выступающего; ограниченная синонимия; контекстуальная зависимость значения; высокая точность и стандартизированность терминологии. Таким образом, стилистические особенности юридического дискурса обеспечивают его функциональность и эффективность

в правовой сфере, помогают точно передавать информацию, аргументировать позиции и взаимодействовать с участниками правового процесса.

Литература

1. Плашевская, П.В. Функции юридического дискурса и действия его участников / П.В. Плашевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — № 5. — С. 535–540.
2. Ковкель, Н.Ф. Тексты правовых актов в структуре правового языка и перспектива их лингвистического анализа / Н.Ф. Ковкель // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2012. — № 3. — С. 11–21.
3. Балашова, Г.В. Из истории развития немецкого языка как языка юриспруденции / Г.В. Балашова // Актуальные проблемы российского права. — 2010. — № 2. — С. 352–357.
4. Оргаева, В.А. О связи словосложения и аббревиации в немецком языке / В.А. Оргаева // Вестник калмыцкого университета. — 2012. — № 1. — С. 65–67.
5. Сухомлинова, С.Г. Юридическая терминология в немецком языке: особенности перевода / С.Г. Сухомлинова // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 3 мая 2023 г. / гл. ред. Ж.В. Мурзина. — Чебоксары: Среда, 2023. — С. 49–50.
6. Поддубная, Н.Н. Основные способы и модели образования юридических терминов в немецком языке / Н.Н. Поддубная // Вестник Пермского национального политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2022. — № 1. — С. 40–49.
7. Велибекова, И.М. Язык права как социокультурный феномен (на материале немецкого языка права) / И.М. Велибекова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2014. — № 12(31). — С. 115–117.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Национально-культурные особенности названий произведений изобразительного искусства представителей Витебской школы живописи

Шеверинова О.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Современные языки насчитывают тысячи слов, обозначающих предметы, явления природы, действия, свойства, их характеристики и другие реалии нашей жизни. Значимое место в языке занимают имена собственные. Многообразие имён собственных, их широкое распространение привели к возникновению особой отрасли языкознания — ономастики. Большой интерес среди имён собственных представляют искусственно созданные имена, к числу которых относятся артионимы — номинации произведений изобразительного и любого другого вида искусства.

Артионим соотносится с «образом картины» и представляет собой вербальный заменитель полотна, представленный зачастую сложными структурными моделями. Корпус артионимов пополняется параллельно с развитием живописи и искусства в целом и характеризуется динамичностью и изменчивостью. Названия произведений становятся частью культурно-исторического процесса и приобретают социально-культурную значимость, репрезентируя большой эстетический потенциал.

Цель статьи — выявить структурно-семантические особенности оформления русскоязычных и англоязычных названий-соответствий произведений изобразительного искусства представителей Витебской школы живописи сквозь призму национально-культурных особенностей.

Материал и методы. *Представленный в работе корпус фактического материала включает 300 русскоязычных наименований произведений изобразительного искусства представителей Витебской школы живописи и 300 их англоязычных наименований-соответствий. Источником данного языкового материала послужили сайты музеев, каталоги, энциклопедии живописи, словари, справочные пособия по искусствоведению. Среди использованных методов наиболее частотными являются: метод целенаправленного отбора и систематизации ономастического материала, элементы качественно-количественного анализа, методы структурного анализа и семантического описания, сравнительно-сопоставительный и описательно-аналитический методы.*

Результаты и их обсуждение. *Выделены общие и отличительные структурно-семантические черты русскоязычных наименований произведений Витебской школы живописи и их англоязычных соответствий; установлена специфика межъязыковой передачи русскоязычных артионимов на английский язык с учётом национально-специфической лексики в составе наименования.*

Заключение. *Для передачи русскоязычных наименований произведений представителей Витебской школы живописи, содержащих национально-специфическую лексику, использованы следующие приёмы: транслитерация, транскрипция, калькирование, элиминация национально-культурной специфики, приближённый перевод и различного рода их комбинации. При этом транскрипция и транслитерация используются для передачи топонимов, входящих в состав артионима. При помощи приёма элиминации национально-культурной специфики происходит передача лексических единиц, обозначающих предметы быта (жильё). Для перевода наименований предметов искусства и культуры характерны как транслитерация, транскрипция, так и калькирование.*

Ключевые слова: *Витебская школы живописи, артионим, структурно-семантические особенности, национально-специфическая лексика, межъязыковые соответствия.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 141–147)

National and Cultural Features of the Titles of Works of Pictorial Art by Representatives of Vitebsk School of Painting

Sheverinova O.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Modern languages contain thousands of words denoting objects, natural phenomena, actions, properties, their characteristics and other facts of our lives. Proper names hold a significant place in the language. The diversity of proper names and their wide spread occurrence have led to the emergence of a special branch of linguistics — onomastics. Artificially created names, which include artionyms — nominations of works of pictorial and any other kind of art are of great interest among proper names.

An artionym corresponds to the “image of a painting” and represents a verbal substitute for the canvas, often represented by complex structural models. The corpus of artionyms expands parallelly with the development of painting and art in general and is characterized by dynamics and changeability. The titles of works of art become the part of the cultural-historical process and acquire social and cultural significance, representing great aesthetic potential.

The purpose of the article is to identify the structural and semantic features of Russian-language and English-language titles-correspondences of pictorial art by representatives of Vitebsk school of painting in the light of national and cultural features.

Material and methods. *The corpus of actual material presented in this work includes 300 Russian-language titles of works of art by representatives of Vitebsk school of painting and 300 of their English-language equivalents. Museum websites, catalogues, painting encyclopedias, dictionaries and art history reference books have become the source of the linguistic material. Among the methods used, the most common are the method of targeted sampling and systematization of onomastic material, elements of qualitative-quantitative analysis, methods of structural analysis and semantic description, comparative-contrastive and descriptive-analytical methods.*

Findings and their discussion. *Common and distinctive structural and semantic features of Russian-language titles of works of art from Vitebsk school of painting and their English-language equivalents are identified. Distinguishing features of the interlingual translation of Russian-language artionyms into English are established, taking into account nationally specific vocabulary as part of the titles.*

Conclusion. *To convey the Russian-language titles of works of art by representatives of Vitebsk school of painting that contain nationally specific vocabulary, the following techniques were used: transliteration, transcription, calquing, elimination of national and cultural peculiarities, approximate translation and various combinations thereof. Transcription and transliteration are used to convey toponyms that make up an artionym. The elimination of national and cultural peculiarities is used to convey lexical units denoting everyday objects (housing). The translation of art and cultural objects titles is characterized by transliteration, transcription and calquing.*

Key words: *Vitebsk school of painting, artionyms, structural and semantic features, nationally specific vocabulary, interlingual correspondences.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 141–147)

Ономастическое пространство изображается как внутренне организованная система, для исследования которой применяется структурный подход. В современных исследованиях ономастического пространства широкое распространение получил полевой подход, что наглядно продемонстрировано в работах Е.А. Сотниковой, В.И. Супруна, О.В. Врублевской, А.М. Емельяновой, К. Бюлера, О.С. Андреевой, А.В. Антроповой, Е.А. Бурмировой, О.В. Кирпичёвой, М.Э. Рут и др. Полевой подход представляет собой вариацию структурного подхода и заключается в рассмотрении ономастического пространства в виде так называемого поля. Группировка отдельных языковых единиц по функциональной и семантической идентичности служит основой полевого подхода. Н.Ф. Алефиренко выделяет следующие особенности полевого подхода: «Структурная специфика полевого системы языка — это выделение в поле ядра (центральной части) и периферии. Ядерные элементы языкового поля служат для выполнения функций поля. Ядро концентрирует в себе максимальный набор полеобразующих признаков. Периферия, в свою очередь, состоит из языковых единиц с неполным набором этих признаков; кроме того, их интенсивность может быть значительно ослаблена. Граница между ядром и периферией неопределённая. Постепенный переход от ядра к периферии позволяет выделять несколько периферийных зон, а именно заядерную, околядерную. Периферия, в свою очередь, делится на крайнюю, дальнюю и ближнюю» [1]. В формулировке Н.В. Подольской, ономастическое пространство включает в себя «полный комплекс имён нарицательных, охватывающий все разряды, и употребляемый данным народом

на современном этапе развития» [2, с. 104]. Ономастическое поле, в свою очередь, составляет лишь «часть ономастического пространства, содержащую онимы определённого вида» [2, с. 103]. А.В. Супранская, в свою очередь, является автором альтернативного определения ономастического поля, согласно которому оно представляет собой «определённую сферу соотносённости имени. Знание границ и иерархии ономастических полей необходимо для понимания и употребления имени» [4].

Невозможно определить место конкретных разрядов в ономастическом пространстве, так как границы между ними размыты. Наличие смежных разрядов (антропонимов и теонимов — имена богов языческих мифологий, геортонимов и хрононимов — названия праздников и определённых отрезков времени, урбанонимов и эргонимов — названия деловых объединений людей) исключает процесс классификации. Особенно ярко неясность границ между разрядами наблюдается при явлениях трансонимизации — наиболее частым путём образования имён собственных. Отсутствие прослеживаемых границ свойственна языку в целом. В повторном издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской был введён, помимо других разрядов ономастического пространства, образованных из элементов греко-латинской терминологии, термин «артионим» [2, с. 18]. Существует также более узкое определение артионима. В.И. Супрун представляет артионим как «вид идеонима, название произведения изобразительного искусства...» [4].

Цель статьи — выявить структурно-семантические особенности оформления русскоязычных и англоязычных названий-соответствий произведений изобразительного искусства представителей Витебской

школы живописи сквозь призму национально-культурных особенностей.

Материал и методы. Представленный в работе корпус фактического материала включает **300** русскоязычных наименований произведений изобразительного искусства представителей Витебской школы живописи и **300** их англоязычных наименований-соответствий. Источником данного языкового материала послужили сайты музеев, каталоги, энциклопедии живописи, словари, справочные пособия по искусствоведению. Среди использованных методов наиболее частотными являются: метод целенаправленной выборки и систематизации ономастического материала, элементы качественно-количественного анализа, методы структурного анализа и семантического описания, сравнительно-сопоставительный и описательно-аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. Разряд артионимов располагается на периферии ономастического пространства и считается ономастической универсалией, общей для всех языков и народов, так как искусство служит способом и инструментом объединения культур. Для художественных произведений свойственно наличие всевозможных сюжетов: человек, природа, война, время. Образ человека — наиболее простой способ передачи эмоций, переживаний, воспоминаний и социальных вопросов, благодаря чему человек неизменно остаётся центральным элементом сюжетов произведений искусства. Ярким примером являются художники Витебской школы живописи (далее — ВХШ), в творчестве которых концепт человека репрезентирован как один из самых многочисленных: «Портрет Марка Шагала» (Ю.М. Пэн), «Девушка в бархатном платье» (М.З. Шагал), «Старуха с клубком ниток» (М.З. Шагал), «Красный еврей» (М.З. Шагал), «Еврейский пекарь» (М.З. Шагал), «Еврейский фермер» (Ю.М. Пэн), «Комсомолец читает газету» (Ю.М. Пэн), «Автопортрет с Музой и Смертью» (Ю.М. Пэн), «Старик и Смерть» (Ю.М. Пэн) и др. Важно отметить, что артионимы имеют способность обладать как позитивной, так и негативной коннотацией, что позволяет достичь главной цели художественного произведения — вызвать эмоции, оказать влияние на потребителя. Так, артионимы «Автопортрет с Музой и Смертью» и «Старик и Смерть» являются носителями негативной информации, что выражено наличием компонента «смерть». В то время как артионимы «Девушка в бархатном платье», «Невеста с веером», «Женщина с букетом», «Обрученные и Эйфелева башня» и «Мать у печи» обладают позитивной коннотацией.

Вторым наиболее многочисленным сюжетом произведений художников ВХШ является природа, что можно проследить на примере следующих наименований: «Сад» (М.В. Добужинский), «Витебск» (М.В. Добужинский), «Вид из окна» (М.З. Шагал), «Окно. Витебск» (М.З. Шагал), «Дождь» (М.З. Шагал), «Старый Витебск» (М.З. Шагал), «Над Витебском» (М.З. Шагал),

«Окно на даче» (М.З. Шагал), «Над городом» (М.З. Шагал), «Ландыши» (М.З. Шагал) и др.

Концепт «Время» в русскоязычном понимании является полицентричным, а его смысловая составляющая меняет свою форму в зависимости от культурных потребностей народа. «Время» в наименованиях предметов изобразительного искусства может быть представлено в виде названия месяца, поры года, дня недели, части дня, эпохи, периода жизни человека и т.д. Такие артионимы в основном обладают позитивной, хотя и неявно выраженной, коннотацией: «Весна в Каунасе» (М.В. Добужинский), «Белые ночи» (М.В. Добужинский), «Вечерний пейзаж» (Ю.М. Пэн), «Октябрьская идиллия» (М.В. Добужинский), «Сумерки» (М.В. Добужинский), «Осенний пейзаж» (Ю.М. Пэн), «Летний пейзаж» (Ю.М. Пэн), «Субботний ужин» (Ю.М. Пэн) и др.

Л.А. Климова также отмечает в своих работах, что при наименовании произведений художники нередко прибегают к использованию топонимов. Важность и значимость определённого географического объекта можно проследить и в названиях произведений представителей ВХШ, в которых вторым по частотности сюжетом является природа: «Дом в Витебске» (М.З. Шагал), «Улица в Витебске» (М.З. Шагал), «Париж через окно» (М.З. Шагал), «Провинция. Воронеж» (М.В. Добужинский), «Вильнюс. Улица» (М.В. Добужинский), «Петербург» (М.В. Добужинский), «Улица в Лондоне» (М.В. Добужинский), «Улица» (М.З. Шагал), «Аптека в Витебске» (М.З. Шагал), «Старый дом в Германии» (М.В. Добужинский).

Продемонстрируем особенности оформления артионимов, обусловленные структурно-семантическими особенностями русского и английской языков в приведённых нами выше произведениях художников ВХШ. Во-первых, в англоязычных наименованиях-соответствиях произведений живописи заглавная буква используется во всех случаях (согласно правилам английского языка названия всегда пишутся с заглавной буквы). Также в **76** случаях большая буква используется с географическими названиями (топонимами): «Интерьер синагоги в Цфате» / «Interior of Synagogue in Safed» (М.З. Шагал), «Художник над Витебском» / «Artist over Vitebsk» (М.З. Шагал), «Эйфелева башня» / «The Eiffel Tower» (М.З. Шагал), «Обрученные и Эйфелева башня» / «The betrothed and Eiffel Tower» (М.З. Шагал), «Белла в Мурийоне» / «Bella in Mourillon» (М.З. Шагал), «Улица в Витебске» / «Street in Vitebsk» (Ю.М. Пэн), «Весна в Каунасе» / «Spring in Kaunas» (М.В. Добужинский), «Старый город в Каунасе» / «Old city in Kaunas» (М.В. Добужинский), «Дом в Лиозно» / «A house in Liozna» (М.З. Шагал) и др.

Во-вторых, определённый артикль также является неотъемлемой частью процесса образования превосходной степени прилагательного. Это качество артикля можно назвать его суперлативной функцией. Поэтому артикль, неизменно сопровождающий английское существительное, во многих артионимах

артикуль опускается. Из проанализированных артионимов-соответствий в составе наименования артикуль присутствует в **92** случаях: «Над Городом» / «Over the town» (М.З. Шагал), «Псковский рыбный рынок» / «Pskov. The fish market» (М.В. Добужинский), «Старуха с клубком ниток» / «Old Woman with a Ball of Yarn» (М.З. Шагал), «Скрипач» / «The Fiddler» (М.З. Шагал), «Поэт, или пол-четвёртого» / «The poet, or Half Past Three» (М.З. Шагал), «Военный врач» / «A military doctor» (Ю.М. Пэн), «Старый портной» / «The Old Tailor» (Ю.М. Пэн), «Девушка с книгой» / «A girl with a book» (Ю.М. Пэн) и др.

При этом в **23** артионимах употребляется неопределённый артикуль *a / an*: «Военный врач» / «A military doctor» (Ю.М. Пэн), «Портрет старого еврея» / «Portrait of an old Jew» (Ю.М. Пэн), «Дом в Каунасе» / «A house in Kaunas» (М.В. Добужинский), «Старуха с клубком ниток» / «Old Woman with a Ball of Yarn» (М.З. Шагал), «Газета» / «A newspaper» (Ю.М. Пэн), «Портрет неизвестной» / «Portrait of an unknown» (Ю.М. Пэн) и др.

В **69** наименованиях встречается определённый артикуль *the*: «Старый портной» / «The Old Tailor» (Ю.М. Пэн), «Старик и Смерть» / «The Old Man and Death» (Ю.М. Пэн), «Толкователь Талмуда» / «The Interpreter of the Talmud» (Ю.М. Пэн), «Еврейский фермер» / «The Jew-farmer» (Ю.М. Пэн), «Проситель» / «The petitioner» (Ю.М. Пэн), «Каунас. Старые дома» / «Kaunas. The Old Houses» (М.В. Добужинский), «Я и Деревня» / «I and the Village» (М.З. Шагал), «Модель» / «The Model» (М.З. Шагал) и др.

В-третьих, заслуживают внимания синтаксические особенности наименований произведений изобразительного искусства представителей ВХШ. Так, примерами словосочетаний с сочинительной связью в корпусе анализируемого фактического материала являются следующие артионимы: «Старик и Смерть» / «The Old Man and Death» (Ю.М. Пэн), «Фрукты и Цветы» / «Fruits and Flowers» (М.З. Шагал), «Я и Деревня» / «I and the Village» (М.З. Шагал). Однако их доля невелика. Доминирующим видом подчинительной связи в русском языке является *согласование*, что обусловлено развитой системой словоизменения. Ввиду особенностей системы категорий падежа и рода в английском языке основной вид подчинительной связи — *примыкание*. Примерами являются следующие артионимы: «Красные ворота» / «The red gateway» (М.З. Шагал), «Ворота кладбища» / «Cemetery gates» (М.З. Шагал), «Военный доктор» / «A military doctor» (Ю.М. Пэн).

Таким образом, различия в оформлении артионимов обусловлены различием отдельных аспектов сопоставляемых языков — русского и английского. В структурном плане для английских артионимов характерно наличие артикуля, выступающего средством репрезентации категории определённости и неопределённости. Среди проанализированных наименований **23** наименования включают неопределённый артикуль и **69** артионимов — определённый. В исследуемых корпусах материала обоих языков выявлены словосо-

четания с сочинительной и подчинительной связью, однако в английских артионимах доминируют атрибутивные словосочетания и словосочетания с видом связи *примыкание*; в русскоязычных наименованиях преобладают словосочетания с видом связи *согласование*.

Не менее важным, на наш взгляд, является и специфика русскоязычных наименований произведений ВХШ и их англоязычных соответствий. Необходимо отметить, что однокомпонентная модель немногочисленна. Русскоязычный корпус насчитывает **93** наименования такого рода. Во всех случаях единственным компонентом является *имя существительное*: «Сумерки» (М.В. Добужинский), «Коровник» (М.З. Шагал), «Крыши» (М.В. Добужинский), «Война» (М.З. Шагал), «Город» (М.В. Добужинский), «Зеркало» (М.З. Шагал), «Кукла» (М.В. Добужинский), «День рождения» (М.З. Шагал), «Улица» (М.З. Шагал), «Влюблённые» (М.З. Шагал), «Скрипач» (М.З. Шагал), «Часы» (М.З. Шагал), «Модель» (М.З. Шагал), «Еврей» (М.З. Шагал), «Пьяница» (М.З. Шагал), «Рождение» (М.З. Шагал), «Дождь» (М.З. Шагал), «Мясник» (М.З. Шагал), «Обрезание» (М.З. Шагал), «Тишина» (М.В. Добужинский), «Сад» (М.В. Добужинский), «Поцелуй» (М.В. Добужинский), «Прогулка» (М.З. Шагал), «Сопrotивление» (М.З. Шагал), «Воскресение» (М.З. Шагал), «Солдаты» (М.З. Шагал), «Натюрморт» (М.З. Шагал), «Обнажённая» (М.З. Шагал), «Автопортрет» (М.З. Шагал), «Магазин» (М.З. Шагал), «Залог» (М.З. Шагал), «Маляры» (М.З. Шагал), «Процессия» (М.З. Шагал), «Хризантема» (М.З. Шагал), «Всадница» (М.З. Шагал), «Война» (М.З. Шагал), «Акробат» (М.З. Шагал), «Весна» (М.З. Шагал), «Ночью» (М.З. Шагал), «Жонглёр» (М.З. Шагал), «Петух» (М.З. Шагал), «Рай» (М.З. Шагал), «Танец» (М.З. Шагал), «Ночь» (М.З. Шагал), «Ангел» (М.З. Шагал), «Птицы» (М.З. Шагал), «Концерт» (М.З. Шагал), «Творение» (М.З. Шагал), «Распятие» (М.З. Шагал), «Цирк» (М.З. Шагал), «Акробаты» (М.З. Шагал), «Залив» (М.З. Шагал), «Ловушка» (М.З. Шагал), «Вдохновение» (М.З. Шагал), «Музыка» (М.З. Шагал), «Жертвоприношение» (М.З. Шагал), «Волшебник» (М.З. Шагал), «Отдых» (М.З. Шагал), «Артисты» (М.З. Шагал) и др.

Англоязычные аналоги однокомпонентной номинации представлены нарицательным именем существительным (**90** наименований): «Twilight» (М.З. Шагал), «The Cowshed» (М.З. Шагал), «Rooftops» (М.В. Добужинский), «City» (М.В. Добужинский), «Mirror» (М.З. Шагал), «A doll» (М.В. Добужинский), «The Birthday» (М.З. Шагал), «Street» (М.З. Шагал), «Lovers» (М.З. Шагал), «The Fiddler» (М.З. Шагал), «Clock» (М.З. Шагал), «The Model» (М.З. Шагал), «A Jew» (М.З. Шагал), «The Drunkard» (М.З. Шагал), «Birth» (М.З. Шагал), «Rain» (М.З. Шагал), «Butcher» (М.З. Шагал), «Circumcision» (М.З. Шагал), «Silence» (М.В. Добужинский), «Garden» (М.В. Добужинский), «The Kiss» (М.В. Добужинский), «Wedding» (М.З. Шагал), «The Promenade» (М.З. Шагал), «Roofs»

(М.В. Добужинский), «Resistance» (М.З. Шагал), «Liberation» (М.З. Шагал), «Ressurrection» (М.З. Шагал), «Soldiers» (М.З. Шагал), «Nude» (М.З. Шагал), «Self-portrait» (М.З. Шагал), «Shop» (М.З. Шагал), «The deposit» (М.З. Шагал), «The procession» (М.З. Шагал), «Chrysanthemums» (М.З. Шагал), «Equestrienne» (М.З. Шагал), «The Rooster» (М.З. Шагал), «The Acrobat» (М.З. Шагал), «Spring» (М.З. Шагал), «War» (М.З. Шагал), «The Juggler» (М.З. Шагал), «A Rooster» (М.З. Шагал), «Paradise» (М.З. Шагал), «The Dance» (М.З. Шагал), «Night» (М.З. Шагал), «An angel» (М.З. Шагал), «The birds» (М.З. Шагал), «The Concert» (М.З. Шагал), «Creation» (М.З. Шагал), «Crucifixion» (М.З. Шагал), «The Circus» (М.З. Шагал), «Acrobates» (М.З. Шагал), «The bay» (М.З. Шагал), «The trap» (М.З. Шагал), «Inspiration» (М.З. Шагал), «Music» (М.З. Шагал), «Offering» (М.З. Шагал), «The Magician» (М.З. Шагал), «The rest» (М.З. Шагал), «The Players» (М.З. Шагал) и др.

При этом в трёх случаях русскоязычный однокомпонентный артионим представлен в английском варианте в форме многокомпонентного: «Ночью» → «In the night», «Маляры» → «The house painters», «Натюрморт» → «Still life» (М.З. Шагал).

В русскоязычных многокомпонентных артионимах (207 единиц) можно выделить следующие структурные модели:

1) *имя прилагательное + имя существительное* (53 единицы): «Старый Витебск» (М.З. Шагал), «Красный еврей» (М.З. Шагал), «Белые ночи» (М.В. Добужинский), «Зелёные любовники» (М.З. Шагал), «Большое колесо» (М.З. Шагал), «Белое распятие» (М.З. Шагал), «Красные ворота» (М.З. Шагал), «Синий дом» (М.З. Шагал), «Старый еврей» (М.З. Шагал), «Святой кучер» (М.З. Шагал), «Окружной суд» (М.В. Добужинский), «Летний пейзаж» (Ю.М. Пэн), «Осенний пейзаж» (Ю.М. Пэн), «Духовской овраг» (Ю.М. Пэн), «Троицкий мост» (М.В. Добужинский), «Октябрьская идиллия» (М.В. Добужинский), «Синие любовники» (М.З. Шагал), «Серые любовники» (М.З. Шагал), «Зелёный скрипач» (М.З. Шагал), «Красный конь» (М.З. Шагал), «Синий скрипач» (М.З. Шагал), «Чёрная луна» (М.З. Шагал), «Синяя нимфа» (М.З. Шагал), «Синяя корова» (М.З. Шагал) и др.;

2) *имя существительное + союз + имя существительное* (3 единицы): «Старик и старуха» (М.З. Шагал), «Старик и Смерть» (Ю.М. Пэн), «Фрукты и Цветы» (М.З. Шагал);

3) *имя существительное + предлог + имя существительное* (95 единиц): «Художник: на луну» (М.З. Шагал), «Письмо из Америки» (Ю.М. Пэн), «Окно в сад» (М.З. Шагал), «Девочка на диване» (М.З. Шагал), «Окно в деревне» (М.З. Шагал), «Любовники с цветами» (М.З. Шагал), «Мужчина за столом» (М.З. Шагал), «Улица в Витебске» (М.З. Шагал), «Автопортрет в профиль» (М.З. Шагал), «Любовники под лилиями» (М.З. Шагал), «Солдаты с хлебом» (М.З. Шагал), «Автопортрет с кистями» (М.З. Шагал), «Мать у печи»

(М.З. Шагал), «Девочка на софе» (М.З. Шагал), «Крыши под снегом» (М.В. Добужинский), «Садик в городе» (М.В. Добужинский), «Зима в городе» (М.В. Добужинский), «Музыкант со скрипкой» (М.З. Шагал), «Интерьер с цветами» (М.З. Шагал), «Автопортрет с музой» (М.З. Шагал), «Женщина с букетом» (М.З. Шагал), «Невеста с веером» (М.З. Шагал) и др.;

4) *имя существительное + имя существительное* (40 единиц): «Окно парикмахерской» (М.В. Добужинский), «Ворота кладбища» (М.З. Шагал), «Дети-беженцы» (Ю.М. Пэн), «Цирк. Этюд» (Ю.М. Пэн), «Провинция, Воронеж», «Толкователь Талмуда» (Ю.М. Пэн), «Праздник Кущей» (М.З. Шагал), «Купание ребёнка» (М.З. Шагал), «Ложка молока» (М.З. Шагал), «Пюньшюшка табака» (М.З. Шагал) и др.;

5) *причастие + имя существительное* (10 единиц): «Полулежащая обнажённая» (М.З. Шагал), «Молящийся еврей» (М.З. Шагал), «Гуляющий еврей» (М.З. Шагал), «Горящий дом» (М.З. Шагал), «Раненый солдат» (М.З. Шагал), «Лежащая обнажённая» (М.З. Шагал), «Раненый солдат» (М.З. Шагал), «Освежеванный бык» (М.З. Шагал), «Полулежащий поэт» (М.З. Шагал), «Падший ангел» (М.З. Шагал);

6) *имя существительное + предлог + имя прилагательное + имя существительное* (1 единица): «Студент с большими зубами» (Ю.М. Пэн);

7) *имя существительное + глагол* (1 единица): «Солдат пьёт» (М.З. Шагал);

8) *числительное + имя существительное* (2 единицы): «Две головы» (М.З. Шагал), «Два профиля» (М.З. Шагал);

9) *предлог + имя существительное* (2 единицы): «На носилках» (М.З. Шагал), «В стойле» (М.З. Шагал).

В многокомпонентных англоязычных артионимах-соответствиях выделены следующие структурные модели:

1) *имя прилагательное + имя существительное* (53 единицы): «The Red Jew» (М.З. Шагал), «White Nights» (М.В. Добужинский), «Green Lovers» (М.З. Шагал), «The Big Wheel» (М.З. Шагал), «White Crucifixion» (М.З. Шагал), «The Red Gateway» (М.З. Шагал), «The Blue House» (М.З. Шагал), «The Old Jew» (М.З. Шагал), «The Holy Coachman» (М.З. Шагал), «Red Jew» (М.З. Шагал), «Green Lovers» (М.З. Шагал), «Old Vitebsk» (М.З. Шагал), «The old Jew» (М.З. Шагал), «A Holy Coachman» (М.З. Шагал), «Blue Lovers» (М.З. Шагал), «Grey Lovers» (М.З. Шагал), «The Green Violinist» (М.З. Шагал), «A red horse» (М.З. Шагал), «The blue fiddler» (М.З. Шагал), «Black moon» (М.З. Шагал), «The Blue Nymph» (М.З. Шагал), «A blue cow» (М.З. Шагал) и др.;

2) *имя существительное + союз + имя существительное* (3 единицы): «Fruits and Flowers» (М.З. Шагал), «Peonies and Lilacs» (М.З. Шагал), «Mother and child» (М.З. Шагал).

3) *имя существительное + предлог + имя существительное* (97 единиц): «The painter to the moon» (М.З. Шагал), «Interior with Flowers» (М.З. Шагал),

«Self-Portrait with Muse» (М.З. Шагал), «Musician with Violin» (М.З. Шагал), «Bride with a Fan» (М.З. Шагал), «Self-portrait with palette» (М.З. Шагал), «Soldiers with Bread» (М.З. Шагал), «Self-portrait with Easel» (М.З. Шагал), «Nude with flowers» (М.З. Шагал), «Woman with a Bouquet» (М.З. Шагал), «Bride with a Fan» (М.З. Шагал), «Self-portrait with Brushes» (М.З. Шагал), «A girl with a book» (Ю.М. Пэн), «The Interpreter of the Talmud» (Ю.М. Пэн), «Window over a Garden» (М.З. Шагал), «The Feast of the Tabernacles» (М.З. Шагал), «Bathing of a Baby» (М.З. Шагал), «Window in the Country» (М.З. Шагал), «Visit to grandparents» (М.З. Шагал), «Self-portrait in Profile» (М.З. Шагал), «Mother by the oven» (М.З. Шагал), «The spoonful of Milk» (М.З. Шагал), «The Pinch of Snuff» (М.З. Шагал), «View from a Window» (М.З. Шагал) и др.;

4) *имя существительное + предлог + имя прилагательное + имя существительное* (2 единицы): «Soldiers of the old guard» (Ю.М. Пэн), «Portrait of a young man» (М.З. Шагал);

5) *имя существительное + имя существительное* (40 единиц): «Barbershop Window» (М.В. Добужинский), «Cemetery Gates» (М.З. Шагал), «Refugee children» (Ю.М. Пэн), «The district court» (М.В. Добужинский), «Circus. Etude» (Ю.М. Пэн), «Spirit Ravine» (Ю.М. Пэн), «Trinity Bridge» (М.В. Добужинский) и др.;

6) *причастие + имя существительное* (10 единиц): «Reclining Nude» (М.З. Шагал), «The Praying Jew» (М.З. Шагал), «Wandering Jew» (М.З. Шагал), «Burning House» (М.З. Шагал), «Wounded Soldier» (М.З. Шагал), «The Praying Jew» (М.З. Шагал), «Wounded Soldier» (М.З. Шагал), «Flayed Ox» (М.З. Шагал), «The Falling Angel» (М.З. Шагал) и др.

7) *имя существительное + предлог + имя прилагательное + имя существительное* (1 единица): «Student with sick teeth» (Ю.М. Пэн);

8) *имя прилагательное + имя существительное + предлог + имя существительное* (1 единица): «Young Girl on a Sofa» (М.З. Шагал);

9) *имя существительное + глагол* (1 единица): «The Soldier Drinks» (М.З. Шагал);

10) *числительное + имя существительное* (2 единицы): «Two Heads» (М.З. Шагал), «The two profiles» (М.З. Шагал);

11) *предлог + имя существительное* (3 единицы): «On the stretcher» (М.З. Шагал), «In the stall» (М.З. Шагал), «In the Night» (М.З. Шагал).

Различия в количестве выделенных структурных моделей русскоязычных и англоязычных многокомпонентных артионимов-соответствий, а также в качественной представленности в них компонентов обусловлено различиями в грамматических структурах языка. При этом также следует отметить наибольшую для обоих языков распространённость имён существительных, что предопределено их номинативной функцией.

Таким образом, в структурном плане артионимические единицы представлены в виде однокомпонент-

ных и многокомпонентных наименований с доминированием последних. Наиболее частотной частью речи как в однокомпонентных русско- и англоязычных наименованиях, так и многокомпонентных является имя существительное. При этом в русскоязычном корпусе продуктивной выступает модель *имя существительное + предлог + имя существительное*, в англоязычном — *имя прилагательное + имя существительное* и *имя существительное + предлог + имя существительное*. Трём однокомпонентным русскоязычным артионимам соответствуют многокомпонентные англоязычные номинации.

Живопись, являясь одним из основных видов изобразительного искусства, заключается в художественном изображении предметного мира красками на какой-либо поверхности. Задача живописи — раскрыть глубину человеческих чувств и переживаний, изобразить природу, мифологические образы, значимые исторические события, а также полёт фантазии.

Характерной особенностью артионимического пространства является наличие номенклатурных компонентов. В результате анализа русскоязычных артионимов и их англоязычных наименований-соответствий выделено 40 номинативных единиц, в состав которых входят следующие номенклатурные компоненты, представляющие такие жанры живописи, как:

1) *портрет* (35 единиц) — один из наиболее распространённых жанров живописи, подразделяется на следующие разновидности портрета: исторический портрет, семейный портрет, камерный портрет, миниатюрный портрет, религиозный портрет и автопортрет (изображение самого художника, написанное им самим — 10): «Автопортрет с мольбертом» / «Self-Portrait with Easel» (М.З. Шагал), «Завтрак (Автопортрет)» / «Breakfast (Self-portrait)» (Ю.М. Пэн), «Портрет старого еврея» / «Portrait of an old Jew» (Ю.М. Пэн), «Автопортрет в профиль» / «Self-portrait in Profile» (М.З. Шагал), «Портрет неизвестного» / «Portrait of an unknown» (Ю.М. Пэн), «Автопортрет с музой и смертью» / «Self-portrait with Muse and Death» (Ю.М. Пэн), «Портрет Марка Шагала» / «Portrait of Marc Chagall» (Ю.М. Пэн), «Автопортрет» / «Self-portrait» (М.З. Шагал), «Автопортрет перед домом» / «Self-portrait in front of the house» (М.З. Шагал), «Автопортрет в зелёном» / «Self-portrait in green» (М.З. Шагал), «Портрет неизвестной» / «Portrait of an unknown» (Ю.М. Пэн) и др.;

2) *пейзаж* (4 единицы) — сравнительно молодой жанр изобразительного искусства, цель которого показать природу (в зависимости от направления художники могут изображать растительность, здания, метеорологические (дождь, град, облака, радуга) и астрономические (луна, солнце, звёзды, созвездия, планеты, метеориты) явления, её красоту, изменчивость или особенность: «Кубистический пейзаж» / «Cubist landscape» (М.З. Шагал), «Летний пейзаж» / «Summer landscape» (Ю.М. Пэн), «Осенний пейзаж» / «Autumn landscape» (Ю.М. Пэн) «Синий пейзаж» / «Blue Landscape» (М.З. Шагал);

3) *натюрморт* (4 единицы) — жанр живописи, задача которого изобразить предметы неодушевлённой природы, представляющие собой целостную композицию либо включённые в композицию иного жанра, часто с использованием цветов, продуктов, посуды: «Натюрморт с фруктами и цветами» / «Still life with Fruit and Flower» (М.З. Шагал), «Натюрморт» / «Still life» (М.З. Шагал), «Натюрморт с цветами» / «Still life with Flowers» (М.З. Шагал), «Натюрморт с лампой» / «Still life with Lamp» (М.З. Шагал).

Артионимы играют ключевую роль в восприятии изобразительных произведений адресатом и являются важным средством выразительности, которым свойственна та же экспрессивность и вольность, что и живописи в целом.

Экспрессия может быть достигнута путём использования:

а) *сниженной лексики*: русскоязычному артиониому «Пьяница» соответствует английский «The Drunkard» (М.З. Шагал) с сохранением стилистического окраса; артионим Марка Шагала «Понюшка табака» передан на английский язык как «The Pinch of Snuff» (М.З. Шагал), что в английском языке соответствует нормам литературного языка. При этом русскоязычному наименованию «Скрипач» в английском варианте соответствует артионим «The Fiddler» (М.З. Шагал), в котором лексическая единица Fiddler является примером сниженной лексики — ‘скрипач (особ. уличный)’ [5]. Примером такой же трансформации артиониома Марка Шагала «Синий скрипач» может служить англоязычное выражение «The blue fiddler»;

б) *слов высокого стиля*, например: «Обручённые и Эйфелева башня» / «The betrothed and Eiffel tower» (М.З. Шагал) и «Моей невесте» / «To My Betrothed» (М.З. Шагал). Лексическая единица Betrothed является примером лексики высокого стиля [6];

В артиониме «Полулежащая обнажённая» / «Reclining Nude» (М.З. Шагал) примером высокого стиля выступает слово reclining [6];

в) *средств выразительности*:

– *эпитетов*: «Белое распятие» / «White Crucifixion» (М.З. Шагал), «Большое колесо» / «The Big Wheel» (М.З. Шагал), «Красные ворота» / «The Red Gateway» (М.З. Шагал), «Синий дом» / «The Blue House» (М.З. Шагал), «Красный еврей» / «The Red Jew» (М.З. Шагал), «Зелёные любовники» / «Green Lovers» (М.З. Шагал), «Старый Витебск» / «Old Vitebsk» (М.З. Шагал), «Старый еврей» / «The old Jew» (М.З. Шагал), «Святой кучер» / «A Holy Coachman» (М.З. Шагал), «Маленькая гостиная» / «Small Drawing Room» (М.З. Шагал), «Синие любовники» / «Blue Lovers» (М.З. Шагал), «Серые любовники» / «Grey Lovers» (М.З. Шагал), «Зелёный скрипач» / «The Green Violinist» (М.З. Шагал), «Красный конь» / «A red horse» (М.З. Шагал), «Синий скрипач» / «The blue fiddler» (М.З. Шагал), «Синий пейзаж» / «Blue Landscape» (М.З. Шагал), «Маленький ангел» / «A little angel»

(М.З. Шагал), «Синий пейзаж» / «Blue Landscape» (М.З. Шагал), «Чёрная луна» / «Black moon» (М.З. Шагал), «Синяя нимфа» / «The Blue Nymph» (М.З. Шагал), «Синяя корова» / «A blue cow» (М.З. Шагал);

– *олицетворений*: «Небо разгорается» / «The Sky inflames» (М.З. Шагал).

Таким образом, проанализированный корпус артионимов позволяет прийти к выводу, что в 13% случаев произведения художников ВХШ получают названия согласно с жанровой принадлежностью: портрет, пейзаж, натюрморт. Состав англоязычных и русскоязычных артионимов различается с точки зрения наличия слов высокого и низкого стилей: английские наименования-соответствия включают в состав большее количество сниженной лексики (2 русскоязычных артионима и 4 англоязычных) и лексики высокого стиля (1 русскоязычный на 3 англоязычных примера), что можно объяснить желанием достичь наиболее изысканного звучания. Количество артионимов с использованием средств выразительности совпадает в обоих корпусах.

Заключение. Обращение к существующим научным исследованиям в области ономастики показало, что артионимический разряд находится на периферии ономастического пространства и причисляется к разряду ономастических универсалий, т.е. явлений, общих для всех языков и народов. Это значит, что результаты такого рода исследований могут служить основой для проведения дальнейшего изучения особенностей структурно-семантического оформления артионимов с привлечением более объёмного фактического материала, а также представляют интерес для специалистов в области теории и практики перевода как материал для сопоставительного рассмотрения — в аспекте поиска оптимальных переводческих решений для передачи на другой язык лексических единиц с национально-культурной спецификой.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2005. — С. 82.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. — М.: Наука, 1978. — С. 198.
3. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтман, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. — М.: ЛКИ, 2007. — С. 280.
4. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. — Волгоград, 2011. — Вып. 8, Т. 62. — С. 137.
5. Сайт «Академик». — URL: <https://translate.academic.ru/fiddler/en/ru/> (дата обращения: 21.09.2025).
6. Cambridge dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/recline> (дата обращения: 21.09.2025).

Поступила в редакцию 04.11.2025

Сравнительный анализ изменения сублимированных оценочных значений лексем русского и английского языков

Азарченко Г.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследование развивает идеи лингвистической аксиологии.

Цель работы — изучить динамику сублимированных оценочных значений лексем русского и английского языков XI–XXI вв., специфики их изменения.

Материал и методы. Материалом исследования являются русскоязычные и англоязычные лексемы, которые выражают сублимированные типы оценки и отобраны из лексикографических источников. Применяются описательный, сопоставительный методы и метод словарных дефиниций.

Результаты и их обсуждение. В статье охарактеризованы семантические изменения сублимированных оценочных значений лексем русского и английского языков, специфика их функционирования в ходе истории, трансформации и видоизменения.

Заключение. Таким образом, этические и эстетические лексемы в русском и английском языках подвергаются схожим семантическим изменениям: сужение/расширение значения, пейорация/мейорация, синонимия, смещение, эвфемизация, перенос и др. Данные лексемы также имеют аналогичные тенденции семантической деривации, заключающейся в подобном изменении оценочных типов.

Ключевые слова: оценка, этическая оценка, эстетическая оценка, сублимированная оценка, лексема.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 148–153)

A Comparative Analysis of Changes in the Sublimated Evaluative Meanings of Russian and English Lexemes

Azarchenko G.Yu.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The research develops the ideas of linguistic axiology.

The objective of the work is to study the dynamics of sublimated evaluative meanings of lexemes in the Russian and English languages of the 11th – 21st centuries and the specifics of their change.

Material and methods. The research material is Russian-language and English-language lexemes, which express sublimated types of evaluation and are selected from lexicographic sources. Descriptive, comparative, and dictionary definition methods are used.

Findings and their discussion. The article describes the semantic changes in the sublimated evaluative meanings of the lexemes found in the Russian and English languages, the specifics of their functioning, transformation and modification in the course of history.

Conclusion. Thus, ethical and aesthetic lexemes in Russian and English undergo similar semantic changes: narrowing/widening of meaning, pejoration/mejoration, synonymy, shift, euphemization, transfer; etc. These lexemes also have similar tendencies of functioning and semantic derivation, consisting in a similar change in evaluative types.

Key words: evaluation, ethical evaluation, aesthetic evaluation, sublimated evaluation, lexeme.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 148–153)

Как указывает В.А. Маслова, ценности, на которые опирается оценка, составляют основу человеческого мировоззрения, они становятся для сознания главными ориентирами в культуре и обществе, а потому занимают значительное место

в структуре языковой личности [1, с. 38]. Соответственно, ценности сообщества людей определяют понимание морального и аморального (этическая оценка) и обуславливают восприятие красоты (эстетическая оценка). При этом ценности народа нередко

зависят от конкретного исторического периода и могут видоизменяться в ходе истории, что находит свое отражение в языке.

Цель данной работы — исследовать динамику сублимированных оценочных значений лексем русского и английского языков XI–XXI вв., специфики их изменения.

Материал и методы. Теоретической базой статьи являются работы в области лингвоаксиологии (Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телии, Т.В. Писановой и др.); лексической семантики (В.И. Арнольд, Л.Г. Смирновой и др.); этической и эстетической оценочности (В.И. Ждановой, М.А. Арской, Н.И. Белогривцевой, Е.В. Мякишевой и др.); диахронических исследований оценочной лексики (М.В. Пименовой, М.В. Долгополовой, С.Е. Токмаковой и др.) и др.

Русскоязычные и англоязычные лексемы этической и эстетической оценок, выражающих одобрение и неодобрение, отобраны из лексикографических источников «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТС) и «The Concise Oxford English Dictionary» (А. Stevenson, M. Waite и др.) при использовании приема сплошной выборки на основании наличия в толковании их значений метаязыковых семантических компонентов (слов-идентификаторов), выявленных в ходе семантического анализа. В результате получены следующие данные: в русском языке этическая оценка эксплицируется 2641 лексемой¹ (251 и 2390 для выражения одобрения и неодобрения соответственно), в английском языке — 1586 лексемами (247 и 1339 для выражения одобрения и неодобрения). В русском языке эстетическая оценка эксплицируется 866 лексемами (214 и 652 для выражения одобрения и неодобрения соответственно), в английском языке — 749 лексемами (387 и 362 для выражения одобрения и неодобрения).

Историко-этимологические сведения о русскоязычных и англоязычных лексемах, их значениях в соответствующий период, закрепленные в словарных дефинициях, выявлялись посредством следующих лексикографических источников: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (1975–2019), «Словарь русского языка XVIII века» (23 вып.; 1984–2024), «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных (в 2 т.; 1999), «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (в 4 т.; 1986), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (в 4 т.; 1801–1872); «The Oxford English dictionary», «The Concise Oxford English Dictionary» и др. (см. принятые сокращения).

Для иллюстрации представленных примеров использованы данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <https://ruscorgo.ru/> и контексты, предлагаемые OED.

В работе применялись описательный метод, сопоставительный метод, в рамках которого проводится

историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций.

Результаты и их обсуждение. Лексико-семантическое поле «Сублимированная оценка» (в терминологии Е.М. Вольф [2, с. 24] на основании классификации Н.Д. Арутюновой [3, с. 75–76]) имеет много сходств в русском и английском языках. Данный факт обусловлен рядом схожих исторических условий, в которых развивались русский и английский языки, к их числу можно отнести: 1) важность христианских ценностей в эпоху Средневековья; 2) распространение книгопечатания; 3) выраженное влияние иностранных держав; 4) с развитием государственности, межэтнического и межнационального общения все более значимо влияние тех же политических событий и тенденций (войн, революций, эпидемий и др.); 5) постепенная утрата авторитета церкви и десекуляризация; 6) разрушение феодальной системы и отмена крепостничества; 7) влияние капитализма; 8) выраженное влияние научно-технического прогресса; 9) функционирование (правда, в разные периоды) схожих художественных тенденций, течений, стилей и др.

К подобным языковым условиям можно отнести: 1) принадлежность к индоевропейской семье; 2) выраженное влияние классических языков древности: латыни и церковнославянского; 3) диалектная раздробленность в древности, сосуществование нескольких основных языков на промежуточном этапе и унификация в национальный период; 4) активизация образования оценочных лексем в национальный период; 5) синкретизм оценочных понятий в донациональный период; 6) постепенное усложнение оценочной семантики к XIV–XV вв.; 7) демократизация языка в национальный период; 8) вклад писателей в развитие языка в целом и в пополнение оценочной лексики в частности; 9) неоднозначное отношение к заимствованиям, смена периодов пуризма и лингвистического либерализма; 10) способность оценочных лексем эксплицировать этические нормы и эстетические идеалы (часто взаимосвязанные), картину мира представителей каждого из народов на каждом историческом этапе.

Этические и эстетические лексемы русского и английского языков характеризуются также схожими семантическими изменениями (в классификации ниже виды семантических изменений представлены в соответствии с выводами В.Г. Гака [5, с. 83–85] и Е.А. Волковой [6]; здесь и далее даты возникновения лексем совпадают с временем появления соответствующего оценочного лексико-семантического варианта (этического или эстетического); в рамках данного исследования OED является основным источником для определения историко-этимологических характеристик англоязычных оценочных лексем):

– расширение значения: *interloper* (1590) ‘originally an unauthorized trader; one who trespasses on the rights or privileges of any trade monopoly’ / (1632) ‘one who, esp. for his or her own profit, thrusts himself or herself into any position or affair, which others consider as pertaining

¹Значение термина «лексема» соответствует пониманию Московской семантической школы [4].

solely to themselves' — изначально чисто экономическое значение начинает применяться к большему количеству референтов, а именно к любым беспринципным людям, стремящимся к наживе, что могло быть вызвано изменением отношения к монополистам; *алчный* (XII в.) 'испытывающий голод' (СлРЯ XI–XVII вв.) / (XII–XIII в.) 'жаждущий, стремящийся к чему-л.' (СлРЯ XI–XVII вв.) / (XVIII в.) 'жаждущий богатства, корысти, жадный' (СлРЯ XVIII в.); *вредный* (XII в.) 'больной, искалеченный, поврежденный' / (1616) 'причиняющий вред, вредный' (при этом далее (п.п. XX в.) 'вредный элемент (неол. разг.) — человек, враждебно настроенный к советской власти, чуждый пролетариату' (ТСРЯ) / (сер. XX в.) 'прост. недоброжелательный, злой (о человеке, его характере)' (ТСЕ)) — при сохранении семантики «причинение вреда» лексико-семантический вариант с ходом времени начинает применяться по отношению к людям, как в политическом, так и общесоциальном контексте;

– сужение значения: *impudent* (1386) 'wanting in shame or modesty; shameless, unblushing, immodest; indelicate' / (1563) 'possessed of unblushing presumption, effrontery, or assurance; shamelessly forward, insolently disrespectful' — общее значение бесстыдности сужается до обозначения референтов, отличающихся наглостью и самоуверенностью; *злой* (XII в.) 'плохой, дурной' / (XIV) 'злой, свирепый, жестокий' (СлРЯ XI–XVII вв.) — общее негативное значение «дурной человек» (*аще кто дивольмъ потъчень и злыми члѣк[ы] [н]аваж[ен]ъ ц[ѣ]то] хочет ѿати ѿ нивъ ли ѿ пожьнь ли или ѿ ловищъ а боуди емоу противн[ѣ] стѣи спѣъ и въ сѣ въкъ и въ боудоущи* [НКРЯ]) становится частным, характеризуя аспект «дурного» поведения — жестокость (*Слуги же моя — над многим и злымъ, что над ними издѣяли, отпуская их на клячах либивыхъ бе-сѣдель во обротехъ личныхъ, — из города вывели ограбленыхъ и до сорочки, и до ножевъ, и до ногавиць, и сапоговъ и киверевъ не оставили на них!* [НКРЯ]), что может быть связано с общим усложнением и дифференциацией системы оценочных признаков в XIII–XIV вв.); *ugly* (1325) 'having an appearance or aspect which causes dread or horror; frightful or horrible, esp. through misshapeness or squalor' / (1386) '(of persons) offensive or repulsive to the eye; unpleasing in appearance; of disagreeable or unsightly aspect' — сложный для анализа случай, как указывает OED, первые употребления связаны с библейскими книгами и употреблялись для характеристики общего состояния ужаса, при этом характеризуя разнообразных референтов (*snake, hole, pit, sight, terror, death* и др.), однако начиная с работ Дж. Чосера лексико-семантический вариант в большей степени применяется для характеристики внешности людей (*ugly sergeant, face, women, children* и др.);

– синонимия: *insolent* (1386) 'proud, disdainful, haughty, arrogant, overbearing; offensively contemptuous of the rights or feelings of others. Said of the powerful, rich, or successful, their actions, etc., obsolete' / (1678) 'contemptuous of rightful authority; presumptuously

or offensively contemptuous; impertinently insulting; said of those who treat superiors or equals with offensive familiarity or disrespect' — высокомерие по отношению к человеческому сообществу в целом переходит в сферу высокомерия к существующей социальной иерархии, признанным авторитетам, власти (*Their revolutionary tribunals, where every idea of natural justice... have been trod under foot with the most insolent mockery* [OED]); *велеречивый* (1380) 'хвастливый, высокомерный' / (п.п. XX в.) '(книж. устар. или ирон.) высокопарный, напыщенный' — высокомерие и напыщенность как общая черта характера в XX в. применяется в отношении продукта творчества таких людей, часто через иронию, являющейся мощным инструментом оценки: (*Почему-то ему казалось, что дело тут нечисто, но как добраться до истины сквозь чащу торговых терминов, оплетенную велеречивой паутиной Ярчука?* [НКРЯ]);

– антонимия (внутрисловная энантиосемия): *nice* (1300) 'of a person: foolish, silly, simple; ignorant' / (1395) 'of dress: extravagant, showy, ostentatious' / (1400) 'of a person: finely dressed, elegant (obsolete)' — первоначальное значение глупости, часто связываемое в обоих языках с вычурностью и показным бахвальством, неожиданно приобретает противоположное значение — нарядность и элегантность; *коварный* (XI в.) 'разумный, благоразумный' / (XI в.) 'хитроумный, лукавый, коварный' (СлРЯ XI–XVII вв.); *святоша* (п.п. XIX в.) 'об. стар. святой или угодник, праведник. || ныне это ханжа, лицемер, святец, пустосвят, исполнитель внешних обрядов для виду, а внутренне дурной, лживый, притворный человек' (Даль) — антонимия вызвана переосмыслением роли церкви, изменением ее авторитета, связанные с неблагочестивыми поступками священнослужителей; *pious* (1595) 'having or showing reverence and obedience to God; faithful to religious duties and observances; devout, godly, religious' / (1622) 'of a fraud or deception: practised for the supposed benefit of those deceived, or to further what is considered a virtuous aim; intended to exploit religious credulity'; *lairy* (1846) 'British informal aggressive or rowdy' / (1906) 'ostentatiously attractive' — изменение оценочного знака происходит при изменении характеризуемой сферы (этика и эстетика), однако остается в пределах группы сублимированных оценок;

– смещение: *lese-majesty* (1485) 'a crime committed against a monarch or other ruler; insult of or affront to a monarch or other ruler, esp. when constituting a crime; treason' / (1562) 'an offence against, or affront to, a person who, or thing which, should be revered or respected; presumptuous or disrespectful behavior' — политическое значение заменяется социальным; *вежливый* (1650) 'учтивый' (СлРЯ XI–XVII вв.) — «собств.-рус. производное прилаг. с суф. -ливъ (-'ивъ) от *вежа* «сведущий, знайка», восходящего к праслав. **вѣдѣа*, образованного при помощи суф. -ѣа от основы глаг. **вѣдати*» (Шап.) — значение лексемы смещается из сферы интеллектуальной оценки к сфере этики; *adorable* (1601) 'worthy of or inspiring worship or

‘veneration’ / (1653) ‘worthy of or inspiring great affection or admiration, now usually in weakened sense: charming, delightful’; *завистливый* (1551) ‘завистливый’ / (1672) ‘скупой, ревниво охраняющий что-л. от других, не желающий делить что-л. с кем-л.’ — сферы зависти и жадности являются смежными, но все же оценочные лексемы, описывающие их, принадлежат к разным лексико-семантическим группам, что и обуславливает смещение; *величественный* (1581) ‘относящийся к высокому титулу, сану’ (СлРЯ XI–XVII вв.) / (XVIII в.) ‘исполненный величия, возвышенной и торжественной красоты’ (СлРЯ XVIII в.) — социальное значение трансформируется в эстетическое;

– ухудшение значения (пейорация): *boor* (1548) ‘a peasant, a countryman’ / (1598) ‘a person (esp. a man) who behaves in a rude, ill-mannered, or crass way; a lout, an oaf’ — ухудшение значения из-за существующих предрассудков относительно простого народа (*Thlaspi... is called in duche Baurensenfe [read Baurensenfe]... It may be named in englishe dyshmustard, or triacle Mustard, or Boures Mustard* (OED) — *Grossolano, a lubber, a clowne, a boore, a rude fellow* (OED)); *legerdemain* (1450) ‘skilful use of one’s hands when performing conjuring tricks; sleight of hand; (also) the performance of conjuring tricks using this skill’ / (1532) ‘skill in deceiving or misleading others in order to achieve one’s purpose or benefit oneself; the action or fact of employing this skill; artful deception or trickery’ — связь трюкачества и махинаций, обмана; *дерзкий* (1709) ‘храбрый, отважный, дерзкий’ (СлРЯ XI–XVII вв.) / (XVIII в.) ‘наглый, бесстыдный’ (СлРЯ XVIII в.) — излишняя дерзость ведет к бесцеремонности; *ханджа* (начало XVIII в.) ‘притворно набожный человек’ (Черн.) — «Искон. Экспрессивное переоформление и пейоративное переосмысление заимств. из тюрк. яз. сущ. *хаджи* (от хадж. «мусульманское паломничество в Мекку»), обозначающего буквально — «паломник» (Шанский);

– улучшение значения (мелиорация): *pretty* (OE) ‘cunning, crafty’ / (1440) ‘of a person, esp. a woman or child: attractive and pleasing in appearance; good-looking, esp. in a delicate or diminutive way’; *преlestный* (XVIII в.) ‘исполненный прелести, вызывающий восхищение’ — «из слав. *прелестныйи*, производного прилаг. с суф. *-нь* от основы *прѣлесть* ‘соблазн, обман, совращение» (Шап.) — как видим из данных двух примеров, значения ловкости и хитрости нередко переходят в значения привлекательности, что могло быть обусловлено представлением о прекрасных обольстительницах-ведьмах; *sophisticated* (1603) ‘altered from, deprived of, primitive simplicity or naturalness’ — «Until the late 19th century it meant ‘adulterated’ or ‘deprived of natural simplicity’; it did not take on the meaning ‘highly developed and complex’ until 1945» (OED, COED);

– эвфемизация: *подмазать* (XX в.) ‘перен. прост. дать кому-то взятку’ (Елистратов) — может быть связано с терминологией азартных игр; *капать* (начало XX в.) ‘предавать’ (Грачев);

– перенос (метафоры, метонимии и др.): *нахал* (1731) ‘грубый, бесцеремонный человек’ — «от и.-е. **skēl* “гнуть”, “сгибать”, “кривой”, “искривленный”, “извращенный”» (Черн.) — метафоризация, базирующаяся на понятии «кривого пути», связанного в христианстве с обманом и злом; *sublime* (1605) ‘of a person, personal attribute, action, etc.: morally, intellectually, or spiritually superior; of great nobility or grandeur’ — «etymon classical Latin *sublīmis* high up, elevated, high; grand, elevated in style, majestic, exalted, noble, eminent, illustrious» — метафора на образе высоты, связываемой с высокими помыслами; *bloodthirsty* (1539) ‘that thirsts for blood; eager for bloodshed, murderous’; *прощельга* (вт. четв. XIX в.) ‘пройдоха, плут’ — «Это слово, имеющее значение “плут”, образовано от существительного *щель* и буквально означало “тот, кто сможет пройти в любую щель” (Крылов) — сохранение взаимосвязи ловкости и мошенничества; *красуть* (XI в.) ‘делать красивым, украшать, придавать красоту кому-л., чему-л.’ (СлРЯ XVIII в.) — “из праслав. **красити*, праслав. **краса*, отглагольное имя с продленным корневым гласным, образовано на основе глаг. с корневым “е”: **кресати* и **крѣсити* «высекать искру или огонь, загораться, возжигать, оживлять, воскресать”. Первичное имя **крѣсь* обозначало летний солнцеворот (солнцестояние), возрождение и связанный с ними купальский огонь» (Шап.) — красота как божественная искра, огонь, солнце; *king* (1576) ‘(king it) act in an unpleasantly superior manner’ (OED, COED) — могло быть вызвано представлением о неподобающем отношении элиты к стоящим ниже по статусу; *лев* (XVIII в.) ‘перен. о сильном, храбром или жестоком, свирепом человеке’ (СлРЯ XVIII в.) / (п. п. XX в.) ‘перен. законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец’ (ТСРЯ); *рыцарь* (1489) ‘лицо, принадлежащее к военно-земледельческому сословию, рыцарь, дворянин’ / (п.п. XIX в.) ‘честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотверженный заступник’ (Даль) и др.

Нередко изменения ЛСВ со временем затрагивают и тип оценки:

– нейтральная оценка → сублимированные:

а) этическая: *gang* (1340) ‘a set of objects; a number of items produced, sold, or used together’ / (1599) ‘a group or band of people who go around together, or associate with one another regularly; a number of people joined together by a shared interest or common cause’ / (1652) ‘an organized group of criminals; spec. (in later use) an organization involved in large-scale criminal activity’; *knave* (OE) ‘a male child, a boy; a male attendant, page, or other servant; (also more generally) a man of low rank or status; a commoner, a peasant’ / (1275) ‘a dishonest unprincipled man; a cunning unscrupulous rogue; a villain’;

б) эстетическая: *picturesque* (1705) ‘having the elements or qualities of a picture; suitable for a picture’ / (1734) ‘of language, narrative, etc.: strikingly graphic or vivid, colourful’;

– общая → сублимированные: *bad* (1203) ‘of poor quality or little worth’ / (1330) ‘lacking or failing to conform to moral virtue, immoral; wicked, evil’; *изящный* (XI в.) ‘превосходный, самый лучший’ / (XVIII) ‘отвечающий требованиям художественного вкуса; прекрасный’ (СлРЯ XVIII);

– этическая → эстетическая оценка: *innocent* (1340) ‘of persons: doing no evil; free from moral wrong, sin, or guilt (in general); pure, unpolluted’ / (1645) ‘figurative. spotless, stainless’; франт (п.п. XIX в.) ‘шеголь, модник’ — «заимствование из польского, где *frant* — “шеголь, ловчач”»; по происхождению слово франт восходит, видимо, к сокращенному варианту чешского имени *Frantisek*, использовавшемуся нередко в значении «хитрец, плутишка» (Черн., Фасмер);

– эстетическая → этическая оценка: *fair* (OE) ‘beautiful, agreeable’ / (1300) ‘expressing or expressive of gentleness or peaceable intention; kind, mild / accomplished or employed without violence or violent intent’;

– психологическая → сублимированные типы оценки: *cunning* (1382) ‘possessing practical knowledge or skill; able, skilful, expert, dexterous, clever’ / (1616) ‘skilful in compassing one's ends by covert means; clever in circumventing; crafty, artful, guileful, sly’; *вѣдьма* (IX в.) ‘колдунья, волшебница’ / (п.п. XX в.) ‘бранное слово — о сварливой, злой, безобразной женщине’ — «Оно является суффиксальным производным от основы общеславянского глагола “ведети” — ведь. Первоначальное значение — “знающая” — со временем трансформировалось, после чего данное существительное приобрело негативную окраску и стало означать “колдунья”, “злая, сварливая женщина, чаще всего старуха»» (Семенов);

– нормативная → сублимированные типы оценки: *right* (OE) ‘something proper for, or incumbent on, a person to do; one's duty’ / (OE) ‘that which is consonant with justice, goodness, or reason; something morally or socially correct, just, or honourable’; *evil* (OE) ‘morally depraved, bad, wicked, vicious’ — «from *yfel*’ of Germanic origin — ‘exceeding due limits» (COED);

– гедонистическая → сублимированные типы оценки: *пикантный* (сер. XIX в.) ‘возбуждающий чувственность, задорный’ (Виноградов); *sweet* (OE) ‘pleasing to the sense of taste; having a pleasant taste or flavour’ / (OE) ‘pleasing to the ear; having or giving a pleasant sound; musical, melodious, harmonious’ / (1366) ‘to the senses; esp. to the sight = lovely, of charming appearance’; *cheesy* (1757) ‘of an odour: like that of cheese; unpleasantly strong, pungent, sour, or musty’ / (1967) ‘of a grin, smile, etc.: broad, smooth, ingratiating, esp. if also slightly or wholly exaggerated, forced, or insincere’;

– утилитарная → сублимированные типы оценки: *straightforward* (1787) ‘of a process, course of action, method, etc.: leading directly to a goal or outcome, without interruption or deviation’ / (1795) ‘of a person, or a person's character, behaviour, etc.: honest, candid, or direct; not evasive or deceitful’; *свежий* (1585) ‘не утративший своих естественных свойств, качеств; только

что добытый, свежий’ / (п.п. XIX в.) «*Свежий* цвет лица, щек, здоровый, алый, не бледный, не болезненный. *Свежие* краски, цвета, яркие, не блеклые, не слинявшие, не тусклые» (Даль);

– телеологическая → сублимированные типы оценки: *just* (1400) ‘of a calculated result, measure, amount, number, date, etc.: precisely measured or determined, not approximated in any way; precise, exact’ / (1450) ‘consonant with principles of moral right or of equity; righteous; equitable; fair’.

Нередко те же самые процессы происходят и в обратном направлении, т.е. из сублимированных оценок образуются другие типы частных оценок: *comely* (OE) ‘of an object, item of clothing, building, etc.: elegant, beautiful, or delicate in appearance, form, or composition’ / (1350) ‘appropriate; decent; proper; conforming to acceptable moral or social standards’; *нелепый* (XVIII в.) ‘неразумный, лишенный здравого смысла’ (СлРЯ XVIII в.) — «заимств. из ст.-сл. яз., где оно является преф. производным от общеслав. *lěru* «красивый, хороший», того же корня, что лепить и аналогичные смазливый, писать. Нелепый первоначально — «некрасивый» (<<«без румян, краски и “лепки”»)), затем — «нескладный» и «неразумный» (Шанский).

В результате таких изменений могут образоваться семантические архаизмы: *пестрый* (XI в.) ‘хитрый, лукавый’ (СлРЯ XI–XVII вв.) — *пестрый* (рубеж XX–XXI вв.) ‘с окраской полосами, пятнами разных цветов; состоящий или составленный из чего-л., окрашенного в разные цвета; не одного цвета, разноцветный’; *плюхавый* (XVI в.) ‘мерзкий, отвратительный’ — *плюгавый* (рубеж XX–XXI вв.) ‘презрит. невзрачный, жалкий на вид (о человеке)’ (БТС); *ожесточение* (XVI в.) ‘упорство, упрямство’ (СлРЯ XI–XVII вв.) — *ожесточение* (рубеж XX–XXI вв.) ‘чувство ненависти, злобы, жестокости; ожесточенность’; *сволочь* (1601) ‘(прост. бран.) негодяй, мерзавец’ — «В рус. языке XII–XVII вв. изв. глаг. *сволочити* «раздеть, ограбить» (XII в.), сущ. *сволочь* «сброд, воришки, негодяи» (1601), *сволочь* отм. в словарях с 1782 г. Собств.-рус. собирательное новообразование с окончанием -ь то ли на базе предложно-падежного словосочетания *съ волока* «с места, где перетаскивают корабли по суше из реки в реку» (в подобных местах и в древности имел обыкновение собираться всякий сброд), то ли от глаг. *сволочити* «ограбить, раздеть» (Шап.)

Кроме того, различные типы оценки могут вступать в симбиоз или конфронтацию, образуя сложные единства, что в древнеанглийский период являлось признаком синкретизма значений (см. выше), а XX в. свидетельствует о более многогранном анализе действительности, отказа от жесткой категоризации действительности с разделением ее на «черное» и «белое»: *bimbo* (1920) ‘a young woman, who is regarded as sexually attractive, but unintelligent or frivolous’.

Заключение. Таким образом, этические и эстетические лексемы в русском и английском языках подвергаются схожим семантическим изменениям:

сужение/расширение значения, пейорация/мейорация, синонимия, смещение, эвфемизация, перенос и др. Сублимированные оценочные лексемы также имеют аналогичные тенденции семантической деривации, заключающейся в подобном изменении оценочных типов. Данные явления позволяют сделать вывод о схожем характере изменений оценочных категорий в русской и английской лингвокультурах на протяжении истории (XI–XXI вв.). Их языковое выражение в лексических системах соответствующих языков также обнаруживают некоторое подобие.

Принятые сокращения

COED — Concise Oxford English dictionary / A. Stevenson, M. Waite [and others]. — 12th edition. — NY: Oxford University Press Inc. — 1682 p.

OED — The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. — 2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — 20 vol. — URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (date of access: 15.09.2025).

Onions — The Oxford dictionary of English etymology / ed. by C.T. Onions with the ass. of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. — Oxford: Clarendon Press, 1966. — 1024 p.

Виноградов — Виноградов, В.В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / В.В. Виноградов / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М., 1999. — 1138 с. — URL: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vinogradov> (дата обращения: 15.09.2025).

Грачев — Грачев, М.А. Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М.А. Грачев, В.М. Мокиенко. — СПб.: Фолио-Пресс, 2000. — 344 с.

Даль — Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. — М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. — (Репринт. воспр. 2-го изд. 1801–1872 гг.). — Т. 4. — URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 15.09.2025).

Елистратов — Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12 тыс. слов и выражений, арго, кинемалогос, жаргоны / В.С. Елистратов. — М.: Изд-во «АСТ-Пресс», 2005. — 668 с.

Крылов — Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. — СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. — 432 с. — URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 15.09.2025).

Лехин — Словарь иностранных слов / И.В. Лехин, Ф.Н. Петров и др. — СПб.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1949. — 805 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 4. — URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 15.09.2025).

Семенов — Семенов, А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семенов. — М.: ЮНБЕС, 2003. — 702 с. — URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 15.09.2025).

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1975–2019. — 31 вып.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века: в 23 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Соколин (гл. ред.) [и др.]. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2024. — 23 вып. — URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 15.09.2025).

ТСЕ — Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. — М.: Рус. яз., 2000. — Т. 2. — URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 15.09.2025).

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д.Н. Ушакова [и др.]. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ, 1947–1948. — Т. 4. — URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 15.09.2025).

Фасмер — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986–1987. — Т. 4. — URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 15.09.2025).

Черн. — Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 2.

Шанский — Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с. — URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 15.09.2025).

Шап. — Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А.К. Шапошников. — М.: Флинта: Наука, 2010. — Т. 2.

Литература

1. Маслова, В.А. Образы языка как главной национальной ценности / В.А. Маслова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. научн. конф., Екатеринбург, 15–17 окт. 2019 г. — Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2019. — С. 38–40. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/30984> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — Изд. 2-е, стер. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 261 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
4. Московская семантическая школа. — URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2233157> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования / А.А. Леонтьев [и др.]; отв. ред. А.А. Леонтьев. — М., 1971. — С. 78–124.
6. Волкова, Е.А. Семантические изменения в английском языке / Е.А. Волкова // Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-izmeneniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 20.09.2025).

Поступила в редакцию 12.11.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарченко Галина Юрьевна — преподаватель кафедры германской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр, исследователь в области филологических наук.

Алимпиева Елена Викторовна — доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук.

Аршанская Екатерина Евгеньевна — студентка 3-го курса факультета гуманитарного знания и языковых коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Буров Александр Архипович — профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет», доктор филологических наук, профессор.

Бурова Галина Петровна — профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал в г. Ессентуки), доктор филологических наук, доцент.

Володина Ирина Викторовна — учитель муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов с. Тербуны Тербунского муниципального района Липецкой области.

Воронцов Владимир Александрович — ведущий научный сотрудник автономной некоммерческой организации научно-исследовательского института «Казанский институт евразийских и международных исследований», кандидат технических наук.

Гладкова Анна Александровна — доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

Дружина Наталья Леонидовна — доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

Емельянова Ксения Юрьевна — младший научный сотрудник научно-исследовательской части кафедры русского языка Донецкого государственного университета, аспирант.

Зайцева Ирина Павловна — заведующий кафедрой мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

Звёздова Галина Васильевна — доктор филологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского».

Зиманский Вадим Элдарович — доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

Коваль Владимир Иванович — профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», доктор филологических наук, профессор.

Крадожён-Мазурова Елена Михайловна — доцент кафедры русского языка федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат филологических наук, доцент.

Кураш Сергей Бонифациевич — профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», доктор филологических наук, доцент.

Маслова Валентина Авраамовна — профессор кафедры дошкольного и начального образования учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

Муратова Елена Юрьевна — профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.

Мякшева Ольга Викторовна — профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», доктор филологических наук, доцент.

Никитенко Татьяна Васильевна — заведующий кафедрой теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Николаенко Сергей Владимирович — декан факультета гуманитарного знания и языковых коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор педагогических наук, профессор.

Павленко Александр Евгеньевич — профессор кафедры английского языка Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор филологических наук, доцент.

Повалко Полина Юрьевна — доцент кафедры общего и русского языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», кандидат филологических наук.

Прищепа Максим Михайлович — преподаватель кафедры иностранных языков учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Сенькевич Татьяна Васильевна — декан филологического факультета, доцент кафедры белорусского и русского литературоведения и журналистики учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат филологических наук, доцент.

Слесарева Татьяна Петровна — заведующий кафедрой белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

Смолий Елена Сергеевна — доцент кафедры общего и русского языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», кандидат филологических наук.

Солодовникова Татьяна Владимировна — заведующий кафедрой международной журналистики Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Степанов Дмитрий Анатольевич — аспирант кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Теркулов Вячеслав Исаевич — заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Толкачёва Кристина Юрьевна — преподаватель кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», аспирант.

Турковская Елена Веславовна — доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

Устюжанин Виктор Николаевич — заведующий кафедрой русского языка федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат педагогических наук, профессор.

Шаколо Александр Вячеславович — доцент кафедры мировых языков учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

Шеверинова Ольга Валерьевна — доцент кафедры германской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Azarchenko Galina Yuryevna — lecturer of Department of Germanic Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University, Master of Pedagogical Sciences, researcher in Philological Sciences.

Alimpiyeva Elena Viktorovna — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Philology).

Arshanskaya Ekaterina Evgenievna — 3rd year student of the Faculty of Humanities and Language Communications of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Burov Alexander Arkhipovich — Professor of Department of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education of Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation), Doctor of Philology Professor.

Burova Galina Petrovna — Professor of Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines of Stavropol State Pedagogical Institute (Essentuki Branch), Doctor of Philology, Associate Professor.

Volodina Irina Viktorovna — teacher of Secondary School with Advanced Learning of some Disciplines in the village of Terbuny, Lipetsk Region.

Vorontsov Vladimir Aleksandrovich — PhD in Technical Sciences, Leading Researcher at the Kazan Institute of Eurasian and International Studies.

Gladkova Anna Aleksandrovna — Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology), Associate Professor.

Druzhina Natalya Leonidovna — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Philology).

Yemelyanova Kseniya Yurievna — junior researcher at the Research Department of the Russian Language Department of Donetsk State University, postgraduate student.

Zaitseva Irina Pavlovna — Head of World Languages Department of Vitebsk State P.M. Masherov University, Doctor of Philology, Professor.

Zvezdova Galina Vasilievna — Doctor of Philology, Professor of P.P. Semenov-Tyan-Shansky State Pedagogical University of Lipetsk.

Zimansky Vadim Eldarovich — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian and Russian Philology, PhD (Philology), Assistant Professor.

Koval Vladimir Ivanovich — Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics of Francisk Skorina State University of Gomel, Doctor of Philology, Professor.

Kradozhen-Mazurova Elena Mikhailovna — Associate Professor of the Russian Language Department of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD (Philology), Associate Professor.

Kurash Sergey Bonifatsievich — Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology of “I.P. Shamyakin State Pedagogical University of Mozyr”, Doctor of Philology, Associate Professor.

Maslova Valentina Avraamovna — Professor of the Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr. Sc (Philology), Professor.

Muratova Elena Yuryevna — Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University, Doctor of Philology, Professor.

Myaksheva Olga Viktorovna — Professor of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language of Saratov National Research State University. Doctor of Philology, Associate Professor.

Nikitenka Tatiana Vasilyevna — Head of the Department of Translation Theory and Practice, the Faculty of Social and Cultural Communications of Belarusian State University, PhD in Linguistics, Associate Professor.

Nikolayenko Sergey Vladimirovich — Dean of the Faculty of Humanities and Language Communications of Vitebsk State P.M. Masherov University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Pavlenko Alexander Evgenievich — Professor of the Department of English of A.P. Chekhov Institute of Taganrog (Branch) of Rostov State University of Economics (RINH), Doctor of Philology, Associate Professor.

Povalko Polina Yurievna — Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics at Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, PhD (Philology).

Prishchepa Maxim Mikhailovich — teacher of Vitebsk Order of Badge of Honor State Academy of Veterinary Medicine Department of Foreign Languages, second-year Master student at the Faculty of Humanities and Communications of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Senkevich Tatiana Vasilyevna — Dean of the Faculty of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Literary Studies and Journalism at A.S. Pushkin State University of Brest, PhD (Philology), Associate Professor.

Slesareva Tatyana Petrovna — Head of the Department of Belarusian and Russian Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology), Associate Professor.

Smoliy Elena Sergeevna — Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics at Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, PhD (Philology).

Solodovnikova Tatiana Vladimirovna — Head of Department of International Journalism of Belarusian State University, PhD (Philology), Associate Professor.

Stepanov Dmitri Anatolyevich — postgraduate student at the Department of World Languages of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Terkulov Vyacheslav Isaevich — Head of the Department of Russian Language, of Donetsk State University, Doctor of Philology, Professor.

Tolkacheva Kristina Yuryevna — teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, postgraduate student.

Turkovskaya Elena Veslavovna — Associate Professor of the Department of World Languages at Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor.

Ustiuzhanin Viktor Nikolayevich — Head of the Department of Russian Language Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD (Pedagogical Sciences), Professor.

Shakolo Aleksandr Viacheslavovich — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages, PhD (Philology).

Sheverinova Olga Valeryevna — Associate Professor of the Department of Germanic Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology), Associate Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа — 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка — 0,5 см; поля: сверху — 2,5 см, снизу — 2,5 см, слева — 2 см, справа — 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST)—7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph — 0,5 cm; margins: top — 2,5 cm, bottom — 2,5 cm, left — 2 cm, right — 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *telephone number; e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 42

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 18,56. Тираж 50 экз. Заказ 160.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.